
Comte Alexandre
Strogonoff

СЛАВНЫ БУБНЫ ЗА ГОРАМИ

или

ПУТЕШЕСТВІЕ МОЕ КОЕ-КУДА

1810 ГОДА.

сочиненіе

КНЯЗЯ И. М. ДОЛГОРУКАГО.

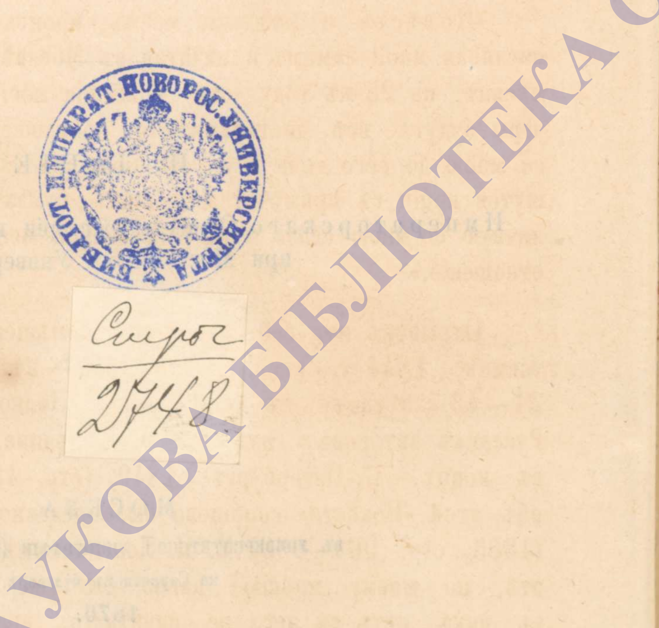
ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1870.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1869 г. кн. 2—3-я.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій, умершій въ Москвѣ 4-го Декабря, 1823 года, почти 60 лѣтъ (р. 7-го Апрѣля, 1764 г.), принадлежалъ къ немногимъ своеобразнымъ нашимъ писателямъ. Но долго онъ былъ извѣстенъ у насъ только своими стихотвореніями; однако, съ нѣкотораго времени узнали, что онъ оставилъ послѣ себя самыя подробныя Записки или Дневникъ. Я ихъ имѣлъ въ рукахъ, благодаря благосклонности дочери его, Антонины Ивановны Новиковой, довольно долгое время, прочелъ все, какъ говорится, отъ доски до доски, прекрасно переписанныя рукой ея, около двухъ тысячъ страницъ (1728 или 432 листа), въ большой листъ, и имѣю съ нихъ списокъ. Онѣ озаглавлены такъ:

«Повѣсть о рожденіи моемъ, происхожденіи и всей жизни, писанная мной самимъ и начатая въ Москвѣ 1778 года, въ Августѣ мѣсяцѣ, на 25-мъ году отъ рожденія моего. Въ книгу сію включены будутъ всѣ достопамятныя произшествія, случившіяся уже со мною до сего года и впредь имѣющія случиться. Здѣсь же впишутся копіи съ примѣчательнѣйшихъ бумахъ, кои будутъ имѣть личную со мною связь и къ собственной моей исторіи уважительное отношеніе.»

Отрывокъ изъ сей «Повѣсти» помѣщенъ былъ въ «Москвитянинѣ, 1844 г., кн. XI, стр. 196—213; 1845, кн. II, стр. 21—43)» а также въ извѣстномъ «Полномъ собраніи сочиненій Русскихъ авторовъ,» изд. А. Ф. Смирдина, именно во 2-й части, въ концѣ. С.-Петербургъ, 1849 (стр. 487—539). Извѣстіе же объ этой «Повѣсти» сообщено было недавно въ «Русскомъ Архивѣ» (1865, стр. 964—968) М. Н. Лонгиновымъ. Драгоцѣнныя Записки этѣ, по моему мнѣнію, давно бы уже пора издать въ свѣтъ; въ нихъ нѣтъ ни чего не печатнаго: времена и люди прошли

своей чередой, и ни что не мѣшаетъ уже явиться имъ въ своемъ видѣ и обстановкѣ.

Кромѣ Записокъ, Князь оставилъ также и другую прозу. О нихъ упоминаетъ М. А. Дмитріевъ, въ своемъ прекрасномъ жизнеописаніи: «Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой и его сочиненія. Изданіе 2-ое, обработанное вновь, исправленное и значительно дополненное (1-ое помѣщено было въ «Москвитянинѣ» 1851 года, кн. III, стр. 265—320, и отдѣльно). Москва, 1863,» но только что упоминаетъ; такъ онъ говоритъ о «Путешествіи въ Одессу и Кіевъ 1810 года» только то, что «оно должно быть очень занимательно и, вѣроятно, и донынѣ сохраняется у дѣтей его» (стр. 97). О «Второмъ путешествіи въ Кіевъ 1817 года» еще короче выражается: «Эта поѣздка описана имъ подъ названіемъ: «Второе путешествіе въ Малороссію,» и по тому въ своихъ Запискахъ онъ говоритъ о ней кратко» (125 — 126). Наконецъ о третьемъ «Путешествіи» и того короче: «Кромѣ стиховъ, комедій, пословицъ, фарсовъ, оставшихся въ рукописи, онъ написалъ еще подробныя Записки о своей жизни, Словарь всѣхъ своихъ знакомыхъ подъ названіемъ: «Капище моего сердца,» гдѣ онъ помѣщалъ ихъ изображенія, или описанія ихъ свойствъ. Потомъ осталось, тоже въ рукописи, его «Путешествіе въ Кіевъ, Одессу, Нижній Новгородъ. Не проходило ни одного дня, чтобъ онъ не писалъ, развѣ когда бывалъ отвлеченъ пріѣздомъ кого ни будь къ нему, или необходимымъ выѣздомъ изъ дому.» Послѣднее путешествіе происходило въ 1813 году и носитъ слѣдующее заглавіе: «Журналъ путешествія Князя Ивана Михайловича Долгорукаго изъ Москвы въ Нижній.» Всѣ сіи Путешествія его были доселѣ вовсе не извѣстны, за исключеніемъ небольшаго отрывка изъ перваго (1810 года), помѣщеннаго Смирдинымъ, кн. 2, стр. 461—484; въ немъ находятся: I. Описаніе Богоявленскаго. II. Херсонъ. III. Ильинское. IV. Очаковъ. Если бы Путешествія этѣ были въ рукахъ жизнеописателя, онъ бы ими, конечно, воспользовался не меньше другихъ его сочиненій, равно какъ и Записокъ, которыя, по его словамъ, дочь Князя, А. И. Новикова, довольная первой статьей его объ ея отцѣ, прислала ему, «для прочтенія и справокъ, полную рукопись Записокъ, которыми біографъ, не смотря на короткое время, воспользовался, сдѣлавъ изъ нихъ нужныя для себя выписки» (Предисловія стр. I—II).

Изъ сихъ прозаическихъ произведеній Князя Ивана Михайловича Долгорукаго Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ имѣетъ нынѣ въ своемъ распоряженіи: «Путешествія» его, которыми и спѣшитъ подѣлиться съ своими читателями. Оно получило ихъ, благодаря посредству Д. Члена своего, Н. В. Сушкова, отъ супруги одного изъ сыновей сочинителя, Князя Дмитрія Ивановича Долгорукаго, Княгини Софьи Никаноровны Долгорукой, опекунши дѣтей покойнаго своего супруга, Княженъ Натальи Дмитріевны, Фрейлины Ея Императорскаго Величества (съ Апрѣля, 1867 г.), и Екатерины Дмитріевны, единственныхъ нынѣ старшихъ представительницъ старѣйшей вѣтви Княжескаго Долгоруковскаго рода, какъ происшедшихъ отъ поколѣнія мужескаго, и по сему владѣтельницъ всѣхъ историческихъ и письменныхъ памятниковъ послѣ Князя Ивана Михайловича. Ибо изъ многихъ дѣтей послѣдняго (отъ первой жены, Евгеніи Сергѣевны Смирновой, воспитанницы Великихъ Княгинъ, Натальи Алексѣевны, Принцессы Дармштадтской, первой супруги Павла Петровича, и Маріи Ѳеодоровны, второй супруги его же, имѣлъ дѣтей 10 человѣкъ) только три сына были женатые: Павелъ, самый старшій (р. 1787 г., Ноября 21, у. 1845, Февраля 8), крестникъ Императора Павла Петровича, женатый на Княгинѣ Елисаветѣ Петровнѣ Голицыной; Александръ (ск. на 76 году отъ рожденія, 7-го Декабря, 1868), два раза женатый: на Колошиной и Баронессѣ Аннѣ Львовнѣ Боде; оба не оставившіе по себѣ потомства; и Дмитрій, младшій изъ всѣхъ, который находился до своей смерти постоянно на Государственной службѣ, никогда не былъ въ отставкѣ, не получалъ ни какихъ особыхъ денежныхъ наградъ и пособій, и не дожилъ лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ до дня юбилея своей 50-лѣтней службы. Родился онъ въ Москвѣ, 10-го Августа, 1797, воспитывался почти исключительно дома; выдержавъ испытаніе на Студента, посѣщалъ Московскій Университетъ, а въ Генварѣ, 1816 г., поступилъ на

службу въ Московское Губернское Правленіе; отправясь въ Петербургъ, находился нѣкоторое время при Д. С. Ланскомъ въ Департаментѣ Государственныхъ Имуществъ, а въ 1819 опредѣленъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Тутъ онъ получилъ первый Офицерскій чинъ въ 1818 г., служа сперва при Графѣ Каподистріи, который отправилъ его къ нашему Посольству въ Царьградъ 1820 г. Дѣйствія тогдашняго нашего Посла, Графа Г. А. Строганова, дяди его, служили ему примѣромъ поступать рѣшительно и смѣло, что онъ и оказалъ въ особенности на Востокѣ; съ этого времени онъ постояно находился въ заграничной службѣ. Изъ Цареграда 1822 посланъ былъ онъ въ Римъ, гдѣ пробылъ по 1826; за тѣмъ переведенъ въ Мадридъ, изъ коего, 1830, въ Лондонъ, а въ концѣ 1831 въ Голландію; тутъ, по отъѣздѣ Графа Гурьева, два года управлялъ въ качествѣ Повѣреннаго въ дѣлахъ, какому мѣсту въ то время придавалось особое значеніе по случаю Голландо-Бельгійскихъ дѣлъ; въ 1838 изъ Гаги перешелъ въ Неаполь, и оставался въ немъ до 1843, а изъ Неаполя поступилъ Совѣтникомъ Посольства въ Царьградъ при В. П. Титовѣ; послѣ же, въ 1845 г., назначенъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ въ Персію, въ коей въ 9-лѣтнее пребываніе оказалъ весьма немаловажныя услуги своему Отечеству. Но смерть первой жены его (Голландки, Марьи Ивановны Дѣсвордъ, отъ коей Княжна Наталья Дмитріевна), скончавшейся, во время лѣченія въ Тифлисѣ, и устройство семейныхъ дѣлъ заставили Князя просить увольненія въ Россію, и онъ, послѣ 36-лѣтняго отсутствія, въ Іюлѣ, 1854 г., оставилъ Персію, при чемъ сдѣланъ Тайнымъ Совѣтникомъ и Сенаторомъ (въ 8 Департаментѣ) въ Москву, и сдѣсь скончался, 18-го Октября, 1867 года. Находясь въ Испаніи, онъ три мѣсяца путешествовалъ по ней съ Вашингтономъ Ирвингомъ, съ которымъ долго потомъ переписывался. Былъ Членомъ Тиберинской, Аркадской, Археологической и Линчейской (Lincio) Академій, а изъ Русскихъ Обществъ: Сотрудникомъ Географическаго, Почетнымъ Кавказскаго Сельскаго Хозяйства, Дѣйствительнымъ Садоводства, Членомъ Совѣта Художественнаго Общества и Дѣйствительнымъ Членомъ при Коммиссіи построенія храма Спасителя въ Москвѣ по

искуственной части, а за два дня до смерти получилъ извѣстіе, что выбранъ въ Почетные Члены Академіи Художествъ; имѣлъ 1-ой степени Станислава и Анны, Персидскій Льва и Солнца, и портретъ Шаха при голубой лентѣ.

Я съ намѣреніемъ нѣсколько распространился о Князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ, такъ какъ отъ его прямыхъ наслѣдниковъ идутъ издаваемыя теперь прозаическія произведенія его славнаго отца, Князя Ивана Михайловича. Поселившись, наконецъ, на родинѣ своей, въ Бѣлокаменной, онъ, какъ «истинный наслѣдникъ отцовскаго ума и дарованій,» по выраженію старшаго изъ своихъ братьевъ, старался собрать все, что только осталось послѣ отца своего, еще не объявленнаго печатью во всеобщее свѣдѣніе, и что онъ, по собственному признанію, въ своемъ небольшомъ жизнеописаніи, самъ нѣкогда переписывалъ на бѣло, чѣмъ изучилъ Русскій языкъ и нечувствительно пристрастился къ литературнымъ занятіямъ. Заботамъ его много благопріятствовала вторая женитьба его. Князь Иванъ Михайловичъ былъ очень друженъ съ Михайломъ Николаевичемъ Зиновьевымъ, женатымъ на Аннѣ Никаноровнѣ Хитрово, родной сестрѣ Никанора Никаноровича, отца Софьи Никаноровны, супруги Князя Дмитрія Ивановича. Съ Михайломъ же Николаевичемъ онъ познакомился и подружился, будучи посаженнымъ отцомъ Екатерины Николаевны Лопухиной, родственницы своей и матери Софьи Никаноровны, по выходѣ ея за Никанора Никаноровича Хитрово. Дочь этого Зиновьева и двоюродная сестра Софьи Никаноровны, Вѣра Михайловна Ѳомина (супруга бывшаго нѣкогда Бобруйскаго Коменданта), узнавъ о поискахъ Князя Дмитрія Ивановича за неизданными сочиненіями его отца, вручила ему (16-го Октября, 1861 г.) какъ всѣ «Письма (съ 30-го Марта, 1816, по 15-ое Октября, 1823 г., въ прекрасномъ переплетѣ. На выходномъ листѣ ихъ означено: «Письма Князя Ивана Михайловича Долгорукаго къ Михайлу Николаевичу Зиновьеву. 1816—1823.» На особомъ листкѣ сказано: «При настоящихъ письмахъ находятся: эскизъ съ портрета Князя Ивана Михайловича, писанный знаменитымъ Англійскимъ художникомъ «Sir David Wilkie» (Стихи М. А. Дмитріева въ память «Пѣвцу Камина»), и слѣдующія рукописныя стихотворенія Князя Ивана Михайло-

вича: 1-ое, Въ деревнѣ жить!... письмо 21. 2-ое, Фанатикъ... 27. 3-ье, Чистый Понедѣльникъ... 59. 4-ое, Взглядъ старца на заходящее солнце 64) Князя Ивана Михайловича къ ея отцу, Михайлу Николаевичу Зиновьеву,» числомъ 72, весьма замѣчательныя во многихъ отношеніяхъ, такъ равно цѣлыхъ 5-ть книгъ «Путешествій», доставшихся ей послѣ ея отца. Съ Зиновьевыми, стало быть, Князь Иванъ Михайловичъ находился и въ родственной связи по Хитровымъ и Лопухинымъ; въ семействѣ же послѣднихъ, по словамъ его (въ «Капищѣ сердца»), онъ былъ искренно любимъ. О знакомствѣ съ Зиновьевымъ онъ отмѣтилъ (тамъ же) слѣдующее: «Михаилъ Николаевичъ Зиновьевъ. Стихи меня съ нимъ познакомили и сдѣлали насъ хорошими пріятелями подъ старость. Онъ ведетъ со мной дружескую переписку. Живучи всегда въ Орловской своей деревнѣ, мало имѣетъ случаевъ со мной лично видѣться; тѣмъ занимательнѣе наши сношенія. Онъ такъ меня любитъ, что безъ восторга говорить о произведеніяхъ моихъ не можетъ. Недавно онъ, переводя осьмую сатиру Буало, поручилъ ее моему разсмотрѣнію, и потомъ, напечатавъ оную, посвятилъ мнѣ съ привѣтствіемъ въ стихахъ (Москва. Въ типографіи Семена, 1822 г., въ 4 д. л.). Я также часто къ нему писывалъ деревенскія посланія, изъ коихъ можно видѣть степень нашей взаимной короткости. Богъ знаетъ, долго ли протянется новое мое отношеніе; но поелику оно началось уже за 50 лѣтъ моей жизни, то, вѣроятно, не подвергнется измѣненіямъ слѣпаго случая, тѣмъ болѣе, что и онъ не много отсталъ отъ меня годами.»

Нѣтъ ни чего по тому удивительнаго, что Зиновьевъ озаботился получить списокъ произведеній своего, высоко имъ цѣнимаго и любимаго, друга, а послѣдній, отвѣчая ему равнымъ же, не отказалъ въ желаніи. Разумѣется, списокъ этотъ долженъ быть самый надежный; судя же по письму, вездѣ четкому, и выправленъ старательно въ сомнительныхъ мѣстахъ. Всѣ пять книгъ, въ обыкновенный листъ (кромѣ «Втораго путешествія въ Кіевъ,» которое въ большой), на плотной бумагѣ: кѣмъ писаны, не означено, но не однимъ писцомъ: впрочемъ, первыя двѣ книги «1-го путешествія» принадлежатъ одному перу, третья другому и гораздо размашистѣе; четвертая, содержащая «Путешествіе въ Нижній,» писана по линѣйкамъ, съ рамками, и

въ концѣ ея сказано: «Сіе путешествіе списывалъ Михайло Николаевичъ Щукинъ въ 1828-й и 1829-й годахъ.» Пятая же книга: «2-е путешествіе въ Кіевъ, въ 1817 году,» принадлежитъ еще иному перу. Какъ на этомъ путешествіи, такъ и на прочихъ, на оборотѣ выходнаго (заглавнаго) листа, въ самомъ верху, находится надпись, сдѣланная Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ: «Экземпляръ Князя Дмитрія Ивановича Долгорукаго. Подаренъ ему Вѣрой Михайловной Фоминой, рожденной Зиновьевой, въ 1861 году.» На всѣхъ же пяти книгахъ, внутри 1-й переплетной доски, по середкѣ, приклеенъ, на бѣлой бумажкѣ, печатный гербъ Долгорукихъ, съ надписью вокругъ него церковными буквами: «**Кнѧзь Дмитрїй Ивановичь Долгорѹкой,**» а на выходномъ листѣ «2-го путешествія въ Кіевъ,» въ слѣдъ за его заглавіемъ: «Путешествіе въ Кіевъ въ 1817 году,» приписано имъ же: «Сочиненіе Князя Ив. Михайловича Долгорукаго.» Первыя три книги содержатъ: «Путешествіе въ Одессу и Кіевъ 1810 года,» четвертая: «Путешествіе въ Нижній 1813 г.,» а пятая: «Путешествіе въ Кіевъ въ 1817 году.» «Въ одномъ экземплярѣ «1-го путешествія,» впрочемъ, неполномъ (именно, описывающемъ пребываніе въ Кіевѣ до отъѣзда изъ него), бывшемъ у меня нѣсколько лѣтъ тому назадъ и принадлежащемъ М. Д. Х—ву, есть глава, которой не находится въ спискѣ Зиновьевскомъ: въ ней содержится слово неудобо сказаемое во всеуслышаніе, и по тому, полагаю, выпущенное въ послѣдствіи самимъ ли сочинителемъ, или же его другомъ; встрѣчаются, кромѣ того, еще два, три, мѣста въ этомъ путешествіи, коихъ въ спискѣ Зиновьева нѣтъ; и по тому, издавая его по этому списку, я не имѣлъ права привносить въ оный со стороны ни чего такого, что ему противорѣчитъ, тѣмъ болѣе, что и этѣ мѣста одного и того же разбора съ упомянутой выше главою. Relata refero in acta.

О. Бодянскій.

Москва.
28 Іюня, 1869 г.

———

СЛАВНЫ БУБНЫ ЗА ГОРАМИ

или

ПУТЕШЕСТВІЕ МОЕ КОЕКУДА 1810 ГОДА.

ГЛАВА I.

Выѣздъ изъ Москвы.

Уѣхалъ бы въ Парижъ, по тому что люблю шумъ, гамъ, театръ, роскошь, и прочее, и прочее; а гдѣ всего этого болѣе, какъ не во Франціи? Но у кого нѣтъ ни вотчинъ, ни денегъ, тотъ живетъ, какъ Богъ велитъ. Мнѣ вздумалось проѣхаться: все дома, да дома, наскучитъ и мудрецу. Общая молва, журналы, вѣдомости мнѣ вскружили воображеніе. Я рѣшился, и поѣхалъ съ женою и съ четырьмя домашними товарищами въ Одессу.

Выѣхали мы очень поздно изъ Москвы, 10-го Іюня. На силу добились лошадей. Всѣ наши спутники и слуги отстали. Я, съ женой, въ открытой коляскѣ помчался, перекрестясь, и за заставой, какъ новый Хоревъ, обратясь къ Москвѣ, сказалъ:

Тебя ли, родина, забуду,
Москва, мой отчій домъ, мой рай?
Доколѣ жить на свѣтѣ буду,
Москва, ты мой избранный край!

Однако, чего не дѣлаетъ фантазія! Ѣду безъ нужды, безъ цѣли, только чтобъ ѣхать. Охота пуще неволи. Дожди проливные испортили всю дорогу; грунтъ до Серпухова глиняной. Грязь по колѣно; путь гористой и тяжелой. А по ночамъ не ѣзжу.

У всякаго свой вкусъ; меня такъ никогда
Ночной порою путь отнюдь не забавляетъ.

Достигли мы до подмосковной Князя Трубецкаго. Тутъ разсудили дождаться своихъ и коекакъ переночевать. Поварня наша услана была впередъ, въ Подольскъ. Худое приключеніе для аппетита. Съ какой радостью, вошедши въ избу, узналъ я, что помѣщикъ этого селенія, не далеко отъ него живущій, тотъ самый Князь Трубецкой, у котораго я игрывалъ на театрѣ; что эта деревня та самая, въ который бывали разныя лѣтнія увеселенія! Я послалъ ему объ насъ сказать; онъ выслалъ хлѣбъ-соль, хорошій ужинъ, добрую бутылку вина, мягкую постелю. Какое для странниковъ благодѣяніе! Между тѣмъ догнали насъ и наши. Мы отъужинали, и очень крѣпко уснули.

Подмосковная—прекрасная. Выѣхавши изъ нея, я оставилъ хозяину записочку:

Спасибо, милой Князь, тебѣ за угощенье,
За хлѣбъ-соль, за постель—сокровище въ пути!
Моложе сдѣсь дѣлилъ твое увеселенье,
Подъ старость здѣсь же Богъ привелъ ночлегъ найти.

По утру мы проскакали Подольскъ. Городокъ изрядной, расположенъ хорошо, разбитъ на двѣ части; рѣка Пахра ихъ раздѣляетъ, воды въ ней много. Бѣлаго известковаго камня въ городѣ пропасть; всѣ домы на фундаментахъ и у многихъ крыльцы изъ него сдѣланы. Здѣсь нашелъ я нашихъ Володимерскихъ каменьщиковъ, и очень имъ обрадовался. Дѣйствіе привычки! Одинъ изъ нихъ на вопросъ: «Кто у нихъ Исправникъ?» отвѣчалъ: «Не знаю; мнѣ до него никогда дѣла нѣтъ.» Счастливый поселянинъ! Онъ не знаетъ Исправника. Въ избѣ, гдѣ мы, въ 9 часовъ утра, съѣли ужинъ, который насъ ждалъ на канунѣ, мы полюбовались на разныя картины и надписи, на примѣръ: Кесарь изображенъ въ латахъ и надъ нимъ:

Прохожій! стань во фрунтъ, скинь шляпу
И читай:
Я грамотѣ не зналъ за недосугомъ.
На право кругомъ—
Ступай!

И въ Подольскѣ есть свои затѣйники. Городъ подмосковный.

Дорога Серпуховская мучительна въ ненастье. Каждой часъ поливалъ насъ дождь и холодный вѣтеръ продувалъ до костей. Горы, недомостки, грязь—все бѣсило. Первый опытъ добровольнаго странствованія! Озимь около Москвы покрывала поля, какъ бархатъ, и обѣщала плодоносную осень.

Мы встрѣчали большіе гурты рогатаго скота. Это все, думалъ я, boeuf-steks для столичныхъ Лукулловъ. Часто намъ попадались разнощики съ шелковыми товарами. Все ѣдетъ въ Москву: туда имъ и дорога! Гдѣ же быть роскоши и красотѣ, какъ не тамъ? Мы объѣхали нѣсколько кибитокъ, наполненныхъ Донскими Казаками: они изъ Петербурга ползли на родину,—иные въ отпускъ, иные въ отставку. Нѣкоторые изъ нихъ переплели между кузова и колеснаго стана версаки, и на нихъ, какъ въ зыбкѣ, качались: у всякаго своя роскошь! Съ ними въ одномъ обозѣ везли деревья въ кадкахъ и птицъ въ клѣткахъ. Видно, что между ими были свои Бюффоны и Линнеи.

Живописныхъ видовъ на этомъ пути около Москвы я не примѣтилъ. По сторонамъ встрѣчаются хорошія селы, большіе барскіе домы съ садами. Впрочемъ, крестьянское строеніе очень мелко и бѣдно; избы одножилыя, большею частію крытыя соломой. Причина наружи—лѣсу нѣтъ.

Мы обѣдали въ селеніи, называемомъ Лопасня, за крестьянскимъ столомъ, сидя на лавкахъ, на открытомъ воздухѣ. Тутъ была мірская сходка. Я подошелъ къ толпѣ. Одинъ мужикъ кричалъ другому: «Для меня міръ важнѣе барина!» Слава Богу! И мужики входятъ во вкусъ политической свободы.

ГЛАВА II.

Серпуховъ.

Мы пріѣхали сюда довольно рано; можно было еще ходить смотрѣть, записывать.

Съ Московской стороны городъ некрасивъ: онъ сидитъ въ долу, но довольно обширенъ. Взглянемъ сперва вдругъ. Мостовыя всѣ изъ бѣлаго камня: причина уже извѣстна; домовъ каменныхъ много; лабазовъ и лавокъ довольно; церквей не мало. Я нашелъ здѣсь стараго знакомца и подчиненнаго. Г-нъ К. всегда любилъ дисциплину. Онъ меня принялъ ласково, угостилъ дружелюбно, и далъ ночевать въ своемъ домѣ. Управляя почтою, онъ самый интересный обыватель для путешествующихъ. Водилъ меня охотно вездѣ, не смотря на подагру, и хвасталъ всѣмъ тѣмъ, что и безъ дальнихъ похвалъ нравилось.

Прежде всего взошли мы на развалины старинной крѣпости: ее строилъ Царь Иванъ Васильевичь. Подивитесь, что есть еще какой ни будь ея остатокъ! Сколько ни старались въ ближайшихъ годахъ ее разорить, для того, думаю, чтобъ матеріялами ея воздвигнуть новое зданіе, которое также опять внуки наши примутъ въ ломы, все еще руины ся и до сихъ поръ безподобны. Я до изумленія плѣнялся той стороной стѣны, которая выпуклостію своею образуетъ прекраснѣйшій Римскій портикъ. Эстампъ рѣдкой! Взоръ оттуда на рѣку; наружность удвоиваетъ прелесть мѣста. Я поднимался на самую стѣну, и все мнѣ вокругъ нравилось. Я увѣренъ, что если бы живописецъ раскрасилъ этотъ ландшафтъ на холстѣ и сталъ продавать за Итальянской видъ свою картину, всѣ бы дорогой цѣной ее купили, лучшія комнаты домовъ ею убрали и гостямъ бы стали съ восхищеніемъ показывать. Но это руина въ Серпуховѣ, и изъ тысячи человѣкъ, кои туда пріѣзжали для прогулки, какъ я, можетъ быть, два, или три, глаза на нее бросили. Странное предубѣжденіе: свое всегда постыло. Я желаю, чтобъ этѣ ветхія стѣны простояли еще сто лѣтъ: и тогда любопытный станетъ еще на нихъ глядѣть съ

удивленіемъ, а нашихъ нынѣшнихъ зданій едва отыщется въ такое время и мѣсто, гдѣ они были, не только обломки. Я, сошедши внизъ, разъ пять оборачивался къ крѣпости, снова глядѣлъ на нее, все дивился и невольно про себя ворчалъ: «Прекрасно! Прекрасно!» Что пріятнѣе чувства восхищенія? Оно-то и жизнь.

Зашелъ въ соборъ. Говорятъ, и даже пишутъ, будто онъ строенъ лѣтъ за пять сотъ тому назадъ: не вѣрю! Ни малѣйшаго нѣтъ доказательства сей истины; или печать древности во время возобновленія храма такъ изгладилась въ нынѣшнихъ выдумкахъ архитектуры, что разглядѣть ее ни на одномъ камнѣ нельзя. При насъ пѣли всенощную, которую слушали пять, шесть, старушекъ. Я имъ пожелалъ добраго сна.

Корпусъ Присутственныхъ Мѣстъ каменной въ три этажа; по наружности судя, очень хорошъ и умѣстителенъ для судей, а для суда и правды довольно хижины съ добрымъ сердцемъ.

Училище расположено въ хорошемъ каменномъ домѣ. Естьли ученіе похоже на фасадъ, то не жаль Государевыхъ денегъ. Противъ нашей квартиры трактиръ наполненъ былъ, какъ и вездѣ, гуляками: и праздность имѣетъ свои прелести. Тутъ органы до ночи не переставали заводиться, и мы подъ звуками ихъ очень сладко заснули.

12 числа отправились съ утра въ Тулу. На выѣздѣ изъ Серпухова есть мужской монастырь. Мѣстоположеніе отмѣнное! За лѣсомъ является женскій монастырь, и видъ на городъ со всѣхъ сторонъ заманчивъ. Церковь примѣчанія особеннаго не заслуживаетъ. Въ монастырѣ хоронится родъ Головкиныхъ. На ракѣ одного изъ древнихъ Настоятелей, по имени Аѳанасія Высоцкаго, который подъ спудомъ, изображенъ онъ самъ въ позолоченномъ вѣнцѣ, какъ водится вокругъ ликовъ Святыхъ, хотя его въ числѣ ихъ Церковь не полагаетъ. Внѣ церкви на монастырскомъ дворѣ погребенъ М. Ѳ. Соймоновъ. Тѣло его спрятано подъ чугунной доской съ простою надписью. Какое смиреніе для вельможи!

Съ версту отъ города за лѣсомъ течетъ Ока. Но какъ ее сравнить съ ней самой въ Муромѣ! Берега ея отлоги; пространствомъ уже и водою сто разъ бѣднѣе. По ту сторону рѣки Серпуховъ совершенно плѣняетъ. Взгляните на него отсюда, и не стыдитесь сказать, что и Серпуховъ хорошъ. Настоящій театръ! Городъ въ отдаленной впадинѣ; весь въ кучѣ; отъ него по обѣ стороны, какъ кулисы, оберегаютъ его двѣ рощицы. Изъ нихъ выдаются къ берегу на одну сторону башни женской обители, на другую ограда мужской, и сіе зрѣлище довершаютъ разныя крестьянскія слободки, облегающія монастыри. Какъ смотрѣть безъ удовольствія на такое согласіе искуства съ натурой! Сквозь всей этой картины кидается въ глаза крѣпость. Я отыскалъ тутъ точку привлеченія моего любопытнаго взора. Взглянулъ, прощаясь съ городомъ, на достопамятныя ея развалины, и такъ ихъ привѣтствовалъ:

Свидѣтели побѣдъ Великаго Царя,
Съ восторгомъ вижу васъ, руины той ограды,
Съ которыхъ не смогли Татарскихъ силъ громады,
Движеніе вѣковъ, ниже стихіевъ пря!
Достигли вы до насъ, и мы, гигантовъ племя,
Привыкшіе во прахъ колосы превращать,
Дерзнули было съ васъ печать временъ сорвать;
Но намъ ли сокрушить, что чтитъ и само время?
Въ развалинахъ своихъ еще премного лѣтъ
Прославитъ замокъ сей десницу Іоанна:
Тамъ зиждется хвала того вождя избранна,
Которымъ изумить судили боги свѣтъ!

ГЛАВА III.

Тула, оружейный заводъ.

Долго не терялся изъ виду Серпуховъ. Потомъ до самой Тулы ни чего для взора пріятнаго: мѣста степныя, лѣсу мало, изрѣдка рощи; жилья крестьянскія тѣсны, низки, бѣдны. Въ нашихъ мѣстахъ заборникъ лучше и крупнѣе! Грунтъ земли ило-

ватый съ пескомъ, иногда глинистый; черноземy мало. Во всякомъ селеніи увидите ветлу:—вывѣска безлѣсныхъ странъ! Снисходительное дерево, которое вездѣ примется. Камень бѣлой до самой Тулы съ вами не растается. Лошади почтовыя сыты и бѣгутъ скоро.

Мы обѣдали въ Заводѣ. Такъ называется селеніе, принадлежавшее Д. Л. Нарышкину. Тутъ жили ружейники; казна ихъ купила и перевезла въ городъ. Здѣсь пріятно взглянуть на опыты Россійской живописи; ни какой натуралистъ не отыщетъ такого цвѣта птицъ, какихъ мы тутъ видѣли. Кабинетъ чучелъ извѣстнаго въ свое время въ Москвѣ К. О. не пестрѣе той комнаты, гдѣ мы остановились. Меня забавляли очень надписи — обыкновенныя проказы путешественниковъ. Гдѣ они стѣнъ не мараютъ? На одной нашелъ ихъ до 20-ти и внизу слѣдующую, которая мнѣ очень полюбилась: «Изъ всего выше писаннаго заключить должно, что по этому пути мало умныхъ людей ѣздитъ.» По надписямъ судя—правильное примѣчаніе! Я хохоталъ надъ ней вплоть до Тулы. Горы отъ Серпухова хотя изрѣдка, но продолжаются; источниковъ мало, а въ жаркое время долго не видать воды тяжело!

Наконецъ мы въ Тулѣ. Посмотримъ! Для этого мы здѣсь пробыли почти два дни, жили въ трактирѣ, естьли можно назвать жизнью только ночлегъ; впрочемъ, я все шатался. Здѣсь также все дорого, какъ и въ Москвѣ. Общая участь городовъ, окружающихъ столицу. Ненастливая погода отнимала у насъ половину того удовольствія, которое даетъ любопытство.

Городъ самъ по себѣ великъ, но удвоивается еще соединенной съ нимъ оружейной слободой. Множество каменныхъ домовъ и тамъ и тутъ даютъ городу видъ великолѣпный. Тула вымощена вся бѣлымъ камнемъ; тамъ дикаго нѣтъ. Улицы правильны; есть между ими, подобно большимъ городамъ, переулки и перекрестки. Довольно для общаго взгляда!

Первый предметъ любопытства въ Тулѣ—оружейный заводъ. Кто объ немъ не знаетъ и не слыхалъ? Но такъ какъ на всякую

вещь можно смотрѣть съ разныхъ сторонъ и не съ одинаковымъ объ ней разсужденіемъ, то и мнѣ позволятъ сообщить здѣсь мои примѣчанія. Они будутъ очень поверхностны и недостаточны; ибо я могъ только теоретическое получить объ немъ понятіе: заводъ въ то время былъ безъ дѣйствія отъ недостатка воды, на немъ работъ не производилось. Итакъ я много слушалъ и слышалъ, а ни чего практически не видалъ. Отважимся, однако, что ни будь сказать. Мнѣ никогда не пришло бы на мысль, что заводъ такой, какъ нашъ въ Тулѣ, можетъ быть въ такомъ упадкѣ со стороны его помѣщенія. Вся фабрика изъ дерева и подвержена всѣмъ бѣдствіямъ огня тамъ, гдѣ кирпичное строеніе не дороже деревяннаго; ибо лѣсу нѣтъ. Правда, что кирпичъ дѣлается мелкой, въ половину противъ нашего, и тотъ продается уже рублей по семи тысяча: при всемъ томъ государственное такое заведеніе, котораго польза предполагается быть почти неограченной, не стоитъ ли важныхъ пожертвованій, для цѣлости и благонадежности своей?

Я сказалъ уже, что ни какихъ машинъ я не видалъ въ дѣйствіи: воды нѣтъ. Для накопленія ея въ рѣкѣ Упѣ, которая протекаетъ сквозь Тулу и въ которой, подобно какъ и вездѣ, даже въ Балтійскомъ морѣ, примѣчено изслѣдователями физическихъ чудесъ, что вода упадаетъ, сдѣланы ворота и шлюзы изъ бѣлаго же камня. Польза тутъ соединена съ прихотью, также имѣющей разумную цѣль; ибо и удовольствіе общества должно почитать важной пружиной въ политическомъ управленіи. Я хочу сказать, что здѣсь дѣлается набережная и для прогулки булеваръ. Москва всѣмъ городамъ примѣръ! Общій телеграфъ! Что видятъ въ ней, то перенять хотятъ вездѣ, кстати и не кстати; а Москва, также въ свою очередь, глядитъ на градъ Петровъ. Всѣми этими работами управляетъ военный чиновникъ Г. В., человѣкъ, какъ изъ разговоровъ его мнѣ показалось, хорошій, честный, знающій свое дѣло, горячій къ своему Отечеству; чего больше? Онъ меня водилъ вездѣ и съ крайнимъ снисхожденіемъ удовлетворялъ моимъ распросамъ.

Вошедши въ арсеналъ, я далъ полную свободу моему восторгу. Я видѣлъ, я хваталъ, то самое ружье, которое отдѣлывала

Екатерина, идучи въ Херсонъ гремѣть новой славой во вселенной. На немъ эпоха сія, для Тулы знаменитая, насѣчена золотыми буквами. Цѣлъ молотокъ, коимъ десница ея дала послѣдніе удары не обработанному еще да нея ружью. Цѣло то блюдо, на которомъ онъ поднесенъ былъ ей. Пусть не Екатеринѣ точно принадлежитъ отдѣлка этого ружья: она его прикоснулась — довольно! Я взглянулъ на него, задрожалъ, заплакалъ и прильнулъ къ нему. О! Екатерина! Ты уже не чувствуешь похвалъ! Тѣмъ онѣ справедливѣе. Я радъ, когда имѣю случай въ полной голосъ сказать, что я чту память твою. Не ты ли возвеличила судьбу мою? Не ты ли судила меня быть достойнымъ служить твоему престолу? Многіе должны многимъ Отечеству: я, я всѣмъ долженъ одной тебѣ.

Комната въ арсеналѣ, гдѣ показывается означенная рѣдкость, убрана приличнѣйшимъ ей образомъ: въ срединѣ бюстъ Екатерины окруженъ военными трофеями; въ большой пирамидальной колоннѣ хранятся: ружье, молотокъ и блюдо, о коемъ говорено выше; по стѣнамъ, въ углахъ и вездѣ, разставлены разнородныя орудія; карнизъ верхній весь обнизанъ цѣпью маленькихъ пистолетовъ. Тутъ отъ самой большой пушки до малѣйшаго кортика все употреблено на убранство комнаты. Нѣтъ орудія, котораго бы вы тутъ не нашли, разумѣется, Русскаго. Но, слава Богу! наука драться такъ вразумительна стала всѣмъ народамъ и въ практикѣ и въ теоріи, что всѣ огнестрѣльныя орудія сдѣлались общими. По крайней мѣрѣ и это здѣсь увеличиваетъ цѣну мѣста: все что вы такого найдете, сдѣлано въ Тулѣ.

Оружейная слобода управляется мѣстомъ, особеннымъ отъ Губернскихъ повсемѣстныхъ статовъ. Его зовутъ оружейнымъ Правленіемъ. Предсѣдательствующій — главный начальникъ заводовъ. Правленіе имѣетъ подъ собой изрядную Палату, гдѣ сидятъ члены изъ сословія мастеровыхъ, и Нижній Словесный Судъ. Во всѣхъ Присутствіяхъ внутренній уборъ покоевъ отвѣчаетъ достоинству мѣста. Я о семъ упоминаю по тому, что не всѣ Ѳемидины дворцы такимъ пригожествомъ похвастать могутъ.

Въ Разрядной Палатѣ хранится золотой ковшъ, вѣсомъ въ три фунта, съ надписью прекрасной работы: онъ жалованъ ны-

нѣшнимъ Государемъ оружейной слободѣ, скоро послѣ коронаціи.

Покои Управляющаго прекрасно отдѣланы предмѣстникомъ его, съ роскошью и со вкусомъ. Прелестей много, а покою нѣтъ. Общая участь всѣхъ живущихъ въ казенныхъ домахъ, при зданіи коихъ единственно думаютъ о величавыхъ фасадахъ и обширныхъ залахъ, а хозяинъ пусть живетъ, какъ знаетъ!

При оружейномъ томъ же заводѣ учреждена лавка, изъ которой продаются разные геодезическіе и математическіе инструменты вольной цѣной. Заведеніемъ симъ обязана Тула Михайлу Никитичу Кречетникову: * онъ вызвалъ мастера Нѣмца, который ее устроилъ, открылъ, и онъ же донынѣ ею правитъ. 26 лѣтъ трудится надъ желѣзомъ и дѣлаетъ все, отъ астролябіи до компаса. Незабавный промыслъ! Онъ обучаетъ ему до 16-ти человѣкъ изъ дѣтей оружейничьихъ. Странно, что такое полезное заведеніе, какъ слышалъ я, не имѣетъ ни стату, ни основательнаго положенія! Оно содержится на счетъ разныхъ экономическихъ крохъ, существуетъ по произволу начальника завода и, слѣдовательно, зависитъ отъ доброй, или худой, воли каждаго, вступающаго въ сіе званіе.

Оружейники пользуются хорошимъ состояніемъ: есть изъ нихъ капиталисты; почти у всѣхъ каменные, а у иныхъ даже и красивые, домы. Одинъ изъ мастеровъ, по имени Мансуровъ, отдѣлалъ стальной уборной столъ съ приборомъ. Онъ подносилъ его Государынѣ Императрицѣ, Елисаветѣ Алексѣевнѣ, и награжденъ за рукодѣлье, а вещь осталась у него, съ дозволеніемъ продать ее въ свою пользу. Я былъ у него и любовался на эту

* Генералъ-Губернатору Калужскому, Тульскому и Рязанскому, съ 1776 по 1791 годъ. Подробныя свѣдѣнія о немъ см. въ моемъ предисловіи къ его «Журналу реляцій Ея Императорскому Величеству въ 1782—1787 г.» и «Дневнымъ Запискамъ о движеніи и дѣйствіяхъ войска въ Литвѣ 1792 г.,» помѣщеннымъ въ IV-й книгѣ «Чтеній въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» 1863 года, отд. II, стр. I—XIII. О. Б.

работу. Думаю, что нигдѣ лучше образовать стали и желѣза въ подобномъ предметѣ нельзя, какъ она выдѣлана тутъ. Я ни чего превосходнѣе не видалъ; но это я, а наши Англоманы едва захотятъ ли и взглянуть. То ли дѣло, скажутъ, въ Лондонѣ! Здѣсь мастерски отработываютъ всякую желѣзную подѣлку, особливо печати. Какихъ надписей не найдете вы на нихъ? Я цѣлое утро ими занимался, и попадались очень замысловатыя: есть острыя, разсудительныя, глупыя, проказливыя, словомъ—магазинъ девизовъ. Художникъ одинъ приносилъ ко мнѣ на хвастовство пару маленькихъ пистолетовъ, вѣсомъ въ три золотника. Видали ли что ни будь этого мелче? Онъ просилъ за нихъ 150 руб. Не для меня покупка: похвалилъ и отдалъ назадъ. Видно, и многія то же дѣлали до меня; иначе мнѣ бы объ нихъ не писать.

ГЛАВА IV.

Разныя заведенія.

Здѣсь есть Училище Военное, называющееся Александровскимъ: оно подъ особеннымъ покровительствомъ Монарха, но зависитъ, на ряду съ прочими общими богоугодными заведеніями, отъ Приказа Общественнаго Призрѣнія. Государь на содержаніе его жалуетъ 6000 руб. деньгами въ годъ и по 10,000 пудъ желѣза. Сверхъ того Дворянство споспѣшествуетъ ему своими пожертвованіями. Учениковъ человѣкъ до 50-ти, все Дворяне Тульскіе и ходятъ въ присвоенной имъ военной одеждѣ. Воспитанникъ стоитъ Приказу до 200 руб. Учителей особыхъ они не имѣютъ, а уроки даютъ имъ Гимназическіе. Надзирателемъ за ними иностранный Профессоръ, человѣкъ пожилой и, кажется, не очень замысловатый. Закону учитъ Священникъ, разумѣется, Богословъ; носитъ уже крестъ на персяхъ: но первый взглядъ не въ его пользу, а разсуждать съ нимъ долго я не имѣлъ времени; острота, какъ пламя: ее тотчасъ примѣтишь. Огонь свѣтитъ и отъ простой свѣчки, но близко подойти надобно, чтобъ озариться ея свѣтомъ. Ученики живутъ тѣсно; еще домъ, для нихъ назначен-

ный, не готовъ. Библіотеки нѣтъ; по крайней мѣрѣ я не могу назвать ею шкафъ, въ которомъ сотъ до двухъ азбукъ, грамматикъ и подобныхъ имъ учебныхъ книгъ. Машина воздушная и электрическая готовы и ждутъ только опытныхъ рукъ, а физическаго класса еще нѣтъ. Для обученія молодыхъ людей верховой ѣздѣ устроенъ манежъ. Въ особомъ каменномъ строеніи содержится малолѣтныхъ до 80-ти человѣкъ: оно называется Воспитательнымъ Домомъ; только расположено тѣсно, а для здоровья первая выгода—воздухъ и просторъ. Къ смотрѣнію за ними приставленъ солдатъ отставной и надзирательница: первому дается 100, второй 90 руб. Я спрашиваю, можно ли по нынѣшней цѣнѣ деньгамъ за такую малую плату ожидать того неусыпнаго попеченія, безъ котораго первый человѣческій возрастъ обойтися ни какъ не можетъ? Дѣти сіи, достигши 6-ти лѣтъ, отсылаются въ Москву въ большой Воспитательный Домъ.

Публичная Больница на иждивеніи Приказа. Хворые содержатся въ ней довольно хорошо: они ни чѣмъ не нуждаются; всякой у своей кровати имѣетъ столъ и нужную ручную посуду; воздухъ мѣняется ежечасно верхними отдушниками; при всемъ томъ жаль, что всякаго рода недужные лѣчатся и лежатъ вмѣстѣ съ самыми даже прилипчивыми и гнилыми болѣзнями. Недостатокъ мѣста и способовъ—тому главная причина. Хочется имѣть все, а средства ограничены. Всѣ наши подобныя учрежденія такъ еще новы, что ихъ можно назвать образчикомъ только филантропіи. Подъ одной крышкой 4 номера для безумныхъ; они не пусты. Я не знаю ни чего жалчѣе безумія кроткаго. Мятежное изступленіе ума, что мы зовемъ бѣшенствомъ, тяжело для взора, но не жалко. Нѣсколько инвалидовъ доживаютъ вѣкъ свой въ прикосновенномъ флигелѣ и благодарятъ Бога: сыты, одѣты, тепло: вотъ богатство старости! При входѣ на дверяхъ нарисованъ солдатъ съ ружьемъ. Одинъ изъ нихъ мнѣ сказалъ: «Это былъ мой портретъ: онъ очень похожъ!»—«Вѣрно, отвѣчалъ я, также былъ храбръ и ты, какъ онъ изображенъ.» Старикъ улыбнулся; привѣтствіе мое ему полюбилось. Онъ, конечно, аппетитно поужиналъ. На кого самолюбіе не дѣйствуетъ? Все это очень хорошо: но какая разница между здѣшнимъ инвалиднымъ домишкомъ и Владимирскимъ? Тамъ дворецъ для солдатъ.

За заставой по Кіевской дорогѣ выстроенъ купечествомъ Домъ для неизлѣчимыхъ: такъ его зовутъ; но приличнѣе бы было его назвать просто богадѣльнею. Какъ же не погоняться за отборнымъ названіемъ! Сходно ли оно съ вещію, или нѣтъ, до того какое дѣло! Тутъ ни одного нѣтъ не излѣчимаго, а собрана смѣсь всякаго рода и пола людей, очень излѣчимыхъ и даже здоровыхъ, но старыхъ и ни въ какое употребленіе негодныхъ. Всѣ они хорошо содержатся. Я видѣлъ старика въ этой компаніи 105 лѣтъ: онъ помнитъ подымовную перепись. Любопытный человѣкъ! Загадка для медиковъ! Кромѣ ногъ, кои часто ему измѣняютъ, всѣмъ бодръ и крѣпокъ; всѣ чувства еще у него сохранились; онъ ѣстъ и спитъ прекрасно. Хотя онъ, попавши изъ купцовъ въ солдаты, слѣдовательно, изъ роскоши въ нужду, конечно, вытерпѣлъ много всякаго безпокойства и изнуренія, и при томъ велъ жизнь невоздержную, однако онъ еще теперь здоровѣе многихъ молодыхъ людей, коимъ аптека посылаетъ всякой день свой кувертъ.

По общей молвѣ, здѣсь очень славится тюрьма, построенная во время М. Н. Кречетникова. Я любопытствовалъ ее видѣть—и нашелъ весьма обыкновенной. Вся ея выгода преимущественная предъ многими другими городами есть та, что она обнесена каменной стѣной, или, что называется обыкновенно, острогомъ. Время его разрушило почти совершенно: цѣлыя стѣнки деревянныя введены уже въ эту ограду, которая близка со всѣхъ сторонъ къ разрушенію; но преступники могутъ, по крайней мѣрѣ, выходить вонъ изъ избы, дышать свѣжимъ воздухомъ, безъ страха для стражи, чтобъ кто либо изъ нихъ ушелъ. Вотъ существенное благотвореніе для заключенныхъ! Кому не нуженъ, кому не сладостенъ, воздухъ и видъ небесъ? Не вездѣ пользуются узники симъ наслажденіемъ. Но чего не могли сдѣлать къ общей пользѣ въ свое время Господа Генералъ-Губернаторы? Была бы добрая воля: средства у нихъ были на все подъ руками.

Присутственныя Мѣста помѣщаются въ двухъ большихъ корпусахъ. Старое каменное строеніе безъ всякой красы! Я внутрь не ходилъ. Губернаторъ имѣлъ домъ каменный казенный, но потомъ онъ обратился въ Семинарію, и начальникъ города съ тѣхъ

поръ живетъ въ собственномъ своемъ домѣ. Я не видалъ Семинаріи, по тому что Амвросій, тутошній Епископъ, отозвался мнѣ, что въ ней нѣтъ ни чего любопытнаго. Архіерей здѣшній человѣкъ умный и просвѣщенный, сотоварищь извѣстнаго Владиміра въ школѣ, соревнователь ему въ проповѣдяхъ. * Жаль, что близко, видно, потерся около Мартинистовъ, слишкомъ нанюхался ихъ ладону; часто твердитъ о ниспадшемъ человѣкѣ, о внутренней церкви: весь ихъ духъ и бесѣда. Всѣмъ сердцемъ желаю быть въ ошибкѣ; ибо дарованія его, впрочемъ, имѣютъ пріятную сторону. **

Соборъ старинный, но шире и свѣтлѣе многихъ, ему подобныхъ; окошки болѣе даютъ свѣта; столпы менѣе стѣснены. Для проповѣдниковъ построена каѳедра—предметъ соревнованія для Духовныхъ Училищъ.

Гостиный дворъ или ряды—древней Готической архитектуры. Въ такомъ видѣ бывали нѣкогда лавки въ Москвѣ. Время ли тогдашнее, или самое ихъ расположеніе, нравилось. По бывало въ старыхъ лавкахъ пропасть денегъ и товару, а въ нынѣшнихъ новыхъ прекрасныя съ наружи колоннады, а внутри,—бѣдность и пустота. Хоть не запирай: воръ ни чего не унесетъ!

---

* Въ свѣтѣ Василій Третьяковъ, учитель Французскаго и Нѣмецкаго языковъ въ Московской Академіи, съ 1795 г. проповѣдникъ; 1798 Префектъ; 1799 Ректоръ ея; уволенъ 1801 по болѣзни и скончался 1812 года. О. Б.

** Въ мірѣ Алексѣй Протасовъ, сынъ Дьячка въ Москвѣ Николо-Голутвинскаго; первоначально учился въ Перервинской Семинаріи, а потомъ въ Троицкой, съ Сентября 1787 г.; въ Октябрѣ 1790 г. Учитель Поэзіи, а послѣ Риторики въ Московской Академіи; 1794 монахъ; 1795 проповѣдникъ; 1797 Префектъ ея и проповѣдникъ; 1799 Ректоръ Александро-Невской Академіи; съ 1801 Епископъ Тульскій; 1816 Архіепископъ Казанскій; 1827 Тверской; скончался 1831 г. Московскій Митрополитъ Платонъ отзывался объ его дарѣ проповѣданія: «Естьли бъ я такъ писалъ, какъ Амвросій, меня бы сходилась слушать вся Россія.» Вообще онъ отличался глубокомысліемъ, образованностью, чувствомъ и ревностью къ Вѣрѣ, какъ замѣчаетъ Филаретъ, Архіепископъ Черниговскій (Обзоръ Русской Духовной Литературы. Черниговъ, 1863, кн. 2, стр. 219—221). Его Латинская Грамматика и теперь еще не потеряла своей цѣны и остается классической въ нашихъ Духовныхъ Училищахъ. О. Б.

Любя ученость, я зашелъ въ Гимназію. Говорить ли объ ней? Жалко! Ни библіотеки, ни рѣдкостей, ни учениковъ, ни учителей. Бѣда, естьли эта общая ихъ картина! Денегъ казна тратитъ пропасть, а пользы на сотую долю издержекъ нѣтъ. Въ классѣ Французскомъ Учитель меня взбѣсилъ. О! естьли бъ я показался въ синемъ кафтанѣ, который имѣю счастіе и право носить по милости Московскаго Университета, * нѣтъ сомнѣнія, что мнѣ какой ни будь мальчикъ проговорилъ бы рѣчь, прочелъ стихи, сравнялъ бы меня, какъ водится, съ Аполлономъ, а Учитель, добившись выученныхъ на изустъ отвѣтовъ на два, или три, вопроса, обманулъ бы меня прекрасно, и я вышелъ бы доволенъ. Но я былъ во фракѣ и не обращалъ на себя дальняго вниманія. Мой Французъ профессоръ диктовалъ рядовую строфу изъ учебной книжки, и при каждомъ словѣ, или двухъ словахъ, не требующихъ ни какой отдѣлки отъ всего періода, безпрестанно, важнымъ видомъ, кричалъ школьнику: «Tirez, tirez!» и за всякимъ восклицаніемъ смотрѣлъ на меня съ этимъ снисхожденіемъ къ самому себѣ, которое оказываемъ мы, когда думаемъ быть превосходны. На вопросъ мой: «На что эти «tirez,» или, по Руски сказать, отточки?» онъ не умѣлъ дать инаго отвѣта, какъ: «Это нынѣшній вкусъ и красота слога.» О бѣдной школяръ! подумалъ я, и отретировался. Какъ часто, подъ видомъ ученія, портятъ у насъ ребятишекъ!

Изъ частныхъ строеній въ городѣ лучшій домъ и богатѣйшій, естьли по фасаду можно судить и о карманѣ хозяина, принадлежитъ купцу Плохову. Онъ живетъ на Воронежской улицѣ. Роскошь вездѣ пустила свой корень.

Вокругъ города и здѣсь, какъ во многихъ мѣстахъ, протянута каменная стѣна или, по древнему названію, крѣпость. М. Н. Кречетниковъ хотѣлъ ее сломать. Екатерина, умѣвшая цѣнить остатки предковъ, повелѣла, напротивъ, ее поддержать и возобновить.

---

* Сочинитель воспитывался въ Московскомъ Университетѣ, сперва слушателемъ съ 1777, а потомъ студентомъ 1778 по 1780 годъ; былъ членомъ ученыхъ Обществъ, при Университетѣ состоявшихъ тогда, и почетнымъ членомъ его самаго. О. Б.

Виды ея исполнены, но худо: надъ старыми башнями подѣланы бельведерцы деревянные и выкрашены подъ кирпичной цвѣтъ. Низко, не хорошо!

Довольно говорить о Тулѣ; пора ѣхать далѣе. Но какъ при отъѣздѣ умолчать, что я здѣсь принятъ былъ очень ласково Начальникомъ, который безъ всякой задержки все мнѣ велѣлъ показать въ городѣ, чего я ни пожелалъ. Расторопный и вѣжливый Полиціймейстеръ провожалъ меня повсемѣстно; сверхъ того я здѣсь нашелъ стараго сослуживца. Поживши долго на свѣтѣ, съ кѣмъ два, три, раза не встрѣтишься? Г. М.— человѣкъ хорошій, добродушный; вспомнилъ, что я нѣкогда былъ ему полезенъ, обласкалъ меня, всюду сопровождалъ и до мелкихъ подробностей тѣшилъ мое любопытство. Спасибо добрымъ людямъ! Они драгоцѣнны во всякомъ климатѣ. Съѣхались съ нами еще и родственники; они насъ встрѣтили, и проводили. Счастливъ путешественникъ, когда, сверхъ удовлетворительнаго для любопытства, находитъ еще удовольствіе родства и пріязни.

ГЛАВА V.

Ночлегъ на дорогѣ. Мценскъ.

Выѣхали мы изъ Тулы 14 числа, отобѣдавши рано въ своемъ трактирѣ. Сегодня начальникъ завода давалъ пиръ, но я не могъ въ немъ принять участія и видѣть Тульскую публику: всѣ мои минуты были разочтены. Я распрощался утромъ со всѣми и поѣхалъ. Не знаю, весело ли живутъ въ городѣ; по крайней мѣрѣ, при мнѣ не было ни какого съѣзда. Впрочемъ, въ какой Губерніи весело, особливо лѣтомъ, когда все и изъ столицъ бѣжитъ въ деревню? Судя по движенію народа въ Тулѣ, заключить можно, что она довольно многолюдна. Съ Кіевской стороны въ которую лежитъ намъ путь, ни чего для виду примѣчательнаго, кромѣ пространства города. За заставой выстроена кладбищенская церковь странной архитектуры. Я съ крайнимъ сожалѣніемъ оставлялъ Тулу, не видавъ въ ней самой замѣчательной части ея—полнаго дѣйствія оружейнаго завода, но подумалъ: Тула не за горами, и утѣшился.

До предполагаемаго нами ночлега считалось 60 верстъ; мы проскакали ихъ и расположились въ вотчинѣ К. С. С. Гагарина, по имени Сергіевское. Все еще ни лѣсу, ни воды; одна ветла въ глаза кидается. Черноземъ, единственная отрада удрученнаго хлѣбопашца, началъ быть примѣтенъ. Не знаю, отъ недостатка ли въ хлѣбѣ, или отъ того, что вся жатва здѣшнихъ крестьянъ продается для пріобрѣтенія другихъ, не меньше нужныхъ, потребностей, только я нигдѣ не видалъ одоньевъ, сихъ благонадежныхъ залоговъ крестьянской корысти. Долго обыватели жаловались на засуху; Пресвитеры молились о дождѣ; Богъ услышалъ гласъ народа; хляби небесныя отверзлись, и насъ въ коляскѣ въ три пріема такой оросилъ дожжикъ, что нитки сухой не осталось ни на комъ. Между тѣмъ солнышко ушло въ антиподы; небо покрылось облаками; стало темнѣть; лошаденки наши пристали; экипажи остались назади; до глухой полночи не могли войти въ жило. Непріятное положеніе! Мы зачинали уже клясть демона любопытства.

Представьте вы соломой крытыхъ,
Бѣднѣйшихъ избъ нестройный рядъ,
Представьте въ нихъ крестьянъ съ ногъ
сбитыхъ,
Которыхъ потъ пробилъ какъ градъ,
Которы день и ночь сохою
Добыть лишь могутъ хлѣбъ себѣ,
Пекутся лѣтомъ всѣ отъ зною,
Зимой безъ дровъ сидятъ въ избѣ:
И вотъ вамъ въ прозѣ и въ стихахъ
Все то, что видишь въ сихъ краяхъ.

Съ горемъ всегда рядомъ ходитъ отрада. Княжой бурмистръ оттворилъ намъ Господской домъ. Тутъ мы сказали: «Слава Богу!» Обсохли, обогрѣлись; дали намъ огня; увидѣли себя въ зеркало, нашли самоваръ, напились чаю и поболтали. Кто говорилъ: «О любезная добродѣтель Русскихъ, благодѣтельное гостепріимство! ты все заставляешь насъ забывать въ дорогѣ,» а я качалъ голо-

вой и думалъ: «Нѣтъ, еще далеко до того времени, какъ можно будетъ ѣздить по Россіи, съ тѣми пріятностями, съ какими ѣздятъ въ Германіи, во Франціи, по крайней мѣрѣ, въ книгахъ!» До Сергіевскаго нечего было замѣтить, развѣ сказать, что въ Ясной Полянѣ, гдѣ живетъ К. В., сдѣланъ до хоромъ его проспектъ и на дорогѣ пирамидальные столбы у воротъ, указующіе въѣздъ къ помѣщику.

Здѣсь, т. е., на ночлегѣ, мы нашли спокойство и довольство. Домъ большой съ балкономъ, ротондами, паркетами и прочими убранствами роскоши. Какъ весело войти въ такіе покои послѣ ненастья и въ темную ночь! Сказывали намъ, что когда-то здѣсь былъ трактиръ; но какъ хозяину не было чѣмъ ни гостей кормить, ни самому жить, то его и заколотили.

Выспавшись спокойно, отблагодарили бурмистра, управителя, смотрителя (что больше баринъ, то больше прислуги), словомъ, всѣхъ, кого слѣдовало, и отправились въ Мценскъ, отсюда 70 верстъ. Проѣхавъ частью Крапивинскаго и Чернскаго Уѣздовъ, мы впали въ Мценской, обѣдали въ Большомъ Скуратовѣ, гдѣ распрощался я съ солдатомъ статной команды, котораго Тульская власть изъ снисхожденія посылала впередъ для заготовленія мнѣ лошадей. Скуратово—деревня, принадлежащая помѣщику того же имени. Кто кому далъ свое имя: онъ ли селу, или село ему, сего я не разыскивалъ.

Домъ господской на возвышенномъ и лучшемъ въ окрестности мѣстѣ, выстроенъ изъ кирпича и, разумѣется, съ колоннами: какъ безъ нихъ? Странно, однако жъ, какъ тутъ люди когда ни будь селились; вовсе нѣтъ воды; мы пили самую мутную, да и та не близко: ее подвозятъ на лошади. Почтальону сдѣсь 40 р. жалованья, и хотятъ, чтобъ онъ не прижималъ проѣзжающихъ и не требовалъ бы съ нихъ на водку. Это значитъ подъ честнымъ предлогомъ просить милостыню. Ямщики стращаютъ Мценскими горами, но онѣ не ужасны; можно счесть спусковъ до шести довольно крутыхъ.

Орловская Губернія возвѣщаетъ себя прекрасной пирамидой изъ бѣлаго камня нарочитой вышины; она оканчивается шаромъ,

на которомъ посаженъ орелъ съ распростертыми крыльями; гордой видъ его мнѣ полюбился. Тучныя поля и золотыя нивы, послѣ большихъ пространствъ земли не оранной (ибо я еще степью ихъ назвать не могу), утѣшили мой взоръ. На пути стояла роща; мы сильно ей обрадовались—вонъ изъ повозокъ, и погуляли. Горы на дорогѣ и около ея должны были бы, кажется, образовать разныя картины, овраги, пропасти и все, что нравится въ романахъ. Здѣсь ни чего этого нѣтъ, ни малѣйшей разновидности; сухая повсюду единообразность въ предметахъ.

Въ 7 часовъ вечера пріѣхали въ Мценскъ и остановились въ худомъ трактирѣ за хорошія деньги. Городъ изрядной, но не оживотворенъ, пустъ, ни кто не бѣгаетъ, не суетится, все тихо, всѣ по домамъ; однако промышленность имѣетъ обширныя средства; не далеко отъ города Ока. Торгъ хлѣбомъ нарочитый; нѣсколько деревянныхъ складочныхъ анбаровъ по берегамъ рѣки Зуши, которая, нося на себѣ суда, сама съ ними впадаетъ въ рѣку Оку. Пространство города необширно, взоръ съ нагорной стороны рѣки привлекателенъ, но внизу, кромѣ бѣднаго деревяннаго строенія, ни чего не видать. Корпусъ Присутственныхъ Мѣстъ и лавки: вотъ все, что здѣсь есть каменнаго!

На самомъ верхнемъ бугрѣ горы древній соборъ, отъ котораго по валу тянутся еще остатки старой земляной крѣпостцы.

Въ храмѣ большой образъ рѣзной, во весь ростъ, Николая Чудотворца. Богомольцевъ пропасть, и молебны поютъ ежечасно. Сильное привлеченіе для народа, а для духовныхъ какая богатая руда! Признаюсь, что я всегда отвращался подобныхъ изваянныхъ образовъ: это меня приближаетъ ко временамъ идолослуженія. Тутъ же покланяются большому древесному кресту, приплывшему, какъ сказываютъ, противу воды къ городу. Блажени видѣвшіи! Я ни съ кѣмъ не имѣлъ случая познакомиться въ городѣ, кромѣ чиновника, служащаго на почтѣ. Г. . . . , которому я очень благодаренъ остался за то снисхожденіе, съ которымъ онъ меня вездѣ водилъ и все мнѣ любопытное показывалъ. По словамъ его, испугавшая меня городская пустота происходила отъ того, что обыватели почти всѣ разъѣхалися на Коренную ярмарку. Вѣ-

роятно! Я много заимствовалъ отъ него народныхъ преданій о Мценскѣ, какъ то, на примѣръ, что съ версту отъ города есть мостъ (я по немъ проѣзжалъ), называемый холопій, по тому что будьто во время набѣговъ Татарскихъ его отстояли, а съ нимъ вмѣстѣ и городъ, господскіе холопы. Много, видно, было ихъ, или мало Татаръ! Естьли бы могъ кто прожить лѣтъ тысячу, и постепенно очищать исторію, которую каждый вѣкъ о себѣ другому оставляетъ, сколько бы мы нашли, во мнимыхъ нашихъ историческихъ истинахъ, баснословныхъ нелѣпостей! Вблизи того же моста видны земляныя высоты, подъ коими утверждаютъ быть могиламъ, рытымъ послѣ сраженія съ Татарами. Гдѣ не встрѣтишь слѣдовъ злобы человѣческой? Вездѣ отравлена ею мысль самаго свободнаго путешественника. Правду сказалъ Державинъ:

Исторія есть цѣпь злодѣйствъ

Подлѣ города Г. Ш. имѣетъ деревню и живетъ въ ней. Домъ прекрасный: отъ него протянута вплоть до большой дороги аллея изъ елокъ, подстриженныхъ по старымъ правиламъ садовничества въ полномъ туалетѣ, и деревья убираются какъ щеголи! Для Уѣзда такое помѣстье — пріобрѣтеніе: многіе съ хозяиномъ знакомы, ѣздятъ къ нему часто, и онъ ласково ихъ принимаетъ. Не всѣмъ хлѣбосоламъ жить въ Москвѣ.

———

ГЛАВА VI.

Выѣздъ изъ Мценска. Проѣздъ чрезъ Орелъ. Ночлегъ того дня.

Въ Орловской Губерніи на большой дорогѣ грунтъ земли часто мѣняется. Вдали намъ видны были волны рѣки Оки, но все еще несравненно уже и беднѣе она тутъ, чѣмъ въ нашихъ мѣстахъ. Лѣсу ни прута; давно ужъ сосны намъ не попадались; индѣ насажены рощи осиновыя и березовыя. Выѣхавши изъ Мценска 16 числа, мы обѣдали верстахъ, въ 15-ти отъ Орла, въ деревнѣ Обтухѣ. Она принадлежала нѣкогда Соймонову, и куплена у

него старымъ моимъ однополчаниномъ Г. Т., котораго тутъ не было: онъ роскошничалъ еще въ Москвѣ. Подъѣхавъ къ дому господскому, увидѣлъ я лицо знакомое; долго не могъ признать его; наконецъ вскочилъ ему на шею. На чужой сторонѣ всякой милъ. Кто же это? М. — старый кривой Московскій часовщикъ. Отдалъ онъ за помѣщика свою дочь, и въ отсутствіе его дѣлается здѣсь бариномъ. Посулилъ намъ вина, пива, всего, а ни чего не далъ. Хвастать дѣло Французское! Между тѣмъ всѣ наши часы иные поставилъ, а иные допортилъ, и увѣрялъ меня съ крайнимъ добродушіемъ, что ему тутъ жить гораздо легче и пріятнѣе, нежели по Москвѣ ѣздить изъ дому въ домъ повѣрять часы по солнцу. Кто жь этому не повѣритъ? Истина безъ возраженія! Въ первый разъ еще я здѣсь примѣтилъ господскій домъ, покрытый превосходнѣйшимъ образомъ соломой. Въ людскихъ избахъ вездѣ полы настланы изъ бѣлаго камня; достокъ взять не откуда, развѣ страшною цѣною, а его пропасть. Изъ него дѣлаютъ ограды вокругъ крестьянскихъ избъ, кладутъ анбары и всякіе нежилыя строенія. Я не стану теперь говорить объ Орлѣ: мы его проскакали. Желаніе застать Коренную ярмарку, и страхъ, чтобъ Харьковская почта, на встрѣчу намъ бѣгущая, не отняла у насъ лошадей, привязали намъ крылья; къ тому же мы не могли и на возвратномъ пути миновать Орла; и такъ рѣшились только перемѣнить лошадей и ѣхать далѣе. Напились чаю, часа три помѣшкали. Губернатора не было въ городѣ. Полиціймейстеръ, не знаю для чего, захотѣлъ насъ поскорѣй выпроводить, разхвалилъ намъ дорогу, ночлеги, и взманилъ скакать, не смотря на приближащіеся сумерки. Дорого заплатили мы свою ошибку: дорога скверная, расположена вся по косогору; на половинѣ станціи прекрутая гора; мѣста пустыя; ночь застигла насъ на пути; я не скучалъ только, я терпѣлъ муку: но то ли еще насъ ожидало на станціи, въ которую мы пріѣхали въ полночь! Она расположена въ имѣніи двухъ помѣщиковъ, Князя Юсупова и П. Естьли бы самые наглые насмѣшники захотѣли надъ нами подшутить, они бы не могли больше ни чего сдѣлать, какъ то, чего выдумками своими Г. Орловскій Полиціймейстеръ доставилъ намъ самый непріятный опытъ. Видно, что въ Орлѣ хозяева до гостей не охотники.

Помѣщиковъ здѣшнихъ не было дома: всѣ увлечены на ярмарку. Одна Княгиня, по причинѣ крайней ея беременности, оставалась въ деревнѣ и уже давно почивала, какъ мы пріѣхали.

Ни какое наше усиліе черезъ засылаемыхъ людей не могло доставить намъ квартиры даже въ людской какой ни будь ея избѣ. Ночевать, кромѣ кареты, было негдѣ. Новость незабавная! Хотя въ предполагаемомъ нашемъ дальнемъ путешествіи я и долженъ былъ гдѣ ни будь ожидать, что намъ набросаютъ подушекъ въ карету и въ ней до утра дремать заставятъ, однако жь все хотѣлось мнѣ, ежели не избѣжать вовсе, по крайней мѣрѣ, сколько можно, позже приступить къ этой необходимости. Хотѣтево (такъ называли это помѣстье) не представляло ни какого убѣжища, да и въ полночь чего добьешься въ деревнѣ? Мужики всѣ спятъ. Не повѣря своимъ людямъ, я самъ пошелъ къ барынѣ просить хотя анбарушки для ночлега, лишь бы дали крышку. Между тѣмъ жена и вся компанія ожидала моихъ успѣховъ въ большомъ сараѣ, перегороженномъ на двое, гдѣ въ одной половинѣ стонала больная почтальонша, а въ другой, окруженный своими домашними животными, супругъ ея отмѣчалъ подорожныя. Пришедши въ господской домъ, я нашелъ до четырехъ слугъ, которые, развалясь въ передней, храпѣли взапуски. Счастливѣе меня, безъ титловъ и прихотей, они наслаждались въ полной мѣрѣ естественнымъ добромъ, какъ вдругъ, услышавъ шумъ и увидѣвъ постороннее лицо, меня всѣ обступили: не трудно имъ по моей одеждѣ тотчасъ разглядѣть, что я не бродяга; но что потомъ? Слѣдующая поговорка: «Барыня почиваетъ.»—«Друзья мои! Мнѣ только надобна изба: уже ли у васъ нѣтъ пустой.»—«Мы не смѣемъ ни кого пустить безъ докладу.»—«Такъ доложите!»—«Говорятъ вамъ: барыня почиваетъ.»—«Попытайтесь: авось еще нѣтъ.»—«Мы не станемъ ея безпокоить.» Выбѣжала дѣвка. «Что за шумъ у васъ?»—«Вонъ какой-то проѣзжій просится на ночлегъ.» Пошептали, побѣгали, а я все въ сѣняхъ. По совѣту обоего пола послѣдовала резолюція: «Барыня спитъ, и про васъ нѣтъ здѣсь квартиры: подите, куда знаете!» Удачная попытка! Что дѣлать? Итти ночевать въ сарай и прислушиваться къ жалобнымъ стенаніямъ больной почтольонши. Нетерпѣливо ожидали моего приходу домашніе. Я вошелъ и воскликнулъ: «Добродѣтель Русскихъ, любезное гостепріимство! Ты

услаждаешь всѣ тягости потешественника!» Проклятое воображеніе! Чего ты намъ въ голову не кинешь, когда загоришься? Изрядное гостепріимство! «Что жь, гдѣ мы ночуемъ?» всѣ мои закричали въ одинъ голосъ. «Гдѣ?—Здѣсь.»—Какъ здѣсь?—«Или въ каретѣ?»—«Шутишь!»—«Нѣтъ про васъ квартиры: подите, куда знаете!» повторилъ я имъ нѣжныя слова доброхотныхъ слугъ гостепріимной хозяйки. У всѣхъ вытянулись лица; всякой насупилъ брови; кому хотѣлось ужинать, кому спать: никому ни того, ни другого. Пока мы сѣтовали о добровольномъ нашемъ горѣ (ибо кто насъ понесъ въ Одессу, какъ не своя охота?), въ домѣ госпожи помѣщицы происходили также разныя движенія. Шумъ нашъ съ людьми въ сѣняхъ ея добудился; она узнала объ насъ и велѣла просить къ себѣ въ верхніе покои. Тутъ я снова возвысилъ голосъ и разхрабрился; горделивыя чувства подвигли душу мою къ негодованію; я хотѣлъ сердиться, ворчать, но разсудилъ безъ мщенія поскорѣй воспользоваться покойной комнатой, и побѣжалъ съ женою изъ сарая вонъ. Въ домѣ насъ принимали слуги съ нѣкоторымъ уже уваженіемъ, проводили насъ въ мезонинъ, дали намъ свѣчъ, напоили чаемъ. Оставалось уснуть, и каждый изъ насъ не замѣшкался то же сдѣлать, чѣмъ мы помѣшали наслаждаться людямъ ея Сіятельства.

И такъ мы Хотѣтово никогда не забудемъ, представляя себѣ на мысль наше странствіе. На завтра хозяйка насъ очень хорошо приняла: мы съ ней видѣлись; подчивала насъ кофіемъ, расточала привѣтливости, хотѣла загладить грубость своей дворни. Намъ было легче, досада меньше дѣйствовала; но я и тогда задумывалъ уже объ этомъ способѣ гостепріимства помѣстить въ главѣ шестой моего путешествія. Я съ ней разсуждалъ о тамошнемъ образѣ хозяйства. Изъ бесѣды моей съ ней извлекъ существенное понятіе одно то, что у господъ хлѣба и доходу много, но поселяне удручены невѣжествомъ, несмысленны, раболѣпны. Могли ли бы быть такъ сыты ихъ помѣщики, естьли бъ крестьяне ихъ мыслили!

Мы расстались, какъ водится, по свѣтски. Садясь въ коляску, я кинулъ взоръ на всѣ стороны и, сравнивая Тулу съ Орломъ, записалъ въ карманной книжкѣ:

И здѣсь такой же край: на тѣни всѣ похожи,
Ни цвѣтнаго лица, ни красненькой одежи.
Соха, коса и серпъ—вотъ все богатство ихъ!
Посѣять, сжать и съѣсть—нѣтъ радостей другихъ.
Природа не дала здѣсь лѣсу для отрады:
Не встрѣтишь ручейка отъ жару для прохлады;
Обширныя поля, на нивахъ желтой класъ:
Вотъ все, что изъ конца въ конецъ увидитъ глазъ!
Сколь кратъ пріятны тѣ страны благословенны,
Гдѣ торгъ—душа людей, гдѣ имъ они блаженны!
Пусть пахарь свой анбаръ здѣсь силится нажать,
А мнѣ дай Богъ тамъ жить, гдѣ любятъ расточать!

ГЛАВА VII.

Поворотъ на ярмарку. Ночлегъ. въ каретѣ.

Немного медля по утру, уѣхали мы 17 числа изъ Хотѣтова: путь намъ лежалъ сквозь имѣнія вельможи, который имѣетъ здѣсь знатныя помѣстья. Онъ самъ тутъ жилъ, когда гнѣвался на него прежній владыка. Ни чего примѣчательнаго въ селеніяхъ; куча огромная хлѣвовъ, которые зовутъ избами. Нищихъ пропасть. Англичанинъ правитъ имѣніемъ по Английски, а мужики ходятъ по міру по Русски: это называется хозяйство!

Кухня дожидалась насъ въ Очкахъ. Селеніе почти пустое, бѣдное. Имя ему даетъ Ока, которой въ окрестностяхъ начинаются вершины; здѣсь она еще во младенчествѣ и почти безводна. Отсюда охотники сворачиваютъ прямо на Коренную ярмарку. Мы сами наняли тутъ лошадей и поѣхали боковой дорогой; она мнѣ очень полюбилась, лучше гораздо большихъ столбовыхъ: тамъ скверныя гати, мѣста гористыя, частые косогоры; видовъ заманчивыхъ нѣтъ; куда ни погляди—все чистое поле; а тутъ попадались иногда деревни и при нихъ церкви. По началу моей книги видѣли уже, что я люблю народъ. По всей дорогѣ встрѣчали мы его множество. То Хохлы съ огромными обозами, то торгаши съ большими конскими табунами; индѣ шайки богомолокъ пѣшихъ и въ телѣгахъ, кто изъ Курска, а нѣкоторые даже изъ Кіева, и все это шло и ѣхало на ярмарку и назадъ. Настоящее гулянье! Мы въ этомъ разсѣяніи проѣхали верстъ 30.

За версту отъ ночлега, который взяли мы въ 22 верстахъ отъ Коренной, Фатежскаго Уѣзда, въ деревнѣ Гнилово, остановился я на пригоркѣ погулять. Вечеръ былъ прекрасный; заходящее солнце скрывалось отъ глазъ нашихъ съ исполинскимъ своимъ величествомъ и сіяньемъ. Какое чудотворное озареніе всего горизонта! Оно утопало въ океанѣ отбрасываемыхъ имъ всюду огней. Я тутъ вспомнилъ Вольтера и переводчика его, нашего Гомера, который сказалъ за нимъ по Русски:

Весь этотъ океанъ лазури и сіянья,
Составленъ безъ существъ, изъятъ изъ ни чего;
Безъ циркуля скругленъ, вертясь безъ основанья,
Едва ли стоилъ онъ лишь слова одного.

Надобно, къ славѣ переводчика, и оригинальные стихи рядомъ поставить для сравненія:

Tout ce vaste océan d' azur et de lumière,
Tiré du vuide même et formé sans matière,
Arrondi sans compas et tournant sans pivot,
À peine a—t—il valu ça depense d' un mot.

Кто такъ переводилъ точно, близко и прекрасно когда ни будь? Подъ горою пѣшеходки бабы разными группами ужинали, хохотали, болтали. Я радостью ихъ и простотою плѣнялся. О натура! какъ ты очаровательна! Тебя ни что не замѣняетъ во вселенной, а ты все въ ней красишь и дѣлаешь любезнымъ; съ тобой и горе сносно, и скука не тошна.

Хлѣбъ да соль вамъ, богомолки,
Добрый путь къ своимъ домамъ:
Тамъ разславьте ваши толки
На счетъ ярмарки мужьямъ.
Они сядутъ въ круговеньку,
Дадутъ вѣру вамъ во всемъ;
А вы, какъ быть! по маленьку

Имъ солжете кой о чемъ.
«То-то, скажете, народу
Въ Коренную къ намъ нашло!
Богъ далъ красную погоду,
Лишь безъ денегъ тяжело.
Господа въ рядахъ мотали
Милымъ женамъ на уборъ;
Мужики въ шинкахъ гуляли,
Наши сестры врали вздоръ.»

Скоро исчезли обольстительныя затѣи; настала ночь; ямщики отпрягли лошадей; слуга мой пришелъ сказать, что ночевать негдѣ: ни одной путной избы, даже черной. О негодный вѣстникъ! Что дѣлать? Лечь въ каретѣ. Подъ сводомъ неба разбросали мы все свое дорожное имѣніе въ сараѣ, зажгли у каретъ фонари. На скверномъ столѣ, сколоченномъ при насъ изъ проточенныхъ двухъ досокъ, разливала намъ жена чай. Тихо было и свѣчъ не задувало. Вотъ картина несообразностей самыхъ рѣзкихъ: нужда и роскошь вмѣстѣ; безъ ночлега, безъ пристанища, на чистомъ воздухѣ чай, кофе, лакомство и городское освѣщеніе! Но что вознаградитъ сонъ, когда начнутъ глаза смежаться! Все къ чорту, лишь бы на постель. Нашу постлали въ каретѣ: прекрасная подвижная кровать! Всякой расположилъ себѣ свою въ повозкѣ. И такъ мы, помолясь Богу, не передъ иконою Его живописною, но передъ самымъ небомъ, гдѣ престолъ Его неподвижно пребываетъ, предались Морфею, а короче и просто сказать, мы легли спать.

Странно, думалъ я, ворочаясь безъ угомону на своемъ новосельѣ, какъ на такой большой дорогѣ, подлѣ знаменитѣйшей ярмарки, нѣтъ ни одной порядочной хижины, куда бы войти отдохнуть и переночевать. Правда, что нигдѣ въ свѣтѣ нельзя такъ скоро переноситься на самыя отдаленнѣйшія разстоянія, какъ въ Россіи: куда не довезутъ наши ямщики въ недѣлю? Былъ бы у дуги колокольчикъ—въ Амереку проберешься мигомъ. Но, говоря о путешествіи въ настоящемъ разумѣ сего слова, нигдѣ, думаю, нѣтъ меньше средствъ съ пріятностію его предпринять и совершить во всякую сторону, какъ въ Россіи же. Бѣда въ томъ, что всякой это узнаетъ тогда, какъ сѣлъ въ карету: ни что насъ о

сихъ неудобствахъ не предупреждаетъ. Какой путешественникъ съ полной свободой опишетъ нашего края недостатки? Цензура съѣстъ и автора и книгу. Хоть плачь, да все хвали! И такъ опытъ одинъ вамъ указываетъ, но поздно, тѣ затрудненія, отъ коихъ ни чье перо насъ остеречь не смѣетъ. Не забудте, что я такъ размышлялъ во время безсоницы; слѣдственно, это все бредъ.

ГЛАВА VIII.

Ярмарка.

«Вотъ и Коренная!» закричалъ я, подъѣхавши къ шатрамъ и къ лубочному театру. Народу пропасть и лавокъ разнообразныхъ множество. Чего тутъ нѣтъ? Все, однако, очень дорого. На силу отыскали мы Г. . . . Онъ намъ велѣлъ отвесть квартиру, и тѣмъ ограничилъ всѣ свои учтивости. Къ счастію нашему, мы были близко помѣщены отъ публичныхъ увеселеній и могли пѣшкомъ ходить въ ряды безъ тягости. Здѣсь вовся нѣтъ квартиръ; ту, которую мы заняли, отвели прежде насъ другому, но тотъ опоздалъ пріѣхать, и мы въ ней расположились. Ни чего завиднаго: дощатая узенькая каморка, въ которой мы натерпѣлись стужи; ибо холодный вѣтерокъ сквозь тысячу щелей жаловалъ къ намъ въ гости. Исправникъ, тутошній человѣкъ, очень учтивый: онъ намъ всѣ доставилъ возможности прожить сутки наилучшимъ образомъ. Удивительно, съ одной стороны, что такъ мало помѣщенія на столь знаменитой ярмаркѣ, но, съ другой, мудрено для пріѣзжихъ на удачу строиться: всѣ почти Дворяне тутошніе и пріобыкшіе для надобностей своихъ сюда ѣздить, возятъ съ собою шатры съ разными подвижными домиками; слѣдовательно, всѣ имѣютъ вѣрное и надежное убѣжище. Между прочими палатками замѣтилъ я самую нарядную, съ флагами и гербами; хозяинъ ея, старый мой знакомый, щеголялъ въ ней передъ ярмаркой Азіятской роскошью. Какъ бы я обрадовался на мѣстѣ его другому! Сколько привелъ бы онъ мнѣ на

память пріятныхъ воспоминаній! Мы съ нимъ вмѣстѣ нѣкогда тѣшили Дворъ на театрахъ, влюблялись, обольщались, были молоды, вѣтрены и счастливы въ одно время; но сынъ большаго барина помнитъ ли пріязнь и сотоварищество? Въ немъ и около его все холодно.

Прежде всего пошли мы въ монастырь. Туда приносится, къ десятой пятницѣ, съ большой духовной процессіей, образъ Богородицы изъ Курска. Кореннымъ называется и самъ монастырь по тому, что образъ чудотворный, коему здѣсь покланяются, явился, какъ говоритъ тутошнее преданіе, на корнѣ и источилъ воду; а по тому на колодцѣ освящается вода, въ память сему событію. Нѣтъ нужды говорить подробно о началахъ ярмарки здѣшней; довольно сказать, что богомолье подало первую причину подобнымъ стеченіямъ народа. Сперва явился образъ; койкто пришелъ помолиться; случилось пріятное въ семействѣ приключеніе — оно отнесено къ иконѣ: отсюда слава ея повсемѣстная и тьма пришельцевъ, а натура имѣетъ посреди всѣхъ нашихъ восторговъ и свои законы. Пѣшеходы захотѣли ѣсть, и стали носить съ собою котомки съ хлѣбомъ. Народъ узналъ, что тутъ сходбище; сталъ возить припасы, ставить шатры и балаганы; благородные люди, отъ скуки и праздности, стали, пріѣзжать прогуливаться, сперва просто, потомъ въ нарядныхъ каретахъ, потомъ появились свиданья: любовь указала средства, кому, съ кѣмъ и гдѣ въ сосѣдствѣ можно видѣться. Купцы увидѣли пользу возить товары; поставили одну, тамъ двѣ, три, лавки; навезли шалей и всякихъ гремушекъ: вотъ и ярмарка! А время ее потомъ отличило отъ прочихъ, кромѣ Макарьевской, которая ея еще знатнѣе. Въ монастырѣ служили молебенъ на источникѣ; верхняя церковь на горѣ надъ рѣчкой небольшой; она ни чего не представляетъ примѣчательнаго; внизъ, къ самому колодцу, сдѣлана лѣстница препокойная; по ней вы спуститесь въ другую церковь, и посреди ея съ удивленіемъ увидите подъ куполомъ колодязь. Трудно къ образу продраться сквозь весь окружающій его народъ: это пчелы въ ульѣ. Образъ старинный и, разумѣется, богато убранъ. Когда время приспѣетъ къ нему прикладываться, то между правовѣрными начнется такая драка, какой на кулачномъ бою не увидишь: всякому хочется впередъ. Бѣда, естьли также

будутъ толпиться и у вратъ царствія небеснаго! Задавятъ прежде, нежели узришь Славу Божію. Я вслушивался въ стихи и пѣснопѣніе церковное, и не могъ понять, отъ чего на молебнѣ Богородицѣ пѣли пѣсни Великаго Четверга и Пятницы; не повѣривши моему слуху, я спросилъ Священника, что это значитъ? Добрый и простый монахъ отвѣтствовалъ мнѣ: «Я и самъ не знаю; такъ у насъ издревле водится.» Какъ бы люди ни молились, лишь бы возсылали сердца къ Небу. Глядя на всѣ наши обряды, кто не признается, что далеки мы отъ того духовнаго ощущенія Божества, которое ему прилично? Въ оболочкѣ тѣлесной мы плотски покланяемся Творцу. Настоятель монастыря, Игуменъ пожилой и, кажется, благонравный, узнавъ объ нашей нуждѣ, послалъ келейника натаскать намъ столовъ и стульевъ. Я весьма былъ ему признателенъ; онъ за это ни чего не требовалъ, не взялъ и снабдилъ насъ туне прямо по Апостольскому завѣту. Не отъ того ли вообще обитель не имѣетъ того наружнаго великолѣпія и богатства, какому, судя по стеченію народа и ярмаркѣ, быть тутъ предполагается?

Ряды здѣсь отмѣнно хорошо расположены: каменный Гостиный дворъ заслуживаетъ по справедливости большую похвалу; всѣ приличія и красоты архитектуры соблюдены; между лавокъ широкія улицы подъ сводомъ охраняютъ отъ непогоды и способствуютъ прогулкѣ праздныхъ; роскошь съ обѣихъ сторонъ престолъ свой поставила: покупай у нея, чего хочешь, естьли имѣешь большія деньги! Мы съ женой ходили тутъ цѣлой день взадъ и впередъ. Пришли туда пѣшкомъ, по тому что никто не удостоилъ насъ довольнаго вниманія, чтобъ довезти съ собою, никто не оказалъ намъ ни малѣйшей привѣтливости, ниже изъ одного простаго любопытства, чтобъ узнать, чьи новыя рожи показались въ ихъ сторонѣ. Учтивость есть повсюду краса воспитанія и прелесть общежитія; здѣсь ея сѣмянъ видно мало сѣютъ. Хотя я и много тутъ нашелъ знакомыхъ, но все стариковъ и такихъ, кои давно оставили большой свѣтъ и, поселясь въ своихъ помѣстьяхъ, всѣхъ уже забыли, а кажутся ежегодно на эту ярмарку для того только, чтобъ кто ни будь прежде времени, забывши ихъ самихъ, не внесъ ошибкой въ списокъ усопшихъ. Тутошнихъ Дворянъ я не имѣлъ случая нигдѣ ви-

дѣть и знать; служба всегда меня загоняла въ мѣста противоположныя. Сдѣсь много благороднаго народа. Все это бродитъ, покупаетъ, мотаетъ. А къ вечеру критикуютъ роскошь. Публика здѣсь большая; каретъ до пятисотъ около Гостинаго двора покрывало площадь. Какъ странно видѣть такую картину на открытомъ полѣ! Чтобъ имѣть идею о Коренной ярмаркѣ, вообразите, что кто ни будь, вырѣзавъ изъ Москвы Ильинку, со всѣми ея окрестностями, тутъ поставилъ. Въ какой противоположности улица и Гостиный дворъ! Тамъ нищихъ сотни, протягивая тощія длани, просятъ, Христа ради, хлѣба; тамъ увидите вы на возахъ по три, по четыре, человѣка разнаго возраста, отъ престарѣлаго до младенца, кои безъ рукъ, или ногъ, выставлены передъ домами для испрошенія милостыни; тамъ недужныхъ, увѣчныхъ и калѣкъ разнаго рода выкладываютъ на рогожи: идучи мимо ихъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, по неволѣ глаза зажмуришь, чтобъ не видать страждущей природы. Все стонетъ на улицѣ площади, а внутри лавокъ алмазы, золото и самые тяжкіе на прогульщицахъ наряды. Безъ ошибки можно полагать, что между купцами милліоны въ оборотѣ. Жаль только, что мало трактировъ: я разумѣю не харчевенъ, а такихъ, гдѣ бы можно было, хоть и дорого, но хорошо и со вкусомъ, отобѣдать. Естьли кому вздумается изъ любопытства пуститься въ эту сторону, совѣтую возить съ собою горницу, повара, повозку. Здѣсь ни чего не дадутъ ни въ займы, ни даромъ, ни на подержанье, еще менѣе для услуги, а со всѣмъ готовымъ найдете по вкусу вашему нѣкоторое удовольствіе. Ищите черни у образа въ монастырѣ, щеголихъ въ лавкахъ, а мужчинъ за картами: у всякаго свои гнѣзда.

Разскажу забавное приключеніе. Ходя пѣшкомъ, зашелъ я съ женой въ фарфоровую лавку; взманили насъ чашки; мы съ верхняго яруса потребовали одну. Сидѣлецъ не осмотрясь, что она была безъ ручки, подалъ намъ ее и отошелъ. Увидѣвъ ошибку, мы его подозвали, показали ему изъянъ его посуды. Онъ вошелъ съ нами въ споръ, прикинулъ намъ ее, и упорно въ томъ стоялъ, что мы ее разшибли. Я смѣялся: онъ началъ защищать свою ложь съ огнемъ. Я не разсудилъ продолжать глупой шутки, возвысилъ также голосъ, и какіе-то тутошніе господа, видно догадавшіеся, что мы не изъ тѣхъ, кои ходятъ по лавкамъ бить

стекла и фарфоръ, вступясь за насъ, заставили его молчать: этого бы мало; страхъ и отъ правды принудитъ отпереться. Но, по счастью нашему, хозяинъ лавки рѣшилъ споръ тѣмъ, что подлинно у него одна чашка была безъ ручки. Вотъ какъ иногда поклеплютъ и въ томъ, что въ голову не войдетъ! А все отъ того, что мы пѣшкомъ слонялись по просту, безъ затѣй. Долго народъ у насъ, да и многіе повыше черни, не будутъ оказывать уваженія къ человѣку по тому только, что онъ человѣкъ. Надобны чины, гербы, регаліи, чтобъ ногъ нарочно не отдавили.

Пойдемъ отсюда въ театръ. Я съ утра взялъ билеты въ креслы по 2 руб. 50 коп.; каждой ложѣ цѣна 20 руб. Плата большая, за то и ярмарка одинъ разъ въ годъ. Сюда пріѣзжаетъ трупа Курскихъ актеровъ. Они играли «Влюбленнаго Шекспира» и оперу «Князь трубочистъ.» Что сказать объ оперѣ? Ни на что не похоже! Однако съѣздъ огромный. Публика жадничаетъ веселиться, бросается даромъ и за деньги всюду, гдѣ можетъ ожидать забавы. Здѣсь до того было тѣсно, что многіе возвращались домой. Человѣкъ до 500 зала помѣстить можетъ. Всѣ преимущества театра, т. е., декораціи, одежда, музыка, соблюдены съ достаточною правильностію, но талантовъ ниже посредственныхъ нѣтъ. Одна изъ актрисъ очень силится перенять извѣстную Сандунову, но весьма неудачно; однако и та нравится. Я признаюсь, что я не энтузіастъ ея методы: мнѣ жеманство на театрѣ никогда не нравится, по тому что его нѣтъ въ натурѣ. Актеръ долженъ глядѣть въ природу, какъ въ зеркало, и брать однѣ ея краски. Буффъ въ оперѣ изрядной, то есть, дурачится изо всей мочи: это и надобно! Публика здѣсь, какъ и вездѣ, любитъ скоморошество; мало ей посмѣяться, все бы хохотать. Чувствительныя мѣста не имѣютъ цѣны; острыя шутки теряются на языкѣ актера. Они не внятны; правда, что и выражать ихъ некому: актеры мелютъ какъ ни будь, лишь бы заиграть свои деньги, а зрители глядятъ по верхамъ, толкуютъ о товарахъ, модахъ, рысакахъ, исторіяхъ и оборачиваются къ театру лицомъ тогда, какъ трубочистъ весь въ сажѣ лѣзетъ изъ камина и утирается Княжескими кружевами: тогда шумъ, крикъ; затопаютъ ноги; застучатъ всѣ трости, и ни чего ужь не слыхать. Какая сильная причина для восторговъ! Обиняки соблазнительные также не пропадаютъ.

Оперу поютъ дурно; голосовъ нѣжныхъ нѣтъ; словомъ, спектакль ярмарочной! Но можно ли ручаться, чтобъ его такъ стремились увидѣть, естьли бъ онъ былъ лучше? Не знаю. Одно еще, и очень дѣйствующее на обоняніе, неудобство то, что весь театръ освѣщенъ саломъ, и чадъ отъ свѣчъ и плошекъ преужасный: носъ чувствительную терпитъ муку. Театръ поставленъ между рядовъ на покатости горы; слѣдовательно, пріѣздъ тѣсенъ; полиціи при разъѣздѣ каретъ и дрожекъ мало; площадь почти не освѣщена. Хотя и близко мы отъ театра стояли, но трудно было пѣшкомъ безъ проводника довести жену домой. Со всѣхъ сторонъ заскакали кареты, и естьли бы не вступился полицейской алгвазилъ, которому я изъ одной руки далъ рубль, а изъ другой погрозилъ палкой, то бы мы, домой пришедши, не нашли костей въ порядкѣ

Г. . . пригласилъ меня въ редутъ, куда собирались знатнѣйшія особы обоего пола. Жена осталась дома, а я побрелъ. Въ трактирѣ, гдѣ давался балъ по 2 руб. за входъ съ человѣка, зала чрезвычайно узка, освѣщена изрядно; пристойная услуга; молодыхъ людей много; танцовать всѣ охотники, но мало простору: едва есть гдѣ пройти между стѣнъ и танцовщиковъ. Большіе господа играли въ карты, а заѣзжіе господа, какъ я, зѣвали, ходя изъ стороны въ сторону; музыка та же, что и въ театрѣ, изрядная: больше сказать нечего. Мнѣ было очень скучно тутъ: въ толпѣ людей незнакомыхъ можетъ ли быть иначе? Чтобъ понравился такой край, въ которомъ обычно не живешь, надобно особливое мастерство со стороны жителей, уловка, нѣчто привлекательное, чего не даютъ ни высокіе чины, ни огромное богатство. Я не долго пошатался по залѣ, и простился тутъ съ Г.... Сколько ни старался я войти въ разговоръ съ Его Сіятельствомъ: о разныхъ предметахъ, ему болѣе моего по тамошнему краю извѣстныхъ, и тѣмъ умножить мои свѣдѣнія, нѣтъ! не могъ ни чего узнать. Недосуги ему препятствовали заняться со мною бесѣдой. Мало ли дѣла на Гостиномъ дворѣ человѣку дѣятельному? Проведя здѣсь такимъ образомъ одинъ день, мы только переночевали и на завтра выѣхали въ Курскъ.

ГЛАВА IX.

Курскъ.

И ямщики любятъ риѳму. Они иногда очень не кстати, погоняя лошадей, кричатъ, играя кнутомъ своимъ: «Ну, кургузка, пять верстъ до Курска!» Здѣшній почтарь весьма у мѣста прокричалъ намъ это 19 числа по утру, послѣ 30 верстъ отъ ярмарки; ибо мы подлинно подъѣзжали къ Курску. По милости Коренной, дорога до города очень весела, наполнена возами и гуляками. Скажемъ къ чести тѣхъ, кои виновниками были нѣкогда, по начальству ихъ надъ здѣшнимъ краемъ, разныхъ полезныхъ заведеній, что дорога въ Курской Губерніи отмѣнно выработана: вездѣ проспекты изъ насажденныхъ и соблюденныхъ ивъ; дорога широка; гати, гдѣ были нужны, сдѣланы съ прочностію и наблюденіемъ. Видно, что думано въ Курской Губерніи при Генералъ-Губернаторахъ о хозяйственномъ улучшеніи путей.

Курскъ—прекрасный городъ. Онъ сидитъ на высокой мѣловой горѣ, и видъ его издали плѣняетъ; подъѣзжая къ нему, вы находите аллею изъ ветелъ, довольно густо разросшихся. Изъ такой пріятной тѣни кинется вдругъ въ глаза вашi городъ на горѣ: она гораздо круче Владимірской, но паденіе ея ровнѣе; тамъ больше переломовъ; впрочемъ, также окружена сюду и сюду садами. Внутри города всѣ улицы правильны и вымощены камнемъ, а каменнаго строенія много. Хотя я цѣлый день посвятилъ на то, чтобъ осмотрѣть городъ, но ни чего почти съ основательностью не могъ ни видѣть, ни замѣтить, а, такъ сказать, обѣгалъ его и вершки схватилъ; по тому что всѣ были на ярмаркѣ, и здѣсь я не имѣлъ, какъ въ Тулѣ, другого Мат..., который бы меня съ собою возилъ вездѣ. Пустота городская весьма была примѣтна. Но, при всемъ томъ, мы не нашли порядочной квартиры, и помѣстились очень худо.

Мужской монастырь, изъ котораго носятъ образъ въ Коренную, великолѣпнѣе всѣхъ прочихъ церквей, и по тому служитъ за соборъ въ дни торжественнаго какого либо съѣзда город-

скихъ чиновниковъ. Я въ немъ былъ и внутреннимъ убранствомъ доволенъ, но ни чего не нашелъ рѣдкаго.

Гостиный дворъ каменный, но занертъ: всѣ купцы на ярмаркѣ; по вывѣскѣ видѣлъ я, что и книжная лавка есть: какими книгами торгуютъ, много ли, мало ли ихъ, не знаю.

Въ старину здѣсь бывалъ дворецъ деревянный; онъ нынѣ сломанъ, и остатковъ его видимыхъ даже не сохранилось. На его мѣстѣ поставлены покамѣстъ ворота и заборъ каменный, которыя свидѣтельствуютъ, что нѣкогда, по предположенію гражданъ, здѣсь выстроится купеческой общественной домъ. Судя по воротамъ, зданіе будетъ большое и важное, а между тѣмъ дикое поле есть одинъ предметъ, охраняемый воздвигнутыми предварительно столпами. Магистратъ помѣщенъ въ каменномъ домѣ.

Корпусъ, содержащій въ себѣ всѣ Присутственныя Мѣста, каменный. Тотъ, кто его тутъ поставилъ, не ошибся въ выборѣ мѣстоположенія: лучшій видъ въ городѣ. Какъ пріятно здѣсь гулять и смотрѣть на ту сторону рѣки! Тамъ прекрасная каменная церковь окружена слободками, и всѣ хижины разбросаны по отлогому берегу рѣки. Тускарь (такъ ее называютъ), изрѣзана многими мосточками, изъ коихъ каждый ведетъ въ какое либо зарѣчное селеніе. Глаза, остановясь на сей смѣшанной картинѣ, въ которой городъ съ деревней по перемѣнкамъ ловятъ взоръ, долго любуются красотою мѣстъ.

Здѣсь какое-то осталось отъ древности деревянное строеніе, въ которомъ, подобно шатру, что на Ивановской площади въ Москвѣ, хранились пушки; но какія и откуда, историческаго ни чего не могъ объ нихъ узнать; спросить было не у кого, а народъ нигдѣ ни чего не знаетъ. Живучи безъ любопытства, привозъ хлѣба на базаръ одинъ его занимаетъ, а дешевизна его есть существенное для него счастіе.

Херсонская улица заслуживаетъ особенное вниманіе и по красотѣ своей и по тому наипаче, что на ней поставленъ былъ для шествія Екатерины мостъ изъ дикаго камня, съ желѣзными рѣшетками, образчикъ Петербургскихъ. Я на немъ остановясь, долго думалъ объ эпохѣ ея путешествія. Какой Россіянинъ не почтитъ памяти сихъ блаженнѣйшихъ лѣтъ его Отечества? Я искреннюю тутъ уронилъ слезу по ней въ Курскія воды и сказалъ:

Великій мужъ вездѣ, гдѣ вступитъ, гдѣ пройдетъ,
Во слѣдъ себѣ печать безсмертія кладетъ.

20 числа мы выѣхали изъ Курска. Я отсюда писалъ къ друзьямъ и домашнимъ и пенялъ, что до сихъ поръ, противъ чаянія моего, ни въ одномъ городѣ не видалъ ихъ строчки, самъ носилъ ихъ на почту. Первая станція отъ Курска только 18 верстъ, но онѣ право стоятъ 50-ти; ибо сыпучій песокъ, и самый глубокій, утомилъ коня и всадника. Ямщикъ, который насъ везъ, далъ случай подосадовать. «Бывалъ ли ты въ Одессѣ?» спросилъ я его.—«Какъ не быть! Три раза ѣздилъ туда.»—«Что жь, каковъ городъ?»—«Не много по хуже нашего Курска.» Какой ударъ для нашего любопытства! Мы ему не вѣрили, однако сердились. Вотъ каковъ человѣкъ! Даже и тогда, когда знаетъ, или думаетъ, что сказанное ему, вопреки его желанію, есть ложь; что жь, когда правду скажетъ не по сердцу? Я ямщику закричалъ: «Ты все врешь,» и велѣлъ гнать по пескамъ скорѣе. Лучше бы ему похвалить Одессу.

Мы уже мѣняли лошадей, а Курскъ еще видѣнъ былъ на холмахъ своихъ, и солнце кидало яркіе лучи на золотые верхи церквей его. Виды для насъ открылись новые, мы стали встрѣчать мазанки и однодворцевъ; строеніе здѣсь бѣднѣе нашего, Великороссійскаго, но за то живутъ обыватели гораздо чище и опрятнѣе; услышали Малороссійское нарѣчіе, обѣдали въ дубовой избѣ, выбѣленной снаружи; избы бѣлыя, по ихъ выговору съ грубами, т. е., съ трубами. * Но, ахъ! и здѣсь все ужь дорого! Дорога ровная, гладкая, но мѣста унылыя и степныя. На чистомъ полѣ простирался иногда горизонтъ нашего взора верстъ 30-ть и больше, но нигдѣ прута мы не видали, кромѣ насажден-

* Собственно, съ печками. О. Б.

ныхъ ветлъ по дорогѣ, да и тѣ щадитъ ли нашъ народъ? Многіе вырыты и поломаны; одни корзины остались, гдѣ сухіе корни ихъ показываютъ, что тутъ жили существа растительныя. За то гдѣ попадется роща, она садъ въ сравненіи съ нашими лѣсами. Невольно броситься въ нее погулять; отъ того ли, что онѣ рѣдки, или дѣйствительно безъ всякаго предубѣжденія онѣ содержатся хорошо, но по истинѣ вы въ нихъ не найдете ни сухостоя, ни валежника. Всякій лѣсокъ вычищенъ, какъ Англинская роща. Правда, что въ Вологдѣ, гдѣ милліоны считаютъ десятинъ лѣсныхъ дачъ, подчищать деревья трудно: инноватору что до того за дѣло: онъ проѣдетъ здѣсь и увидитъ чистую рощу, плѣнится ею, напишетъ систему, проектъ; лишь бы фортуна не отступилась, а то и въ Тотьмѣ давай чистить лѣса!

Въ Обояни мы на почтовомъ дворѣ напились чаю. Обоянь городокъ изрядный, разбитъ правильно и сидитъ на горѣ, откуда издали видѣнъ; построенъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Большая въ немъ улица и широка и довольно длинна. Два корпуса каменные, у коихъ стекла выбиты, крыльца вытоптаны, а двери сорвались съ петель и лежатъ на боку, носятъ на себѣ всѣ вывѣски казеннаго давнишняго зданія; спросилъ и не ошибся: это подлинно Присутственныя Мѣста. Пока мы гуляли по городу, одинъ обыватель возилъ хворую жену свою по улицамъ; она кричала безъ памяти разными голосами. Мужъ увѣрялъ насъ, что въ ней демонъ, а я совѣтовалъ ему свести ее къ Лѣкарю, ежели больна; а естьли безпокоитъ ее одинъ демонъ, то лучшее лѣкарство на этотъ припадокъ—Русская плеть.

Услышавъ разноголосицу дѣтскую въ одномъ низенькомъ домикѣ, я подумалъ, что это школа, и зашелъ. Точно такъ! Ребятъ человѣкъ 30. Учитъ мастеръ Грамматикѣ. Гдѣ просвѣщеніе не совьетъ гнѣзда? Сказать ли правду? Господа Профессоры! съ вашего дозволенія: Учитель пьянъ, а школьники по складамъ перебираютъ старыя изорванныя тетрадки; у одного изъ нихъ я нашелъ выдранный листъ изъ Адресъ-Календаря 18-го столѣтія; этотъ много вытвердилъ именъ на изустъ, да и то не въ прокъ: многіе изъ нихъ померли. Учителю очень хотѣлось узнать, кто такой пришелъ въ курткѣ къ нему въ школу; минутъ пять поскромничалъ, наконецъ вопросъ: «Кто вы таковы?» Отвѣтъ: «Проѣзжій.» Іерей, пришедшій, видно, навѣстить сынка, стоя въ углу у развалившейся печурки, ворчалъ сквозь зубовъ въ видѣ недоумѣнія: «О Господи мой Боже!» Учитель опять: «Можно знать, кто вы таковы?»—Я опять: «Проѣзжій;» а Попъ ту же пѣсню: «О Господи мой Боже!» Въ такомъ положеніи познакомились мы съ Учителемъ въ минуту, чтобъ на всегда другъ друга забыть. А въ той же школѣ, я думаю, иногда, для праздничнаго дня, и Технологію, и Миѳологію, и Эстетику, и все и вся знаютъ.

На пути изъ Обояни, верстахъ въ трехъ, усажена, на версту длины, широкая гать ветлами: онѣ уже разрослись, пустили обширные корни и даютъ пріятную тѣнь. Хорошее время вызвало насъ тутъ погулять: мы всю ее прошли. Что пріятнѣе въ степи подобнаго просѣка? Видъ дерева—сокровище въ безлѣсномъ мѣстѣ, да оно же и большую приноситъ пользу: зимой наводитъ путешественника на дорогу, а лѣтомъ спасаетъ отъ зноя; жаль только, что не хорошо старыя заведенія поддерживаютъ и не досаживаютъ деревьевъ: индѣ посохли, индѣ рвутъ молодые побѣги, и съ корнемъ; все требуетъ хозяйскаго глаза.

18 верстъ отъ Обояни остановились мы ночевать на постоялыхъ дворахъ. Около нихъ на полѣ видѣли мы до четырехъ кургановъ. Одни говорятъ—могилы, другіе—старыя разбойничьи землянки; но молва не лѣтопись. Хозяинъ нашъ, гостепріимный и простый господинъ почтальонъ, увѣрялъ насъ, что тутъ славный разбойникъ большія когда-то строилъ чудеса. Я, сидя на лавкѣ, попивалъ чай и утѣшалъ разскащика, давая всему вѣру; удивленіе наше приводило его въ восторгъ. Я думаю, что онъ въ первой разъ разсказывалъ свои сказки такъ, что надъ нимъ не хохотали. Впрочемъ, онъ не историкъ; ему и врать простительно, лишь бы лошади были готовы и онъ не прижималъ проѣзжихъ; а въ этомъ онъ всякой похвалы достоинъ; при томъ весьма услужливъ: отдалъ намъ свою собственную хату; мы въ ней ночевали: хоть тѣсна и душна, но, по крайней мѣрѣ, гаду нѣтъ. Таракан худой сонному товарищъ.

ГЛАВА X.

Бѣлгородъ.

21 числа выѣхали мы въ Бѣлгородъ. Не доѣзжая его, на послѣдней станціи Г. Исправникъ тутошній оказалъ намъ разныя вѣжливости. Жаръ былъ несносный; дорога утомительна. Мы желали болотъ, по тому что они хорошо здѣсь загачены, а ивы даютъ проѣзжимъ пріятную прохладу. Пока мы мѣняли лошадей, Малороссійскій слѣпой трубадуръ пропѣлъ намъ отечественный свой романсъ, т. е., Лазаря. Едва очутились въ городѣ, какъ съ окошка пропала золотая табакерка у нашего товарища: кто ее укралъ и куда она черезъ палисадникъ дѣвалась, не могли узнать ни тогда, ни послѣ. Всѣ изысканія были тщетны, и Квартальный Офицеръ, по милости котораго имѣли мы преизрядную квартиру и который отъ насъ не отходилъ, ни какимъ полицейскимъ волшебствомъ не могъ отыскать ни пропажи, ни похитителя. Свѣдавъ, что городъ имѣетъ много предметовъ для любопытства, мы расположились въ немъ остаться на сутки.

Бѣлгородъ посаженъ, такъ сказать, въ ямѣ, между мѣловыхъ горъ, отъ коихъ, чаятельно, и названіе свое получилъ. Улицы въ немъ очень песчаны; слѣдовательно, грязи не держатъ и не мостятся. Присутственныя Мѣста, лавки и многіе обывательскіе домы, каменныя. Въ городѣ протекаетъ рѣка Донецъ, впадающая въ Донъ. Я въ ней купался: вода прозрачная и ложе ея чисто. На нѣкоторыхъ строеніяхъ мнѣ образъ крышки полюбился, по тому что новъ для глазъ: домы кроются очень круто и изъ маленькихъ драничекъ, кои кладутся вкось и въ разные смыслы: иныя справа, на лѣво, другія иначе; отъ этого кровли имѣютъ настоящій видъ паркета.

Здѣсь живетъ Курскій Архіерей, Архіепископъ Ѳеоктистъ. Мы сочли долгомъ вѣжливости и почтенія къ сану явиться къ нему. Онъ самъ сбирался къ намъ, свѣдавъ о нашемъ пріѣздѣ, и принялъ насъ очень ласково. Старецъ сей, 80 лѣтъ слишкомъ,

еще пасетъ стадо свое, къ утѣшенію всѣхъ чадъ духовныхъ. Онъ скроменъ, доброхотенъ, вѣжливъ въ свѣтскомъ обращеніи; объ немъ-то можно сказать, по Апостолу Павлу, ненасилуя своей совѣсти: «Таковъ подобаетъ намъ Архіерей.» Мы имъ были угощены съ отмѣнною благосклонностію, безъ роскоши, приличной свѣтскимъ владыкамъ, но духовной бесѣдой и пастырскими трудами; самъ онъ водилъ насъ въ свою Семинарію и всѣ классы намъ показывалъ; видно, что онъ часто ихъ навѣщаетъ. Мальчики его не робѣютъ; образъ пастыря ихъ имъ знакомъ; они его встрѣчаютъ съ радостію, провожаютъ съ благословеніемъ. Не удовлетворясь симъ, Ѳеоктистъ посулилъ намъ на завтра отслужить обѣдню собственно для насъ, и пригласилъ видѣть его въ служеніи. Онъ угодить тѣмъ желалъ нашему нескромному любопытству, которое отъ него не потаили.

И такъ я видѣлъ святителя передъ престоломъ Господнимъ. Онъ, кажется, стоитъ на небѣ и служитъ прямо Вышнему, а не роль играетъ. Маститая престарѣлость его кажетъ въ немъ мужа праведнаго. Нѣтъ въ литургіи при немъ ни какой суетности; все преподобно и храму Божію прилично; сослужащіе всѣ у своего дѣла. Самъ онъ, осѣняя дряхлой десницей народъ, возводитъ всегда взоръ горѣ и низводитъ благословеніе Божіе безъ жеманства и тѣлодвиженія принужденнаго. Руки ему худо служатъ, трясутся, но на ногахъ еще бодръ. Въ одѣяніи его нѣтъ вымысловъ щегольства: оно богато, но просто. При чтеніи часовъ онъ поставлялъ юношу въ иподіаконы; привѣтливость его къ этому отроку плѣняла совершенно предстоящихъ; мальчика не толкали; онъ не теребилъ на немъ волосъ, какъ сіе часто водится, когда пастырь и все около его суетится. Ѳеоктистъ въ старости преклонной посвящалъ на служеніе Богу отрока: чувствительная его объ немъ молитва, воздѣяніе рукъ, соединеніе сихъ двухъ возрастовъ, представляли въ самомъ дѣйствіи что-то трогательное для сердца, вѣрою одушевленнаго. Пѣвчіе одѣты прекрасно, поютъ благопристойно и со вкусомъ; когда запѣли концертъ: «Готово сердце мое,» и пастырь сообщался святымъ дарамъ, можно было видѣть, глядя на образъ его и благословеніе, всѣ черты одушевляющее, что подлинно готово сердце его исповѣдаться Господеви. По окончаніи обѣдни, онъ зашелъ къ Игу-

менѣе, и мы за нимъ. Въ бесѣдѣ онъ шутливъ, веселъ и не скупъ на разговоръ; въ церкви истинный святитель, внѣ храма сподвижникъ Христіянскій, въ свѣтѣ гражданинъ умный и обходительный. Вотъ каковъ показался мнѣ Ѳеоктистъ! Онъ подарилъ меня двумя книжками трудовъ своихъ, и я ихъ сохраню, въ память его къ намъ пріязни. Домъ, въ которомъ онъ живетъ, также старъ, какъ онъ самъ.

Семинарія не въ самомъ цвѣтущемъ состояніи: иностранные языки, какъ то: Нѣмецкой и Французской, преподаются плохо. Есть и рисовальной классъ. Вошедъ въ него, Архіерей потребовалъ рисунокъ: одинъ подалъ птицу, и другой то же; старецъ улыбнулся. «За чѣмъ, сказалъ имъ съ лаской, вы все рисуете птицъ? Вы бы писали образа Святыхъ; ихъ бы раскупили, а вамъ на обувь пригодилось, а за пернатыхъ вамъ ни чего не дадутъ.» Библіотека довольно хороша, не велика, но есть въ ней старинныя Латинскія и Греческія творенія. Съ удивленіемъ увидѣлъ я знамена въ школахъ. Ректоръ, Священникъ бѣлаго духовенства, изъяснилъ мнѣ, что это значки, съ которыми, во время духовныхъ процессій, каждый классъ выходитъ, нося передъ собой ему принадлежащій: здѣшній обычай!

Соборъ прекрасный, живопись вообще отмѣнная, хотя не новаго вкуса. Нельзя безъ особеннаго удовольствія глядѣть на

* Ѳеоктистъ Мочульскій род. за Днѣпромъ, учился въ Переяславѣ и Кіевѣ, гдѣ и постригся. Въ 1761 г. взятъ Законоучителемъ въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ, съ 1767 Архимандритъ Глуховскаго Петропавловскаго монастыря, за тѣмъ Харлампіева Гамаліевскаго, потомъ Кіевскаго Михайловскаго, Ростовскаго Яковлевскаго и напослѣдокъ Полтавскаго Кресто-Воздвиженскаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ Администраторъ, 1775 г., Славенской, нынѣ Екатеринославской, Епархіи, въ помощь Архіепископу, Греку Евгенію Булгару; въ 1781 переведенъ въ Тверской Колязинъ монастырь; 1784 Епископъ Сѣвскій; 1787 Бѣлогородской Епархіи, переименованной, 1799 г., Курскою; съ 1801 Архіепископъ; имѣлъ ордена Анны 1-й и Александра Невскаго; скончался въ Бѣлгородѣ 1818 г., Апрѣля 30 дня. Писалъ и печаталъ довольно. Его «Краткое объясненіе Церковнаго Устава (М. 1800 и послѣ нѣсколько разъ съ поправками и дополненіями), было принято въ Духовныя Училища классическимъ. О. Б.

Царскія врата въ придѣлѣ: съ лѣвой стороны на нихъ художникъ изобразилъ Іисуса, возвращающагося къ стаду своему съ заблудшимъ агнцемъ; Спаситель несетъ его на раменахъ своихъ; всѣ эпизоды картины чрезвычайно выражены; вблизи стадо овецъ, ждущихъ пастыря и обращающихъ къ нему жадныя лицезрѣнія его очи; вдали стѣны Іерусалима со всѣмъ ихъ великолѣпіемъ; на лицѣ Христа живая радость: онъ обрѣлъ погибшую тварь, удалившуюся отъ стада. Мало глядѣть на эту картину; ее надобно, такъ сказать, внимать: она говоритъ нашимъ чувствамъ, трогаетъ сердце. Я не разумѣю красотъ живописи; природа отказала мнѣ въ чувствіи сего изящнаго искуства. Но я, я самъ плакалъ, не снимая глазъ съ очаровательной этой картины. Живописецъ, который ее начертилъ, имѣлъ, конечно, не кисть одну въ рукахъ, но духъ и разумъ своего мастерства.

Въ алтарѣ большаго храма куполъ надъ престоломъ на столбахъ прекрасной работы и весь видѣнъ сквозь пространную пустоту, между ими и Царскими дверьми, которыя очень низки. Вообще весь соборъ очень хорошъ и достоинъ любопытства. Въ немъ портретъ Екатерины съ мѣдной подъ нимъ доской, на которой означенъ годъ ея здѣсь шествія. Надъ уготованнымъ въ то же время для нея Царскимъ мѣстомъ нынѣ видѣнъ портретъ Государя Императора Александра Павловича, потомъ всѣхъ Епископовъ Бѣлоградскихъ поставлены изображенія во весь ростъ по стѣнамъ церкви. Я глядѣлъ на это, какъ на диковинку, по тому что до тѣхъ поръ не видалъ еще ни чего въ церквахъ, кромѣ святыхъ иконъ. Наши Архіереи, какой бы, впрочемъ, по нашему здѣсь заключенію, праведной жизни ни были, не должны бы, кажется, изъ одной скромности, естьли не изъ уваженія къ Дому Божію, ставить свои портреты тамъ, гдѣ покланяемся Василію Великому, Златоусту и вообще ликамъ Православныхъ Святыхъ; пусть бы духовные Владыки дарили свои списки въ галереи друзей, пріятелей и подчиненныхъ, но въ храмѣ увидѣть Епископа на стѣнѣ и въ кавалеріи, по мнѣнію моему, нескладно. Жаль, очень жаль, что я не могу въ семъ случаѣ добраго Ѳеоктиста отдѣлить отъ его собратіи!

Между пастырями здѣшняго края былъ нѣкто благороднаго происхожденія, по имени Іоасафъ Горленко. Онъ построилъ

при соборѣ придѣлъ во имя Страшнаго Суда. Мистическая церковь! Всѣ въ иконостасѣ образа представляютъ что ни будь взятое изъ Апокалипсиса. По его соизволенію подъ храмомъ симъ, въ нарочно сдѣланной палаткѣ, почиваютъ его мощи въ открытомъ гробѣ: они публично не прославлены, но тайнымъ вдохновеніемъ онъ почитаемъ многими за Святаго. Я видѣлъ его остатки: они удивительно сберегли̇сь отъ тли и всякой порчи; руки его суть какъ руки натуральныя человѣка недавно умершаго: но онъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тутъ спитъ. Проѣзжія барыни слушали по немъ при насъ панихиду.*

Въ женскомъ монастырѣ, въ особыхъ кельяхъ, живетъ Грузинская Царица, на покаяніе сюда присланная. Я не знаю политическихъ причинъ ея заключенія, но по свободѣ, съ которой всѣ къ ней входятъ, зашелъ и я. Покои ея не соотвѣтствуютъ ея прежнему званію: низки, бѣдны и тѣсны, но въ монастырѣ и то дворецъ. Она приняла жену мою и меня съ благородною гордостію, означающею, что она себя вездѣ чувствуетъ. Ей лѣтъ 40: ростъ ея не великъ, осанка статная, лицо Азіятское, красоты исполненное, говоритъ мало и черезъ переводчика. Она сохранила при себѣ весь свой маленькой статъ, на содержаніе котораго Дворъ отпускаетъ ей до 13 тысячъ рублей. Съ ней большая дочь ея, участвовавшая, какъ говорятъ, въ ея преступленіи. Она уже 22-хъ лѣтъ, но не показалась намъ, подъ предлогомъ нездоровья. Меньшія дѣти ея, сынъ и дочь, еще ребята; они очень милые, хорошо воспитываются. Царица, для обученія ихъ иностраннымъ языкамъ, держитъ Француза за 1000 руб. въ годъ: человѣкъ

* Іоасафъ род. 1705 года въ городѣ Прилукѣ Полтавской Губерніи, отъ тамошняго Полковника, и названъ Акимомъ, воспитывался въ Кіевской Академіи, съ 1725 надѣлъ рясофоръ въ Межигорскомъ монастырѣ и названъ Иларіономъ; черезъ два года монахъ въ Братскомъ монастырѣ съ переименованіемъ въ Іоасафа; съ 1728 Учитель Академіи въ продолженіи 3-хъ лѣтъ; 1734 Іеромонахъ, съ переводомъ въ Софійскій и Членъ Консисторіи; съ 1736 Игуменъ Лубенскаго монастыря, который старался возобновить послѣ пожара; съ 1744 Архимандритъ Троицкой Лавры; 1748, по назначенію Императрицы, Епископъ Бѣлогородскій; скончался въ Декабрѣ 1754 г., въ мѣстечкѣ Грайворонѣ, возвращаясь изъ Прилуки, послѣ свиданія съ родителями, въ Бѣлгородъ, и погребенъ въ ономъ 28 Февраля, 1755 г., въ приготовленномъ имъ для себя каменномъ склепѣ. О. Б.

не молодой, по наружному виду изрядный и хорошо занимающійся ихъ просвѣщеніемъ. Мы посидѣли у нея съ часъ и, набивъ голову множествомъ философическихъ размышленій, я съ ней разстался. Въ другой разъ видѣли ее у обѣдни, въ томъ же монастырѣ, изъ котораго она никуда не выходитъ, когда служилъ Архіерей. Царица очень богомольна; съ ней всегда ходятъ почетныя дамы и ея двоюродной братъ, молодой человѣкъ, выѣхавшій съ ней изъ Отечества своего добровольно, по одной чистой любви къ Царскому дому. Онъ пользуется полною свободой, но жертвуетъ ею несчастной своего племени Царицѣ, пригожъ, не безъ дарованія, чисто говоритъ по Русски и служитъ ей переводчикомъ; онъ посѣтилъ насъ на квартирѣ. Я очень доволенъ былъ его обращеніемъ. Въ церкви Царица стоитъ на мѣстѣ Настоятельницы, которое сія, конечно, изъ одной вѣжливости ей уступаетъ. Нарядъ не пышенъ, но драгоцѣнный алмазный перстень на рукѣ удостовѣрилъ насъ, что она не безъ сокровищъ сошла съ престола. Дочери ея большой мы и въ церкви не видали: она слушала обѣдню за рѣшеткою.

Игуменья въ этомъ монастырѣ женщина очень расторопная и свѣтская. Мы заходили къ ней послѣ обѣдни, у нея посидѣли и тутъ отъ Ѳеоктиста приняли на продолженіе пути Святительское благословеніе. Игуменья, какъ примѣтилъ я, имѣетъ даже вліяніе и на мѣстное правительство: по уваженію ли къ сану ея, или по приверженности личной къ ней, но жители и чиновники города стремятся угодить ей и совѣтами ея пользуются; при всемъ томъ и она не сильна была споспѣшествовать отысканію похитителя нашей табакерки; видно, этотъ воръ рясы не боится.

Скажемъ нѣчто здѣсь кстати о вѣстяхъ. Городничій здѣшній мнѣ свой; его не было въ городѣ на то время; я посѣтилъ его домашнихъ, и меня тутъ увѣряли, что я переведенъ въ другую Губернію, что уже Указъ не только состоялся, но даже и въ газетахъ выпечатанъ. Что жь этого вѣрнѣе? Я очень задумался и просилъ, чтобъ мнѣ доставили Вѣдомости; но какъ-то оказалось послѣ, что этотъ нумеръ пропалъ; а между тѣмъ я благополучно и съ удовольствіемъ воротился во Владиміръ. Какъ можно такъ выдумывать и ссылаться еще на газету, не боясь сличенія съ ней всегда удобнаго! Вѣрьте, пожалуйте, молвѣ.

Естьли у васъ на дорогѣ изломаются дрожки, или коляска, доѣзжайте какъ ни будь въ Бѣлгородъ: здѣсь есть каретная лавка и всякую повозку починятъ; какъ? за это не ручаюсь, но вывѣска такая же, какъ и въ Москвѣ, въ сараяхъ каретныхъ на Петровкѣ.

Поѣхавъ отсюда, вспомнимъ еще несчастную преступницу подъ вѣнцомъ и скажемъ ей заочно:

Съ престола въ плѣнъ попасть—ужасно,
Владѣть и вдругъ подъ властью быть,
Вздыхать въ обители всечастно,
Среди своихъ злодѣевъ жить:
Судьба такая для Царицы,
Лишенной правъ, вѣнца, столицы,
Есть гнѣва Божія черта.
Стяжи смиренья духъ въ напасти,
Убей ума надмѣнны страсти,
Познай, что все здѣсь суета!

Познай, что тотъ, кто предъ тобою,
Тебя въ Тифлисѣ богомъ звалъ,
Плѣняя разумъ твой мечтою,
Себѣ щедротъ твоихъ искалъ;
Смотри, съ какимъ лукавствомъ льстили,
Когда тебя превозносили,
Какъ бы безсмертно существо!
Нося вѣнецъ почти полвѣка,
Ты все не выше человѣка;
Въ тебѣ то жь бренно существо.

Пришла минута Провидѣнья, —
И гласъ его тебя настигъ,
Умолкли лести возглашенья, —
И палъ престолъ въ единой мигъ.
Въ странѣ, отъ родины далекой,
Въ тоскѣ, въ унылости глубокой,
Сносить учися свой удѣлъ;
Молись, и врачъ скорбей сердечныхъ,
Въ своихъ щедротахъ безконечныхъ,
Приближитъ бѣдъ твоихъ предѣлъ!

ГЛАВА XI.

Харьковъ.

Отъ Бѣлгорода до Харькова намъ цѣлая станція пришла въ накладъ и въ барышъ: за 25 верстъ лишнихъ заплатили пошлинъ. за то скорѣй доѣхали. Какъ быть невѣрну маршруту такому, который берется отъ одного города Губенскаго до другого сосѣдняго? Однако здѣсь между Харьковомъ и Курскомъ всякой проѣзжающій платитъ пошлины за лишнюю станцію, и на это вотъ какая причина: Почты дѣлаютъ вычисленія верстъ по разосланнымъ къ нимъ издавна Календарямъ; послѣ выпуска ихъ, по разнымъ соображеніямъ, стали мѣняться тракты, и найдены ближайшіе пути. Такъ точно и здѣсь: сблизили сообщеніе 25-ю верстами, но въ Календаряхъ сего не поправили, и знать о перемѣнѣ ни кому не дали; и такъ путешественникъ терпитъ напрасный убытокъ. Впрочемъ, кстати, говоря о семъ, здѣсь сказать, что вообще, во всю дорогу, я въ верстовыхъ исчисленіяхъ ни какой не нашелъ вѣрности, хотя маршрутъ мнѣ данъ былъ изъ Почтоваго же мѣста: индѣ версты прибавлены, индѣ нѣсколькихъ нѣтъ. Отсюда родится нѣкоторое своевольство между почтарями: они берутъ, что хотятъ; имъ платятъ, чего требуютъ; ни на что нѣтъ права—все по произволу. Сносно для человѣка достаточнаго, но бѣдной коммиссіонеръ, курьеръ казенный, которой не можетъ дать больше опредѣленнаго ему числа, что ему дѣлать? Онъ дерется и насильно впрягаетъ лошадей.

До заставы проводили насъ Гг. Частный и Квартальный. Товарищъ нашъ, взглянувъ на нихъ, еще вздохнулъ по своей табакеркѣ. При выѣздѣ изъ города встрѣтили мы шайку переловленныхъ разбойниковъ: они слонялись около этого Уѣзда. Въ компаніи съ ними, а ихъ человѣкъ до 30, два Дворянина, кои давали имъ пристанище. Изрядный способъ наживаться!

На Почтовомъ дворѣ, гдѣ мы обѣдали, я нашелъ картину любопытную: она представляетъ пеликана, питающаго трехъ птенцовъ своихъ; онъ пригвожденъ ко кресту, уязвляетъ себя въ

грудь и изливаетъ имъ собственную свою кровь; надъ ними горящее и прободенное сердце точитъ также каплями кровь въ чашу нашего спасенія; всюду около ея символическія надписи. Она мнѣ полюбилась. Странно находить мистику у почтальона. Я ее купилъ и привезъ съ собой, какъ находку.

Наконецъ въѣхали мы въ предѣлы Украйны. Началъ приходить мнѣ на память Панъ Хмельницкій и Мазепа. Здѣсь пресѣкаются искуственныя аллеи. Вмѣсто деревъ, на каждой верстѣ наметаны бугры земли, чаятельно для того, чтобъ не сбивались съ дороги обозы. Вездѣ безъ исключенія мазанки, нѣтъ другихъ жилъ. Появились Хохлы. Въ 28 верстахъ отъ Харькова деревня Липцы ими населена. Увидѣли мы образчики плодороднаго климата: на воздухѣ родятся арбузы безъ всякаго садовническаго присмотра; для нихъ отведены изрядныя мѣста, и ихъ зовутъ бакши. Туда, въ своихъ нарядахъ и въ пестрыхъ юбкахъ изъ ковровъ, ходятъ бабы очищать сей плодъ отъ побочныхъ растеній. Мы нѣсколько сборищъ такихъ объѣхали. Это дѣлаетъ пріятную для зрѣнія картину. У насъ арбузъ закутанъ въ оранжереѣ; одинъ садовникъ видитъ, какъ онъ родится, ростетъ и зрѣетъ, а мы только спросимъ его на столъ, когда поспѣетъ, разрѣжемъ его и съѣдимъ: тутъ, напротивъ, ни что его не заслоняетъ и не прячетъ, всѣ его видятъ, натура его воспитываетъ, а хозяинъ любуется имъ, и потомъ подчиваетъ имъ друзей своихъ.

Мы прибыли въ Харьковъ еще до захожденія солнца и съ трудомъ отыскали квартиру: всѣ постолые дворы дороги и безпокойны; трактиръ совсѣмъ не хорошъ, Полиціймейстеръ по приказанію Г. Губернатора, намъ отвелъ ее у одного купца, и мы лишь только расположились, то я послалъ за В...., который мнѣ издавна хорошій пріятель. Онъ тотчасъ явился, и мы взаимно другъ другу обрадовались. Въ разговорѣ откровенномъ одна рѣчь цѣпляется всегда съ другою такъ, что бесѣда продолжается нечувствительно до глубокой ночи: точно такъ и мы подарили себя этимъ вечеромъ; а между тѣмъ я запасся свѣдѣніями, куда на завтра ѣхать, что смотрѣть и чѣмъ заняться.

Естьли судить о городахъ по наружному ихъ виду, то Харьковъ не утѣшитъ: онъ расположенъ худо и видъ представляетъ

самый пустынный; но въ немъ живутъ весело и любятъ угощеніе. Насъ всѣ очень обласкали. 23 числа день прекрасный для меня, день имянинъ жены моей; я началъ тѣмъ, что пошелъ къ обѣдни, слушалъ ее въ Архіерейскомъ домѣ; его въ городѣ нѣтъ; здѣшній Епископъ, Христофоръ Сулима, живетъ въ 7 верстахъ, въ загородномъ домѣ. Говорятъ что онъ не любитъ общества. Я его, напротивъ, вездѣ и всячески люблю; и такъ не разсудилъ къ нему ѣхать заводить знакомства. На что сближать два свойства совсѣмъ противныя? * Въ церкви его, во время службы ни что особеннаго на себя вниманія не обратило, кромѣ двухъ портретовъ, Елисаветы и Анны, кои поставлены, одинъ противъ другого, на стѣнахъ, подъ сводомъ, отдѣляющимъ трапезу отъ церкви. Я не могъ равнодушно смотрѣть на такую противоположность: жизнь и смерть, улыбка кротости и блѣдная тиранія съ глазу на глазъ. Мнѣ простятъ, ради моего прозванья, маленькую дрожь при взглядѣ на грозную Анну. Ахъ! естьли въ мѣстахъ, посвященныхъ Божеству, могутъ, по естественному человѣку тщеславію, терпимы быть такія жертвоприношенія людямъ великимъ, то пусть уже ставятъ въ нихъ черты Антониновъ, Маркъ Авреліевъ, Елисаветъ, а времена Бирона по что напоминать подъ сѣнію миролюбиваго Христа?

Ознакомившись съ Губернаторомъ утреннимъ моимъ къ нему визитомъ, я очень доволенъ былъ его ласковостію. Онъ человѣкъ уже не молодой, опытенъ въ своемъ дѣлѣ, словоохотенъ и гостепріимства не чуждается. Онъ далъ намъ прекрасный ужинъ, о которомъ буду говорить ниже. Получивъ отъ него позволеніе на свободу все осмотрѣть любопытное въ городѣ, я началъ съ ученыхъ заведеній, и попалъ очень счастливо на публичный экзаменъ.

---

* Сынъ Переяславскаго Полковника, служилъ въ гусарахъ Офицеромъ, потомъ постригся въ монахи и слушалъ Богословіе въ Кіевской Академіи, послѣ былъ Θеодосіевскимъ Епископомъ, а съ 16-го Октября, 1799 года, сдѣланъ Харьковскимъ, послѣ перенесенія каθедры изъ Бѣлгорода; умеръ 18-го Мая, 1813 года. О. Б.

ГЛАВА XII.

Продолженіе.

При домѣ Архіерейскомъ учреждено издавна, подъ названіемъ Коллегіума, духовное училище. Основатель его, современникъ Петра I, Фельдмаршалъ Голицынъ. * Родственникъ его, Графъ Румянцевъ, ** прислалъ сюда бюсты знаменитаго сего мужа и сына его, бывшаго Посломъ въ Вѣнѣ. *** Погруди сіи или бюсты стоятъ въ большой залѣ, и подъ первымъ слѣдующая надпись: «Чтите добродѣтель Голицына!» При мнѣ было, по порядку годичному, состязаніе въ Богословскихъ и Философскихъ предметахъ: они производятся на Русскомъ языкѣ съ примѣсью иногда Латыни. Нигдѣ я не слыхивалъ такого сладкаго произношенія Латинскаго нарѣчія, какъ въ устахъ Малороссіянъ: выговоръ ихъ имѣетъ

* Князь Михайло Михайловичъ, сынъ Боярина и Воеводы Курскаго, Кн. Мих. Андреевича, род. 1-го Ноября, 1675 года, сподвижникъ Императора Петра I-го: взялъ 1702 г. Шлиссельбургъ, рзбилъ Шведовъ при Добромъ (1708), участвовалъ въ сраженіи подъ Лѣснымъ (1708) и подъ Полтавой (1709), преслѣдовалъ ихъ до Переволочны, былъ въ Прутскомъ походѣ (1711), покорилъ (1714—1721) Финляндію до Лапоніи; съ 1723 года начальствовалъ войсками, расположенными въ Малороссіи; 1725 Генералъ-Фельдмаршалъ, а 1726 основалъ въ Харьковѣ Коллегіумъ, при содѣйствіи Бѣлгородскаго Епископа, Епифанія Тихорскаго, укрѣпя за симъ заведеніемъ село Песочки съ хуторами; при Петрѣ II-мъ Президентъ Военной Коллегіи, Сенаторъ и Членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта (1728); при Аннѣ, за участіе въ совѣтѣ противъ нея, былъ отдаленъ, съ прочими, отъ Двора и вскорѣ скончался, Декабря 10-го, 1730 года. О. Б.

** Славный Румянцевъ-Задунайскій женатъ былъ на одной изъ дочерей Князя М. М. Голицына, род. 1725, ум. 1796 г. О. Б.

*** Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ род. 15 Мая, 1721 г., служилъ съ начала въ войскѣ до Генералъ-Маіора, а съ конца Мая, 1761 г., назначенъ былъ Посломъ въ Вѣну, черезъ годъ (1762) Генералъ-Поручикъ, въ 1772 Дѣйств. Тайный Совѣтникъ; участвовалъ, въ 1781, въ склоненіи Императора Іосифа II-го къ морскому нейтралитету, а 1785 въ тайныхъ переговорахъ съ Кауницомъ касательно раздѣленія Польши; 1792 уволился, и 19-го Сентября, 1793 г., умеръ.

что-то особенно пріятное для слуха нѣжнаго. Ректоръ, управляющій симъ заведеніемъ, изъ бѣлаго духовенства, особа умная и съ отличными познаніями. Между разными школьными предложеніями, дано было и то, что міръ сей есть совершеннѣйшій. «Вѣрю, но не убѣжденъ,» возразилъ я отцу Ректору; «ибо кто его сдѣлалъ такимъ, тотъ могъ его сдѣлать и лучше и хуже. Какъ вы объ этомъ думаете?»—«Я не смѣю, отвѣчалъ онъ мнѣ, назвать его совершеннѣйшимъ, по тому что хлѣбъ очень дорогъ.» Я посмѣялся этой причинѣ и понялъ, что ни кому не хочется спорить о томъ, что весьма трудно доказать можетъ умъ человѣческій. Знамена или значки, также какъ и въ Бѣлгородѣ, и здѣсь есть во всякой школѣ. Осмотрѣвъ Библіотеку, я замѣтилъ въ ней наипаче Лѣтописецъ Димитрія Ростовскаго, Отче Нашъ на стѣ діалектахъ, Библію на 6 Восточныхъ языкахъ, съ Лексикономъ на столькихъ же, и тѣхъ же въ руководство къ переводу, и грамоту, пожалованную сему училищу Императрицею Анной. Увидя тотъ почеркъ, которымъ нѣкогда подписана казнь моего дѣда, * я закрылъ глаза и бархатную книгу. Природа дышать мнѣ не дала свободы, и я нѣсколько мгновеній былъ въ трепетномъ ужасѣ.

Онъ отличался въ Вѣнѣ покровительствомъ ученымъ, особенно художникамъ, собралъ дорогую картинную галерею и основалъ Голицынскую больницу въ Москвѣ; подъ сводами церкви этой больницы онъ и погребенъ. О. Б.

* Князя Ивана Алексѣевича, сына Князя Алексѣя Григорьевича, а внука Кн. Григорія Ѳедоровича, брата славнаго Князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго; род. 1713 г. и воспитывался за границей; былъ любимцемъ Петра II-го, содѣйствовалъ паденію Князя Меньшикова и, въ свою очередь, по смерти Государя, обрученнаго уже съ его сестрой, Екатериной, сосланъ, 1730 г., въ Березовъ, гдѣ прежде находился Меньшиковъ, по повелѣнію Императрицы Анны Ивановны. До 1739 г. онъ былъ въ ссылкѣ съ женой своей, Графиней Натальей Борисовной Шереметевой, и прочими родными, и потомъ, по доносу роднаго брата своего (Александра), привезенъ въ Новгородъ и тамъ колесованъ 26 Октября. Изъ двухъ его сыновей, Князь Михайло Ивановичъ служилъ въ гвардіи Капитаномъ и потомъ былъ Почетнымъ Опекуномъ Московскаго Воспитательнаго Дома, а Князь Дмитрій Ивановичъ отпущенъ съ матерью въ Россію и позднѣе умеръ въ Кіевѣ, постригшись тайно въ рясофоръ. Князь Михайло Ивановичъ былъ отецъ сочинителя этого путешествія. О. Б.

Въ Харьковѣ, по новому образованію просвѣщенія, заведенъ также и Университетъ, * подъ попеченіемъ начальника того Округа, Графа Потоцкаго. ** Соревнованіе между учеными приноситъ важную пользу учащимся: я нѣкоторый опытъ того видѣлъ и на диспутахъ; ибо Студенты Университетскіе приходили съ Академиками въ Коллегіумъ оспаривать ихъ предложенія, и отъ сей стычки умовъ и понятій летятъ искры глубокихъ познаній. Пусть и здѣсь, по связи между собою, живучи въ одномъ городѣ, одни и другіе учители снесутся заранѣе о предметахъ, для прѣнія заготовленныхъ, и выйдетъ изъ того хорошая комедія, наизустъ выученная. Согласенъ: но для чего не повѣрить, что иногда и безъ обмана господа ученые другъ друга на диспутахъ пощиплютъ? Сравнивать сихъ двухъ заведеній, свѣтскаго и духовнаго, нельзя. Одно уже укоренилось, другое лишь процвѣтаетъ.

Г. Рижскій, Ректоръ Университета, съ отмѣннымъ доброхотствомъ казалъ намъ любопытное и привлекающее на себя вниманіе. *** Университетъ помѣщенъ въ Генералъ-Губернаторскомъ домѣ, чаятельно, на время, по тому что онъ не довольно для сей цѣли обширенъ. Всѣ классы открыты и въ настоящемъ своемъ

* Въ 1803 году. О. Б.

** Графъ Северинъ Осиповичъ. О. Б.

*** Священническій сынъ города Риги, род. 1761 г., учился въ Псковской и Троицкой Семинаріяхъ; съ 1778 Информаторъ, послѣ Учитель Риторики; въ 1785 оставилъ Духовное званіе съ чиномъ Губернскаго Секретаря, но въ концѣ того же года получилъ каѳедру Философіи, а черезъ годъ (1786) снова уволился въ свѣтское званіе и былъ Учителемъ въ Горномъ Корпусѣ; 1797 Секретарь Св. Синода, изъ коего опять, черезъ два года, перешелъ въ Корпусъ; 1804 поступилъ Профессоромъ Словесности въ новооткрытый Харьковскій Университетъ; съ 1809 г. Ректоръ его; скончался 1-го Апрѣля, 1811 года Коллежскимъ Совѣтникомъ и Докторомъ Философіи; былъ также Членомъ Россійской Академіи. Между прочимъ онъ издалъ Риторику (подъ названіемъ «Опытъ Риторики.» Спб. 1796; съ дополненіями въ Харьковѣ 1805 г.), бывшую нѣкоторое время руководствокъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, равно какъ «Науку стихотворства.» Спб. 1810; «Введеніе въ кругъ Словесности,» тамъ же, 1806 г., и др. О. Б.

дѣйствіи. Домъ обогащенъ книгами и разными инструментами; сихъ послѣднихъ на уважительную уже пріобрѣтено сумму, и удачный выборъ ихъ есть опытъ трудовъ пекущихся о семъ новомъ заведеніи. Профессоры всѣ почти люди молодые; одинъ старикъ, Французъ, занимается преподаваніемъ изящной Латинской и Греческой Словесности; онъ же и Библіотекарь; я имъ особенно занялся. При всей той угрюмости, какой требуютъ возложенные на него труды и самыя его лѣта, я удивился, нашедъ его въ иныя минуты такъ легкимъ, смѣю ли сказать? и вѣтренымъ, какъ мы привыкли понимать его соотчичей: безпрестанный смѣхъ не сходитъ съ его лица; вдругъ онъ заважничаетъ и сдѣлается несноснымъ педантомъ, чтобъ тотчасъ же послѣ того надъ собой разсмѣяться и выпустить какую ни будь остроту. * Астрономическій классъ, судя по орудіямъ, коими его снабдили, есть также доказательство того, сколько заботятся объ изученіи полезномъ здѣшняго юношества.

Кабинетъ Минеральный очень хорошъ. Въ немъ глаза остановятся съ удовольствіемъ на одной штуфѣ, которая представля-

* То былъ Яковъ Яковлевичъ Беленъ де Баллю, съ 8-го Декабря, 1803 года, Профессоръ Греческой и Французской Литературы; онъ же большею частію читалъ и Латинскую, а также завѣдывалъ Библіотекой. Отдѣленіе Нравственно-Политическихъ наукъ признало его Докторомъ. Онъ сынъ Адвоката, р. 1753 г., и до выѣзда въ Россію былъ Членомъ Парижской Академіи Надписей и Изящной Словесности (Academie des Inscriptions et Belles Lettres), потомъ Совѣтникомъ Монетнаго Департамента (Двора), Членомъ Національнаго Института; во время революціи находился въ заключеніи 8 мѣсяцевъ, въ правленіе Робеспьера, по смерти коего освобожденъ безъ суда. Во Франціи извѣстенъ своимъ переводомъ Лукіяна: «Oeures de Luciens, traduites du Grec, avec des notes historiques et critiques sur le texte et la collation des manuscr. de la Bibl. du Roi, par Jac. Belin de Ballu. Paris, 1788, 8°, 6 voll. Въ 1807 г. онъ напечаталъ, при «Обозрѣніи публичныхъ чтеній Харьковскаго Университета,» извѣстіе о Греческихъ рукописяхъ Университета: «Notitia et descriptio aliquot codicum manuscriptorum, quae reperiuntur in bibliotheca Universitatis Imperialis, quae Charkoviae floret» (X p., 4°), и тогда же произнесъ, въ торжественномъ собраніи Университета: «Рѣчь о томъ, какое воспитаніе преимущественнѣе, общественное ли, или домашнее?» («Discours sur l'éducation publique, comparée à l'éducation privée»). Въ 1811 г. перешелъ въ С.-Петербургскій Педагогическій Институтъ. Женатъ и имѣлъ 5 сыновей и 3 дочерей. Умеръ 1815 г. Говорятъ, отличался основательной ученостью и даромъ преподаванія. О. Б.

етъ аматистовую дыню; нѣсколько медалей, по порядку расположенныхъ, и всѣ въ большомъ благоустройствѣ. Типографія въ найлучшемъ порядкѣ. Зала Совѣта убрана приличнымъ образомъ: въ ней разставлены прекрасныя произведенія Россійскихъ художниковъ: портретъ Государя, потомъ Графа Завадовскаго и Потоцкаго. Я видѣлъ мимоходомъ нѣсколько искуственныхъ моделей для класса Технологіи. Нельзя не быть довольнымъ симъ возродившимся училищемъ, но сказать должно, что, при всемъ усердіи и раченіи тутошнихъ властей, Университетъ еще очень молодъ и новость его бытія очевидна повсюду. Ни какія усилія наши не сдѣлаютъ того въ одинъ годъ, что дѣлаетъ время и постепенность вѣковъ: отъ того самаго и Коллегіумъ не можетъ въ сущности своей цѣли равняться съ Университетомъ, и сей не оспоритъ тому естественнаго превосходства. Г. Рижскій, между рѣдкостями Университета, показывалъ мнѣ содранную съ дикой женщины въ Америкѣ цѣлую кожу; она отъ времени получила видъ пергамена. Я выпросилъ лоскуточекъ, и взялъ его съ собой. Бѣдная женщина! И она, я думаю, нѣкогда нравилась подобному себѣ! Откуда попалась къ нимъ такая добыча, я не могъ доказательно узнать; но ужъ ли въ ученомъ мѣстѣ солгутъ? Студентовъ человѣкъ до 60-ти. Медицинѣ учатся только двое, а Профессоровъ по сей части человѣкъ 12. Ясное доказательство, что казна ни чего не щадитъ для наукъ! Остается намъ самимъ хотѣть просвѣщенія: люди, домы и средства—готовы. Мнѣ не полюбилось, естьли смѣю быть чистосердеченъ, одно то, что Студенты сами держатъ артель и одинъ изъ нихъ печется о столовомъ хозяйствѣ. Казалось бы, что такими заботами не надлежало развлекать умы молодыхъ людей, коихъ всѣ мысли обращать должно къ одной учености. Независимо отъ Университета, по общему стату для Губернскихъ городовъ, есть въ Харьковѣ и Гимназія. * Въ нее ходили тогда 400 учениковъ.

* Учреждена, вмѣстѣ съ Университетомъ, вмѣсто Училища Прибавочныхъ Классовъ, основаннаго 1768, съ которымъ было соединено и Народное Училище, образованное 1-го Марта, 1798 г. Прибавочные же классы состояли при Коллегіумѣ (къ преподаваемымъ наукамъ въ послѣднемъ прибавлены: Математика и Геометрія, языки Французскій и Нѣмецкій, рисованіе, а съ 1773 музыка и пѣніе). О. Б.

Попеченіемъ Университета разводится Ботаническій садъ, на который, разумѣется, казна дала и деньги и мѣсто. Я въ немъ гулялъ: сказать громкаго ни чего нельзя; новое заведеніе, однако, для публики уже изрядная прогулка; есть гдѣ повидаться съ пріятелемъ и часъ времени проводить пріятно. На концѣ широкой аллеи, на выгодномъ мѣстѣ для виду, поставлена бесѣдка съ куполомъ; взоръ изъ нея обнимаетъ весь городъ. Черезъ 20 лѣтъ этотъ садъ будетъ очень хорошъ.

Между каменными строеніями нельзя не замѣтить одного дома частнаго обывателя, самой странной архитектуры: онъ круглый, какъ столбъ, и выведенъ въ два этажа. Жаль, что хозяину не дано, или самъ догадался его, не достроивать! Любопытно было бы видѣть, какъ онъ, отдѣлавши его, сталъ въ немъ жить.

Рѣка въ городѣ обыкновенно не хороша и бѣдна водою. При насъ только она показалась въ красѣ своей, по тому что запружена и гордится своимъ богатствомъ. *

Заведеніями Приказа здѣсь хвастать нельзя: все есть понемножку, но въ большой тѣснотѣ. Вы найдете и больницу, и безумный домъ, и инвалидовъ; вездѣ чисто и опрятно. Но помѣщеніе недостаточно. Мазанки, содержащія всѣхъ сихъ страждущихъ и безумныхъ, въ развалинахъ. Я нашелъ между полоумными бѣшенаго Титулярнаго Совѣтника на цѣпи и очень смирнаго Штабъ-Лѣкаря: послѣдній сидитъ тутъ съ 96 года, а меня увѣрялъ, что онъ 5 лѣтъ только лишенъ свободы. Какое благополучное сумашествіе! И въ тяжкой неволѣ умѣть коротать время! Въ этомъ смыслѣ захотѣли бы многіе, но старые люди, подобно ему быть безъ ума.

Въ Больницѣ нашелъ я двухъ Турокъ съ ознобленными ногами. Одинъ Боснякъ, и хоть мало, но что ни будь умѣетъ мол-

* Въ Харьковѣ двѣ рѣки: Лопань и Харьковь (или Харьковка) и протокъ Нетечь. Значительнѣйшая изъ нихъ первая. О. Б.

вить по Русски, а другой Анатолецъ и ни слова не выговоритъ. Вообще въ городѣ ихъ человѣкъ до 50-ти. Россійскія войска таровато надѣляютъ ими внутреннія наши провинціи. Одинъ изъ хворыхъ просилъ у меня не на водку, а на табакъ: охотники больше курить его: день и ночь трубки изъ рукъ не выходятъ.

Пора молвить о здѣшней публикѣ. Все то, что я видалъ въ домахъ Губернатора и Вице-Губернатора, * заставляетъ думать, что въ Харьковѣ безъ скуки можно проводить время. Общество людное, по настоящему лѣтнему времени, и очень хорошо собрано. Старый мой знакомый Вице-Губернаторъ далъ мнѣ обѣдъ, а Губернаторъ позвалъ на вечеръ; у него я и ужиналъ. Обоихъ сихъ Господъ супруги — дамы любезныя и съ навыками большаго свѣта. Гостепріимство въ обоихъ ихъ домахъ найлучшее, поступки соединяютъ милую простоту съ нѣжною разборчивостію большихъ городовъ. Не станемъ говорить о роскоши: она и здѣсь вошла въ кости каждаго. Наряды дамъ, убранство столовъ, изобрѣтеніе приправъ и соединеніе всѣхъ плодовъ, съ трудомъ снискиваемыхъ даже и въ томъ климатѣ, все заставляетъ чувствовать прелести улучшеннаго свѣта. Жаль, что домы ни того, ни другого, не отвѣчаютъ ихъ готовности угощать: малы, низки и для большой публики тѣсны.

Одна благородная дѣвушка, дочь тутошняго Чиновника, прекраснѣйшимъ образомъ играла на фортепіано, не бездѣлки однѣ: вальсы, пѣсенки, романсы; совсѣмъ нѣтъ, самыя мудреныя ноты разыгрывала, часто съ чувствомъ и выраженіемъ: не многіе и въ столицахъ нашихъ выдержали бы съ нею сравненіе. Заслушавшись, я увлеченъ былъ гармоніей въ горестныя и близкія еще ко мнѣ напамятованія. Мнѣ пришла на мысль дочь моя милая, Маша. Хозяйка увидѣла въ глазахъ моихъ слезы, и я, предваряя ея вопросъ, сказалъ: «Такъ точно дочь моя играла меньше года тому назадъ.» Закрывшись обѣими руками, она ушла прочь отъ меня. Я отдалъ смятеніе ея на счетъ чувствительности сердца, которое часто не умѣетъ и чужихъ переносить печалей. Не-

* Первымъ былъ въ то время Бахтинъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и очень расположенный къ Университету, а вторымъ Муратовъ, умѣвшій ладить, въ особенности съ высшими. О. Б.

счастная! Она сама оплакивала два мѣсяца смерть милаго сына, которому было 20 лѣтъ. О! этѣ язвы не исцѣльны: ихъ и время не врачуетъ. Горести наши вездѣ съ нами путешествуютъ. Прости мнѣ, читатель, сію черту меланхоліи!

Губернаторъ встаетъ рано и, отдѣлавшись, опять спитъ въ жаръ полуденный; отъ того и ужинъ его не долго продержалъ гостей за полночь. Это совершенно на мой вкусъ: я худой товарищъ тѣмъ, кои ночь дѣлаютъ днемъ.

Бостонъ и здѣсь въ модѣ, но я имъ не занимался. Уши мои и глаза обращались на множество предметовъ постороннихъ, и я не могъ ни на чемъ постоянныхъ остановить мыслей. Въ путешествіи все прельщаетъ, или занимаетъ: все ново, на все хочется взглянуть, всего послушать.

Быть было сегодня театру, но не состоялся за тѣмъ, что труппа какъ-то разстроилась. Полтава сманиваетъ къ себѣ актеровъ и актрисъ, и Харьковъ не можетъ напастись талантовъ, а скоморошества простаго стыдятся. И такъ я не ознакомился ни съ Таліей, ни съ Мельпоменой, Украинской страны.

Зимою того года истекалъ въ Харьковѣ срокъ выборамъ, и къ тому же времени приготовлялось торжество по случаю грамоты, за милицію Харьковскому Дворянству данной. Публика ждетъ на сей случай баловъ и зрѣлищъ театральныхъ.

Я вспомнилъ здѣсь, что нѣкогда объявлено было въ Вѣдомостяхъ о новомъ родѣ трубъ деревянныхъ, изобрѣтенныхъ въ Харьковской Губерніи для пожаровъ. Я просилъ Г. Губернатора мнѣ показать одну, и я видѣлъ, что такое. Самое простое, окованное, деревянное лукошко съ придѣланнымъ насосомъ. Вода выжимается свободно и брыжжетъ въ мѣру высоты обыкновенныхъ крестьянскихъ жилъ. Механизмъ самый легкій и немудреный. Цѣна всей трубѣ 10 руб. Что жь можно имѣть за такую низкую плату? Естьли, глядя на него, вообразить тѣ трубы, за кои платятся сотъ по восьми рублей, конечно, она покажется негодной: довольно и того, что дѣлаетъ ее Русской мужикъ, и дѣлаетъ дешево, и что во время огня она его заливаетъ.

ГЛАВА XIII.

Выѣздъ изъ Харькова. Валки.

Здѣлавъ мои прощальные визиты, и кто знаетъ? можетъ быть на всегда, добрымъ Харьковскимъ жителямъ, кои меня наиболѣе приласкали, я, съ крайнею благодарностію начальникамъ здѣшнимъ, оставилъ городъ и выѣхалъ, отобѣдавъ довольно не рано у Вице-Губернатора, въ Ивановъ день, 24-го Іюня. Мы не спѣшили далеко уѣхать, лишь бы почевать не въ полѣ. Отъ Харькова въ 59-ти верстахъ Уѣздный городъ Валки. Уже ли, думалъ я, не сыщемъ мы тамъ квартиры? Вотъ и предметъ нашъ на сегодништй день!

Выѣхавъ изъ города, мы зачали чувствовать преимущества теплыхъ климатовъ. Сады съ грушами, бергамотами были для насъ первой диковинкой въ объѣзжаемой странѣ. Дорога гористая, за то мѣста для виду красивыя. Въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ устроены корчмы на образецъ Польскихъ, и Малороссійскіе шинки: веселый поселянинъ съ скрыпицей, сидя у воротъ, наигрываетъ нѣжныя пѣсни и славитъ свою милую коханочку.

Харьковская Губернія слыветъ богатой хлѣбомъ. Въ этомъ нѣтъ спора: однако винокуры истощаютъ ея запасы такъ, что когда въ одномъ Уѣздѣ хлѣбъ продается, тогда въ другомъ принуждены бываютъ жители покупать его извнѣ. Я слышалъ, что въ 1809-мъ году здѣсь такой былъ неурожай, что по 8 руб. покупалась четверть хлѣба. Какая высокая цѣна для Украйны! Не меньше странно и то, что теплый здѣшній климатъ часто занимаетъ у сѣвернаго его холодъ и вредныя непогоды для садоводства. Нынѣшній годъ (я говорю о 1810, въ которомъ мы тамъ были), стужа продолжалась такъ поздно, что 1-е Іюня здѣсь былъ морозъ и лежалъ на землѣ толщиной съ мѣдной пятакъ: всѣ жители согласно это утверждали. Чему же дивились мы, выѣхавъ изъ Володиміра 31-е Мая, что тамъ безъ шубы выйти на воздухъ было нельзя! Но тамъ это часто и весьма обыкновенно, а здѣсь такъ рѣдко, что многіе подобнаго лѣта не помнятъ.

Въ Люботинѣ (деревня изрядная!) мы мѣняли лошадей; остановясь на минуту у почтальона, завели съ нимъ бесѣду: о чемъ же думаете вы? О симпатіи! Господинъ курьеръ называлъ этимъ словомъ связь свою, и связь весьма неплатоническую, съ какой-то женщиной, сообразно климату довольно плодоносной. Онъ имѣлъ отъ нея кучу ребятъ. Онъ любилъ и философствовалъ своимъ маперомъ. Едва не ближе ли чувства его къ натурѣ нашихъ! Мы въ палатахъ задумываемся, воображаемъ, а онъ, сидя въ мазанкѣ своей, смѣется и ощущаетъ. Пусть его зовутъ невѣжей!

Приближаясь къ Валкамъ на закатѣ яркаго солнца, послѣ душнаго и утомительнаго дня, мы въѣхали въ прекрасную долину: не грѣхъ сравнить ее съ Темпейской. О! какъ здѣсь намъ было хорошо и пріятно! Она какъ нарочно убрана плодовитыми деревьями; оранжереи нашихъ вельможъ не дадутъ имъ такого благовонія, какимъ отъ сихъ деревъ накуренъ въ окрестности здѣшней весь воздухъ. Мы гуляли тутъ, дышали, жили въ прямомъ смыслѣ слова жить.

Повторилъ, и не въ послѣдній разъ на семъ пути, что путешествовать есть блаженство для души дѣятельной и страстной: тамъ видишь любопытное, тутъ прекрасное, индѣ плѣняешься, индѣ хохочешь. Здѣсь, на примѣръ, на самой большой дорогѣ, вмѣсто грани, кто-то вздумалъ выставить выдолбленную изъ камня фигуру: она такъ странна, что мы, не утерпя, выскочили изъ коляски и подходили ее разсматривать: съ боку видишь медвѣдя, а прямо—образъ женщины. Охота была кому ни будь такимъ уродствомъ, днемъ смѣшить, а по ночамъ пугать проѣзжихъ.

Очень уже было темно, когда пріѣхали мы въ Валки; и такъ города мы не видали; просили квартиры, но съ трудомъ нашли порядочную. Трактиръ занятъ весь Приказными, кои ходятъ сюда забывать по ночамъ выписки свои и справки около шаровъ, картъ и сладкой водки. Намъ грубая того дома хозяйка отводила одинъ бильярдъ. Какого ждать тутъ покоя! Городничій, не давно пріѣхавшій на новое мѣсто, худымъ былъ намъ руководителемъ. Естьли вѣрить описанію, въ этомъ городѣ до 5-ти тысячъ душъ, но ни одной порядочной квартиры: все строеніе состоитъ изъ

мазанокъ, и во многихъ нѣтъ половъ. Съ трудомъ большимъ отважились мы занять на одну ночь домъ помѣщика тутошняго, Г. Без....., котораго не было дома. Въ покояхъ его все означаетъ человѣка зажиточнаго: у него мы и ночевали.

Что можетъ быть пріятнѣе, какъ въ хорошее утро, при благорастворенномъ воздухѣ, прогуливаться безъ дѣлъ, безъ докукъ, въ полной свободѣ, въ саду, усыпанномъ плодами, рвать ихъ безъ скромности, ѣсть и класть въ карманъ и мечтать о золотомъ вѣкѣ, когда, говорятъ, вездѣ всѣ люди брали даромъ! Не правда ли? Позавидуйте же мнѣ, мои читатели: это было мое положеніе 25-го числа Іюня, 1810 года, въ прекрасномъ саду Господина Без., въ Уѣздномъ городѣ Валкахъ. Тутъ нѣтъ проспектовъ, Англинскихъ дорожекъ, подчищенныхъ деревъ: натура, одна натура, но въ самомъ своемъ цвѣтномъ платьѣ, обогащенная плодами, расточающая всюду свои благовонія. Сколько же я тутъ погубилъ у незнакомаго хозяина Шпанскихъ вишенъ, персиковъ! Морозъ не засталъ уже цвѣтовъ, а по тому и не испортилъ плода.

Между фруктами я нашелъ въ саду и азбуку. Мальчики, кои стерегутъ плоды, не отъ людей (отъ нихъ ни чего не убережешь), а отъ птицъ, и посылаются сюда съ трещотками гонять ихъ стукомъ далѣе, эти юные стражи тѣмъ же временемъ грамотѣ учатся; а тѣ, кои на работу не посылаются, ходятъ учиться по Латыни въ школу. Все это не означаетъ ли домостроительства и распорядка?

Я не распространю описанія города: онъ немного значитъ; поѣдемъ далѣе, поспѣшимъ туда, гдѣ нѣкогда Петръ судьбу рѣшилъ своего Государства. Отсюда до Полтавы дорога вообще прекрасная и очень ровная; почтари возятъ чрезвычайно скоро; нѣтъ нужды ихъ погонять; но въ измѣреніяхъ верстъ вездѣ большое несходство: это уже примѣчено было мною. Маршруты Гг. Губ.... нигдѣ не сходны съ почтовыми: одинъ свое, другой свое число верстъ считаютъ; для проѣзжихъ это весьма сбивчиво. Приведемъ здѣсь еще одинъ примѣръ. Отъ Колениковъ,* первая станція за Валками, до Войнихи заплатили

* Коломакъ? О. Б.

мы прогоновъ за 28 верстъ, а довезли насъ въ $1\frac{1}{4}$ часа. Вѣдь мудрено! Что жь по справкѣ? Оказалось ихъ только 17. Подобныя тому ошибки встрѣчались весьма не рѣдко: кого винить, Богъ знаетъ!

Маленькой дожжикъ освѣжилъ воздухъ, растворилъ сухую землю и обрадовалъ поселянъ: засуха ихъ безпокоила. Тотчасъ принялись за сѣнокосъ, но не ожидали хорошаго. Пахарь въ здѣшней сторонѣ деретъ землю плугомъ, и возитъ его на 6 волахъ, а иногда и болѣе. Тяжкая работа! Земледѣліе полезно, благородно и необходимо, но спина отъ него болитъ; и такъ, извинимъ безпечность земледѣльца. Волъ есть живое изображеніе Хохла, который также скотенъ* и лѣнивъ. Естьли вола не погонять, онъ простоитъ сутки, не сходя съ мѣста. Мнѣ случилось встрѣтить шестерню ихъ подъ сильнымъ плугомъ: ни волы, ни плугъ, ни хозяинъ не трогаются; тотъ уснулъ на походѣ; экипажъ, не чувствуя побужденія большаго хлыста, которымъ ихъ погоняютъ, сталъ, и все неподвижно. Я раскачалъ Хохла: онъ уже тутъ 2 часа дремалъ стоя; онъ почесался, зѣвнулъ, махнулъ прутомъ, и цугъ нашъ двинулся. Такъ-то живали и всѣ люди въ тотъ вѣкъ, который мы такъ завидливо отличаемъ названіемъ Патріархальнаго.

ГЛАВА XIV.

Окрестности Полтавы. Земляное строеніе.

Мы обѣдали сегодня подъ ветлой, близъ деревни Колениковъ, гдѣ почтовая станція. Съ нами отдыхалъ обозъ большой съ сахаромъ: онъ шелъ изъ Бѣлева въ Молдавію. Казалось бы, на что тамъ сахаръ, гдѣ другъ друга рѣжутъ всякой день: однако, Русскому воину и за полчаса до смерти сладкаго пуншу стаканъ

* Не меньше, впрочемъ, и Великорусса, живущаго нерѣдко въ слишкомъ близкомъ сосѣдствѣ съ своей скотинкой. О. Б.

непротивенъ. Артель крестьянъ опорожнила при насъ цѣлый котелъ добраго пшена. Я имъ позавидовалъ: ихъ грубая пища гораздо была вкуснѣе нашихъ, такъ называемыхъ, Французскихъ хлѣбовъ, очень черствыхъ. Естьли бы мужики поняли мои мысли, тогда бы они вѣрно сказали такъ: «Баринъ! Въ чужой рукѣ ломоть всегда великъ.»

До Полтавы оставалось намъ двѣ станціи: Войнихи и Дудники. * Здѣсь нигдѣ уже нѣтъ большихъ селеній; повсюду одни уединенные хуторы; начинаются голыя пространства земли необозримыя, кои мы общимъ именемъ нарекли степи. Для проѣзжихъ учреждены Княземъ Куракинымъ, ** во время его управленія Малороссіею, почтовые дворы. Недостатокъ лѣсу заставилъ прибѣгнуть къ разнымъ средствамъ: домы сіи выстроены индѣ изъ сыраго кирпичу и обмазаны потомъ известкой. Они въ два этажа и обведены оградой кирпичной, въ которой столбы изъ обожженнаго матеріялу. При домахъ тѣхъ конюшни и достаточные сараи: все это покрыто соломой. Видъ домовъ красивъ, но непрочно бывъ складены, подмазка съ нихъ летитъ, известь слупается, и они, конечно, безъ значительныхъ поправокъ, долго простоять не могутъ. Примѣтимъ еще и то, что выгодъ для путешественника не придумано ни какихъ, т. е., нѣтъ стола, на чемъ напиться чаю, ни стула, на чемъ присѣсть; голыя стѣны: есть куда войти, но негдѣ отдохнуть; вода такъ отдалена отъ почтовыхъ домовъ, что ее

---

* Войниха или Войновка, и Дудниха или Дудниковка, Дудниковъ. О. Б.

** Князь Алексѣй Борисовичъ, р. 19-го Сентября, 1759 г., служилъ въ гвардіи, потомъ Камеръ-Юнкеръ, далѣе въ Канцеляріи Генералъ-Прокурора Князя А. А. Вяземскаго; за тѣмъ Камергеръ, Тайный Совѣтникъ (1795), Главный Директоръ Ассигнаціоннаго Банка, Генералъ-Прокуроръ (1796), Министръ Удѣльныхъ Имѣній, Казначей Россійскихъ Орденовъ, Д. Т. Совѣтникъ (1797), Сенаторъ и съ 4 февраля, 1802 г., первый Малороссійскій Генералъ-Губернаторъ (по образованіи Губерній Полтавской и Черниговской), снискавшій любовь управляемыхъ обращеніемъ, справедливостью, но жилъ пышно; съ 1807 г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ; 1811 Членъ Государственнаго Совѣта и его Предсѣдатель; 1826 Канцлеръ Россійскихъ Орденовъ. Онъ присутствовалъ также, 1810 г., при бракѣ Наполеона, покровительствовалъ Сперанскому, и скончался 30 Декабря, 1829 г. О. Б.

достать трудно, и я въ первой разъ отъ роду въ Войнихахъ платилъ за ведро воды деньги. Полтава видна верстъ за 30; къ ней старались также, какъ и въ другихъ мѣстахъ, разсадить аллеи, но деревья не принялись, отъ недостатка заботъ и попеченій объ нихъ, и вышла дорога, обсаженная голыми прутьями по обѣ стороны: это ни взоръ, ни мысль не забавляетъ; какъ будто сквозь строй ямщикъ гонитъ. На послѣдней перемѣнѣ, въ Дудникахъ, встрѣтился я съ проѣзжимъ молодымъ человѣкомъ, сыномъ того Барона Сакена, съ которымъ я вмѣстѣ былъ въ Финляндіи въ походѣ, вздохнулъ и подумалъ: «Какъ я старъ! Уже у моихъ товарищей сыновья рыщутъ въ кибиткахъ по всему бѣлу свѣту.»

Доѣхавъ до такого края, гдѣ природа вовся не даетъ дровъ, не лишнимъ считаю приложить къ сей главѣ описаніе способа, коимъ, при строеніи домовъ, замѣняется даже и кирпичъ: на обжигъ его предстоятъ равномѣрно большія затрудненія. Жители отапливаютъ хаты свои кизикомъ: * такъ называется засушенный скотскій соръ. Онъ рѣжется кусками, какъ кирпичъ, и имъ разводятъ огонь. На немъ даже стряпаютъ и кушанье; привычный поваръ умѣетъ такъ съ нимъ обходиться, что духъ его не заражаетъ пищи и не трогаетъ обонянія на столѣ. Тѣмъ же навозомъ обмазываютъ и стѣны въ нѣкоторыхъ домахъ по поламъ съ глиной. Способъ сей употребленъ въ построеніи почтоваго двора въ Войнихахъ. Вмѣсто свѣчъ, обыватели нижняго разряда, по хуторамъ, жгутъ овечій жиръ, растопя его и смѣшавъ съ малой частью настоящаго масла. Бѣдные люди! Однако и они живутъ, да еще иногда и весело: какого лучше сказать доказательства, что удовольствіе наше не столько въ наслажденіяхъ внѣшними предметами состоитъ, какъ въ насъ самихъ, въ собственныхъ силахъ нашего духа! Тихое сердце всегда къ радостямъ отверсто, чтобы ни входило въ наружныя двери нашего механическаго истукана. Но оставимъ Философію.

Вотъ какимъ образомъ производятся набивныя строенія глиной: когда поставятся угловые столбы, на которыхъ положатся

---

* Собственно кизякъ. О. Б.

два вѣнца, потомъ стропила, когда и вся крыша деревянная, земляная, или соломенная, окончится и вдѣлаются для оконъ и дверей бруски отъ вѣнцовъ до земли, чѣмъ верхняя связь удобно поддерживаться можетъ, тогда всѣ промежутки между оконъ и дверей кругомъ строенія обиваются кольями, не рѣже какъ въ 6 вершкахъ. Верхніе концы кольевъ врѣзываются въ связь внутри строенія, а нижніе вкапываются въ землю на четверть аршина; потомъ приготовляется глина, хорошо смятая ногами съ мелкою соломою, мякиною и навозомъ; сей смѣси должно быть почти на половину глины, или третья часть противъ оной. Тогда большими комами кидаютъ приготовленную глину въ стѣны между кольевъ, и съ обѣихъ сторонъ закласть стѣны нужно досками, дабы они были равны и удобно было глину набивать долбнями, и такъ продолжать строеніе до верху. Когда доски отымутся и станетъ глина сохнуть и трескаться, тотчасъ трещины жидкимъ растворомъ изъ той же глины замазывать, что продолжаться будетъ не болѣе 10 дней; а когда совсѣмъ высохнетъ, то можно побѣлить известью, или бѣлою глиною, отъ чего, какъ для виду, такъ и прочности, сдѣлается строеніе красивое и отъ огня безопасное.

Узнавъ средство, такъ какъ мнѣ его изъясняли люди опытные и свѣдущіе, на самыхъ мѣстахъ, я не ручаюсь за пользу онаго; а самъ, увидѣвъ подобныя строенія, весьма колебался дать вѣру тому, чтобы оно было прочно и долговременно. Согласенъ, что сей способъ можетъ быть лучшій изъ всѣхъ, изобрѣтенныхъ необходимостью, но то ли дѣло хорошая, плотная сосновая изба!

ГЛАВА XV.

Полтава.

Въ вечеру, около 8 часовъ, 25 числа, очутились мы въ Полтавѣ. Подъѣзжая къ городу, пески умножаютъ нетерпѣливость видѣть его: нельзя скоро ѣхать; мы двигались шагомъ сквозь дубовой лѣсокъ, который, конечно, 100 лѣтъ назадъ былъ кустар-

никомъ. Я воображалъ, что около сихъ дней тогда здѣсь происходило: кровь, жупелъ и куреніе дыма!

Долго бы мы не нашли квартиры, но, къ счастію нашему, одинъ тутошній Чиновникъ, недавно служившій во Владимірѣ, попался мнѣ, какъ только въѣзжалъ я въ городъ: онъ соскочилъ съ дрожекъ и бросился ко мнѣ на встрѣчу. По благосклонному его попеченію, тотчасъ нанялъ я небольшой домикъ и расположился тутъ на три дня: въ дорогѣ это значитъ на житье.

Поздно было уже, и я не могъ никуда представиться; сверхъ того, я бы никого не засталъ дома: здѣсь гостилъ Графъ Безбородько: ему давали праздники. * Въ этотъ вечеръ у здѣшняго помѣщика, Господина Кочубея, ** былъ для него загородомъ балъ, на который, отъ Генералъ-Губернатора до послѣдняго значущаго лица, всѣ изъ города уѣхали.

Дневной жаръ произвелъ духоту въ комнатахъ: мы вышли на крыльцо и сѣли чай пить. Жена управлялась съ самоваромъ; Алексѣй, сынъ ея, *** дѣлалъ опытъ надъ фонаремъ жестянымъ, ку-

---

* Графъ Илья Андреевичъ, меньшой братъ Свѣтлѣйшаго Князя Александра Андреевича, (р. 1746, у. 6-го Апрѣля, 1799 г.), р. 16-го Февраля, 1756 г.; служилъ въ походахъ противъ Турокъ (1773—1774); 1786 Генералъ-Маіоръ; отличился при взятіи Измаила, потомъ въ Польшѣ; 1795 Генералъ-Поручикъ; 1798 Д. Т. С. и Сенаторъ; основалъ Гимназію Высшихъ Наукъ въ Нѣжинѣ, 1810 г., переименованную, 1834, въ Лицей Князя Безбородька; Графство получилъ 1784 г., Декабря 3, отъ Императора Іосифа II-го; скончался С.-Петербургскимъ Предводителемъ Дворянства, 3-го Іюня, 1815 г., и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ. О. Б.

** Д. С. С. Семенъ Михайловичъ Кочубей, бывшій (въ чинѣ Надворнаго Совѣтника) 1803—1805 Губернскимъ Предводителемъ Дворянства. О. Б.

*** Князь И. М. Долгорукій былъ женатъ дважды: первая супруга его была Евгенія Сергѣевна Смирнова, воспитывавшаяся въ Смольномъ и покровительствуемая В. Княгинями, Натальей Алексѣевной и Марьей Ѳедоровной, вышла замужъ 31 Генваря, 1787 г., ум. 12-го Мая, 1804; вторая—Аграфена Безобразова, товарка по воспитанію Евгеніи, бывшая сперва замужемъ за Пожарскимъ, а потомъ, съ 13 Генваря, 1807 г., за Княземъ Долгорукимъ; отъ Пожарскаго имѣла нѣсколько сыновей. О. Б.

пленнымъ имъ въ Курскѣ и, раздувъ въ немъ свѣчу, любовался исправностію освѣщенія, а я, глядя на высокой и пушистой кленъ, который жилъ одинокъ нѣсколько десятковъ лѣтъ на этомъ дворѣ и обнесенъ былъ, въ особенную честь ему, тоненькой рѣшеткой, я задумывался о своей родинѣ. Такъ уединенъ всякой тотъ, кто внѣ ея странствуетъ! Родина есть слово много выража-ющее; ни какой языкъ его не имѣетъ, одинъ Русской его сло-жилъ и чувствуетъ. Слово «отечество» подвержено толкованью, родина ни какому. Можно не имѣть отечества, родина есть у вся-каго; извинительно въ нѣкоторыхъ случаяхъ не любить оте-чества, по натурѣ слова; ибо не всѣ отцы дѣтямъ милы бываютъ; родина мила всякому, а холодность къ ней не въ естествѣ.

Здѣсь уже я почиталъ себя въ чужихъ краяхъ, по самой простой, но для меня достаточной, причинѣ: я переставалъ по-нимать языкъ народный; со мной обыватель говорилъ, отвѣчалъ на мой вопросъ, но не совсѣмъ разумѣлъ меня, а я изъ пяти его словъ требовалъ тремъ переводу. Не станемъ входить въ ла-биринтъ подробныхъ и тонкихъ разсужденій; дадимъ волю про-стому понятію, и тогда многіе, думаю, согласятся со мною, что гдѣ перестаетъ намъ быть вразумительно нарѣчіе народа, тамъ и границы нашей родины, а по моему, даже и отечества. Люди чиновные принадлежатъ всѣмъ странамъ: ежели не по духу, они по навыкамъ—космополиты; ихъ нарѣчіе, слѣдовательно, есть об-щее со всѣми. Но, такъ называемая, чернь,—она опредѣляетъ жи-выя урочища между Царствами, кои политика связываетъ, и Лифляндецъ всегда будетъ для Россіи иностранецъ, хотя онъ и я одной Державѣ служимъ. Вотъ какъ я умствовалъ, или дурачил-ся, какъ угодно, опоражнивая хорошую чашку Сибирскаго чаю.

Вдругъ ординарецъ на быстромъ конѣ на дворѣ, съ вопро-сами—и наша семейка пошевелилась. Первая атака любопытства обратилась на слугъ: «Кто сюда пріѣхалъ?»—«Князь Долгорукой.» «Откуда?»—«Изъ Владиміра.»—«Чинъ его?—«Тамошній Губерна-торъ.»—«На долго ли?» Люди мои этого не знали; пришлось вы-ступить и мнѣ.—«На что тебѣ, мой другъ?»—«Велѣно узнать.»—«Отъ кого.»—«Отъ Генералъ-Губернатора.»—«Доложи Его Сіятель-ству, что самъ завтра буду съ моимъ почтеніемъ.» Ординарецъ

далъ шпоры, и полетѣлъ, какъ соколъ. По скоку лошади можно было подумать, что на нашемъ дворѣ даромъ даютъ и овесъ и сѣно. Не прошло полчетверти часа, еще какъ допивалъ остатки моего жемчужнаго чаю, и явилась передъ нами на рундукѣ сестра моя родная съ мужемъ. *

Какъ я имъ обрадовался! Не даромъ я за часъ передъ симъ тужилъ о родинѣ. Богъ посылалъ мнѣ и въ чужой землѣ сла-дость этого небеснаго чувства: я облобызалъ ихъ. Они, знавъ по перепискѣ со мной, что мы ѣдемъ черезъ Полтаву, полагали, очень благонадежно, что я постараюсь быть сюда къ 27 Іюня, дню воспоминаемой здѣсь побѣды, и, не сказавъ мнѣ ни чего пред-варительно, прискакали, за 300 верстъ, изъ своей деревни видѣть-ся со мною и перехватить меня на пути. Они уже были на балѣ у Кочубея, какъ я пріѣхалъ: вотъ и причина ординарцову на-бѣгу! Любить дано всѣмъ въ природѣ, но любить нѣжно и съ разборчивостію въ доказательствахъ, есть сокровище одной ис-кренней привязанности. Мы провели весь вечеръ вмѣстѣ и до ночи темной проговорили. Чего намъ не доставало, чтобъ забыть, что мы не вовся дома?—Писемъ изъ Москвы.

Полтава разбита на крутой горѣ. Но сколько славенъ городъ, столько дуренъ въ натурѣ. Баталіи прославить могутъ мѣсто, дать ему громкую похвалу въ дѣеписаніяхъ, но сдѣлать городъ красивымъ, знатнымъ—одна сильна торговля, а здѣсь какой ей и быть? Рѣка весьма неважная; край бѣдной и степной.

При Екатеринѣ Полтава была Уѣздный только городъ. ** Въ немъ нѣтъ мостовыхъ; не изъ чего ихъ сдѣлать: ни камня, ни лѣсу; отъ этого въ сильные осенніе дожди, или вешніе, кряжъ

* Помѣщикомъ Селецкимъ въ Черниговской, Полтавской и Кіевской Губерніяхъ. О. Б.

** Думаютъ, что названіе Полтавы встрѣчается въ первый разъ въ имени Лтава, близъ коей, на берегу Ворсклы, 1174 г., Игорь Святославичъ Сѣверскій, по-разилъ Половцевъ и обратилъ ихъ въ бѣгство: «Того же лѣта (6682—1174), на Петровъ день, Игорь Святославичъ, совокупивъ полки своя, и ѣха въ поле за Ворсколъ (Ворсколу), и срѣте Половцѣ, иже ту ловять языка, изъима ѣ; и повѣда ему колодникъ, оже Кобякъ и Концакъ шлѣ къ Переяславлю, Игорь

земли естественно иловатый, скоро мокнетъ и даетъ жирную грязь, въ которой все вязнетъ. Я слышалъ, и не для шутки здѣсь

же, слышавъ то, поѣха противу Половцемъ, и переѣха Воръсколъ у Лтавы (во Лтавѣ) къ Переяславлю, и узрѣшася съ полкы Половецкыми, и бѣ рать мала, и тѣмъ не утерпѣти стати противу Игореви, и тако побѣгоша, весь полонъ свой пометавше» (П. С. Р. Л. Ипат. стр. 107—108). Другіе увѣряютъ, что Полтава показывается лишь во 2-й половинѣ XV-го столѣтія, вмѣстѣ съ Глинскомъ, и оба принадлежали родоначальнику Князей Глинскихъ; наконецъ третьи говорятъ, что Полтава основана 1608 года Козакомъ Миргородскаго полка, Масломъ, зашедшимъ туда изъ подъ Голтвы, съ 6-ю семьями, и названа по рѣкѣ Полтавкѣ, впадающей въ Ворсклу. Бопланъ считаетъ Полтаву между старыми городками или мѣстечками, по имени коей назывался и Полтавскій полкъ, который встрѣчается въ нѣкоторыхъ Малороссійскихъ лѣтописяхъ уже въ XVI столѣтіи. При Гетманѣ Разумовскомъ, 1763 г., Полтава, сверхъ главнаго города своего полка, была и городомъ Повѣтовымъ (Уѣзднымъ), а при уничтоженіи Гетманства (10-го Ноября, 1764), изъ 6-ти полковъ, бывшихъ въ нынѣшней Полтавской Губерніи, только Переяславъ да Полтава назывались городами, прочіе же—городками или мѣстечками. Въ 1764 и 1765 отчислены изъ Полтавскаго полка многія мѣстечки къ новообразованной (1764) Новороссійской Губерніи (изъ Новосербской области), а черезъ 10 лѣтъ (1785) и самая Полтава (съ Будищами и Решетиловкой). Съ учрежденіемъ въ Малороссіи, въ 1782 г. (по Указу 16-го Сентября, 1781), 3-хъ Намѣстничествъ: Новгородъ Сѣверскаго, Черниговскаго и Кіевскаго, по 11 Повѣтовъ въ каждомъ, къ Кіевскому отошли 8 (подъ именемъ Уѣздовъ), прочіе къ Черниговскому, съ оставленіемъ Полтавскаго полка по прежнему въ Новороссійской, и потомъ 1784 въ Екатеринославской; 1796, по Указу 30-го Ноября, 3 Намѣстничества составили одну Малороссійскую Губернію, съ главнымъ городомъ ея, Черниговомъ, и съ отчисленіемъ къ ней и тѣхъ мѣстностей, кои отошли было къ Новороссійскому, послѣ Екатеринославскому, Намѣстничеству. Напослѣдокъ, 9 Сентября, 1801 г., велѣно изъ Малороссійской Губерніи составить двѣ: Черниговскую и Полтавскую, Военнымъ Малороссійскимъ Губернаторомъ назначенъ былъ въ той и другой, съ управленіемъ и Гражданской частію, Генералъ отъ Инфантеріи С. К. Вязмитиновъ, который, обозрѣвая ихъ, донесъ, что онъ «находитъ нужнымъ одному изъ Губернскихъ городовъ быть на сѣверѣ, а другому на югѣ Малороссіи,» т. е., въ Черниговѣ и Полтавѣ. Конечно, выгоднѣе для Полтавской Губерніи было бы имѣть столъ свой въ Лубнахъ, какъ срединномъ городѣ ея, но слава битвы подъ Полтавой, виновницы могущества Русскаго Царства, склонила вѣсы на сторону Полтавы. По этому Марта 9-го, 1802 г., и была открыта Полтавская Губернія: въ нее вошли первоначально только 10 Уѣздовъ, а послѣ еще 5 (Константиноградскій, Кобелякцій, Зиньковскій, Миргородскій и Лохвицкій), и первымъ Малороссійскимъ Генералъ-Губернаторомъ былъ Князь А. Б. Куракинъ (см. выше стр. 60, примѣчаніе). О. Б.

передаю, но за мѣстную истину, что иногда дамы, приглашаемыя на балъ, или чей либо праздникъ, не могутъ на 4 лошадяхъ доѣхать: все тонетъ среди улицы—и животныя и повозка. Что жь? Припрягаютъ воловъ, и Полтавская щеголиха, въ бриліантовыхъ ожерельяхъ, довершаетъ на нихъ путь свой!

Образъ построенія домовъ здѣсь такой же, какой описывалъ я въ предыдущей главѣ, съ прибавленіемъ особаго щегольства: оно состоитъ въ томъ, что когда глиной обмажутъ стѣны, натычутъ въ нихъ маленькихъ камешковъ, чтобъ ими больше связать подмазку, и потомъ обольютъ известкой или обштакатурятъ, это скроетъ всѣ недостатки въ отдѣлкѣ дома; но тотъ, въ которомъ я стоялъ, не былъ еще выбѣленъ; и такъ онъ представлялся испещренъ камешками, какъ будто лицо въ оспѣ: видъ не казистой; впрочемъ, домамъ стараются дать хорошіе фасады.

Князь Куракинъ весьма старался сдѣлать изъ Полтавы въ маломъ видѣ Петербургъ, и большія имѣлъ къ тому средства. Казна отворяла ему всегда свою широкую кису. Онъ надѣлалъ здѣсь бульваровъ и тротуаровъ изъ какого-то ломкаго щебня, набивалъ ихъ пескомъ; отъ этого въ сухое время въ городѣ пыль столбомъ. Всѣ такія затѣи несообразны были съ мѣстомъ, бѣдны, низки и, какъ Французы говорятъ, mesquin.*

Гостиный дворъ деревянный и въ самомъ жалкомъ состояніи; лавки ниже тѣхъ, въ коихъ книгами Церковными торгуютъ въ Москвѣ на Спаскомъ мосту; сидятъ въ нихъ по большой части бабы; товару мало и все неважной.

На площади выстроенъ рынокъ очень опрятный и со вкусомъ: тутъ мѣняютъ всякую монету. Жиды въ Полтавѣ начинаютъ съ вами знакомиться, и по тому не совѣтую что ни будь класть на открытое окошко. По улицамъ вырыты, въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ, колодцы: они очень хорошо отдѣланы и чисты.

---

* Скудны, скупы. О. Б.

сты; навѣсы столярной работы и выкрашены. Это очень убираетъ городъ и весьма полезно.

Вотъ первыя и общія черты Полтавы. Въ слѣдующей главѣ помѣстятся предметы особеннаго въ ней примѣчанія.

ГЛАВА XVI.

Монументъ.

Непосредственно за Полтавой слѣдуютъ продолжительныя степи. Князь Куракинъ предположилъ тутъ поставить монументъ въ честь Петру I-му, и быть виновникомъ сего памятника. Прирѣзалъ къ городу кусокъ большой степи и образовалъ площадь. Она, такъ сказать, какъ особое что-то, пришита къ городу, и тѣмъ дѣлаетъ старинную Полтаву еще хуже; ибо округлость ея весьма великолѣпна. Представьте себѣ величайшихъ каменныхъ зданій числомъ до 9-ти, въ три и не ниже двухъ этажей, въ новомъ самомъ вкусѣ. Здѣсь помѣщаются: Губернаторъ, Вице-Губернаторъ, Присутственныя Мѣста, Почтамтъ, въ домѣ котораго на время расположился Генералъ-Губернаторъ, за неотдѣлкой внутри назначеннаго для него дома. Все это стало Казнѣ слишкомъ до милліона руб. На мѣсто Гимназіи, которая въ томъ же округѣ быть должна, но еще и не заложена, дабы сохранить всю прелесть оптики, преждевременно сдѣланъ щитъ, представляющій домъ въ два этажа съ красной крышкой, въ томъ самомъ размѣрѣ и по той фасадѣ, какіе даны для настоящаго зданія. Это тѣмъ больше обманываетъ глаза, что ни кто себѣ вѣрно не вообразитъ, вмѣсто дома, одинъ его дощатый портретъ: эта игрушка, думаю, также не бездѣлицы стоитъ, по своей огромности въ безлѣсномъ мѣстѣ. Я на сей счетъ оставляю всякаго отважнаго критика дѣлать примѣчанія, какія ему угодно; для меня довольно удостовѣрить, что это не сказка, а сущая истина, которую я лично видѣлъ и осязалъ.

Внутри этой площади, самой величавой и огромной, земля изсѣчена вся дорожками и надолбами, на подобіе цвѣтника, съ оставленіемъ приличнаго пространства для подъѣздовъ къ каждому зданію; по срединѣ возвышается памятникъ Великаго Царя. Онъ уже отдѣланъ, но при насъ еще былъ подъ шатромъ; завѣсъ сей сорвется съ него, когда праправнукъ прикажетъ. Это не мѣшаетъ предварительно его осматривать: любопытство такое ни кому здѣсь не возбраняется. Я видѣлъ эту круглую и высокую колонну: она сдѣлана изъ чугуна, и пожаловать изволилъ ее Государь; на ней бронзовые разные военные трофеи; столбъ сей основанъ на широкомъ помостѣ изъ, добываемаго вблизи Кременчуга, въ слободкѣ, имянуемой Келеберда, * дикаго камня, который въ отдѣлкѣ такъ хорошъ, что не уступаетъ настоящему порфиру; гранитъ Петербургской, употребленный на Казанскій соборъ, менѣе его цѣны и красоты имѣетъ. Помостъ обнесенъ вокругъ рѣшеткой съ позолоченными бронзовыми перилами, а въ выемкахъ по три ступени для входа на оный. Въ самой подошвѣ этого памятника сдѣланы на всѣ стороны отверстія, въ кои пропущены пушечныя жерла и кажется, какъ будто бы на нихъ основалась вся эта архитектурная масса разныхъ украшеній. Надписей, относительныхъ къ предмету, нѣтъ ни какихъ. Съ одной стороны выставленъ съ позлащенными цыфрами годъ знаменитаго сраженія, на другой годъ воздвиженія колонны; обѣ сіи эпохи обнесены золотыми змѣями кольцеобразно, а ниже ихъ, такими же яркими буквами, читается слѣдующая надпись: «Попеченіемъ Малороссійскаго Генералъ-Губернатора Князя Алексѣя Борисовича Куракина.» На вершинѣ столба бронзовый орелъ, распростря крылѣ, готовится парить къ небесамъ, возвѣстить Олимпу славу Полтавскихъ дѣлъ. Монументъ безъ всякаго прекословія прекрасенъ; зданія, его облегающія, пространная площадь— безподобны въ своемъ родѣ; но когда видишь сквозь каждое окно, сквозь каждую дверь изъ любаго дома, чистую, ненаселенную степь, поражающую безъ посредства взоръ твой, то невольно пожалѣешь о худомъ выборѣ мѣста для такихъ значущихъ издержекъ: монументъ одинъ стоитъ до 100 тысячъ, кромѣ

* Нынѣ мѣстечко. О. Б.

чугуну и бронзы, которыя Государь сверхъ того, какъ слышалъ я и уже сказывалъ, пожаловать изволилъ городу. *

Сравнить осмѣлимся, однако, съ этѣмъ пышнымъ и богатымъ убранствомъ новой колонны, старый памятникъ, который былъ сдѣланъ при церкви Самсонія, самаго того Святаго, въ день коего Петръ одолѣлъ своего упорнаго супостата. Это не что иное, какъ бѣлый каменный простой столбъ, изрядной вышины, пирамидальной фигуры, на которомъ, въ мѣру человѣческаго роста, дабы всякъ могъ ее видѣть, врѣзана мѣдная доска, изображающая всю баталію и движеніе полковъ; тутъ вы видите Петра I-го, Карла XII, и всѣ ихъ храбрые вои. Любопытный могъ всматриваться въ того и въ другого, и видно, что безъ всякой бережи, даже руками, къ нимъ прикасались; по тому что лица обоихъ Государей цвѣтъ истинный потеряли и даже черты иныя изгладились. Подъ картиной на той же доскѣ врѣзаны стихи немудреныя, но приличныя. Памятникъ сей поставленъ иждивеніемъ нѣкоего Господина Марченки. ** Хвала ему во вѣки за любовь къ подвигамъ! Пусть позволятъ мнѣ признаться, что эта старина, почернѣвшая отъ времени, для меня гораздо была величественнѣе новомодныхъ затѣй нашего вѣка; по крайней мѣрѣ, и самой простой гуляка пѣшеходъ, хоть мало знающій грамотѣ, могъ себѣ изъяснить, что это представляетъ и на что этотъ столпъ; ученый, сравнивая искуственный видъ съ естественнымъ мѣстоположеніемъ, могъ преслѣдовать всюду за Петромъ ожесточеннаго Шведа и участвовать живымъ образомъ въ славѣ соотчичей. Тутъ убитые, раненые, пѣхота, конница; тутъ вырѣзано все: и взоръ пламенный Петра, и упрямое Карлово чело, а въ новомъ зодческомъ зданіи славной сей побѣды увидитъ орла, чугунъ, бронзу, гранитъ, и, сказавши: «Ахъ! Какъ это все хорошо!» принужденъ будетъ спросить: «Что это такое?»

* Памятникъ сей поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Комендантъ Полтавы, Полковникъ Келлинъ, встрѣтилъ Петра I-го, при торжественномъ въѣздѣ его въ городъ послѣ битвы. Стоитъ посреди бывшей круглой площади Присутственныхъ Мѣстъ и окруженъ четырегранной площадкой, огороженной и обсаженной деревьями (тополями) и кустами, находящейся въ вѣдѣніи Кадетскаго Корпуса (послѣ Военной Гимназіи). Памятникъ заложенъ 1804 года, Іюня 27-го дня, а открытъ 1809. Постройка его, кромѣ бронзовыхъ украшеній, стоила 135,000 рублей бумажками. О. Б.

** Марченка, Полтавскаго жителя. Памятникъ его находился напротивъ Гостинаго ряду, середи улицы. О. Б.

ГЛАВА XVII.

Полтавское торжество.

Гдѣ не празднуется Полтавская побѣда въ Россіи? Во всякомъ селеніи, конечно, поются благодарныя Господу Богу молебствія; но нигдѣ Богослуженіе сіе годичное такъ не дѣйствуетъ на чувства, какъ здѣсь. Вотъ какъ оно производится:

Въ небольшомъ разстояніи отъ Полтавы, въ виду города, среди обширныхъ полей и, по сказаніямъ народнымъ, на самомъ мѣстѣ битвы, насыпанъ большой курганъ земли. Подъ нимъ похоронены тѣла защитниковъ Отечества, погибшихъ подъ Полтавой. Самъ Петръ I-й присутствовалъ при семъ печальномъ событіи; армія живыхъ погребала армію своихъ мертвецовъ, и курганъ сей донынѣ сохранился. Надъ нимъ, въ знаменіе ратоборной славы, воздвигнутъ высокій крестъ. Нынѣшній Генералъ-Губернаторъ приказалъ его обшить жестью и вызолотить, отъ чего изъ большой отдаленности холмъ сей видѣнъ. Это мѣсто называется «Могилы.» * 26 числа томный вечерній колоколъ возвѣ-

* Послѣ пораженія Шведовъ Петръ I-й велѣлъ всѣ трупы убитыхъ похоронить и насыпать надъ ними курганъ или могилу, похожую на гору, извѣстную въ народѣ подъ именемъ «Шведской могилы,» хотя въ ней скрывается прахъ однихъ только Русскихъ воиновъ, 1345 человѣкъ; убитые же Шведы зарыты были въ особыхъ ямахъ, которыя совершенно сглажены временемъ. Могила эта насыпана не вдалекѣ бывшихъ тогда Русскихъ укрѣпленій (редутовъ), въ 5-ти верстахъ отъ города, близъ большой Зиньковской дороги. Первоначально сдѣланы были двѣ могилы, одна для Офицеровъ, а другая для нижнихъ чиновъ,

щаетъ городу, что время наступило отдать годичный долгъ признательности воинамъ, за Вѣру здѣсь убіеннымъ; всѣ Чиновники и обыватели города выѣзжаютъ на «Могилы.» Каждый служащій членъ общества надѣваетъ для этой церемоніи свой мундиръ: самъ Генералъ-Губернаторъ присутствуетъ при оной. Поелику здѣшній Архіерей не живетъ въ Полтавѣ, * то на панихиду выѣз-

---

и надъ ними уже выведенъ высокій холмъ, на которомъ Петръ самъ водрузилъ крестъ, съ надписью: «Воины благочестивые, за Благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, Іюня 27 дня.» О. Б.

* Но въ Переяславѣ, въ который, съ конца X-го столѣтія, перешелъ было на пребываніе и второй Митрополитъ Кіевскій, Леонтій, и именовался Митрополитомъ Переяславскимъ и Русскимъ. Въ Никоновской лѣтописи читаемъ: «Бѣ прежде Переяславль Митрополія, живяху множае тамо Митрополиты Кіевскые и всея Русіи, и Епископы поставляху тамо.» Но особая Епархія Переяславская учреждена въ XI-мъ вѣкѣ, Великимъ Княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ, съ подчиненіемъ Кіевской Митрополіи. Первымъ ея Епископомъ былъ Николай, ум. 1072 году. Послѣ Татарскаго погрома, въ коемъ убитъ былъ Епископъ Переяславскій, Симеонъ (1239 г.), Епархія сія перестала существовать, со смертію Епископа Θеодора, скончавшагося въ 1269 г. Въ началѣ XVIII вѣка (1700) Епархія Переяславская возобновлена, и Епископъ ея, Захарій Корниловичъ (1700—1715), сдѣланъ былъ вмѣстѣ и Викаріемъ Митрополіи Кіевской, коимъ былъ и преемникъ его, Кириллъ Шумлянскій (1717—1726), а съ Іоакима Струкова (1727—1730) Епархія эта сдѣлалась отдѣльной, съ названіемъ Переяславской и Бориспольской, что продолжалось до 1775 года; Епископы въ это время были въ ней: Арсеній Берло (1733—1744), Никодимъ Сребницкій (1745—1751), Іоаннъ Козловичъ (1753—1757), Гервасій Линцевскій (1757—1769), Іовъ Базилевичъ (1770—1776), Иларіонъ Кондратковскій (1776—1785). Съ 1775 г. Уѣзды Полтавскій, Кобеляцкій и Константиноградскій составили часть новоучрежденной Архіепископіи Славенской и Херсонской (изъ Губерній Новороссійской и Азовской), съ пребываніемъ Архіепископамъ ея въ Полтавѣ, коими были Греки: Евгеній Булгаръ (1775—1779) (проживавшій съ 1779 по 1787 въ Полтавскомъ монастырѣ, а за тѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ и скончался 1806), Никифоръ Θеотокій (1779—1786), переведенный въ Астрахань; далѣе Амвросій Серебренниковъ, изъ Епископовъ Олонецкихъ, именовавшійся уже Архіепископомъ Екатеринославскимъ (1786—1792) и Мѣстоблюстителемъ Екзархіи Молдовлахійской (ум. въ Полтавѣ); Гавріилъ Банулеско, изъ Митрополитовъ Молдовлахійскихъ съ 1793 по 1798, когда получилъ повелѣніе перейти в Новомиргородъ съ Консисторіей и Семинаріей. Съ 1775 по 1785 Епархію Переяславскую составляли полкъ Переяславскій и нѣкоторыя церкви за Днѣпромъ въ

жаетъ Крестовоздвиженскаго монастыря Архимандритъ съ отборнымъ свѣтскимъ духовенствомъ. Отправлялъ ее при насъ Аполлосъ, старичекъ простодушный и монахъ совсѣмъ нежеманный. Онъ имѣетъ въ служеніи права Ставропигіальныхъ Настоятелей, т. е., нѣкоторыя преимущества Архіерейскаго чина. Тьма народа обступила курганъ. Время было прекрасное, жаръ неумѣренный.

Между заѣзжими зрителями были: Графъ Безбородько, ГГ. Судіенко и Луб.... Панихида началась въ 6 часовъ по полудни; всѣ слушали ее въ молчаніи, и когда возглашалась вѣчная память, сія унылая пѣснь, раздѣляющая на вѣки живаго съ мертвымъ, я не могъ удержать своихъ движеній. Мысль меня перенесла за сто лѣтъ назадъ: мнѣ казалось, что я вижу гробы воиновъ отверсты; что кости ихъ, сокрушенныя временемъ, еще сохранили запахъ того пороха, который окурилъ послѣднія секунды ихъ бытія. Я мечталъ энтузіазмъ сихъ патріотическихъ мучениковъ, не устыдился пасть на землю и приложить уста свои къ сей нерукотворенной ихъ надгробной.

По окончаніи духовной церемоніи всѣмъ присутствовавшимъ подносили кутью. Всякой въ самомъ простомъ нарядѣ изъявлялъ

Польскихъ владѣніяхъ, а полки Полтавскій, Гадяцкій, Миргородскій, Лубенскій, Прилуцкій, Нѣжинскій и Кіевскій отошли къ Епархіи Кіевской. Въ семъ же 1785 г. изъ Малороссіи образовали новыя три Епархіи: Кіевскую, Черниговскую и Переяславскую; Епископы послѣдней стали опять Викаріями или Коадъюторами Кіевскими, именно: Викторъ Садковскій (1786—1793), Димитрій Устимовичъ (1793—1795) и Амфилохій Леонтовичъ (1795—1799); тогда же Уѣзды: Прилуцкій, Роменскій, Глинскій, Лохвицкій, Гадяцкій и Зиньковскій поступили въ составъ Епархіи Черниговской, а прочіе остались при Кіевской. Въ 1798 г. учреждена еще разъ въ Переяславѣ вторая Малороссійская Епархія, къ коей отошли и Уѣзды, находившіеся въ вѣдѣніи Славенско-Екатеринославской Епархіи. Въ Епископы ея назначенъ былъ Сильвестръ Лебединскій, вызванный въ Астрахань Епископомъ Антоніемъ Румовскимъ, былъ тамъ Ректоромъ Семинаріи, 1794 переведенъ въ Свіяжскій монастырь, 1797 Ректоръ Казанской Академіи; по открытіи же, въ концѣ 1803 года, Полтавской Губерніи, открыта изъ ея Уѣздовъ 1804 и Полтавская Епархія, съ наименованіемъ, Епископовъ ея Полтавскими и Переяславскими и мѣстопребываніемъ въ Переяславѣ (1799). Такими были, послѣ Сильвестра (переведеннаго въ Астрахань Архіепископомъ

знаки умилительнаго чувства. И гдѣ благородная душа можетъ достойнѣе разсточать даръ чувствительности, какъ не въ такомъ, вѣками прославленномъ, мѣстѣ? Князь Куракинъ, бывъ здѣшнимъ начальникомъ, учредилъ или, лучше сказать, установилъ при семъ

(1807), черезъ годъ уволившагося и умершаго, 1808 г., въ слободѣ Ровенькахъ Воронежской Губерніи, на пути въ Глуховской монастырь, 5-го Ноября): Өеофанъ Шіяновъ-Чернявскій, р. въ Китайгородѣ Кобеляцкаго Уѣзда, учился въ Кіевской Академіи, Архимандритъ Нѣжинскій и Новгородъ Сѣверскій, 1798 Ректоръ Черниговской Семинаріи, съ 1800 Викарій Кіевскій, 25-го Генваря, 1807, Епископъ Полтавскій; ум. 23 Генв., 1812 г., и погребенъ въ Вознесенскомъ Переяславскомъ монастырѣ. Анатолій (Андрей) Максимòвичъ, изъ села Усовки Переяславскагó Уѣзда, обучался въ Переяслэвской Семинаріи, а потомъ въ Петербургской, гдѣ съ 1790 былъ Учителемъ Поэзіи и Греческаго языка въ Невской Академіи, Священникомъ Спасо-Сѣнновскимъ, 1809 Архимандритомъ и Ректоромъ Семинаріи; 21-го Марта, 1812 г., Епископъ Полтавскій, 1816 Архіепископъ Минскій, а 1836 Симбирскій, гдѣ и скончался 1842. Меөодій Писнячевскій, р. въ селѣ Сулимовкѣ Переяславскаго Уѣзда (по другимъ въ Остролучьѣ), отъ Священника, 1774 г., въ мірѣ Михаилъ, учился въ Кіевской Академіи, изъ коей отправленъ въ Московскій Университетъ, потомъ съ 1806 г. былъ Учителемъ въ Академіи Кіевской Поэзіи и Маматики, черезъ 3 года монахъ, Префектъ Академіи, черезъ 5 лѣтъ истребованъ Синодомъ въ Петербургскую Семинарію для преподаванія Философіи съ званіемъ (1810) Баккалавра и Инспектора Семинаріи, 1811 Архимандритъ и Ординарный Профессоръ, 1812 Ректоръ Семинаріи; 1813 Епископъ Старорусскій и Викарій Новгородскій; 7-го Февраля, 1816, Епископъ Полтавскій; Іюля 27, 1824, Архіепископъ Астраханскій, а черезъ годъ Псковскій; по слабости зрѣнія уволился на покой въ Лубенскій монастырь, гдѣ и скончался 1845. Георгій Ящуржинскій, р. въ Подольской Губерніи, Ректоръ тамошней Семинаріи, съ 1824 Епископъ Полтавскій, съ 30 Сентября, 1830, Архангельскій, а потомъ Архіепископъ Тобольскій, ум. 1849. Наөанаилъ (въ свѣтѣ Василій) Павловскій, р. Архангельской Губерніи въ Холмогорскомъ Уѣздѣ, воспитывался въ Петербургской Духовной Академіи, 2-го выпуска Магистръ (въ спискѣ 8-й), съ Іюля, 1817, Баккалавръ ея (Герменевтики и Обличительнаго Богословія), съ Мая, 1819, Инспекторъ, съ 1 Іюля, 1821, Ректоръ Ярославской, потомъ Петербургской Семинарій, 1830 Епископъ Полтавскій, 1834 Архіепископъ Псковскій, сконч. 1848. Гедеонъ (въ бѣльцахъ Егоръ) Вишневскій, р. Бронницкаго У. въ с. Кутузовѣ, Московской Губ., учился въ Перервинской Семинаріи, потомъ въ Петербугской Духовной Академіи, Магистръ ея 7 выпуска (17-й), съ 1823 монахъ, съ Іюля, 1825, Игуменъ, Профессоръ Философіи и Инспекторъ Рязанской Семинаріи, 1827 Архимандритъ и Ректоръ ея, 1828 Подольской; 1834, Іюля 24, рукоположенъ въ Москвѣ въ Епископа Полтавскаго; съ 1844, Марта 25, Архіепископъ; скончался

издавна существующемъ богослуженіи всю ту пышность въ обрядахъ наружныхъ, какая прилична столь знаменитому историческому дѣйствію, и она съ тѣхъ поръ неприкосновенна.

Я всходилъ на самую вершину холма, осматривалъ окрестности. Гордый видъ монастыря Воздвиженскаго меня плѣнилъ совершенно. Меня сопровождали разскащики историческихъ происшествій. Всякой говорилъ свое; но, соображая положеніе двухъ войскъ, замыслы того и другого, естественныя выгоды, убѣдительно можно увидѣть, что Петръ I-й, по всѣмъ обстоятельствамъ, долженъ былъ разбить своего врага и быть виновникомъ настоящаго торжества. Здѣсь-то бы, кажется, и быть монументу!

Жаль, что у насъ потерялось уваженіе ко всему достохвальному. Повѣритъ ли кто ни будь, что на крестѣ, о которомъ говорено выше, я нашелъ всякія подписи, Русскія и Французскія, ни мало не отвѣтствующія побудительной причинѣ: весь крестъ изчерченъ стихами и прозой—и что за стихи! Подъ нѣкоторыми, забывъ весь стыдъ и благопристойность, иные даже имя свое от-

---

Октября 10, 1849 г., въ с. Абазовкѣ Полтавскаго Уѣзда и погребенъ въ Лубенскомъ монастырѣ. По его-то представленію мѣстопребываніе Епископовъ Полтавскихъ перенесено, въ 1847 г., изъ Переяслава въ Полтаву. По немъ Епископы Полтавскіе: Іеремія Соловьевъ, р. въ Орловской Губерніи, Студентъ Петербургской Академіи 7-го выпуска 1827, съ 1829 г. Архимандритъ и Баккалавръ Богословія; 1830 Экстра-Ординарный Профессоръ Философіи и Инспекторъ Кіевской Академіи, 1839 Ректоръ ея, 1841 Викарій, 1843 Епископъ Кавказскій, 1849 Полтавскій, въ концѣ 1850 Нижегородскій; съ 1858 г. на покоѣ въ тамошнемъ Печерскомъ монастырѣ. Наөанаилъ Савченко, р. въ Курской Губерніи, воспитывался въ Кіевской Духовной Академіи, гдѣ получилъ степень Магистра, съ Декабря, 1825, Баккалавръ Нѣмецкаго языка, потомъ Профессоръ Курской Семинаріи, 1833 монахъ, 1834 Архимандритъ и Ректоръ сперва Подольской, потомъ Костромской Семинарій, 1845 Епископъ и Викарій Ревельскій и (1850) Старорусскій, съ 1851 г. Полтавскій, а съ Сентября, 1860, Архангельскій. Александръ Павлòвичъ, р. въ Уманьскомъ Уѣздѣ Кіевской Губ., учился въ Кіевской Академіи, 1817 Діяконъ, 1820 Священникъ, 1841 Протоіерей, 1853 монахъ и Архимандритъ Соловецкій; съ Ноября, 1857, Епископъ Архангельскій, съ Сентября, 1860, Полтавскій; съ Октября 11, 1862 г., на покоѣ при Кіево-Софійскомъ Соборѣ. Іоаннъ Петинъ, р. въ Орловской Губ., учился въ Кіевской Академіи, былъ Намѣстникомъ-Архимандритомъ Кіево-Печерской Лавры, а съ 23 Декабря, 1862 г., Епископъ Полтавскій и Переяславскій. О. Б.

важились подписать. Естьли подъ стѣнами Полтавы Россіянами не чтится имя Петрово, или искажается залогъ признательности народной къ его подвигу, то что осталось для насъ святаго во вселенной?

Чтобъ дать отдохновеніе чувствамъ сердобольнымъ, Кн. Лобановъ-Ростовскій * пригласилъ отсюда многихъ съ собой на прогулку въ ближній садъ къ какому-то обывателю. Тутъ наѣхало дамъ и дѣвушекъ множество; все пустилось съ могилъ въ этотъ садъ, и

---

* Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, р. 23-го Марта, 1760 г., отъ Ротмистра конной гвардіи, служилъ первоначально въ Семеновскомъ полку до Капитана; въ 1784 Камеръ-Юнкеръ, 1793 Дѣйствительный Камергеръ, 1794 Оберъ-Прокуроръ 5-го Департамента Сената, 1797 Тайный Совѣтникъ, Оберъ-Прокуроръ Департаментовъ Сенатскихъ Московскихъ, Почетный Членъ Московскаго Воспитательнаго Дома и Управляющій театромъ, 1801 Сенаторъ 8-го Департамента; съ 1808 г. второй Генералъ-Губернаторъ Малороссіи, послѣ родственника своего, Князя А. Б. Куракина (по матери, Екатеринѣ Александровнѣ, урожденной Княжнѣ Куракиной), 1811 Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ; въ 1812 г. образовалъ 17 Малороссійскихъ Козацкихъ полковъ, которые расположилъ въ опаснѣйшихъ мѣстахъ Губерній Черниговской и Могилевской, и находился самъ при нихъ; 22-го Февраля, 1816 г., уволенъ отъ управленія Малороссіей и пожалованъ Членомъ Государственнаго Совѣта, съ 20-го Апрѣля Предсѣдатель Комиссіи Прошеній, 1819 Предсѣдатель Департамента Законовъ и Членъ Комитета Министровъ; 1829 Оберъ-Камергеръ; ум. 18 Генваря, 1831 г.; отличался любовью къ правдѣ, за что былъ многими не любимъ, но всѣми уважаемъ; за глаза хвалилъ, въ глаза не одобрялъ, что не могъ хвалить. Послѣ его управлялъ Малороссіей Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, какъ Военный Губернаторъ, завѣдывающій вмѣстѣ съ тѣмъ и Гражданскою частью; онъ былъ сынъ Генерала отъ Кавалеріи, Князя Григорія Семеновича Волконскаго и старшей дочери Генералъ-Фельдмаршала, Князя Николая Васильевича Репнина, Статсъ и Кавалерственной Дамы, Александры Николаевны, и получилъ эту фамилію по смерти дѣда своего, не имѣвшаго сыновей; р. 28 Генваря, 1778 г., учился въ Кадетскомъ Корпусѣ, 1792 г.; служилъ въ Измайловскомъ полку; съ 1795 былъ въ Польшѣ, 1797 Флигель-Адъютантъ; 1799 въ Голландіи съ Ферзеномъ; 1800 Полковникъ; съ 12 Іюля, 1801, сталъ называться Княземъ Репнинымъ; 1802 женился на дочери Графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, Варварѣ Алексѣевнѣ, принесшей съ собою 17 тысячъ душъ крестьянъ въ Губерніяхъ Полтавской, Черниговской и Нижегородской, что съ его составило около 20 т.; подъ Аустерлицемъ тяжело раненъ и плѣненъ, освобожденъ самимъ Наполеономъ и отправленъ къ Государю съ предложеніемъ дружественныхъ сношеній; съ Сентября, 1806, Генералъ-Маіоръ, 1809 Посланникъ при Вестфальскомъ Дворѣ, 1810 при Мадритскомъ, 1812 Начальникъ 9 кавалер. дивизіи, 1813 г. (20-го Февраля) занялъ Берлинъ; въ Мартѣ Генералъ-Адъютантъ; съ 8-го Октября

какое прекрасное мѣсто! Чего природа не произвела? Деревья найпрекраснѣйшія, какихъ мы у себя не видимъ; прозябенія, одному здѣшнему краю свойственныя. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ полуденнымъ нашимъ границамъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ примѣчали успѣхи растительнаго царства; черноклёнъ и ясень въ здѣшнихъ мѣстахъ безподобны. Хозяинъ сада потчивалъ все свое общество чаемъ, прохладными напитками и мороженымъ; слухъ нашъ услаждала стройная духовая музыка; замѣтить должно, что въ этотъ день въ Полтавѣ баловъ не бываетъ и не танцуютъ. И подлинно, странно бы было спрыгнуть съ могилы въ садъ и вальсировать. День скрылся, и мы разъѣхались всѣ по домамъ. Въ моей квартирѣ родство и пріязнь доставляли каждому изъ насъ полное удовольствіе жизни.

Говорили, что этотъ садъ или лѣсъ, въ которомъ мы гуляли, продается на срубку за 30 тысячъ; вся публика о семъ

Генералъ-Губернаторъ Саксонскаго Королевства по 26 Октября; съ 5го Марта, 1814, Генералъ-Лейтенантъ; 1815 участвовалъ во второмъ походѣ во Францію, а съ 22 Іюля, 1818 г., Малороссійскій Начальникъ; 1828 Генералъ отъ Кавалеріи; въ 1831 г. образовалъ 8 Козачьихъ полковъ, а супруга его учредила 1818 г. Институтъ для благородныхъ дѣвицъ; съ 6 Декабря, 1834, Членъ Государственнаго Совѣта, и тогда же оставилъ Малороссію; съ Іюня, 1838, жилъ за границей (въ Италіи и Швейцаріи); 1842 воротился въ имѣніе свое, мѣстечко Яготинъ (Пирятинскаго У., Полтавской Г.), гдѣ и скончался 7-го Генваря, 1845, и похороненъ въ Густинскомъ монастырѣ, близъ Прилуки, гдѣ также похоронена и супруга его (ум. въ Москвѣ 10 Октября, 1864). Репнинъ пользовался необыкновенной привязанностью къ нему Малороссіянъ; открытый, пылкій и ласковый, онъ владѣлъ даромъ слова изустно и на письмѣ. Съ 31-го Декабря, 1834, по Іюль 1835 г., былъ Полтавскимъ и Черниговскимъ Военнымъ Губернаторомъ Сенаторъ, Генералъ-Лейтенантъ, Графъ Александръ Дмитріевичъ Гурьевъ, также съ управленіемъ и Гражданскою частію. Съ 1-го Декабря, 1835 г., по Ноябрь, 1836, Генералъ-Губернаторомъ Черниговскимъ, Полтавскимъ и Харьковскимъ назначенъ Генералъ-Адъютантъ и Генералъ отъ Кавалеріи, Графъ Василій Васильевичъ Левашовъ, преемникомъ коему былъ, съ 12-го Ноября, 1836, по 1840, Генералъ-Адъютантъ и Генералъ-Маіоръ Графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ, а за нимъ слѣдовалъ, съ 28 Генваря, 1840 г., Генералъ-Адъютантъ и Генералъ отъ Кавалеріи Князь Николай Андреевичъ Долгорукій, сконч. въ Харьковѣ 11-го Апрѣля, 1847 г.; послѣдній же Генералъ-Губернаторъ сихъ Губерній былъ Генералъ-Адъютантъ Сергѣй Александровичъ Кокошкинъ, съ 30-го Апрѣля, 1847, по 1856 годъ; съ тѣхъ поръ сими Губерніями стали править одни только Гражданскіе Губернаторы. О. Б.

жалѣетъ, да и по причинѣ весьма правильной: здѣсь роща — кладъ; гдѣ, кромѣ ея, сыскать отъ зноя убѣжище и прохладу? Впрочемъ, одна натура его убирала: онъ ни какого щегольства не получилъ отъ искуства и роскоши.

27 числа здѣсь, какъ и во всей Россіи, поется торжественный молебенъ, въ Соборномъ храмѣ. Соборъ ни новъ, ни старъ, всего есть смѣшенные признаки. * Обѣдню отправлялъ и молебенъ тотъ же старичекъ, Архимандритъ. Надобно ли сказать, что всѣ Чины ее слушали? Въ храмѣ во время службы ставятся всѣ цеховые знаки: они похожи на знамена и удвоиваютъ великолѣпіе обряда; они же выносимы были на канунѣ и къ могиламъ. Хорошо, естьли бы сохранилось здѣсь хоть одно изъ тѣхъ военныхъ знаменъ, кои выражали въ вензеляхъ Петровыхъ, на нихъ нашитыхъ, силу и могущество сего исполина.

Во всякомъ городѣ свои обряды. Духовныя церемоніи хотя бы не должны были сему правилу слѣдовать, однако и онѣ разнообразны. Здѣсь, на примѣръ, 1-е, Евангеліе, по прочтеніи его, подносится ко всѣмъ почетнымъ лицамъ, и къ нему прикладываются. 2-е, Діяконъ, во время Достойной пѣсни, не внутри алтаря токмо, на и внѣ, кадитъ предстоящихъ. 3-е, въ большой выносъ поминаютъ всѣ состоянія и чины, такъ точно, какъ то дѣлается Архіереями. 4-е. Архимандритъ служитъ по Архіерейски, но осѣняетъ одной рукой, хотя въ обѣихъ держитъ подсвѣшники. ** 5-е, Во всей Малороссіи всѣ монахи, носящіе митры, имѣютъ надъ

* Во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, построенный 1770 года прихожанами, при содѣйствіи Андрея Горленка, послѣдняго Полтавскаго Полковника. О. Б.

** Архимандритъ этотъ есть Настоятель Полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря, основаннаго 1650 г. первымъ Полтавскимъ Полковникомъ, славнымъ Мартыномъ Пушкаремъ (стало быть, Полтавскіе Полковники до него по лѣтописямъ едва ли не на бумагѣ только существовали?), при содѣйствіи Полтавцевъ, Ивана Искры и Ивана Крамаря, а также Лубенскаго Мгарскаго монастыря Игумена Каллистрата. Въ немъ съ 1775 по 1798 г. пребывали Архіепископы Славенскіе и Херсонскіе, потомъ Екатеринославскіе, а съ 1803 стали управлять Архимандриты, которые, по Указу Св. Синода (1803 г., Мая 1 дня), служатъ въ митрѣ, съ осѣнятельными свѣщами, на выходъ великой ектеніи не выходятъ, но принимаютъ дары въ Царскихъ вратахъ, съ рипидами, на коврѣ, а на скрижаляхъ мантіи носятъ справа Георгія Побѣдоносца, а слѣва Сампсона Страннопріимца, въ память побѣды подъ Полтавой.

ними еще и крестъ. Я замѣтилъ этотъ обычай, или преимущества здѣшняго духовенства, но не нашелъ любопытнымъ для себя изслѣдовать его начала. Обѣдню пѣли очень протяжно соборные пѣвчіе изъ Приказныхъ; предику говорилъ одинъ изъ бѣлыхъ Священниковъ, весьма продолжительную, но ни по содержанію ея, ни по слогу, не заманчивую. Такимъ образомъ кончилось здѣсь знаменитаго того дня церковное торжество. О веселостяхъ городскихъ буду говорить въ другомъ мѣстѣ.

Скажемъ нѣчто о здѣшнемъ соборѣ. Князь Долгорукій-Крымскій, бывая здѣсь иногда по зимамъ, когда командовалъ 2-ю арміей, усердствовалъ отлично къ этому храму, и много тутъ его приношеній, до нынѣ сохранившихся. Потомки его въ томъ соревнуютъ равномѣрно. Вездѣ видѣвши на пути въ Малороссію портреты многихъ знаменитыхъ особъ въ гражданствѣ на церковныхъ стѣнахъ, не дивился уже и здѣсь найдя Князя Василья Михайловича изображеніе. Но что меня въ новое и несказанное привело изумленіе, это гербъ его, написанный на самомъ иконостасѣ, внизу подъ образомъ Спасителевымъ. О! какъ это мнѣ показалось неприлично! Я чту память сего героя и моего особеннаго благодѣтеля, творца, такъ сказать, судьбы моей. * Но, признаюсь, естьли бъ имѣлъ на то право, велѣлъ бы этотъ гербъ смарать. Аттрибутовъ свѣтскихъ съ духовными никогда смѣшивать, по мнѣнію моему, не должно: Слава Божія и слава человѣковъ суть столь же разнородны, какъ небо и земля.

* Сынъ Д. Т. Совѣтника и Сенатора, Князя Михайла Владимировича, р. въ Іюлѣ 1722 г., участвовалъ 13 лѣтъ солдатомъ во взятіи Перекопа 1736, также 1737 въ нападеніи на Очаковъ; съ 1748 Полковникъ и совершилъ походъ въ Пруссію, за что получилъ чинъ Генералъ-Поручика; при Екатеринѣ II-й Генералъ-Аншефъ; 1771 начальствуя отдѣльными войсками (38 т.), покорилъ Крымъ въ двѣ недѣли (15—29 Іюня), за что получилъ Георгія 1-й степени, а въ 1775 г. названіе Крымскаго; съ 11-го Апрѣля, 1780, по 30 Генваря, 1782 г., когда скончался, былъ Главнокомандующимъ Московскимъ. Въ это-то время сочинитель сего путешествія началъ свою службу причисленіемъ къ штату Главнокомандующаго Московскаго, что по нынѣшнему тоже значило, что состоять въ свитѣ, за тѣмъ произведенъ въ Секретари, через что получилъ чинъ Поручика. Главнокомандующій сбирался было сдѣлать его своимъ Адъютантомъ, но не успѣлъ, по случаю кончины своей. О. Б.

Приказъ содержитъ и фабрику суконную, на которой рабо-
таютъ празднашатающіеся Евреи; рабочихъ же и смирительныхъ
домовъ здѣсь нѣтъ. Всѣ таковые преступники содержатся въ об-
щемъ острогѣ, или по разнымъ распредѣлены рукодѣліямъ въ
досужественныхъ заведеніяхъ.

Обратимъ теперь взоръ на самое большое изъ нихъ. До сихъ
поръ я старался соблюсти правило строгой скромности; далѣе
нѣтъ средствъ воздержаться отъ гласнаго порицанія того, что я
здѣсь видѣлъ.

Подъ названіемъ «Нѣмецкой слободы,» при самомъ городѣ на-
селена колонія иностранцевъ. Суконные ткачи свезены сюда по
позыву Правительства изъ Эльзаса, Саксоніи, Германіи, и завели
здѣсь суконную фабрику. Для помѣщенія ея построено домовъ
до 50 изъ плетня, набитаго навозомъ. Каждый такой домъ сто-
илъ казнѣ до 2 тысячъ, а простоитъ ли пять лѣтъ, сомнительно.
Легко разсудить, сколь мало соображено это съ пользами Коро-
ны. Въ этихъ карточныхъ домикамъ живутъ ткачи, и при нихъ
поставленъ станъ каждаго. Считаютъ, что какъ выстройка сей
слободы, такъ и двухъ еще подобныхъ, въ Кременчугѣ и Констан-
тиноградѣ, т. е., въ Полтавской Губерніи, обошлась Казнѣ въ 400
тысячъ; тамъ, однако, домы рублены изъ дерева, здѣсь иныя свя-
зи обратились въ настоящія тюрьмы; окончины одинакія и двой-
ныя, обѣ для прочности разъ на всегда вмазаны въ стѣны и не

первоначально М. С. Щепкинъ. Котляревскій умеръ 29-го Октября, 1838 г., въ
отцовскомъ домѣ, и похороненъ на Полтавскомъ кладбищѣ, въ углу, подъ развѣ-
систымъ деревомъ, при въѣздѣ отъ Кобелякъ. Сочиненія его изданы: Енеида, 3
части. Спб. 1798, въ 8-ку; второе въ 3-хъ же частяхъ и тамъ же 1808, въ
8-ку, въ тип. Глазунова; третье въ 4-хъ тамъ же, въ Медиц. типогр., въ 8-ку.
Спб. 1809 (иждивеніемъ С. М. Кочубея); 4-ое въ 6-ти частяхъ въ 8-ку. Харь-
ковъ, въ Универс. типогр. 1842, и 5-ое въ Спб. 1862 г., въ «Полномъ собра-
ніи сочиненій И. П. Котляревскаго,» съ его портретомъ и изображеніемъ
домика, въ коемъ онъ жилъ. Наталка Полтавка издана въ Харьковѣ, 1838, въ
8-ку, въ Унив. тип. (въ 1-й книжкѣ «Украинскаго Сборника»), но пѣсни изъ
этой оперы, положенныя на музыку А. С. Барсицкимъ, приложены были ко 2-й
кн. «Утренней Звѣзды,» изд. И. Петровымъ. Харьковъ, 1834, въ Унив. тип.,
8; Москаль чаровникъ; изд. въ Москвѣ, 1841, въ типогр. Н. Степанова, въ 8
д. О. Б.

отворяются ни лѣтомъ, ни зимой; но дышать необходимо: ни ка-
кая власть въ свѣтѣ лишить сего блага натуры не можетъ, ни-
же въ тягчайшихъ узахъ неволи. Что жь дѣлаютъ эти бѣдные
Нѣмцы? Они выламываютъ рамы, выбиваютъ стекла, чтобъ пу-
стить къ себѣ воздухъ. Стѣны, въ основаніи домовъ поставлен-
ныя, такъ прозрачны, какъ рѣшето, и отъ сотрясенія становъ во
время работы чувствительно даже, какъ онѣ зыблются, и дер-
жатся только на угловыхъ столбахъ.

Этого мало: разработка сукна новыя откроетъ намъ причины
подивиться. Каждый станъ долженъ выткать до 800 аршинъ су-
ровья въ годъ; за нимъ сидитъ одна семья. Каждый аршинъ
платится отъ Короны по 82 коп., включая тутъ и то, чего
стоитъ шерсть; словомъ, не пріемля ни какихъ иныхъ побочныхъ
издержекъ. Казалось бы, дешево, но послушайте далѣе! Выпи-
санные иноземцы имѣютъ 10 лѣтъ льготы, на такомъ основа-
ніи, что все, что имъ ни понадобится, сверхъ платы за сукно,
какъ выше видно, уже на всегда опредѣленной, Правительство
обязалось давать имъ въ долгъ, и Смотритель для сихъ записокъ
имѣетъ особую долговую книгу. Вопросъ самый простый и есте-
ственный: естьли кто изъ нихъ умретъ, выбудетъ, сбѣжитъ, въ
теченіи 10 лѣтъ, кто за нихъ поворотитъ въ Казну долгъ? Эта
сумма не входитъ въ раскладку на сукно; это пожертвованіе, къ
ободренію промышленности пріемлемое. Сказывали мнѣ на ухо,
что ежели разложить на вытканное сукно заимообразно роздан-
ныя суммы, то оно обойдется по 4 рубля аршинъ; да и за это
кто же можетъ ручаться, доколѣ не протекутъ 10 лѣтъ льготы?
Кто скажетъ удостовѣрительно, сколько наберутъ ткачи въ долгъ
денегъ, или потребности, и сколько безъ возврата пропадетъ
изъ сего заемнаго капитала? А до того времени и опредѣлить
цѣну сукна нѣтъ возможности: ссуда сія не имѣетъ ни какихъ
опредѣленныхъ мѣръ. И такъ пусть цѣна, къ общей похвалѣ за-
водчиковъ, воображается на бумагѣ 82 коп., время откроетъ гла-
за и покажетъ истину: мишура золотомъ казаться не можетъ.

Впрочемъ, работа сукна очень успѣшна и хороша: она точет-
ся аршина въ $3^1/_4$ ширины; свалявшись, даетъ два аршина слиш-
комъ Тутошніе мастера сами дѣлаютъ карды, на какихъ чешутъ

шерсть, и изобрѣли машину, но она еще не выдержала опытовъ, посредствомъ коей 40 веретенъ вдругъ отъ одной руки дѣйствовать могутъ. Одинъ изъ мастеровъ ткалъ при мнѣ сукно безъ товарища за своимъ станомъ, и довольно скоро мечется съ конца на другой; но для корпуса это движеніе тяжело и даже насильственно.

Къ особенной чести нынѣшняго начальника * сказать должно, что онъ съ огорченіемъ смотритъ на расточеніе суммъ казенныхъ и городскихъ, кои послѣдовали до него въ Полтавѣ. Взглядъ его былъ справедливъ; поступки осторожны: онъ отвелъ отъ себя отвѣтственность. Бывшій здѣсь Губернаторъ смѣненъ уже, но еще новаго при насъ не было, ** и ни кто не смѣлъ войти въ управленіе этой колоніей. Всѣ ея боялись, какъ огня, да и не безъ причины. Жалко, что зло не можетъ такъ легко истреблятьcя, какъ тотъ, кто его сѣмена посѣетъ. Съ человѣкомъ, какъ бы онъ великъ ни былъ, всегда сладить можно, и смѣна одного лица никогда труда не стоитъ. Но вотъ бѣда, что худое учрежденіе не скоро поправляется, а еще труднѣе искоренить его, когда оно наипаче становится предметомъ большаго денежнаго счета. Но это не мое дѣло; скажу и я, воображая себя на большой дорогѣ и странствующимъ по камнямъ, какъ нѣкогда Фонъ Визинъ за слугу изъяснялся: «Мнѣ тряско разсуждать о Богѣ и о свѣтѣ.»

* Генералъ-Губернатора Князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовскаго. О. Б.

** Прежній: Д. С. С. Алексѣй Ѳедоровичъ Козачковскій, съ 14-го Марта, 1808 г., по 17-е Мая, 1810; на мѣсто его назначенъ былъ, 17-го Сентября, 1810 г., Д. С. С. Михайло Ивановичъ Бравинъ, остававшійся по 17 Іюля, 1812 г. До Козачковскаго было три Губернатора: Тайный Совѣтникъ Александръ Борисовичъ Солнцевъ, съ 8 Октября, 1801, по 22 Апрѣля, 1805, возвращенный на прежнее мѣсто въ Воронежъ. Послѣ него Д. С. С. Александръ Ильичъ Мухановъ, съ 6-го Іюня, 1805, по 17 Марта, 1806, когда назначенъ въ Рязань Губернаторомъ; преемникомъ его былъ Д. С. С. Николай Ивановичъ Брусиловъ, съ 17-го Марта, 1806, по 10-е Марта, 1808, поступившій въ Виленскіе Губернаторы. Послѣ Бравина опредѣленъ, 8-го Ноября, 1812, Тайный Совѣтникъ Павелъ Васильевичъ Тутолминъ, бывшій по 22 Апрѣля, 1828, уволенный по прошенію. Далѣе слѣдовали: Тайный Совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Могилевскій, переведенный изъ Чернигова, 15-го Іюля, 1828, по 22 Августа, 1840, когда скончался. Д. С. С. Александръ Егоровичъ Аверкіевъ, Тульскій Губернаторъ, съ 9-го Сентября, 1840, по 14-ое Октября, 1843, поступившій въ Директоры Департамента Государственныхъ Дѣлъ въ Главномъ Управленіи Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. Съ 8-го Марта, 1845 г., Д. С. С. Николай Ильичъ Ознобишинъ, умершій 13-го Августа, 1853, въ Переяславѣ. По немъ Д. С. С., въ званіи Камергера, Александръ Павловичъ Волковъ, съ 1-го Сентября, 1853 г., по 1868, смѣненный Д. С. С. Мартыновымъ. О. Б.

ГЛАВА XIX.

Забавы и увеселенія.

Полтава не щеголяетъ увеселеніями. Мысли каждаго жителя устремлены на одно хозяйство. Въ теченіе трехъ дней, кои я тутъ провелъ, я ознакомился со всѣмъ городомъ, и не могу довольно нахвалиться благоснисхожденіемъ, ко мнѣ Князя Лобанова, который, съ готовностію прямо дружеской, доставилъ мнѣ всѣ средства найти себя самымъ лучшимъ образомъ въ Полтавѣ. Присутствіе такого знаменитаго посѣтителя, какъ Графъ Безбородько, который столь щедро обогощаетъ многія заведенія въ Малороссіи, было поводомъ къ нѣкоторымъ чрезвычайнымъ собраніямъ; при всемъ томъ не было ни чего для веселости.

Въ самый Полтавскій праздникъ Генералъ-Губернаторъ давалъ мущинамъ большой нарядный обѣдъ; насъ съѣхалось человѣкъ до 50-ти; сѣли за столъ въ 3, встали въ 6 часовъ по полудни; наѣлись, выпили кофе и, по обыкновенію, всѣ съ двора долой. За столомъ играла музыка, принадлежащая одному помѣщику и служащему тутъ Милорадовичу. * Надобно ли сказать, что пили цѣлыми кубками Царское здоровье, и отъ души всякой желали ему многолѣтняго здравія?

* Коллежскому Совѣтнику Михайлу Михайловичу Милорадовичу, сыну Генералъ-Маіора Михайла Александровича, внука Александра Ильича, Оберъ-Капитапа въ Сербіи, вышедшаго въ Россію въ 3-мя братьями, Михайломъ и Гавриломъ, Гадяцкими Полковниками. Первый ум. 1725, другой 1727 г. Михайло Михайловичъ былъ съ 1805 по 1809 Губернскимъ Маршаломъ (Предводителемъ) Дворянства. О. Б.

Зять мой, будучи природный Малороссіянинъ, * болѣе или менѣе съ нѣкоторыми изъ нихъ въ родствѣ; онъ меня со всѣми ознакомилъ. Всѣ показали мнѣ отличную благосклонность; наипаче Графъ Безбородько самымъ привѣтливымъ образомъ со мною обращался. Слѣдствіе такого выгоднаго для меня расположенія бощущалъ я и далѣе въ моемъ путешествіи, о чемъ пріятно будетъ мнѣ въ каждомъ мѣстѣ особенно упомянуть. Вице Губернаторъ, ** правившій тогда должность Губернатора, человѣкъ не молодой, но доброхотный, безъ отягощенія возилъ меня самъ по всѣмъ заведеніямъ.

Послѣ Генералъ-Губернаторскаго пиршества, 7 числа, ѣздилъ онъ и мы всѣ провести вечеръ въ здѣшній публичный садъ. Далъ Богъ Полтавѣ на этомъ безлѣсномъ мѣстѣ рощу; натура обогатила ее плодоносными растеніями и деревьями не вездѣ общими; предмѣстникъ Князя Лобанова велѣлъ исчертить ее дорожками, обвесть каменной оградой, вычистить и разсыпать по мѣстамъ бесѣдки; примѣчательнѣйшая изъ нихъ сдѣлана на подобіе ветхаго шалаша (здѣсь ихъ много въ существѣ и безъ поддѣлки); она довольна просторна. Тутъ, какъ и во всѣхъ публичныхъ садахъ, пунктъ привлеченія всего общества — Князь Лобановъ, охотникъ до садовъ, и это гулянье есть очевиднымъ того доказательствомъ, по тому что по всѣмъ путямъ и тропкамъ большой приборъ и чистота. Гуляя съ нимъ по саду, я любовался, видя восхищеніе, съ которымъ онъ каждое дерево выхваляетъ; всякое ему знакомо; онъ неоднократно его осмотрѣлъ. Виды отсюда не восхитительны, но изрядны. Мы проходили до сумерокъ. Собраніе было не велико; можно было счесть не больше 50-ти прогульщиковъ. Признайтесь, что такой праздничный день для Полтавы, въ ней самой такое собраніе весьма малолюдно; да и прогулки не сопровождались ни какими замыслами удовольствія: ходили, доходили, сѣли въ кареты и разъѣхались.

Но вотъ чему можно подивиться: въ Малороссіи въ саду въ бесѣдкѣ каминъ. «Такъ, стало быть, и здѣсь бываетъ лѣтомъ

* Селецкій, о коемъ сказано будетъ болѣе ниже. О. Б.

** Статскій Совѣтникъ Боариновъ? О. Б.

холодно?» спросилъ я кого-то.—«Совсѣмъ нѣтъ; но мы гуляемъ въ нашихъ садахъ и среди Ноября мѣсяца.»—«О! пожалуй и я пойду у себя въ садъ въ Декабрѣ, естьли буду обнадеженъ найти въ мнимомъ шалашѣ хорошій огонь въ каминѣ.» Симъ споръ и возраженія кончились.

Князь Лобановъ увѣрялъ меня, что окрестности Полтавы очаровательны; быть можетъ, но я того не примѣтилъ, и куда меня ни возили, я нигдѣ не встрѣчалъ такихъ видовъ, какіе въ нашихъ мѣстахъ. Да и по истиннѣ, что можетъ быть величественнѣе той площади, на которой посаженъ Владиміръ? Что для глазъ плѣнительнѣе горъ, его отвсюду опоясывающихъ? особливо по дорогѣ, ведущей отъ Александрова къ Троицкой Лаврѣ, можно найти обращикъ Швейцаріи. Лучшимъ мѣстоположеніемъ подъ Полтавою почитается усадьба Г-на Коч.... Ее даже прославляютъ превосходнѣйшимъ въ цѣломъ свѣтѣ: я его не видалъ и судить о томъ не могу. Вѣрю одному знаменитому объ немъ преданію, будто Екатерина II, бывъ нз этомъ мѣстѣ, изволила отозваться, что она лучше его ни чего не видала. Но естьли его приближить въ сравненіяхъ съ дачею Г. Милорадовича, которую казали мнѣ за диковинку, со стороны физическаго ея расположенія, я осмѣлюсь признаться, видѣвши сіе послѣднее, что оно для меня даже хорошимъ не казалось.

Есть и театръ въ Полтавѣ: какъ безъ него? Строеніемъ онъ не важенъ, да не хвалятъ и актеровъ. Они при мнѣ были въ разъѣздѣ, въ Кременчугѣ, на ярмаркѣ; и такъ я ни одного представленія въ Полтавѣ не видалъ. Вотъ все, что можно замѣтить здѣсь на счетъ забавъ.

Публика уединенна и вообще ни сколько не любитъ шумныхъ увеселеній. Пашня занимаетъ всѣ умственныя способности здѣшняго жителя. Нѣтъ вкуса къ удовольствіямъ роскошнымъ, все скупо и каждый сжатъ въ домѣ своемъ, какъ въ скорлупѣ. Про себя все запасено, но для заѣзжаго въ городѣ нѣтъ ни чего, даже за деньги. Мы нуждались и въ хлѣбахъ и въ сливкахъ; Князь Лобановъ присылалъ къ намъ ихъ изъ вѣжливости; безъ него пришлось бы чай пить по Великопостному. Говядины нѣтъ, по тому что волы на работу надобны, и ихъ не бьютъ;

телятъ нѣтъ, для того что они будутъ волы со временемъ, и ихъ кормятъ и возращаютъ; сливокъ нѣтъ, для того что теленокъ выпиваетъ всю добычу своей матки; хлѣба нѣтъ, за тѣмъ что пшеницу возятъ въ Одессу и грузятъ на корабли. Вотъ обстоятельства гостинаго желудка въ Малороссіи!

Потчивали меня здѣшнимъ плодомъ, который въ большой славѣ, черешнею, но я не нашелъ его столько вкуснымъ, чтобъ позавидовать тѣмъ, кои съ большими, впрочемъ, пожертвованіями во многихъ отношеніяхъ пріѣзжаютъ по службѣ сюда жить, или, лучше сказать, томиться въ скукѣ.

Свиданіе съ сестрой и письма изъ Москвы, кои во время нашего пребыванія въ Полтавѣ получены, доставили мнѣ пріятнѣйшія минуты. Имъ и благосклонности Князя Лобанова обязанъ всѣмъ тѣмъ удовольствіемъ, какого ищу ежедневно; ибо скука я есть несносный червь, который и самое свѣжее сердце подъѣдаетъ. Отправивъ отсюда огромную почту къ моимъ роднымъ и друзьямъ, я собрался ѣхать въ Петровъ день. На канунѣ получена оффиціальная вѣдомость о побѣдѣ надъ Турками. 29 назначенъ молебенъ, а я, чѣмъ свѣтъ, лечу, чтобъ приблизиться къ тѣмъ мѣстамъ, откуда труба звучитъ во всю Россію такія пріятныя новости.

ГЛАВА XX.

Путь до Кременчуга. Балъ въ клубѣ.

На прощаньи съ сестрой, давши ей слово посѣтить ихъ деревню, поѣхали мы въ 8 часовъ утра, въ Петровъ день, изъ Полтавы. До Кременчуга 120 верстъ. Дорога ровная и прекраснѣйшая для почтовой ѣзды. Мы летѣли, по милости Князя Лобанова, который вездѣ намъ приказалъ безостановочно давать лошадей; нигдѣ безъ собственнаго произволу не ждали минуты; въ 9 часовъ пріѣхали въ городъ; но поговоримъ сперва о дорогѣ.

Съ выѣзда изъ Москвы мы еще въ одни сутки такого пространства не проѣзжали; погода весьма благопріятствовала, жаръ

былъ умѣренный, а вечеръ довольно свѣжъ. Отъ Полтавы разсаживаютъ аллеи — тщетный трудъ! Нигдѣ не принимаются. Вблизи Кременчуга только на нѣсколькихъ деревьяхъ примѣтна маленькая зелень. На первой станціи такой же почтовый дворъ, какъ и по ту сторону Полтавы, но изъ настоящаго кирпичу. Тутъ попался намъ Засѣдатель Симферопольскаго Земскаго Суда. Я съ нимъ разговорился о Крымѣ, о тамошней благословенной сторонѣ, и онъ укоренилъ во мнѣ желаніе туда съѣздить, которое и Графъ Безбородько въ Полтавѣ съ успѣхомъ уже произвелъ во мнѣ.

Мы обѣдали 40 верстъ отъ Полтавы въ селеніи, называемомъ Решетиловка. Маршрутъ почтовый совсѣмъ другой путь вамъ укажетъ, но онъ уже уничтоженъ; ѣздятъ всѣ по этому гораздо скорѣй и лучше. Это мѣсто принадлежитъ Попову, но не все; въ немъ имѣетъ участіе и другой помѣщикъ, а за Василіемъ Степановичемъ 1800 душъ, ему пожалованныхъ;* сверхъ того, здѣсь же поселено въ послѣдніе военные годы до 5 тысячъ Козаковъ, кои принадлежатъ Казнѣ. Здѣсь 4 церкви деревянныя и одна каменная; ряды кирпичные выстроены очень хорошіе. Самого владѣльца тутъ не было; содержатель почты имѣетъ изрядную квартиру:

---

* Извѣстный Правитель Канцеляріи и любимецъ Князя Потемкина-Таврическаго, р. 1745 г., учился въ Казанской Гимназіи; поступивъ въ Гражданскую службу, отличался искуствомъ въ Канцелярскихъ бумагахъ, потомъ снискалъ вниманіе къ себѣ Московскаго Главнокомандующаго Князя В. М. Долгорукаго-Крымскаго, къ коему, будучи Премьеръ-Маіоромъ, поступилъ (1780) Правителемъ Канцеляріи; по смерти Князя перешелъ къ Потемкину, завѣдывая походными его дѣлами; съ 1784 Полковникъ; 1785 находился при собственныхъ Ея Импер. Величества дѣлахъ у принятія прошеній; 1787 Бригадиръ; 1788 Генералъ-Маіоръ; послѣ Потемкина находился при Императрицѣ по прежнему у прошеній, управлялъ также Горнымъ Корпусомъ, Кабинетомъ и др.; 1797 Тайный Совѣтникъ и Президентъ Каммеръ-Коллегіи; 1798 присутствующій въ 1-мъ Департаментѣ Сената; по доносу удаленъ отъ службы; при Александрѣ Д. Т. Совѣтникъ и Управляющій Коммисаріятскимъ и Провіянтскимъ Департаментами (1807); въ 1808 Членъ Государственнаго Совѣта, 1819 Предсѣдатель Дапартамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, также Коммисіи Прошеній; ум. въ С.-Петербургѣ въ Ноябрѣ 1822 г. О. Б.

но какъ для праздника онъ накурилъ ее слишкомъ чеснокомъ, то мы поѣли въ сараѣ. Лѣтомъ вездѣ крышка.

Здѣсь водятся черепахи; къ намъ приносили одну, и мы разными образами терпѣніе ея испытывали: брали ее въ руки, кидали на полъ, зарывали въ песокъ, опять бросали въ лужу: тутъ только она выходила изъ своей шкатулки, впрочемъ, все вытолько она выходила изъ своей шкатулки, впрочемъ, все выдерживала, спрятавшись очень скромно въ своей табакеркѣ; нѣкоторыя изъ насъ обѣими ногами на нее становились и тискали ее всей своей силой, такъ какъ нажимаютъ самыхъ лучшихъ авторовъ мальчишки въ типографіяхъ. Гадкое животное!—только и хорошаго, что ея жилище; выгнавъ напередъ хозяйку, можно нюхать преблаговонный табакъ.

По степямъ находилъ я цѣлыя полосы земли, и довольно большія, усыпанныя темными синими цвѣтами, такъ что издали онѣ представляли настоящій видъ яхонта. Я долго ими любовался, остановя бѣгъ прыткихъ нашихъ коней.

И тотъ же самый Богъ, что небо сотворилъ,
Живописалъ цвѣты, и ими степь покрылъ;
Далъ жизнь и бытіе малѣйшему листочку,
И травкѣ, какъ звѣздѣ, назначилъ въ мірѣ точку.
Натура отъ него пріяла кисть, рѣзецъ,
И міра красоты суть рая образецъ.

За двѣ станціи до Кременчуга Голова тутошняго селенія непремѣнно хотѣлъ, чтобъ насъ провожали верхомъ два Козака. Я долго отказывался, наконецъ согласился: переѣзду было только 16 верстъ. Лошади насъ несли во весь духъ; Козаки скакали какъ бѣшеные. Я имъ далъ на водку, и они, поблагодаря, сказали: «Этотъ путь намъ игрушка.» Всякая добровольная услуга пріятна признательному сердцу.

Попался намъ Богородской мужикъ, сосѣдъ нашей подмосковной. Онъ ѣхалъ изъ Одессы и везъ сѣру въ Москву. Я его остановилъ, поговорилъ съ нимъ объ Одессѣ; онъ сулилъ мнѣ тамъ дешевой хлѣбъ и дорогой фуражъ. «Хорошо, увидимъ; мы сами туда ѣдемъ; поклонись нашимъ, прощай!»—Какъ бы вы

думали? Я этому простому мужику обрадовался. Повторите, что я писалъ выше о родинѣ, и тогда вы безъ труда этому повѣрите.

На послѣдней станціи перевозъ черезъ Пселъ.* Отъ самаго Мурома по всей этой дорогѣ я первый паромъ еще нашелъ. Рѣка хороша. Поднявшись на гору и проѣхавъ первые пески, вы откроете прекрасные виды со всѣхъ сторонъ. Я ѣхалъ въ коляскѣ, стоя цѣлый часъ, и не смигалъ съ этой картины. Съ хребта горъ довольно продолжительныхъ черезъ многіе овраги вы видите селенія въ долинѣ и въ разныхъ пунктахъ рѣка попадается вамъ въ глаза; но отлогимъ берегамъ ея на той сторонѣ разбросаны хаты, кои ни чего за собой въ долахъ отъ васъ не прячутъ. Прекрасное мѣстоположеніе! Натура вездѣ играетъ съ новыми пріятностьми. Кто чувствуетъ сельскіе ея дары, тотъ ближе всѣхъ стоитъ у дверей счастія.

Подъ городомъ проѣхать надобно нѣсколько верстъ отяготительныхъ песковъ; избѣжать ихъ нельзя: естественный знакъ большихъ рѣкъ. Мы у береговъ Днѣпра.

Сколько мы имѣли лестныхъ доказательствъ благосклонности къ намъ Полтавскаго Градоправителя въ пути, столько, напротивъ, нашли мы досадныхъ непріятностей для помѣщенія своего въ городѣ: ни одной пустой и пристойной квартиры — все наполнено народомъ. Въ Ивановъ день сдѣсь бываетъ ярмарка, и ни кто еще не уѣхалъ изъ Кременчуга. Мы въ сумерки въ него попали, и до восхода мѣсячнаго возили насъ по улицамъ: то въ тотъ домъ привезутъ, то въ другой; индѣ запрутся, индѣ не пустятъ. Въ комъ желчи это не расшевелитъ? Я очень сердился. И насилу господинъ Городничій тутошній отвелъ намъ какой-то уголъ. Я было и спать; но молодые мои товарищи провѣдали, что сегодня въ городѣ балъ въ клубѣ, и меня съ собой туда взманили—

* Въ мѣстечкѣ Омельникѣ, прежде сотенномъ, теперь въ немъ 2-й станъ и Почтовая станція; лежитъ на правомъ берегу Псёла, въ 23 верстахъ отъ Уѣзднаго и въ 90 отъ Губернскаго города. О. Б.

удовольствіе убавляетъ лѣтъ. Я тотчасъ прибрался, одѣлся, выпросилъ у Городничаго дрожки и явился на балѣ. Въ Москвѣ клубъ пропустить не бѣда; можно въ другой попасть: ихъ много; а зима въ нашихъ мѣстахъ такъ строга и велика; но въ Кременчугѣ бала во всю жизнь, можетъ быть, не увидишь, естьли полѣнишься завернуть въ его мимоѣздомъ. Скажутъ: «Да что за радости въ такомъ Уѣздномъ сборищѣ?»—«Все то радость, господа большаго свѣта, чего не видалъ и чего хочется.»

Клубъ содержится здѣсь въ большомъ и опрятномъ домѣ. Залы освѣщены очень хорошо; собраніе, по лѣтнему времени, довольно людное, но въ комнатахъ не тѣсно; музыка Кіевскаго баталіона, который тутъ квартируетъ,—хвастать не чѣмъ, хотя Польскія играли съ хорами; но что нужды до ихъ искуства? было бы весело. Кто на балъ ѣздитъ вслушиваться въ музыкальную гармонію? Тутъ неутомимый гудокъ—лучшій виртуозъ. Этотъ балъ давался экстраординарно, по случаю съѣзда многихъ на ярмарку. Я нашелъ съ Дворянами много и иностранныхъ купцовъ съ семьями. Съ ними легко ознакомиться; дамы ихъ привѣтливы, и я Польскихъ съ три прошелъ на свою долю. На насъ глядѣли, какъ обыкновенно вездѣ смотрятъ на заѣзжихъ, во всѣ глаза: новое лице—чудо во всѣхъ собраніяхъ городовъ Россійскихъ, даже и въ самой Москвѣ.

Заслуженный Офицеръ Генеральскаго чина изъ Нѣмцевъ тутъ хозяйничалъ и заправлялъ клубнымъ дѣломъ; въ его рукахъ вертѣлся руль этой плясовой машины; онъ и самъ, приободрившись, прошелъ нѣсколько Польскихъ. Я, глядя на него, воображалъ хорошаго моего знакомца, который 17 лѣтъ правилъ однимъ провинціяльнымъ редутомъ безъ устали и безъ скуки: * я люблю видѣть такихъ старичковъ по городамъ Губернскимъ.

* Дуровъ, богатый Тамбовскій Помѣщикъ, поселившійся во Владимирѣ и бывшій Старшиной тамошняго Редута (Благороднаго Собранія)? Онъ выведенъ въ комедіи «Дурыломъ или выборъ Старшины,» Княземъ И. М. Долгорукимъ. См. сочиненіе М. А. Дмитріева: «Князь И. М. Долгорукій и его сочиненія.» Изд. 2-е. М. 1863, стр. 74—76, 164—267. О. Б.

Они зачнутъ вѣкъ свой тѣмъ, что въ молодости подставятъ гдѣ ни будь на проломъ черепъ: пушки его раздробятъ, а лѣкари починятъ, но останется дряхлость, и что потомъ? Ѣхать домой, разставить въ деревнѣ въ рамахъ за стекломъ разные патенты, и наѣздомъ зимой въ городъ, военному съ большимъ султаномъ, а статскому съ стразовыми пряжками, щеголять на балѣ, попасть въ директоры въ редутъ или клубъ, состарѣться оригиналомъ и умереть подъ музыку.

ГЛАВА XXV.

Описаніе Кременчуга.

Мы здѣсь прожили сутки цѣлыя. Какъ смѣнить Уѣздный городъ, Кременчугъ, съ Губернскимъ, Полтавою, при всѣхъ его затѣяхъ? Днѣпръ даетъ ему и красоту и пользу. Городъ торговой: куда ни пойдешь, вездѣ сыщешь слѣды довольства, которое достовляетъ разумная промышленность. Но такъ какъ добро и худо всегда рядомъ ходятъ, то и Кременчугъ имѣетъ свои невыгоды. Онъ на такихъ сидитъ пескахъ, что отъ пыли ни въ одномъ домѣ нѣтъ убѣжища. Безпокойное положеніе!

Днѣпръ имѣлъ бы видъ величавый и прекрасный, естьли бы не пресѣкался мелями песчаными и островками такъ, что глаза нигдѣ не видятъ большаго пространства воды безъ помѣхи. Края его наполнены судами. Вся Бѣлоруссія сгоняетъ по немъ лѣсъ и уголья въ степи и полуостровъ Крымъ, а оттуда вверхъ отправляется соль. Народу много: онъ весь въ движеніи. Дѣятельность во всякомъ родѣ есть животворный пламень нашей жизни. Берега рѣки и самое ложе ея каменисто. Здѣсь добывается самый твердый камень, на подобіе гранита, и хотя меньшей красоты, но того же рода. Онъ мнѣ показался, какъ и тотъ, изъ котораго сдѣланъ въ Полтавѣ памятникъ Петру.

Ряды каменные огромны; погребовъ множество и за хорошія деньги можно выпить рюмку цѣльнаго вина. Трактирщикъ

городской кормитъ очень хорошо. Вы найдете сотъ до двухъ кузнецовъ и каретные добрые сараи, гдѣ не только всякую повозку, но даже и новую карету на иностранный образецъ, отдѣлаютъ. Магистратъ и Дума представляютъ одно изъ лучшихъ строеній въ городѣ; на немъ бельведеръ; я входилъ туда, и видъ во всѣ стороны прекрасный. Прочіе домы въ городѣ низки и принадлежатъ къ мазанкамъ.

Соборъ заслуживаетъ пристальный взглядъ. Онъ выстроенъ изъ кирпича; фасадъ его отличается вкусомъ, и онъ чрезмѣрно краситъ Александровскую площадь, на которой увидите вы и гаубтвахту каменную. Въ городѣ, сверхъ обыкновенныхъ Гражданскихъ Мѣстъ, учреждена и Провіантская Коммисія.

Богоугодныя заведенія справедливой похвалы достойны. Они, какъ и въ Полтавѣ, въ общемъ домѣ. Но какая разница въ помѣщеніи! Главный корпусъ въ два этажа каменный, и въ немъ церковь. Она во имя Св. Маріи Магдалины и ни чѣмъ не отличается отмѣннымъ. Священникъ встрѣтилъ меня съ крестомъ, пропѣлъ входную и прокричалъ Императорскому Дому многолѣтіе. Я приложился къ Распятому, и далъ Іерею рубль: тѣмъ все и кончилось между нами въ домѣ Господнемъ. Въ нижнемъ этажѣ живутъ инвалиды; ихъ числомъ до 14-ти, и они не въ праздности хлѣбъ ѣдятъ, а прислуживаютъ въ Лазаретѣ; кровати у больныхъ желѣзныя; чистота въ покояхъ удивительная.

Прочія принадлежности къ дому деревянныя, или изъ сырцу. Кухня, прачечная, бани, все въ наилучшемъ порядкѣ. Больные пользуются самымъ чистымъ воздухомъ. Для Евреевъ есть особая больница. Народъ сей вездѣ одинаковъ: нечистъ, срамёнъ и отвратителенъ; я говорю о Жидахъ самаго низшаго разбора: что ихъ гаже въ природѣ? Жаль, что они люди! Врачеваніе ихъ здѣсь и приличное содержаніе есть черта чувствительности, по которой должно признаться, что Философія нашего вѣка не на одних заблужденіяхъ основана. И подлинно: Жидъ развѣ не человѣкъ? Оставимъ при немъ его суевѣріе, его нелѣпости, самые его обманы; вспомнимъ, что онъ также ближній нашъ, и когда онъ страждетъ, отворимъ ему сострадательное сердце. Вотъ какъ

думалъ здѣшній начальникъ, когда онъ обратилъ взоръ свой на нихъ, и особую для Жидовъ устроилъ больницу.

Этотъ домъ сталъ казнѣ тысячъ до 80-ти, но пусть бы сталъ и сто: Приказы Общественнаго Призрѣнія не копить, а съ пользой расточать обязаны свои сокровища. Внутреннія убранства и кровати доставлены иждивеніемъ здѣшняго помѣщика Пономарева. Лучше дать больному Еврею на лѣкарство, нежели честному Христіанину проиграть въ запрещенную игру въ трактирѣ.

Кромѣ Нѣмецкой суконной фабрики, какъ и въ Полтавѣ, о которой также говорено, здѣсь есть, на особомъ положеніи, еще фабрика суконная же. Она расположена въ большомъ каменномъ домѣ, купленномъ за самую низкую цѣну, или, лучше сказать, это почти подарокъ продавца: въ немъ два большіе этажа. Тутъ школа суконодѣлія для Евреевъ: ткачи Жиды обучаютъ своему ремеслу малолѣтковъ, и сами толстое сукно работаютъ на станахъ казенныхъ. Вездѣ видны доказательства крайней нужды въ сукнѣ, и усилія довольствоваться домашнимъ.

ГЛАВА XXII.

Дворцовый садъ. Театръ.

При въѣздѣ въ Кременчугъ покажется вамъ большой садъ: это роща, прочищенная дорожками, кои заросли и все мѣсто пришло въ крайнее запустѣніе. Тутъ нѣкогда былъ дворецъ, въ которомъ изволила останавливаться Екатерина; * одна осталась каменная ограда, и та съ трудомъ поддерживается экономическими крохами. Князь Куракинъ хотѣлъ возобновить его славу, и много къ тому, во время начальства своего, споспѣшествовалъ. Я въ немъ гулялъ съ нѣкоторыми тутошними жителями, кои помнятъ еще и нынѣ, какъ сюда при Потемкинѣ возили Крымскія расте-

* Въ Путешествіе свое 1787 г., пробывши въ Кременчугѣ по 3-е Мая. О. Б.

нія и разсаживали ихъ, дабы обольстить взоръ Фелицы. На почтовыхъ привозились кадки съ большими плодовитыми деревьями и вкопаны были въ землю, гдѣ по времени безъ присмотра пропали. Все дѣлано было на минуту, на минуту и стало: слѣдовъ малѣйшихъ такого величія не осталось. Я гулялъ по тропкамъ, топталъ, задумавшись, крапиву и шепталъ про себя: «Tempus edax rerum.»

Подъ самымъ городомъ другой есть садъ у какого-то иностранца, о которомъ много мнѣ разсказывали хорошаго, но я не могъ щедро тратить времени; мнѣ надлежало очень сберегать его; и такъ я въ тотъ садъ не ѣздилъ, а, судя по Испанскимъ вишнямъ, которыхъ мнѣ оттуда цѣлое блюдо доставили, я думаю, что подлинно садъ прекрасный, или, по крайней мѣрѣ, оранжереи. Послѣднему я всегда даю преимущество.

Лучшенькой кусокъ обыкновенно оставляется къ концу: такъ и я, въ описаніи Кременчуга, соблюлъ театръ для изящнаго вкуса. Полтавская труппа была еще здѣсь и всякой день забавляла публику въ большомъ сараѣ. Какъ не съѣздить полюбоваться на нее? Мы взяли билеты и отправились. Сегодня, для издыхающей ярмарки, давали «Мѣщанина въ дворянствѣ», превосходная и всѣмъ извѣстная фарса. Жалость! Двухъ актеровъ нѣтъ, которые бы однимъ нарѣчіемъ говорили: кто по Руски, кто по Черкаски, иной по Малороссійски, * иной по Польски, — смѣшеніе языковъ! Ни какой взаимности въ общихъ вниманіяхъ: одинъ говоритъ, другой, отворотясь, шепчетъ про себя свою ролю, чтобъ не забыть того, что слѣдуетъ. Что за актрисы! Какое платьишко! Какія тѣлодвиженія! Куклы на ниткѣ не такъ надоѣдятъ, какъ этѣ живыя машины. Сперва я досадовалъ, тужилъ, негодовалъ, наконецъ разсудилъ хохотать и умеръ было со смѣха. Говорятъ, что гдѣ-то актеры, подобные имъ, берутъ съ зрителей деньги не за входъ, а за выходъ: не худо бы имъ перенять этотъ образъ контрибуціи; они бы вѣрно большой доходъ получили; по тому что въ сарай къ нимъ набилось пропасть народу. Духота была страшная, воздухъ мефитическій и самый крѣпкій; можно

* По Черкаски и по Малороссійски, вѣдь, одно и то же. О. Б.

бы, я думаю, въ потьмахъ зажечь свѣчку: такой былъ паръ отъ любителей театра! Освѣщеніе къ тому же самое смрадное: ежеминутная копоть; кресла безъ дна, стулья безъ спинокъ. Представьте, что бы каждый изъ насъ заплатилъ за то только, чтобъ выпустили на чистый воздухъ! Жаль, что они расчета своего не нашли, хотя брали за входъ такую же плату, какую въ Москвѣ даютъ за то, чтобъ прослезиться, глядя на безподобнаго Померанцева. «Вотъ неслыханные злодѣи!» какъ говаривалъ нѣкто старинный мой командиръ. Я не дождался конца этой потѣхи; нахохотался, сколько было силъ въ селезенкѣ, и бросился бѣжать изъ партера. Вышедъ оттуда, какъ я обрадовался заходящему солнцу! Узникъ не такъ радъ свободѣ.

Насъ ожидала въ другомъ родѣ полночная забава. Между здѣшними жителями отыскался одинъ знакомый перваго мужа жены моей, командиръ баталіона. Онъ давно уже сбирался повеселить общество, и припасъ къ ярмаркѣ фейерверкъ, который съ особымъ привѣтствіемъ разсудилъ сжечь сегодня на берегу Днѣпра, будто бы для насъ собственно. Съ чувствительною признательностію принявъ его убѣдительныя приглашенія, мы пріѣхали на Днѣпровскіе пески въ полночь. Въ три и четыре ряда наставленные стулья и скамейки усыпаны были жителями города. Полный мѣсяцъ свѣтилъ всѣмъ своимъ сіяніемъ; ночь подобилась ясному дню: какая неудача для фейерверка! И самый лучшій потерялъ бы всѣ свои прелести, а нашъ отсырѣлъ и, вмѣсто удовольствія видѣть въ совершенствѣ быстрый полетъ ракетъ, оглушиться стукомъ многочисленныхъ бураковъ, мы наслаждались удовольствіемъ ощущать природу благосклонну, тиху, ни чѣмъ не возмущенну, слышать то звуки духовой музыки, и плѣняться раскатомъ ихъ по водѣ, то крики пѣсенниковъ, и размышлять о томъ, о чемъ кому хотѣлось, а я, между тѣмъ, присѣлъ на большомъ дубовомъ отрубкѣ и мысли свои одѣвалъ въ риѳму:

Вездѣ народъ живетъ и любитъ веселиться:
Вкусъ роскоши у насъ подѣйствовалъ на всѣхъ;
Богачъ въ Кременчугѣ на ярмаркѣ стремится
Такихъ же, какъ въ Москвѣ, добыть себѣ утѣхъ.

Ему знакомы всѣ столичныя названья;
Редутъ и лѣтній садъ то тамъ, то сямъ, торчитъ;
И кресла захватя, изъ чванства, безъ желанья,
Задумавшися, въ нихъ комедію глядитъ.

Межъ тѣмъ, какъ гордый Днѣпръ свѣтъ лунный отражаетъ,
И кажетъ путь плотамъ, плывущимъ въ чудный Крымъ,
Ракеты, бураки весь берегъ освѣщаютъ,
Среди песковъ его столбомъ клубится дымъ.

Тутъ музыка заразъ * и пѣвчіе готовы,
Молоденькихъ дѣвицъ, какъ пчелъ, кружится рой.
Нехай же ** Москвичи къ провинціямъ суровы:
И въ нихъ по временамъ бываетъ вѣкъ златой.

Какая разница въ доброхотствѣ и обращеніи со многими другими мѣстами, гдѣ мы остановились! Здѣсь всѣ насъ обласкали, всѣ искали нашего знакомства. Старый дому нашего пріятель, Г. Н., живетъ здѣсь осѣдлымъ образомъ и очень обласкалъ меня; онъ безпрестанно былъ у насъ на квартирѣ. Г. Почтмейстеръ озаботился доставленіемъ мнѣ лошадей и легкихъ способовъ продолжать путь; словомъ, я былъ бы неблагодаренъ, естьли бъ не сказалъ здѣсь, вспоминая сутки моего пребыванія въ Кременчугѣ, что я, кромѣ комедіи, былъ совершенно всѣми увеселеніями тамошняго края доволенъ; видѣлъ добронравіе жителей, чувствовалъ цѣну ихъ вѣжливыхъ поступковъ, и наипаче никогда не забуду прогулки моей въ дворцовомъ саду съ Г. Пот..., съ которымъ такъ много мы о всякой старинѣ бесѣдовали. Но мало ли гдѣ хорошо на день, на два? а жить житьемъ гдѣ лучше, какъ дома?

ГЛАВА XXIII.

Путь до Елисаветы.

1 Іюля, въ 9 часовъ утра, отправились мы изъ Кременчуга. Солнце уже пекло, и пески около Днѣпра дѣлаютъ путь очень утомительнымъ. На томъ берегу рѣки, тотчасъ за мостомъ, Уѣздный городокъ Херсонской Губерніи, Крюковъ. Мы его проскакали, и я объ немъ не чего ни скажу, кромѣ того, что съ виду онъ не обращаетъ ни какого на себя вниманія: можно его почесть за слободу, прилегающую къ Кременчугу. Въ немъ есть Комисаріатская Экспедиція, и я слышалъ, что для нея по новому проекту строится домъ изъ того камня, которымъ изобилуютъ берега Днѣпровскіе.

* Тотчасъ. О. Б.

** Пусть, пускай. О. Б.

Отсюда мы начали странствовать по настоящимъ и пространнымъ степямъ: ни полей, ни кустовъ; страшной величины дачи, ни чѣмъ не населенныя, не воспріявшія ни какихъ сѣменъ. Продолжительные жары даже всю траву на нихъ посушили. Верстъ по 30-ти проѣзжали, не встрѣчая ни малѣйшаго жила. Воды мало, да и та по большой части нехорошая. Одни волы возятъ шагомъ всякія тягости, а Хохлы въ просонкахъ погоняютъ ихъ длинными своими лозами. Все наводитъ скуку и тоску. По счастію, и тутъ нашли мы нѣчто забавное. Въ степи премножество животныхъ, коихъ здѣсь простой народъ зоветъ евражки: * это маленькая крыса, очень похожая на ласточку. Они живутъ въ норкахъ, выбѣгаютъ оттуда, прыгаютъ довольно рѣзво по степи и становятся на заднія лапки, какъ бѣлки: очень смѣшное животное! Чтобъ поймать ихъ, надобно залить норку водой: звѣрокъ этого очень боится, и чтобъ не утонуть, онъ выскакиваетъ, и тутъ бери его руками; но въ осязаніи онъ столько же непріятенъ, сколько смѣшонъ въ своихъ скачкахъ.

Подъѣзжая къ Александріи, при спускѣ съ горы, порвались нашильники и лошади насъ понесли. Казакъ, выѣхавшій изъ города намъ на встрѣчу и ѣхавшій передъ нами, поворотилъ назадъ, врѣзался въ нашу четверню, смялъ лошадей, и тѣмъ остановилъ коляску. Непріятная минута! Путешествовать люблю, а сломить шею не хочется.

Въ Александріи мы отобѣдали: это Уѣздный городокъ, ни чего не значущій: онъ населенъ изъ гусаръ Александрійскаго полку и принялъ его имя. Тутъ уже считается до 800 душъ, изъ

* Или овражки, т. е., суслики. О. Б.

которыхъ до трехъ сотъ по названію своему выходцевъ, а просто по Русски бѣглыхъ; этѣмъ средствомъ, къ которому нѣкогда многіе были поважены, мы стали встрѣчать довольно одноземцевъ, вышедшихъ сюда изъ Великороссійскихъ областей и на степяхъ поселившихся. Городомъ правитъ того же Александрійскаго гусарскаго полку Маіоръ, мужикъ немолодой и до сихъ поръ настоящій гусаръ: хотя черные усы его даютъ ему самый свирѣпый видъ, но онъ принялъ насъ охотно, позволилъ намъ занять на часъ свою квартиру. Мы въ ней нашли картинки за стеклами, зеркальце и софу: чего больше для здѣшняго Городничаго? Онъ непремѣнно хотѣлъ мнѣ подать рапортъ; Уѣздный Судья и прочіе Чиновники, узнавъ о пріѣздѣ гостя, силились также подать мнѣ Вѣдомости о дѣлахъ своихъ: у всякаго изъ нихъ выглядывала изъ кармана огромная тетрадь. Мнѣ много стоило труда упросить, чтобъ они меня отъ такого скучнаго чтенія избавили: я бы охотнѣе согласился имъ цѣлый день читать Телемахиду, нежели утомить зрѣніе на этихъ гражданскихъ стопахъ мелкаго и обыкновенно сквернаго письма, что зовутъ Приказные люди Вѣдомостьми. Господинъ Судья помолчалъ минуту, и опять за тетради, а я опять ихъ упрашивать: «Пожалуйте, положите въ карманъ и отнесите домой; мнѣ этого не надобно.»—«Да хоть взгляните!»—«Я лучше на васъ посмотрю.» О, какая убійственная почесть! Насилу они разошлись, и нашъ усатый Маіоръ подалъ рюмку водки, потомъ сѣли за столъ, съѣли что Богъ въ степи послалъ, и поскакали.

Продолжая путь, наѣхали на Русскую колонію. 500 душъ казенныхъ крестьянъ, бѣдные землей, переходили изъ Обоянской округи селиться за Орликъ; тамъ имъ нарѣзали по 16 десятинъ на душу, и они съ своими пенатами, съ семьями и домашнимъ скотомъ, бѣгутъ искать новаго отечества. Чего нужда не производитъ! Голодъ все дѣлаетъ несноснымъ, и Аравія, которая кормитъ, лучше покажется богатой Индіи, естьли ни кто не даетъ въ ней пищи. Хлѣбъ—сокровище и животъ поселянина: отступишься для него и отъ родимаго гнѣзда. Я долго занялся этимъ подвижнымъ селеніемъ. Крестьяне не тужатъ, спѣшатъ быть на новомъ мѣстѣ, распахать землю, и ввѣрить ей обильныя сѣмена свои.

Въ дорогѣ на одномъ часу и плачешь и смѣешься: все зависитъ отъ внѣшнихъ предметовъ. Очень позабавилъ насъ Іерей въ селеніи, по имени Оджимъ. * Не доѣзжая Елисаветграда за почту, мы остановились тутъ мѣнять лошадей. Подходитъ къ намъ батюшка, Малороссъ дородный и по виду добродушный, зоветъ насъ убѣдительно къ себѣ въ домъ пополдничать; мы отговариваться: ни что не помогаетъ. «Ну, пойдемъ!» сказалъ я женѣ; «такъ и быть: что за полдникъ?» Дорогой онъ безпрестанно болталъ намъ о своихъ подвигахъ. Естьли вѣрить его разсказамъ, онъ былъ въ арміи у Михельсона, ходилъ при немъ со крестомъ на приступъ Измаила, не боится ни какого огня: острѣленъ, какъ старая пушка; словомъ, я зачиналъ обольщаться его простотою и думалъ подъ сѣнью сего Пресвитера найти Авраамово угощеніе. Село Государево; комната у Священника изрядная. Онъ намъ поставилъ хорошую яичницу, которая была бы лучше, естьли бъ, для позыва на питье, не высыпалъ въ нее владыко всей своей перешницы; потомъ, выпивши кувшинъ свѣжаго яблочнаго квасу, оставалось сказать ему спасибо, и вспомнить его вездѣ съ признательностію. Но окаянный рабъ Божій изволилъ такія тонкія сѣти намъ поставить для того, чтобъ насъ обобрать; и когда мы сбирались садиться въ повозки, онъ записалъ, подъ видомъ благочестія, имена каждаго изъ насъ, для воспоминанія ихъ предъ престоломъ Господнимъ, а между тѣмъ противъ каждаго имени писалъ опредѣлительную цѣну и требовалъ съ насъ денегъ: съ кого 5, съ кого 10 руб. Такое нахальство меня взбѣсило; я кинулъ ему синенькую бумажку, и бѣжалъ, не оглядываясь. Лицемѣріе и корысть подъ благовиднымъ предлогомъ во всякомъ человѣкѣ отвратительны, а въ Попѣ что можетъ быть гнуснѣе хитрости и обмана? Послѣ, разсказывая многимъ тамошнимъ этотъ случай, я слышалъ, что онъ всѣхъ проѣзжихъ точно такъ забавляетъ, и многіе, кои повторяли здѣшній путь, уже не останавливаются на этой станціи, или стараются всячески отъ него укрыться. Вотъ сирена новаго рода!

* То есть, Аджимка, Большая Аджимка, Пикинерная, въ 44 в. отъ Александріи, при прудахъ, съ 2 церквами, около 900 дворовъ, и проч. О. Б.

ГЛАВА XXIV.

Елисаветградъ.

Поздно и темно было, какъ мы пріѣхали въ городъ. Намъ отвели хорошую квартиру у зажиточнаго купца: одна комната довольно большая и вся росписана; пестрота ужасная! Живописецъ не щадилъ красокъ, а труда марать такъ, какъ онъ маралъ, немного. Хозяинъ привѣтливъ, потчивалъ насъ вишнями своего сада. Но передъ нами ли ими хвастать? Натура всякому краю дала его преимущества. Хотите ли ѣсть славныя вишни? Поѣзжайте во Владиміръ: тамъ вы сорвете лучшія, а въ Елисаветѣ пусть потчиваютъ арбузами, шелковицею. Здѣшній край славится быть плодовитымъ, по тому что приближенъ къ полудню; это и правда; но не надобно вдаваться въ крайность. Что далѣе повезу за собой читателя, то чаще ему это повторять стану. Мы ни въ чемъ не находимъ средины: или все, или ни чего. И здѣсь также, какъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, всѣмъ пользуется богачъ: у него и арбузы, и виноградъ, и шелкъ, но не у всякаго. Натура не даромъ расточаетъ свои сокровища: потребны къ наслажденію ими и земля, и труды, и средства; мало посѣять, надобно воспитать растеніе; погода не всегда благопріятствуетъ. Когда нѣтъ дождя—богатый польетъ; когда наводненіе, богачъ выпуститъ воду въ каналъ, а бѣдному гдѣ все это взять, и кѣмъ и какъ сдѣлать? И такъ не заблуждайтесь! Рядовый здѣшній обыватель не подастъ вамъ ни огурца, ни ягодъ, по тому что у него самаго ни чего нѣтъ, ни крынки молока, ни куска бѣлаго хлѣба.

Здѣсь живетъ знатный какой-то Молдаванъ, котораго всѣ зовутъ Графомъ Филипеско; многіе даютъ ему титло Господаря. Я ни чего объ немъ не знаю, какъ то, что война съ Турками выбросила на наши берега этого крупнаго осетра. Онъ находится здѣсь со всей своей семьей и домомъ, и видно много затащилъ съ собой дукатовъ, по тому что они за все про все изъ широкихъ его рукавовъ, какъ соръ, валятся. Съ нимъ трое сыновей, большіе съ женами, и нѣсколько внуковъ; ему лѣтъ 60; жена его еще не совсѣмъ старуха. При немъ вся его дворня, составляющая душъ 70. Все это мотаетъ до крайности: они другихъ денегъ не знаютъ, какъ червонныхъ. Лѣкарь его одинъ стоитъ ему 100 червонныхъ въ мѣсяцъ; онъ разъѣзжалъ со старшимъ сыномъ его, который былъ боленъ, по окрестностямъ Елисаветы, а меньшій самый, лѣтъ 20, молодой человѣкъ, въ ту самую минуту, какъ я пріѣхалъ въ городъ, былъ у меня съ визитомъ и отъ отца своего изъяснялъ Молдаванскіе комплименты. Такъ точно какаду, привезенный изъ Индіи въ клѣткѣ, кланяется сквозь желѣзную рѣшетку и хохломъ машетъ предъ всѣми.

При этомъ семействѣ приставленъ Россійскій Офицеръ, съ вѣдома и согласія котораго, я назавтра пошелъ поблагодарить Филипеско за его учтивость. Онъ принялъ меня на крыльцѣ. Сѣдая борода его и длинное Азіятское платье даютъ ему видъ весьма важный. Глаза его горятъ, и если по нимъ судить о душѣ и разумѣ, то безъ ошибки заключать можно, что онъ небезопасный человѣкъ въ критическихъ обстоятельствахъ. Домъ у него лучшій въ городѣ, но крайне тѣсенъ и малъ, весь состоитъ изъ 9 не комнатъ, а клѣтокъ; тутъ же принимаютъ, гдѣ и спятъ, а при всемъ томъ за эту квартиру платятъ они по 250 руб. въ мѣсяцъ: по ихъ деньгамъ все это пыль! Я у нихъ долго сидѣлъ и разговаривалъ съ ними черезъ переводчика. Сноха его старшая, женщина уже немолодая, но весьма образованная, говорила со мною очень чисто и по Русски и по Французски, и передавала свекру мои рѣчи по Гречески. Выговоръ у нея на всѣхъ языкахъ сладокъ и пріятенъ. Въ устахъ женщины, которая всѣ краски большаго свѣта получила въ свое воспитаніе, слышать Греческое нарѣчіе и ново и странно было для моихъ ушей. Я не знаю, какой она породы, но жила долго въ Россіи, была въ чужихъ краяхъ, вышла за Молдавана, и тамъ поселясь, дѣлитъ съ семействомъ мужа своего судьбу его. Они вообще тужатъ о родинѣ своей въ Бухарестѣ, не скидаютъ Молдаванскаго платья, и сыновья его вдвое прекраснѣе отъ того кажутся. Старики по вечерамъ для забавы играютъ въ карты, мечутъ grande patience. Что больше и дѣлать, потерявши свободу и родину? Старикъ, кажется, былъ очень утѣшенъ моимъ посѣщеніемъ и проводилъ

меня до моихъ дрожекъ; а можетъ быть, такая вѣжливость происходила и отъ неволи: она дѣлаетъ очень учтивымъ каждаго.

Я ходилъ смотрѣть Раскольничью церковь: она еще не освящена; строеніе каменное и со вкусомъ снаружи; внутри подобіе нашего храма, но Староста, который меня водилъ, называлъ ее часовней, по тому что въ ней не совершается обѣдни; да и антиминса нѣтъ. Престолъ на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ; на немъ Евангеліе рукописное подъ титлами на пергаменѣ; нѣкоторыя слова различны съ нашими. Ни Царскихъ, ни Сѣверныхъ дверей еще нѣтъ, а въ отверстіяхъ, для нихъ прорубленныхъ, завѣсы. Служба отправляется по старымъ книгамъ. Иконостасъ не что иное, какъ стѣна, обитая бумажками, и на полкахъ въ три ряда разставлены разныя стариннаго письма иконы.

Близъ города старая обвалившаяся земляная крѣпостца, не заслуживающая примѣчанія: она нѣсколько видна съ большой дороги. При выѣздѣ изъ города каменный выстроенъ острогъ съ желѣзными вереями и заклепами. Архитектура наружная очень хороша, естьли, говоря о тюрьмѣ, можно назвать что ни будь хорошимъ: каково-то въ ней!

Одинъ обыватель здѣшній разводитъ тутовыя деревья. Я къ нему ходилъ; онъ мнѣ съ подробностью весьма снисходительною показывалъ все производство шелковичнаго растенія. На одномъ листѣ до милліона яицъ оставляютъ бабочки. Ни чего нельзя видѣть любопытнѣе соединенія червячковъ: они поѣдятъ листъ и обовьются шелкомъ. Въ этой овальной желтой паутинѣ они ждутъ минуты, которую натура имъ назначила выйти оттуда съ крыльями и быть бабочками. Безъ всякихъ дальнихъ вымысловъ нѣкоторое число этихъ, такъ называемыхъ, куколъ повѣсятъ на снуркѣ, какъ баранки, на стѣну; солнце ихъ обогрѣетъ; они продерутъ скорлупу свою и выдутъ наружу. Ихъ возьмутъ, положатъ на листье, и новый родъ ихъ опять начнется, а прочихъ всѣхъ заморятъ въ этомъ чахлѣ и станутъ изъ него вить шелкъ. Сколько трудовъ натурѣ и человѣку для того, чтобъ модницамъ нашимъ было во что обуться и одѣться! Тутовое дерево само собою ни чего не значитъ; ягоды его очень приторны. Меня чрезвычайно заняли червячки, и я долго не могъ съ ними растаться.

Городъ, впрочемъ, ни чего очень любопытнаго не содержитъ, и хорошимъ его назвать нельзя; довольно, что онъ носитъ громкое имя, чтобъ долго жить со славою въ лѣтописяхъ нашихъ.

Прекрасно жить въ Елисаветѣ:
Тутъ черви намъ шелки дарятъ;
Такихъ арбузовъ въ цѣломъ свѣтѣ,
Какъ здѣсь, я слышалъ, не ѣдятъ.
Подъ властью быть Елисаветы
Прекраснѣй было во сто кратъ,
Когда ея благи совѣты
Творили счастье здѣшнихъ чадъ.
О градъ, Царицѣ соименный!
Хоть многихъ меньше ты градовъ:
По званью будешь, незабвенный
Въ сердцахъ Россійскихъ всѣхъ сыновъ!

ГЛАВА XXV.

Николаевская степь. Громоклея.

Въ Елисаветѣ пробыли только утро и отобѣдали. Оставя за собой берега Ингульскіе, орошаемые самой нечистой водой, и старую границу, по тому что все далѣе Елисаветграда покорено Екатериной, мы въѣхали въ Николаевскую ужасную степь. Полвѣка назадъ мы бы думали, что ѣдемъ въ чужіе края и на заставахъ стали бы у насъ спрашивать дипломатическихъ паспортовъ. Время все превращаетъ: наша подорожная почти до Царьграда намъ также хорошо нынѣ служила, какъ бы отъ Петербурга до Москвы, и мы по указу предубѣжденія въ чужой сторонѣ почитали себя дома.

Отъѣхавши верстъ 40, мы мѣняли лошадей въ селеніи небольшомъ, разбросанномъ по рѣчкѣ Судаклѣѣ, * катогая дала

---

* Сугоклеѣ. О. Б.

ему свое имя. Отсюда стали мы примѣчать большіе камни, бѣлые и дикіе, обросшіе мхомъ и неподвижно тутъ натурой утвержденные; изъ самыхъ мелкихъ строятся низенькія горенки. Природа, кажется, не безъ умысла поставила у источниковъ морскихъ разныя особенныя вывѣски, и ими оградила собраніе водъ для того, чтобъ всѣхъ животныхъ, населяющихъ твердую землю, остеречь, предваривъ ихъ, что они приближаются не къ своей стихіи. Но нѣтъ! человѣкъ преградъ не знаетъ; да не отъ того, если, сославшись на стараго и иностраннаго писателя, смѣю и я сказать, чтобъ онъ былъ всего земнороднаго острѣе, а потому, что онъ всѣхъ испорченнѣе и ни чѣмъ во вѣки не доволенъ. Дай на небѣ престолъ—и тамъ не умѣстимся.

По всей дорогѣ до Николаева, которая составляетъ 140 верстъ, вы ни чего не видите, кромѣ дикой степи, ни какого растенія: одинъ ковыль, какъ волна вьется по землѣ. Жаръ и зной палитъ ужасный: здѣсь тепла нѣтъ: или духота, или такой холодъ подъ вечеръ и предъ утренней зарей, что шубы просимъ; переходъ изъ воздуха въ другой быстръ и опасенъ для неосторожныхъ. Однако, чего нужда не дѣлаетъ? И тутъ селятся; мы нашли семей со 100, выѣхавшихъ на одну отведенную имъ равнину, съ семьями, скотомъ и всей своей пажитью. О бѣдные! Пожалѣлъ я объ нихъ и проскакалъ. А можетъ быть они и счастливѣй здѣсь будутъ: желаю, всѣмъ сердцемъ желаю!

Проѣхавъ третью часть степи, пора была помышлять о ночлегѣ. Остановились мы въ селеніи Громоклея: * названіе громкое, а жилища ни какого. Тутъ поселено 44 выходца, кои имянуются Молдаванскими Дворянами; владѣютъ 6-ю тысячами десятинъ земли, по тому что нѣкогда здѣсь ею не дорожили, а отдавали всякому, кто бы ни захотѣлъ; не платятъ ни какой подати, кромѣ поземельныхъ денегъ; скота имѣютъ пропасть; дровъ ни полѣна, топятъ кизикомъ, котораго навалены у нихъ стопы, какъ у насъ скирды съ хлѣбомъ: для насъ подъ чайникъ

* При рѣчкѣ Громоклеѣ Елисаветградскаго Уѣзда, въ 16 в. отъ города, съ 126 дворами и станціей; иначе Китросаново, Николаево, Дворянское. О. Б.

сожгли изломанное колесо телѣжное. Противъ нашего огня разложенъ былъ такой же у Хохловъ: они перевозили дубовый лѣсъ на корабли въ Николаевъ; его рубятъ въ, такъ называемомъ, Черномъ лѣсу, 90 верстъ отъ Николаева. На ночлегѣ отвѣчалъ прекрасно мнѣ одинъ молодой тутошній мужикъ. Спросилъ я его: «Есть ли у васъ дѣвки въ селеніи?»—«Куда же имъ переводиться? Вѣдь ихъ въ солдаты не берутъ.»

Отвели намъ избу, въ которой, по увѣренію почтаря, Военный Губернаторъ останавливается, но нечистота и гадъ насъ изъ нея скоро выжили. Мы предпочли поужинать на дворѣ: прекрасная зала, когда вечеръ такъ хорошъ, какъ былъ тогда! Вспомнили Курскую ярмарку, и легли спать въ каретѣ. Безпокойныя мечты тутъ меня замучили; сонъ бѣжалъ отъ очей моихъ; утренняя заря еще не занималась и одинъ полный мѣсяцъ сквозь темный завѣсъ ночи посылалъ лучи свои на землю: но что сіи блѣдные лучи озаряли? Увы! не излучины Английскаго сада, не тихой ручеекъ въ долинахъ сладострастныхъ, не боскетъ, гдѣ любовь ищетъ любви и умираетъ въ восторгахъ. О! нѣтъ, мѣсяцъ освѣщалъ степь дикую и пространную, горизонтъ пустоты безконечной: небо и сухая земля! Сѣдой ковылъ, повѣваемый зефиромъ, покрываетъ всю степь и уподобляется океану: тотъ же ужасъ въ чувствахъ, что и на водѣ. Я испыталъ всю его дрожь, валяясь въ каретѣ; мало этой картины, чтобъ выразить вамъ тогдашнее мое положеніе. Всѣ около меня уже спали: люди, утомясь отъ жара, храпѣли на сырой землѣ; одна бѣдная жена моя дѣлила мою тоску и унылыя докуки. Въ воздухѣ раздавался лай псовъ или, лучше сказать, вой сей неусыпной стражи пустынныхъ жителей: въ одной избѣ замолкнутъ, завоютъ въ другой. Лѣнивый волъ, освобожденный на ночь отъ ярма, подошелъ къ нашей каретѣ и, потершись около кузова, рогомъ стучалъ въ стекло, противъ котораго я и спалъ; естьли не крѣпкаго сна, по крайней мѣрѣ сладостей дремоты, ни что ея не привлекало; духъ и умъ мой съ удивительнымъ напряженіемъ силъ бодрствовали, какъ бы для того, чтобъ разительнѣе чувствовалъ я бѣдствіе тѣхъ, кои не по прихотямъ, но изъ нужды, странствуютъ по морямъ и за морями.

Вотъ какъ мы провели кратчайшую лѣтнюю ночь Іюля 3 числа на степи подъ Николаевомъ. Никогда, никогда Громоклеи я не забуду. Вы, которые такъ восхищаетесь луной и ея свѣтомъ, любите читать страшныя повѣсти Г-жи Радклифъ! хотите ли познать ужасы мѣсячной ночи? Испытайте то же, что я: велите привезти себя туда, отпречь вашу карету, лягте въ ней соснуть, и повѣрьте, что нѣтъ ни чего тошнѣе, какъ удареніе мѣсячныхъ лучей, когда все, насъ окружающее, пусто, уныло и безплодно! О! какъ мѣсяцъ тогда противенъ! Сколько тысячъ разъ взглянулъ я въ самую среднюю его точку и—проклиналъ эту, столь очаровательную въ молодости моей, планету!

Лишь только стало разсвѣтать, я выскочилъ изъ кареты, накинулъ куртку и легъ, какъ отчаянный, на голой землѣ. Эта натуральная постель лучше меня успокоила: я часа два забылся, уснулъ. Потомъ спросилъ лошадей; жена напилась чаю, и въ 4 часа утра уже мы считали новыя версты.

ГЛАВА XXVI.

Пріѣздъ въ Николаевъ.

Отъ ночлега нашего въ сторонѣ, не въ дальнемъ разстояніи, селеніе, принадлежащее какому-то Пот... Тужилъ я, да поздно, что мы не знали объ немъ; чаятельно, тутъ мы бы ночевали лучше.

На дорогѣ нѣтъ ни чего завиднаго: мѣста каменистыя и часто горы, но не страшныя. На возвратномъ пути, будучи уже въ той сторонѣ знакомѣе, мы находили и тамъ убѣжище, гдѣ нынѣ просто скакали мимо безъ примѣчанія; такъ, на примѣръ, мы нашли чему подивиться въ деревнѣ одной госпожи Лореновой, у которой маленькая мыза при пути, близехонько отъ почтовой смѣны.

Вскорѣ за ней полюбилось мнѣ на всей этой степи одно только положеніе мѣста. При небольшомъ источникѣ построена

каменная низенькая церковь и обсажена ветлами. Здѣсь и это дерево въ диковинку: ни какого нѣтъ! Взглянувъ на церковь, вспомнилъ я, что это былъ воскресный день и съ умиленіемъ вздохнулъ. Кто что ни говори, чувствительность человѣческая есть та гибкая доска въ нашемъ составѣ, на которой врѣзываются всѣ впечатлѣнія ума и сердца. Законъ и богослуженіе есть дѣйствія общества. Натуральный, нами съ восторгомъ выхваляемый, человѣкъ не знаетъ ни буднихъ, ни праздниковъ; въ степи Вторникъ и Воскресенье все равно. Онъ работаетъ, прѣетъ, въ потѣ лица ѣстъ хлѣбъ свой, не видитъ ни чего выше неба; словомъ, онъ живой образецъ Адама, изгнаннаго изъ рая и осужденнаго на рабство, безконечной трудъ и смерть. Восхищайтесь такимъ бытіемъ, господа энтузіасты!

Обѣдали мы въ сараѣ, принадлежащемъ къ помѣстью одного Лѣкаря, и по тому станція, тутъ расположенная, называется Лѣкарева: * она въ 47 верстахъ отъ Николаева. Я въ ней отдохнулъ часа три и доправилъ недоимку съ Морфея, который въ прошедшей ночи не весь суточный доходъ мой мнѣ выплатилъ. Мужикъ тутошній сказывалъ намъ, что ихъ 90 душъ, и 4 помѣщика ими управляютъ, они жь и не въ раздѣлѣ. Весело, думаю, жить и тѣмъ и другимъ!

На послѣдней почтовой смѣнѣ Кандыбинѣ ** нашелъ я чистый самый и прозрачный ключъ воды, хрусталь не свѣтлѣе: онъ бьетъ изъ пригорка, въ которомъ, подобно искуственному гроту, натура дала глубокую впадину. Родникъ обнесенъ низкой оградой изъ тутошняго камня и представляетъ прохладную ванну. Верхній холмъ отѣняетъ ее отъ зною; отъ него проведенъ жолобъ, гдѣ, пасущіе овецъ и коней, обыватели напаяютъ свой домашній скотъ. Какое романическое мѣсто! Я оросился этой благотворной водой, стоя подъ жолобомъ, и съ удовольствіемъ ея напился. Естьли бъ этотъ клочекъ земли съ водою вырѣзать

---

* Иначе Вейландова, при колодцѣ, въ 109 в. отъ своего Уѣзднаго города (Херсона), съ 29 д. О. Б.

** Кандыбинъ хуторъ, при ключѣ, въ 86 в. отъ Херсона. О. Б.

и отнести къ богатому барину въ Москву, который его бы убралъ, обогатилъ, отдѣлалъ, тото бы вышла заманчивая прогулка, сокровище! Но здѣсь натура одной постоянной цѣли своей искала—пользы. Она разсыпаетъ дары свои обильно, гдѣ не чаютъ: тамъ даетъ тополи и винограды, здѣсь гонитъ быстрый токъ воды, чтобъ дать прохладу утомленному пѣшеходу и освѣжить жаркую морду отягченнаго вола. Вотъ весь ея предметъ!

Натуру я осмѣлюсь уподобить здоровой и прекрасной женщинѣ, которая еще не одѣлась; а роскошь есть ея туалетъ, ея убранство, пособіемъ котораго получаетъ она сіяніе. Можно ли оспаривать истину, которую, кажется, сами чувства наши безпрестано исповѣдуютъ, что натура, сколь ни хороша въ своихъ твореніяхъ, но предметы, въ коихъ она на насъ дѣйствуетъ, удвоиваютъ ея прелести? Изъяснимся: солнце, луна, сіи два превосходныя свѣтила, нигдѣ не теряютъ своего достоинства и славы; но сравните ихъ въ отношеніи къ тѣламъ поднебеснымъ, на коихъ лучи ихъ отражаются, тѣ же свѣтила не вездѣ плѣнятъ васъ, не вездѣ на чувства ваши подѣйствуютъ одинаково. Солнечный лучъ, проникшій въ вашъ уединенный кабинетъ чрезъ отверстое окно, въ которое, вмѣстѣ съ нимъ, входитъ къ вамъ лѣтній вѣтерокъ сквозь тонкой раскрашенной сторъ, что мы прозрачіемъ называемъ, этотъ лучъ не стократъ ли пріятнѣе для васъ яркаго огня, подъ которымъ печется несчастный Хохолъ среди Николаевскихъ степей? Недавно и луна въ ужасъ приводила меня, отражаясь на земляхъ безплодныхъ; та же планета въ живописномъ боскетѣ, или въ липовой аллеѣ, ударяя въ чистый фонтанъ и обдѣлывая гранью пущенный изъ него столбъ воды, та же луна въ восторгъ васъ приводитъ, и вы съ возлюбленной возносите ее на лирѣ. Осмѣлимся взять въ примѣръ огонь вещественный, земной: внесемте свѣчи въ богатую комнату: какъ все покажется прекрасно! Внесите въ избу, гдѣ ползаетъ тараканъ, шумитъ сверчокъ, пролита крынка на лавкѣ, и вы изъ нея побѣжите: огонь, однако, и тамъ и тутъ одинъ и тотъ же. Ахъ! признаемся, что роскошь есть лакъ природы.

Кто не бывалъ, какъ я, нигдѣ, кромѣ Москвы и Петербурга, или городовъ вообще, тотъ послѣ такой продолжительной степной

дороги, увидѣвши Бугъ и городъ на немъ, закричитъ: «Слава Богу! Есть еще для меня и жизнь и люди!» Такъ чувствовалъ я, пріѣхавши въ Николаевъ. Еще было свѣтло. Бугъ меня обрадовалъ; сердце мое забилось; сколько идей различныхъ овладѣло мною! Мое намѣреніе, столь труднымъ въ началѣ казавшееся, почти исполнено: я приближаюсь къ Одессѣ; я ужъ въ Николаевѣ, тамъ, гдѣ не было ни чего, кромѣ продолженія степи; тамъ, гдѣ чудотворная рука Екатерины воздвигла новые грады, покорила новые себѣ языки. Здѣсь соединяется Ингулъ съ Бугомъ. Первая рѣка нехороша, по тому что заплываетъ почти вся камышами; они, какъ стѣна, въ самой водѣ еще издали видны; а Бугъ мнѣ чрезвычайно показался. Протяженіе сей рѣки въ длину невелико: но какъ въ ней много воды! Какъ она индѣ широка, горда, рьяна! Я буду имѣть случай объ ней часто говорить.

Теперь скажемъ только, что мы, по пріѣздѣ въ городъ, не знали долго, куда пристать. Обѣщаны были съ нами письма изъ Кременчуга къ конторщику Г. Перетца, который здѣсь важные торги имѣетъ лѣсомъ и хлѣбомъ, но мы уѣхали безъ нихъ и, какъ иногда случай гораздо лучше догадки, то мы нечаянно подъѣхавъ къ Провіантской Г-на Перетца конторѣ, нашли вѣжливаго прикащика, который, по ссылкѣ нашей на извѣстныхъ ему въ Кременчугѣ людей, на обѣщанныя письма, рѣшился насъ принять и отвести намъ всю свою прекрасную квартиру. Домъ каменный, стѣны росписныя, мебель пристойная, комнаты небольшія, да чистыя; а для насъ тогда и хорошая изба показалась бы дворцомъ: усталому вездѣ тамъ рай, гдѣ онъ отдохнуть можетъ. И такъ мы разсудили, оглядѣвъ всѣ прелести нашего жилья, остановиться тутъ дни на три.

ГЛАВА XXVII.

Николаевъ.

Зачнемъ съ хозяина, Г. К., который управляетъ дѣлами Провіантскими по довѣренности Перетца, доставилъ намъ всѣ тѣ удовольствія, какихъ только въ незнакомомъ краю ожидать

можно. Я не назову этого простымъ гостепріимствомъ; нѣтъ, тутъ было доброхотство, ласка, желаніе угодить, и оно тѣмъ чувствительнѣе меня тронуло, что я ни чѣмъ его не заслужилъ. Мы имѣли чай, кофе, когда хотѣли, хорошую баню, всякой день столъ готовый, за который Г. К. съ самою тонкою вѣжливостію приглашалъ тѣхъ изъ посѣтителей нашихъ, коихъ замѣчалъ онъ, что бесѣда насъ занимаетъ особливо. Гдѣ жь искать причины такой разборчивости въ уваженіяхъ? Г. К. мнѣ не былъ ни другъ, ни родня. Сколько родныхъ на свѣтѣ, которые охотно кинутъ бѣдному родственнику пять сотъ, тысячу, рублей, для того, что они привыкли сорить деньгами и что для нихъ все равно, какъ и куда ихъ употребить, лишь бы доходы ихъ были расточены пышнымъ образомъ; и какъ мало такихъ ближнихъ, кои бы показали вниманіе безденежное, но стакратъ драгоцѣннѣе золота самаго! Г. К., угостивъ насъ на чужой сторонѣ, какъ родной, безъ всякихъ видовъ корысти, пріобрѣлъ вѣчное право на мою признательность.

Городъ новъ, выросъ, такъ сказать, изъ земли, но видно, по многимъ примѣтамъ, что онъ назначался быть огромнымъ по здѣшней сторонѣ. Обывательскихъ домовъ довольно, казармъ и слободъ также; улицы широки и правильны, но не мощены; ибо грунтъ песчанъ. Каменныя лавки отличаются менѣе своей красотой, чѣмъ своей дороговизной въ товарахъ; все можно достать, но за высокую цѣну. Я купилъ здѣсь сукна, для того только, чтобъ носить Николаевской фракъ. Вотъ первая вывѣска моего пристрастія къ этому городу!

Городомъ управляетъ Военный Губернаторъ. Мѣсто его занималъ въ то время Г. Я., морской немолодой Генералъ и страждущій глазными болѣзнями; онъ ведетъ жизнь самую уединенную; ни кого не принимаетъ безъ дѣла, самъ не бываетъ ни въ какихъ собраніяхъ. Домъ, гдѣ онъ живетъ, великъ и хорошо убранъ; въ немъ предмѣстникъ его, Г. Маркизъ де Траверсе, частые давалъ пиры и былъ чрезвычайно любимъ въ городѣ. Никто не произноситъ его имени въ Николаевѣ безъ похвалъ, и похвалъ самыхъ искреннихъ. Не станемъ полагаться на тѣ, коими украшаютъ память его морскіе Чиновники: по главному начальству

его надъ ихъ службой, они могутъ и нынѣ, изъ одной осторожности и политики, объ немъ отзываться выгодно; но Священникъ, приказный, ремесленикъ, торгаши всякаго состоянія и возраста, люди, всѣ его превозносятъ, и естьли можно чему ни будь поревновать въ такомъ мірѣ, гдѣ все гибнетъ, такъ, конечно, позавидовать простительно славѣ, которую Г. де Траверсе по себѣ оставилъ въ Николаевѣ. Онъ никогда не скрывался отъ людей; онъ искалъ ихъ, дѣлалъ для нихъ забавы, сосредоточивалъ ихъ всѣхъ у себя, и былъ обожаемъ. Нелюдимъ можетъ быть достоинъ и почтенъ, но любезенъ никогда. Чтобы быть любиму, надобно любить, или видъ благосклонности показывать; а кто бѣгаетъ отъ людей, тотъ милъ имъ никогда не будетъ.

Здѣсь разныя части управленія. Адмиралтейство учреждено въ большомъ каменномъ и прекрасномъ домѣ съ флигелями, колоннами и галереями; противъ него большая площадь; видъ строенія отвѣтствуетъ колоссальнымъ намѣреніямъ того, который кинулъ первыя основанія Николаева: извѣстно, что его заложилъ Потемкинъ. Я со многими Чиновниками морскими ознакомился. Нигдѣ нѣтъ такой привѣтливости, какъ въ этой службѣ. Вода сближаетъ всѣ народы, и морскіе Офицеры хоть кажутся дики въ обществѣ, но можно смѣло ручаться, что нѣтъ ни одного изъ нихъ, который бы не былъ пріятно и полезно образованъ самъ собою и собственнымъ своимъ навыкомъ, а это средство прочнѣе всѣхъ Академическихъ. Г. Леонтовичъ, первый Чиновникъ здѣсь подъ Адмираломъ; онъ женатъ на дочери де Траверсе, воспитанной въ Смольномъ Монастырѣ; онъ неоднократно посѣтилъ меня, обласкалъ и самъ охотно возилъ меня по всѣмъ здѣшнимъ заведеніямъ. Ихъ много, и Николаевъ большое мѣсто займетъ въ моемъ путешествіи.

Соборъ каменный строенъ при Потемкинѣ и его иждивеніемъ, во имя его патрона, Григорія Армянина, которому празднуется 30-го Сентября. Говорятъ, что онъ хотѣлъ дать изображенію его видъ Азіятской, и для того списалъ съ одного Турка лицо, которое въ одеждѣ Священномученика поставлено въ иконостасъ: не знаю, правда ли, но отъ него станется: онъ рожденъ былъ для всего необыкновеннаго. Соборъ ни живописью, ни красотой убран-

ства не щеголяетъ; лишь одной огромностью своей важенъ. При немъ Протопопъ изъ Малороссіянъ, по прозванію Савурской, пожилой Священникъ, лѣтъ близъ 70, но веселый въ обращеніи и словоохотный: онъ раздѣлялъ со мной большую часть моего времени, много видѣлъ, слышалъ и съ догадкой вѣкъ свой прожилъ. Князь его выписалъ сюда подъ кровъ чистаго неба, поставилъ ему камышевый храмъ; въ немъ онъ воскурилъ первое кадило предъ Богомъ: пора была помыслить о безкровной жертвѣ на такой землѣ, которая утучнена была толиками жертвами крови, не агнчей, но человѣческой; 20 лѣтъ слишкомъ онъ при семъ храмѣ и свидѣтелемъ былъ славы и гроба Потемкина, многія воспоминаетъ интересныя событія его жизни. Отецъ Ефимій пристрастился къ Николаеву и тужитъ о томъ, что Одесса похитила его добычи; такъ точно и Николаевъ вселилъ въ забвеніе Херсонъ. Что вѣчно въ мірѣ? Соборъ обнесенъ оградой; внутри ея близъ стѣнъ церковныхъ воздвигнутъ памятникъ изъ бѣлаго камня, надъ извѣстнымъ и громкимъ, въ свое время Фалеевымъ, который приводилъ все здѣсь въ движеніе, по мановенію Князя Таврическаго. Подлинно, можно время образованія сего края уподобить эпохѣ сотворенія міра, когда Всесильный рекъ—и быша, повелѣ—и создашася! Сверхъ этого собора городъ имѣетъ застроенную церковь и Раскольничій храмъ; въ новыхъ населеніяхъ ихъ охотно терпятъ: гдѣ не было вовсе престола, тамъ и кумиръ поставить можно. Новые люди, пришедъ на землю нову, и тому поклонятся. Чего здѣсь не построили, не развели, не посадили, чтобъ послѣ бросить и показать образчики начатаго, но несовершеннаго, великолѣпія!

ГЛАВА XXVIII.

Верфь. Депо. Штурманская школа.

Главный предметъ вниманія въ Николаевѣ есть корабельная верфь. Здѣсь заложены и строились при насъ одинъ 70-ти пушечный корабль, фрегатъ и канонирское судно. Лѣсъ дубовый ставитъ Перетцъ по подряду съ Казной, цѣною за 40 копѣекъ пудъ

его на корабль идетъ до 300 тысячъ; онъ въ отдѣлкѣ становится въ милліонъ. Какая куча денегъ! какая громада въ строеніи! а на морѣ—игрушка, и волна его кидаетъ изъ стороны въ сторону. На берегу корабль нѣчто страшное, по величинѣ своей и составу. Я сходилъ внутрь до самаго киля, видѣлъ первоначальныя основанія его и могучія ребра этого колосса: 500 работниковъ возятся около его круглый годъ съ топорами. Мачта каждая стоитъ до 2 тысячъ рублей; мнѣ казали, какъ и ихъ дѣлаютъ. При Адмиралтействѣ заведены двѣ мастерскія палаты: одна для кузнечныхъ а другая для всякихъ мѣдныхъ, подѣлокъ.

Особое училище для морскихъ воспитанниковъ, подъ названіемъ Штурманской школы, небогато, но всего имѣетъ понемногу, и книгъ и инструментовъ на нужду довольно. Я не говорю о воздушной и электрической машинахъ: гдѣ жь ихъ нѣтъ! Сюда выписанъ астрономическій кругъ, но онъ хуже Харьковскаго: тамъ всѣ планеты на одномъ дискѣ, и все движеніе небеснаго круга видно вдругъ; а здѣсь каждая изъ нихъ съ своими спутниками привинчивается для классическаго изъясненія. Большой портретъ Петра I въ залѣ изображаетъ его очень живо; предъ нимъ поставлена модель корабля, и онъ будто радуется на свое любимое ремесло. На дворѣ училища выставленъ средняго размѣра корабль, на которомъ дѣти пріучаются теоріи мореплаванія и познаютъ систему паруснаго дѣйствія: куда ни обернись, вездѣ мачта и канатъ.

Рѣдкостью осмѣлюсь назвать два камня нарочитой величины изъ чистаго бѣлаго мрамора. Объ нихъ словарь говоритъ, что они въ соборѣ; такъ прежде и было: одинъ лежалъ при церкви, другой въ алтарѣ; по времени оба они перенесены сюда и здѣсь хранятся. По надписи на одномъ изъ нихъ судя, онъ отломанъ отъ памятника, сооруженнаго Стратону: это очень явственно видно. На другой доскѣ надпись есть же, но она еще не переведена; ни кто донынѣ въ смыслъ ея не вразумится. Буквы изгладились и не такъ отличительны черты ея. Обѣ этѣ доски вырыты, какъ сказывали мнѣ, въ дачахъ Графа Безбородька, о коихъ буду писать, когда до нихъ доѣду; а чтобъ не смѣшивать предметовъ, и чрезъ то не приводить читателей въ излишнее разсѣяніе, я продолжать стану

о Николаевѣ. Еще удивительнѣе двѣ машины, устроенныя при Адмиралтействѣ, выдумки какого-то механика, Англичанина Юнга. Одна, посредствомъ двухъ лошадей, приводитъ въ движеніе до 6 разныхъ станковъ, на коихъ одинъ мѣдь сверлитъ, другой ее точитъ, и всѣ этѣ разнородныя работы по волѣ каждаго мастероваго могутъ, независимо одна отъ другой, прекращаться вдругъ. Этотъ механизмъ очень любопытенъ. Другой также не изъ самыхъ посредственныхъ изобрѣтеній. Двѣ лошади движеніемъ своимъ приводятъ въ дѣйствіе такія пружины, посредствомъ коихъ желтая краска, для кораблей очень нужная, растирается, просѣвается, отдѣляется отъ постороннихъ своихъ частей въ одно время вдругъ. Изобрѣтателя сихъ машинъ здѣсь уже нѣтъ: онъ взятъ въ другое мѣсто.

Бакаутовое дерево, какъ извѣстно, выводится въ Россіи; Англичане изъ Америки къ намъ его не пускаютъ. Дерево плотное, крѣпкое, необходимое для судовъ. Потребность сію замѣнили мѣдью; но многіе морскіе думаютъ, что ржа, которой металлъ сей подверженъ, и собственная его мягкость, не равняютъ пользы его съ той, какая отъ бакаута получается; ибо сіе дерево легче гораздо металла; оно сдѣлалось чрезвычайно цѣнно. Въ особомъ большомъ сараѣ дѣлаются разной величины блоки.

Предполагали основать здѣсь Морской Корпусъ; но проектъ такой, полезный на краю Имперіи къ Черному морю, не состоялся по тому, что суммы, на то ассигнованныя, нечаянно остановлены. Для начала сего заведенія устроено, подъ названіемъ Адмиралтейскаго Депо, хранилище разныхъ орудій и книгъ, Библіотека, въ которой, между учебными сочиненіями, есть мѣсто и для Изящной Словесности; физическихъ и астрономическихъ инструментовъ довольно, и все въ наилучшемъ состояніи. Любитъ ли кто Естествословіе? Тутъ ъ найдетъ собраніе изрядныхъ чучелъ. Примѣчательнѣе всѣхъ, по сходству съ живыми и искуству въ отдѣлкѣ, крокодилъ, черепаха и кабанъ. Охотникъ ли кто до Нумизматики? Найдетъ изрядное количество медалей. Въ Депо есть большая книга, въ которую вписывается имя всякаго того, кто, при посѣщеніи кабинетовъ, положитъ въ нихъ что ни будь рѣдкое. И я былъ вкладчикомъ, присоединяя къ собранію разныхъ монетъ, золотаго Наполеона въ 20 франковъ, котораго у нихъ еще не было. Пусть хоть по самой малости помнятъ меня тамъ, гдѣ я ни кого не забылъ и не забуду. Разныхъ судовъ морскихъ и построеній увидите вы тутъ хорошія модели. Сверхъ того въ особой залѣ приготовляются къ отдѣлкѣ 2 глобуса отличнаго роста, въ 9 футовъ вышины. Все это заводилъ, ободрялъ и поддерживалъ, Маркизъ де Траверсе. Нельзя не отдать ему большой чести, не смотря на завистниковъ его, естьли и онъ гдѣ либо ихъ, какъ ужей изъ травы, противъ себя выгналъ.

При взятіи Анапы найдены въ ней и присланы сюда двѣ доски мраморныя съ надписьми Турецкими. Доски хранятся въ этомъ Депо; надписи переведены. Я остановился противъ нихъ, долго разсматривалъ и получилъ списокъ съ перевода, котораго вотъ содержаніе:

СУЛТАНЪ СЕЛИМЪ МУСТАФА АГА.

1. О Великій Боже!	1. Безъ твоего соизволенія, ни что не колеблется.
2. Султанъ Селимъ имѣетъ неограниченную власть.	2. Проситъ тебя, о Великій Боже, сохранить всѣ грады его во вѣки.
3. Печется о всѣхъ городахъ, ему подвластныхъ, строитъ и доканчиваетъ новый.	3. Дабы подданные его были всегда покойны.
4. И какъ всѣ города, во владѣніи находящіеся, въ продолженіи жизни его благополучны, то и оный да будетъ таковымъ во вѣки!	4. А враги его тому удивлялись бы.
5. Онъ соорудилъ теперь городъ Анапъ.	5. Жители онаго да будутъ благополучны.
6. Около его сдѣлалъ прекрасныя ворота.	6. И самые величайшіе исполины не могутъ разрушить оныхъ.
7. Поставилъ на берегу Чернаго моря.	7. Отъ лукаваго врага охранимъ Богомъ.
8. Да будетъ извѣстно каждому, что сія надпись сдѣлана въ память сооруженія города Анапа и въ вѣчное прославленіе Султана Селима.	8. Сочинитель ея есть одинъ изъ жителей города Анапа.

1798 года.

1. Во время царствованія Султана Селима.	1. Сохранителя и покровителя своихъ подданныхъ и законовъ Божіихъ.
2. Сооруженъ имъ сей городъ для его воиновъ.	2. Преодолѣвъ всѣ затрудненія.
3. Въ сооруженіи онаго помощникомъ былъ Богъ.	3. Ибо по соизволенію его и милости многіе люди покорены.
4. Мустафа Паша и Мустафа Ага.	4. Кои употребили великіе свои труды.
5. И въ знакъ памяти сдѣлана надпись.	5. На сихъ прекрасныхъ вратахъ прославленъ Ты, о великій Боже!
6. Сей камень положенъ 1796 года.	6. Сія надпись сдѣлана въ память построенія города Анапы Султаномъ Селимомъ.

Переводъ съ Турецкаго языка на Россійскій надписи, высѣченной на мраморной меньшой плитѣ, доставленной изъ города Анапа.

ГЛАВА XXIX.

Кладбище Спаское.

Подъ городомъ отведено кладбище. Ефимій, о которомъ я уже далъ идею, любя это мѣсто и желая положить здѣсь свои кости, назвалъ его «Село Божіе:» подлинно его; ибо наполнено мертвецами. Тутъ выстроенъ прекрасный храмъ, расписанный аллегорическими картинами, занятыми въ Священномъ Писаніи; церковь во имя Всѣхъ Святыхъ; Ефимій ежедневно въ ней служитъ. Г. Тулубьевъ, воинъ, оказавшій на морѣ свою храбрость и лишившійся ноги, вспомоществуетъ своими избытками благолѣпію церкви. Я съ нимъ познакомился, и сей достойный человѣкъ удостоилъ меня своей пріязни. Ефимій меня возилъ сюда. При входѣ въ церковь удивленъ я былъ пѣвчими; человѣкъ до 20 въ синихъ одеждахъ съ палевымъ приборомъ, по Малороссійскому покрою, пропѣли концертъ: бассы прекрасные, громъ ужасный, остатокъ старинной роскоши, которую вводилъ во вкусъ Потем-

кинъ. Хоръ принадлежитъ къ Адмиралтейству. Но все имѣетъ свое время; вельможа умеръ—и многія прелести здѣшняго края исчезли. Я съ любопытствомъ ходилъ по могиламъ. И здѣсь уже ихъ пропасть: смерть вездѣ дань беретъ съ человѣчества; но глаза мои не встрѣтили ни стихотворныхъ надписей, ни замысловатыхъ эмблеммъ; какъ проста натура, такъ и надробныя: онѣ всѣ изъ дикаго камня, хуже, или лучше, обтесаннаго—готовая и общая на каждомъ надпись. Со мной былъ одинъ знакомый, морской Офицеръ; онъ имѣлъ несчастіе потерять на дняхъ малолѣтняго брата лѣтъ 15-ти. Неосторожная молодость! Купавшись, онъ утонулъ и погребенъ тутъ. Проходя мимо его гроба, тронутый братъ кинулъ на прахъ его еще свѣжій дикую гвоздику и палъ на землю. Убійственно зрѣлище печали!

Хозяинъ нашъ, Ефимій, и я съ своими сотоварищами ѣздили смотрѣть недалеко отъ города прекрасный садъ, гдѣ по Воскресеньямъ вся публика гуляетъ. Здѣсь нѣкогда Потемкинъ живалъ самъ и давалъ роскошные праздники; отъ времени его осталась большая галерея и домъ, которые бы пришли уже въ совершенную ветхость, естьли бы не обиталъ въ ней по лѣтамъ Маркизъ де Траверсе. Послѣ Князя поддерживалъ это мѣсто Мордвиновъ. При смѣнившемъ его садъ пострадалъ отъ небреженія. Маркизъ, принявъ начальство, подсадилъ всѣ деревья и сдѣлалъ его опять прекраснѣйшимъ для прогулки. Чего тутъ не дала натура? И свѣжіе родники, и кущи тѣнистыя, меланхолическіе овраги, глухія ущелія, все есть, чего воображеніе ищетъ. Мы долго тутъ гуляли, пили воду безподобную, обливались ею, словомъ, мы наслаждались богатствомъ здѣшняго климата. Я видѣлъ въ первый разъ тополь и раину, два дерева прекрасныя: первое имѣетъ сучья и крючковато иногда ростетъ, а послѣднее вытягивается, какъ струна и удивительно чисто летитъ до вершины. Оба они, подобно ветлѣ, отъ палокъ безъ корней произростаютъ и разводятся отмѣнно скоро, но не любятъ гористыхъ и слишкомъ высокихъ мѣстъ. Говорятъ, что этотъ садъ, или все мѣсто, названо Спаскимъ по тому, что Князь, живши въ Николаевѣ, катаясь по Бугу, противъ этого берега утонулъ было, но спасенъ; отсюда и имя дано мѣсту. Утверждаютъ даже, что, по особенному къ нему прилѣпленію Княжему, предполагали здѣсь

поставить монастырь, подъ названіемъ Спасо-Николаевскаго, и что до построенія его уже назначенъ былъ въ Архимандриты въ эту обитель, извѣстный по уму и дарованіямъ своимъ, Моисей Гумилевскій, что былъ послѣ Епископомъ въ Ѳеодосіи. * Но умеръ Князь, и замыслы его съ нимъ похоронились.

Въ Николаевъ загнали нѣсколько Турецкихъ Пашей: считаютъ ихъ до 4-хъ; иные плѣнные, другіе, измѣнивъ народу своему, перебѣжали къ намъ, и тутъ содержатся впредь до расчета съ Портой. Они стоятъ Казнѣ до 4 тысячъ въ мѣсяцъ; ѣздятъ другъ къ другу въ каретахъ и на дрожкахъ, мотаютъ и дурачатся. Добрый здѣшній Городничій, Г. Воз...... хорошій мой знакомой, весьма забавно шутитъ на ихъ счетъ.

Немало я смѣялся и тому, какъ узналъ, что изъ Тріеста и разныхъ другихъ иностранныхъ мѣстъ той же области приходили сюда и пріѣзжали на волахъ наши матросы. Матросъ въ походѣ пѣшкомъ, или верхомъ, словомъ, какъ бы то ни было, но не на морскомъ экипажѣ, есть самое смѣшное зрѣлище. Извѣстно ли, нѣтъ ли многимъ, да и я знаю по тому только, что здѣсь слышалъ, что нѣкоторые наши корабли военные были проданы Французамъ, разумѣется, безъ людей; слѣдовательно, люди, сняты бывъ съ морскихъ судовъ, отпущены въ Россію и кучками стали при насъ приходить въ Николаевъ. Многіе изъ нашихъ матросовъ, проживъ тамъ лѣтъ 9-ть, совершенные сдѣлались мастера говорить по Итальянски.

Всего Николаева описать въ одинъ разъ не возможно; остамемся на томъ, что сказано уже, и поѣдемъ далѣе. Пробывъ здѣсь часть 3-го и 4-го весь день, выѣхали 5 Іюля изъ Спаскаго саду прямо въ путь и простились съ добромъ нашимъ хозяиномъ, Городничимъ, и благосклоннымъ Пресвитеромъ, но съ надеждою скоро опять видѣться на возвратномъ пути изъ Одессы. Можно бы взять и другой путь на Тирасполь въ Кіевъ, но насъ все такъ плѣнило здѣсь, что мы рѣшились опять сюда быть. Ефимій на берегу рѣки въ камилавкѣ, съ крестомъ и лентой на груди и закутанъ шалью, давалъ намъ свое благословеніе. Надлежало переѣхать Бугъ; для насъ готова была уже люпка: морской пріятель нашъ, Буд.... и хозяинъ дома, гдѣ мы стояли, сѣлъ въ нее прежде насъ; за ними и мы, перекрестясь, спрыгнули съ пристани; матросы кинули веслы, и вотъ уже плывемъ на Бугѣ!

* Въ свѣтѣ Михаилъ, р. во Владимирѣ, гдѣ былъ причетникомъ, потомъ обучался въ Московской Академіи, по выходѣ изъ коей былъ Учителемъ Еврейскаго и Греческаго языковъ, потомъ Поэзіи; монахъ, Учитель Риторики, проповѣдникъ и Игуменъ Знаменскаго монастыря, съ 1785 Учитель Философіи и Префектъ; въ началѣ 1788, по вызову Потемкина въ Молдавскую армію, Оберъ-Іеромонахъ ея, далѣе Архимандритъ, съ Іюня 1791 г. Епископъ Ѳеодосійскій, Октября 5-го, 1792, убитый въ Крымѣ домашними.

ГЛАВА XXX.

Имѣніе Графа Безбородька.

Въ бытность мою въ Полтавѣ Графъ Безбородько убѣдительно требовалъ отъ меня, чтобы я заѣхалъ въ его имѣніе недалеко отъ Николаева; и дабы я могъ видѣть все то, что въ немъ есть примѣчанія достойнаго, снабдилъ меня письмомъ къ своему прикащику. Село его Ильинское, * въ 30 верстахъ отсюда. Я поѣхалъ, отобѣдавши въ Николаевѣ и нагулявшись въ Спаскомъ. На Бугѣ ожидала насъ Адмиральская шлюпка. Пристань отмѣнно хорошо сдѣлана; мостъ наведенъ широкій и до глубины рѣки; по обѣ стороны разставлены фонари—знакъ вниманія къ проѣзжимъ. Небольшой вѣтерокъ колебалъ Бугъ, но онъ былъ попутный; подняли парусы и поплыли. Шлюпка шла на боку отъ естественныхъ причинъ и необходимыхъ; но жена моя въ первый разъ бывъ на водѣ, этого боялася, тѣмъ болѣе, что мы колыхались, какъ въ люлькѣ. Ефимій, стоя на пристани, не снималъ глазъ съ насъ, доколѣ мы у него изъ виду пропали. Г. Б. и хозяинъ нашъ, высадивъ насъ на берегъ, еще съ нами простились, и мы поскакали.

* По имени Графа Ильи Андреевича названное, собственно же Порутино, при Бужскомъ лиманѣ, въ 128 верстахъ отъ Одессы, съ 100 дворовъ и церковью. О. Б.

Отъ Николаева та же простирается степь пустая и пространная. Бугъ то пропадаетъ, то опять показывается; въ отдаленности видъ его представляетъ море. Уже поздно было, какъ мы выѣхали изъ города; сумерки застали насъ на пути. Я сидѣлъ съ женой въ коляскѣ. Мѣсяцъ взошелъ и изъ за красныхъ облаковъ, наполненныхъ огня и грома, ударялъ въ синія волны Буга. Опять новый предметъ ужаса! Жена скрывала свой страхъ, чтобъ не дать пищи моимъ чернымъ мыслямъ; я дѣлалъ то же въ отношеніи къ ней. Помѣстье Графское имѣетъ свое тутошнее наименованіе, * и, сверхъ того, старинное историческое, вновь ему присвоенное; и такъ мы съ ямщиками не могли другъ друга понять: я спрашивалъ ихъ про Ольвію, они твердили мнѣ объ Ильинскомъ. Такое недоумѣніе удвоивало страхи; мы боялись, что насъ не туда провезутъ, куда мы хотѣли ѣхать; то же недоразумѣніе и въ разстояніяхъ: и такъ все насъ безпокоило.

Доѣхали мы до Ильинскаго поздно, почти ночью; однако передовыя насъ возвѣстили: прикащикъ ждалъ; я ему отдалъ Графское письмо. Онъ отвелъ намъ двѣ комнаты, изрядно прибранныя, хотя очень маленькія, и съ Турецкимъ диваномъ. Графъ недавно началъ здѣсь строиться, и предпріятіе его поставить, для своихъ наѣздовъ, домъ, идетъ весьма медленно. Да и нельзя иначе: мѣсто степное, дикое, безлѣсное; когда мы вообразимъ, что здѣсь, 25 лѣтъ назадъ, обитали вездѣ Турки, и что война старое все истребила, а миръ непродолжительный ни чего новаго устроить не допустилъ, то мы и тому подивиться должны, что нашли уже селеніе Русское, Христіанской храмъ, хаты, обитателей и господскій флигель.

Екатерина, отнявъ у Турокъ Крымъ, поспѣшила многимъ завоеваннымъ мѣстамъ дать древнія имена, и одинъ городокъ отъ нея получилъ наименованіе Ольвіополя; ** но естественныя

---

* Порутино. О. Б.

** 'Ολβία, Olbia, 'Ολβιόπολις, Olbiopolis, по прозванію Σαβία, построена Милесцами около 655 г. (по другимъ 640) до Р. Х. Ее посѣщалъ и описалъ Геродотъ, славилась своей торговлей съ окрестными народами. Екатерининъ же Ольвіополь при устьѣ рѣчки Синюхи, впадающей въ Бугъ: сперва назывался онъ

открытія заставляютъ убѣждаться, что Римскій городъ Ольвія не тамъ былъ, гдѣ Таврическая Владычица его нарекла, а здѣсь, точно здѣсь, въ дачахъ, поступившихъ по времени во владѣніе Графа Безбородька. Сіе доказывается рытвинами, изъ которыхъ безпрестанно извлекаются разныя древности. Я ѣздилъ ихъ осматривать; они раскиданы по берегамъ Буга, но, къ сожалѣнію моему, работы полевыя остановили сіи упражненія, и я ни чего не видалъ, кромѣ двухъ дудокъ или отверстій въ землю. Въ нихъ опускается человѣкъ сажени на двѣ и на три глубины, и выноситъ оттуда обломки разныхъ досокъ, мѣдныя и серебряныя монеты. Естьли бъ я былъ антикварій, я бы на счетъ ихъ распространился; но я углублялся въ одни нравственныя измѣненія, не разсматривая вещей неодушевленныхъ.

По большой части вырываютъ изъ земли горшки глиняные, подобные нашей каменной посудѣ, цвѣта краснаго и содержащіе въ себѣ пепелъ. Ольвія, по историческимъ преданіямъ, былъ городъ ссылной; естьли вѣрить, что онъ существовалъ на самомъ этомъ мѣстѣ, то сколькихъ злодѣевъ мы доискиваемся остатковъ и, обрадовавшись, когда попадется намъ урна съ ихъ пепломъ, за рѣдкость ее почитаемъ. Вотъ какъ все во времени и отъ времени зависитъ.

Графу недавно послали до 2000 монетъ серебряныхъ, величиною съ нашъ гривенникъ, вѣсомъ до полу пуда. Я купилъ себѣ у крестьянъ его 4, и заплатилъ 10 руб. Они въ большой цѣнѣ. На всѣхъ почти вы найдете чеканъ города Ольвіи. Поселяне, для построенія себѣ домовъ, ходятъ рыть дикой камень, и добываютъ ихъ вмѣстѣ съ онымъ; онъ продается ими въ ихъ пользу. Мѣсто, гдѣ сдѣланы ямы для сихъ изысканій, какъ будто городокъ. Тутъ же открыты разной величины бѣлаго мрамора доски, кои хранятся до пріѣзда ожидаемаго сюда помѣщика. Надписи на нихъ почти на всѣхъ Греческія; иныя очень хорошо сохранились. На одной я очень явственно прочелъ имя

Екатерининъ Шанцъ, Екатерининская Крѣпость, въ 115 верстахъ отъ Херсона; нынѣ Уѣздный городъ, а крѣпость упразднена. О. Б.

Аполлона. Другой занялся бы ими очень долго, но я взглянулъ и, виноватъ! прочь пошелъ. Что мнѣ въ камняхъ? Кажите мнѣ людей! Камень найпревосходнѣйшій тешется въ одинъ часъ, да и самой грубой рукой, а человѣкъ образуется часто вѣками и цѣлыми поколѣніями.

Около рытвинъ и такъ сказаннаго городка начался Лиманъ. Между многихъ бугровъ или кургановъ, кои это урочище опоясуютъ и даютъ ему наименованіе «Сто могилъ,» самый высокій холмъ открываетъ найлучшіе виды по Бугу и за оными. Отсель чуть, чуть показывается Таврическій берегъ. Лиманъ отъ этого холма до крайнихъ границъ своихъ простирается на 15 верстъ. Въ одну сторону видѣнъ Николаевъ, въ другую Очаковъ. Рѣдкое мѣсто въ природѣ! Я долго тутъ гулялъ и смотрѣлъ, какъ отважные рыбаки ловятъ рыбу. При насъ попались только севрюги и мелочь, изъ которой намъ сварили уху; но прикащикъ увѣрялъ, что попадаются иногда и стерляди и осетры; онъ же утверждалъ, что недавно тутъ изловили бѣлугу въ 8 пуд. и 19 фунтовъ.

Въ селѣ выстроена каменная церковь, во имя Александра Пресвитера и въ честь патрону Князя Безбородька. * Внутри ея чисто, хорошо и прохладно; ни чего нѣтъ, впрочемъ, отличнаго: утварь бѣдная, Евангеліе мѣдное, Священникъ молодъ и не изъ ученыхъ; можетъ быть, это и къ лучшему: богословы нашего времени больше удобны сбить съ пути добрыхъ поселянъ, нежели просвѣтить умъ ихъ и очистить Религію.

И такъ все въ Ильинскомъ осмотрѣвъ въ одно утро, мы тутъ отобѣдали и поѣхали въ Очаковъ.

---

* Александръ Пресвитеръ или Іерей, Священномученикъ, 15-го Марта, скончался въ III вѣкѣ, въ Спдѣ. О. Б.

ГЛАВА XXXI.

Очаковъ.

На пути къ Очакову, который не въ недальнемъ разстояніи отъ Ильинскаго, двѣ промоины вымапили меня изъ коляски; между ими холмъ на водахъ Лиманскихъ. Какая прекрасная точка земли! Тутъ бы поставить храмъ, и славить въ немъ Трисвятаго. Доѣхали въ Очаковъ рано.

Знаменитое мѣсто въ нашей исторіи! Бралъ его Минихъ, бралъ и Потемкинъ; * городъ разоренный; донынѣ видны въ немъ еще слѣды Россійской рати: хуже деревни, вездѣ обломки бывшихъ строеній, камня груды. Часто попадаются подъ ноги сухія кости человѣческія; я думаю некогда было глубоко прятать побитыхъ. Ни одного не найдете сучка тѣхъ прекрасныхъ садовъ, которые вокругъ Очакова разведены были на нѣсколько верстъ: сабли все порубили. Что устоитъ противъ острія меча?

Сохранился небольшой остатокъ Турецкой крѣпости. У самаго моря стѣна ея свидѣтельствуетъ донынѣ храбрость полковъ и полководца. Она какъ вылита изъ одной штуки; нигдѣ не видно шва между дикими камнями. Я съ неописаннымъ любопытствомъ смотрѣлъ здѣсь на все, что представлялось изумленному моему взору. Лиманъ волновался, вѣтеръ дулъ съ моря. Я стоялъ неподвиженъ на каменьяхъ, коими усыпанъ берегъ, и волны его сокрушались у ногъ моихъ. Еще есть на отмеляхъ куски Турецкихъ каменныхъ ядръ сѣраго мраморнаго цвѣта, коими они заряжали свои орудія и потчивали наши мѣдные лбы: все тщетно было! Орлу судило небо смирить гордую Луну.

Цѣлъ и Гассанъ-Пашинской замокъ: башня круглая, высокая, старинной архитектуры. Не удержался въ ней Паша, и мы

---

* Первый 13-го Іюля, 1737 года, но, по Бѣлградскому договору, 7-го Сентября, 1739, возвращенъ Туркамъ; второй же 6-го Декабря, 1788; съ тѣхъ поръ остался за Россіей. О. Б.

осилили чугунные затворы. Я ходилъ внутри его; тамъ настроено много зданій для артиллерійскихъ снарядовъ и разныхъ потребностей; на одномъ изъ нихъ видна старая аспидная крыша; около сихъ мѣстъ его пропасть. Меня пустили прогуляться на батарею: на ней и во всемъ Очаковѣ орудій до 100—18-ти и 24 фунтовыхъ пушекъ.

Кто бы не пришелъ въ восторгъ, обнявъ однимъ взоромъ безподобное здѣшнее мѣсто? Не напрасно Турки называли Очаковъ маленькимъ Царьградомъ или Стамбуломъ. Величественная картина! Налѣво Лиманъ, направо Черное море; противъ глазъ Кинбурнская коса, какъ языкъ земли, разсѣкающій мрачную волну; подалѣе въ томъ же морѣ обложенъ пушками островъ Березань. Какая кисть сниметъ такой рисунокъ съ изящной природы? Ходя по развалинамъ Турецкихъ укрѣпленій, я не смигалъ съ неба и воды. Уставши, сѣлъ на пушку и далъ волю всѣмъ своимъ мечтамъ.

Здѣсь тѣни Волконскаго и Горича встрѣчали мысль мою и напоминали гибельное событіе Очаковскаго штурма; я воображалъ, что я вижу тотъ путь, тѣ самыя ворота, гдѣ ихъ послѣдній рокъ постигъ отъ руки врага, не умѣющаго щадить жертвъ своихъ. * Здѣсь наши знатныя дамы, въ награду сладострастному побѣдоносцу, возили на саняхъ свои прелести, переѣзжали костры мертвыхъ тѣлъ и въ богатыхъ землянкахъ, средь роскоши

* На приступъ двинулись Русскіе 5-ю колоннами, изъ коихъ 3-ю велъ Генералъ-Маіоръ Князь С. Волконскій на фланговые реданты, 5-ую Бригадиръ Хрущовъ, который спустился въ ровъ крѣпости и взобрался на валъ на плечахъ непріятельскихъ, овладѣлъ имъ и, вмѣстѣ съ 6-ою колонной Бригадира Горича, взявшаго нижній бастіонъ, вошелъ въ крѣпость. Приступъ продолжался всего только часъ съ небольшимъ, и послѣ него городъ отданъ былъ на три дня во власть войска. Взято слишкомъ 300 пушекъ мѣдныхъ и мортиръ, около 200 знаменъ, самъ трехбунчужный Паша, 4 тысячи солдатъ, не считая жителей, убито далеко за 8 тысячъ, въ томъ числѣ около 300 Офицеровъ. Съ нашей стороны убито почти тысяча и 28 Офицеровъ, въ томъ числѣ Волконскій, Горичъ и Корсаковъ (прежде Начальникъ Херсонскихъ строеній). Потемкинъ за Очаковъ получилъ Георгія 1-й степени, денегъ 100 тысячъ рублей и съ браліянтами шпагу. О. Б.

и нѣги, забывали въ объятіяхъ Потемкина всѣ ужасы военнаго ополченія, межъ тѣмъ какъ утомленные воины жгли домы, грабили мужей, насиловали женъ и нещадно рубили богатые вертограды.

Вѣрите, или нѣтъ, какъ угодно, но помѣщу здѣсь странность. Кто не знаетъ и не примѣтилъ, что очень часто облака берутъ разные образы и представляютъ намъ виды земные въ небесныхъ? Средь глубокихъ моихъ размышленій объ Очаковскомъ штурмѣ, войнѣ и ея послѣдствіяхъ, взглянулъ я вдругъ на небо, и увидѣлъ, среди самаго чистаго воздуха, одно только облако. Что жь оно представляло? Наковальню, совершенно сходную съ кузнечными: стройное согласіе идей съ воздушными явленіями! Подлинно, подумалъ я, была здѣсь въ то время наковальня. Сколько пролили крови, а за что?—За лоскутокъ песчанаго берега при мутной водѣ.

Теперь нѣтъ ни чего въ Очаковѣ, кромѣ самой истинной картины опустошенія. Городомъ правитъ Городничій, а военной командой—Плацъ-Маіоръ изъ Нѣмцевъ, человѣкъ добрый, привыкшій къ Рускимъ обычаямъ; отвелъ намъ у себя квартиру, и мы у него ночевали; всѣ крѣпости Черноморскія въ завѣдываніи Д. Де Р. Очаковъ населенъ всякимъ сбродомъ; Греки и Жиды въ маломъ числѣ и самые бѣдные таскаются по городу, какъ бродяги и ищутъ случая пошильничать для пропитанія, одни шинкуютъ, другіе днемъ крадутъ. Одинъ Грекъ стянулъ при насъ въ лавкахъ кусокъ свѣжаго сыраго мяса, бросился съ нимъ на лодку и отчалилъ въ Кинбурнъ; за нимъ съ пристани гнались, и не поймали. Спасибо ему, что вѣренъ своему характеру; видно было, что это не первый опытъ его проворства.

Противъ дому, гдѣ мы остановились, стояла на якоряхъ маленькая флотилія, изъ 9 канонирскихъ лодокъ, подъ командою одного Француза, разумѣется, нашей службы; мы его не видали: онъ боленъ глазами и въ городѣ не бываетъ.

Что сказать о самой квартирѣ? Опальной домишко, хуже стократно тѣхъ, кои, по приговору Судебныхъ Мѣстъ, описываютъ-

ся отъ конкурсовъ за долги и, за неявкой желающихъ, стоятъ лѣтъ по 10 безъ крышъ и починки; и тутъ окна выбиты, рамы трясутся. Я думаю, онъ не хуже былъ часъ спустя послѣ приступа; съ тѣхъ поръ, конечно, ни кто его ни чинилъ. Незабавный ночлегъ! Подъ окошкомъ море, вѣтеръ реветъ, какъ осенью; въ добавокъ весь скарбъ господина хозяина съ нами помѣщался въ одной комнатѣ, и движимый и недвижимый, всѣ животные, безъ коихъ добрый хозяинъ въ степи обойтиться не можетъ, какъ то: куры, овцы, индѣяты, почивали съ нами вмѣстѣ. Г-нъ Плацъ-Маіоръ любилъ голубей: и они тутъ по закоптѣлымъ стѣнамъ летали; сожительница его охотница до котятъ: тутъ и кошка съ своей семьей подъ ногами бѣгала поминутно. О сладкія награды любопытства въ Россіи! Хозяйки не было дома; она отлучилась на то время въ свое помѣстье, чтобъ умножить, пріѣхавши, число безсловесныхъ своихъ постояльцевъ. Всякой можетъ разсудить, что мы тутъ ночь провели не самымъ благопріятнымъ образомъ.

Въ городѣ одна церковь, естьли можно такъ назвать старую мечеть, наскоро передѣланную: это та самая, которую на завтра взятія Очакова Потемкинъ велѣлъ освятить и въ которой воспѣтъ Христіанскому Богу первый на мѣстѣ семъ благодарный молебенъ изъ устъ тысячи тысячъ воиновъ. Въ ней очень мало поправокъ; она изъ бѣлаго камня, такія же колонны внутри церкви, какъ и со входа. Иконостасъ писанъ на холстѣ и прибитъ къ стѣнамъ. Бѣдный храмъ! Хотя и хоры тутъ сдѣланы, онъ болѣе похожъ на Магометанское разоренное капище, нежели на Восточную церковь. На самой той башенкѣ, на которую хаживалъ ихъ глашатый кричать «Алла,» нынѣ колокольня, и Пономарь босый ходитъ въ маленькой колокольчикъ сзывать на молитву кучку Правовѣрныхъ. Башенька эта почти не передѣлана: окропили святой водой, и поганый камень освятился.

Хотѣлось съѣздить въ Кинбурнъ; онъ очень видѣнъ изъ Очакова, но не смѣлъ пуститься: я трусъ на большой водѣ; переѣзду верстъ 9, а погода воздымала очень волны. Съ пристани глядя, я вѣчную память проворчалъ тому непобѣдимому витязю нашего края, который прославилъ себя на этой косѣ и своей

тутъ побѣдой отворилъ, можно сказать, путь къ Очакову и ко всѣмъ счастливымъ подвигамъ нашего войска, умножившимъ его славу въ Европѣ. * Вмѣсто Кинбурна я дождался восхода луны, и сколько ни напуганъ уже былъ ею, но, по нѣкоторымъ слабымъ остаткамъ въ себѣ романическаго духа, не усидѣлъ дома и пошелъ на берегъ моря глядѣть на отраженіе мѣсячныхъ лучей въ Понтѣ: колебаніе волнъ его меня усыпило; я дремалъ, идучи домой, и тотчасъ уснулъ пришедши.

ГЛАВА XXXII.

Пріѣздъ въ Одессу.

Во всякой квартирѣ, худой и хорошей, мы съ женой сыпали на полу безъ дальнихъ причудъ. Въ Очаковѣ цыпленокъ неосторожный далъ намъ почувствовать неудобство такого низкаго положенія: онъ взлетѣлъ къ намъ на постель; я проснулся, еще только что разсвѣтало, и поспѣшилъ разстатся съ своей летучей компаніей. Жиды долго на дворѣ спорили; тотъ кричалъ: «Не моя очередь везти барина;» другой: «Я вчера возилъ такого-то;» рубль всѣ споры такого рода прекращаетъ. Заложили намъ лошадей, и мы въ 4 часа утра поѣхали въ Одессу. Прямо до нея оставалось 115 верстъ.

Почтовые дворы называются по дорогѣ трактирами. Отъѣхавъ 70 верстъ, обѣдали въ помѣстьѣ Г. Коб., Одесскаго Коменданта. У него тутъ сарай съ колоннами и большая изба для проѣзжихъ; домъ господской еще строится. Обыватели живутъ въ каменныхъ избахъ: онѣ безъ половъ и вообще всѣ крыты соломой. Не воображайте, чтобъ подъ названіемъ каменныхъ избъ я разумѣлъ кирпичное строеніе, или изъ тесаннаго камня: совсѣмъ нѣтъ; избы выкладываются изъ дикаго камня, который

* Суворовъ, 1787 г., въ Октябрѣ. О. Б.

коекакъ ставится слоями и даетъ стѣну неровную, похожую на то, что искуственно дѣлается въ богатыхъ садахъ для изображенія руинъ: вотъ здѣшнее строеніе! Наружные фасады всѣ представляютъ видъ изрядный, но внутри страшная нечистота и неопрятность отвратительная. Положимъ, что имъ негдѣ взять лѣсу, хотя и это подвержено спору; ибо лѣсъ около Одессы дорогъ, но есть: Днѣпръ его доставляетъ; согласимся, однако, на этотъ недостатокъ; но что извинить можетъ нечистоту ихъ жилъ? Это вывѣска одной лѣни ихъ, и жители не столько отъ нужды, какъ отъ нея, терпятъ лишеніе всего, кромѣ хлѣба и скота: того и другого нигдѣ, какъ здѣсь. Избы бѣлятъ отъ привычки, а не отъ щегольства.

Комендантъ самъ содержитъ здѣсь для проѣзжихъ почтовыхъ лошадей, и отъ того трудно ихъ добиться. Нельзя не сдѣлать ему укоризны и въ томъ, что онъ ни мало не подумалъ о спокойствѣ путешественника и не доставилъ ему ни чего пріятнаго при роздыхѣ въ его помѣстьѣ, тогда какъ, безъ сомнѣнія, по многимъ очевиднымъ признакамъ, можно заключить, что весь баталіонъ его помогалъ ему въ отдѣлкѣ его деревни.

На поляхъ начиналось уже жнитво и сѣнокосъ. Оба сіи упражненія, которыя въ нашихъ мѣстахъ уподобляются въ ясный день торжеству, здѣсь не тотъ видъ совсѣмъ имѣютъ: пространство дачъ и малочисленность народа тому причиной. Мнѣ полюбилось по всей этой степной дорогѣ то, что не встрѣчали на распутьяхъ, такъ какъ у насъ водится, кучи нищихъ, кои обступятъ твою повозку, насилуютъ твое милосердіе и отягощаютъ часто лживыми докуками. Я не думаю, впрочемъ, чтобъ нищихъ вовся не было, но видно, или въ степи странствовать не такъ способно, или ихъ прибираютъ. Не худо, естьли бъ также убирали съ дороги всякую падаль, которая очень часто заражаетъ весь воздухъ: что можетъ быть несноснѣе, наипаче въ зной! Припишемъ и это тому же неудобству, т. е., пространству голыхъ земель: лошадь падетъ на дорогѣ: чтобъ прибрать ее, надобно члену Земской Полиціи свѣдать и пріѣхать на мѣсто, а онъ не рѣдко во стѣ верстахъ, и селенія вокругъ его нѣтъ ни какого. Когда ему ѣхать и съ кѣмъ въ рабочую пору зарывать эту падаль? Она спокойно

жарится на солнцѣ, а пріѣзжій по неволѣ ее нюхаетъ. Самая непріятная встрѣча на дорогѣ!

Куда Русскіе мужики не ѣздятъ? Намъ попался крестьянинъ Графа Орлова изъ подъ Ростова. Онъ жилъ въ Одассѣ и пересылалъ оттуда въ Москву апельсины, пока они велись; теперь ѣхалъ въ Крымъ за яблоками. Я съ нимъ поговорилъ о томъ и о другомъ. «Въ Одессѣ, сказалъ онъ, вы ужь не застанете апельсиновъ.» О печальное извѣстіе! Чѣмъ же будемъ тамъ лакомиться?

Въ ожиданіи мы, сидя въ коляскѣ, любовались на Черное море, а лошади насъ везли во весь духъ: оно часто по дорогѣ открывается. Въ иныхъ мѣстахъ, особливо тамъ, гдѣ оно даетъ заливы, и это нерѣдко, Черное море весьма приступно, берега его отлоги: можно такъ близко къ краямъ его подойти, что волна брызгаетъ въ ногу до лодышки. Сегодня былъ изрядный вѣтеръ, море играло и у береговъ покрывалось густою пѣною, какъ снѣгомъ. Замѣтить надобно, что въ этихъ заливахъ, среди которыхъ, по узкому языку матерой земли, лежитъ почтовая дорога, вода мутна и даетъ отъ себя самый зловонный запахъ: я на каждой верстѣ почти былъ принужденъ зажимать себѣ носъ.

Но естьли непріятности одного естественнаго чувства могутъ вознаграждаться наслажденіями другого, то взоръ здѣсь доставляетъ полное удовольствіе своему внутреннему хозяину,—воображенію, однако, на счетъ душевной тишины. По берегамъ Чернаго моря разсыпаны ужаснѣйшіе виды: тамъ крутизны, въ коихъ глубокія промоины подѣлали рвы и пропасти; здѣсь дикія скалы, совсѣмъ преклонныя къ водѣ, на коихъ голые холмы торчатъ, какъ указатели отдаленному страннику, что онъ приближается къ мѣстамъ опаснымъ. Кто-то сказалъ въ хорошемъ сочиненіи: «Гора—медаль природы;» подлинно: естьли такъ, то здѣсь удивителенъ ея чеканъ. Жаль, что на всѣхъ этихъ дикихъ земляхъ нѣтъ ни одного деревца, ни одной хорошенькой травки! О, тогда бы мы находили много волшебнаго въ окрестности Чернаго моря; теперь все около его только что ужасно. Вдругъ на насъ прыснулъ дождь и обрадовалъ пріятной прохладой, но въ минуту кончился, и слѣды его пропали.

Послѣдняя станція лежитъ на прекрасномъ мѣстѣ, у самаго берега Чернаго моря; отсюда уже видна Одесса. Представьте наше восхищеніе; но видъ города умѣрилъ восторги; ибо онъ издали не казистъ и на горѣ до него 18 верстъ объѣзда кругъ моря. Для всѣхъ тѣхъ, кои привыкли къ Русскимъ городамъ, всякой иностранный (и Одесса строится, думаю, на манеръ такой же) покажется съ виду нехорошъ. У насъ что краситъ города и даже многія села? Церкви, колокольни и башни: гдѣ жь ихъ нѣтъ? а во многихъ нѣсколько. Что до этого, что внутри нищета! но Пономарь звонитъ, издали видѣнъ шпицъ, уши и глаза плѣняются, и путешественникъ кричитъ: «Ахъ! какой славный городъ!» Въ Одессѣ церквей мало, колоколенъ нѣтъ, ни что не выходитъ изъ кучи равнаго строенія; и такъ первый на нее взглядъ не обворожаетъ.

Поговоримъ напередъ о послѣдней станціи. Когда-то тутъ былъ домъ и въ немъ «Дофине,» Французъ, держалъ трактиръ: осталась одна вывѣска. На поношенной тряпкѣ намазанъ будто билліардъ и подписано: «Дофине.» Подъ окошками насажены были деревья, тополи и раины; но когда господину Дофине не кого было тутъ кормить и самому нечего было кушать, то онъ продалъ домъ подъ почту. Почтари не охотники до меланхолическихъ прозябеній: они срубили всѣ плакучія ветлы на дрова и отняли тѣнь у проѣзжихъ. Не зная всего этого, а увидѣвъ трактирную вывѣску, я бросился въ комнаты, чтобъ чего ни будь поѣсть, по тому что мы крайне худо обѣдали. Не найдя у Г. Коменданта дровъ ни полѣна, ни битыхъ колесъ, ни изрубленныхъ перилъ, поваръ нашъ стряпалъ на кизикѣ, къ которому мы не привыкли; и такъ ни чего душа не принимала. Прибѣжавши къ хозяйкѣ, просилъ молока: нѣтъ; воды? нѣтъ; хлѣба? нѣтъ. «Что жь у васъ есть, несчастные?»—«Протухлая баранина.» Какой несносный обманъ! Въ избу войти нельзя—твари пропасть; на дворѣ стоять—испечешься; зной страшный, тѣни нигдѣ и ни какой; одна была моя отрада на каждой станціи во всю дорогу въ жаркіе дни выливать на себя ушата по три холодной воды.

Признаться должно, что естьли Правительство хочетъ привлекать въ эту сторону изъ тщеславія путешественниковъ, то надлежало бы ему нѣсколько позаботиться о томъ, чтобъ на дорогѣ было, гдѣ выспаться, не собравъ до милліона блохъ въ свою одежду, и можно было найти свѣжій рѣшетной хлѣбъ, или пшеничный, для пищи, а для питья кувшинъ молока и чистой воды ведро; но и этого самаго не роскошнаго подарка природы во многихъ мѣстахъ здѣсь за хорошую плату не достанешь. Жаръ меня томилъ чрезвычайно и я въ коляскѣ часто дремалъ, отъ этого получилъ новый опытъ. Я примѣтилъ, что когда сонъ слабъ, грезы чрезвычайно часто мѣняются и скоро проходятъ. Очнувшись, трудно вспомнить и изъяснить, что снилось: призраки недовольно нажимаютъ воображеніе, чтобъ оставить на немъ глубокую черту своихъ впечатлѣній; не отъ того ли выздоравливающій больной въ слабости своей часто всякой вздоръ мечтаетъ, и вѣритъ послѣ видѣніямъ разнымъ, кои, какъ сквозь тонкую плену, трогали умственные органы? Пусть растолкуетъ намъ это Галъ, а мы повернемся къ Одессѣ.

Долго ли проскакать 18 верстъ? Мы тотчасъ пріѣхали. Передъ нашимъ пріѣздомъ поднялась сильная буря; все около города пески: пыль закружилась столбомъ; мы зажмурившись въѣхали, и ни чего не могли вдругъ разглядѣть, но радовались, что наконецъ достигли своей цѣли. Кукъ не такъ былъ счастливъ, когда проникъ въ островъ Отаити; оставалось всей нашей компаніи сѣсть въ круговеньку и запѣть (къ стати, или нѣтъ) старую Русскую пѣсню: «Желанья наши совершились!»

ГЛАВА XXXIII.

Одесса. Пріѣздъ въ нее. Положеніе мѣста.

И такъ мы въ Одессѣ, но не въ благопріятную минуту. Буря насупила облака; вѣтеръ свищетъ, какъ у насъ на Руси въ Ноябрѣ; молніи озаряютъ бездну, которая въ глазахъ нашихъ; мы ищемъ тепла, и не согрѣваемся; худо обѣдали, и не знаемъ, у кого ѣсть попросить. Вотъ чѣмъ начинаются удовольствія не-

знакомаго края для иностранца, а Россіянинъ въ Одессѣ, конечно, не дома. Еще, къ счастію нашему, мы прямо пристали къ одной Госпожѣ Турчаниновой, дѣвицѣ знакомой сестрѣ моей по сосѣдству деревень: я имѣлъ къ ней письмо. Она очень охотно насъ приняла, отдала намъ въ домѣ своемъ лучшія комнаты верхняго этажа: онъ построенъ въ два жилья на горѣ, которой подошву омываетъ Черное море. Видъ съ балкона наполненъ прелести. Я люблю смотрѣть на воду, и мой взоръ вполнѣ былъ удовлетворенъ ежедневно.

Госпожа Турчанинова писывала стихи и достойна быть извѣстною въ отечествѣ своемъ по рѣдкимъ ея дарованіямъ и учености; обширная память ея исчерпала всѣ источники Словесности. Иностранные языки, даже и Академическіе, какъ-то: Греческій и Латинскій, ей не незнакомы. Она пишетъ прекрасно, изъясняется просто и вразумительно; обращеніе ея не смѣшано съ педантизмомъ, который и въ мужчинахъ ученыхъ такъ несносенъ, что жь въ женщинахъ? Она любитъ иногда пошутить. Бесѣда ея занимательна. Вотъ познанія, какія я въ короткое время знакомства моего съ нею дать могу объ ней моимъ читателямъ! Чтобъ довершить портретъ такой, по истиннѣ, необыкновенной дѣвушки, я скажу еще, что она до того привязана къ строгому уединенію, что зачинала скучать въ Одессѣ отъ двухъ, или трехъ, только знакомствъ, ею въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ тамъ пріобрѣтенныхъ, и называла уже это разсѣянностію. Чтобъ далѣе уѣхать отъ людей, она готовилась, дождавшись спокойнаго времени, сѣсть на корабль, объѣхать Грецію и берегами Средиземнаго моря приближиться къ Италіи. «Какъ? сказалъ я ей; Вы не боитесь моря и такого отважнаго для вашего пола путешествія?» — «Природа, отвѣчала она мнѣ, не произвела для меня ни чего страшнаго: это чувство мнѣ не знакомо.» Довольно ли, чтобъ подивиться, вмѣстѣ со мною, такой смѣлости духа? У ней мы расположились, и были гостепріимно обласканы. Узнавъ Одессу, увидѣлъ я, что ея домъ въ найлучшей части города, хотя почти внѣ онаго, по тому что въ немъ, хотя и съ маленькимъ холодомъ въ ненастное время, однако есть тѣнь и убѣжище отъ зною, чего въ другихъ домахъ ни какой цѣной достать не можно. Онъ, впрочемъ, очень хорошо прибранъ: я нашелъ для охотника до чтенія прекрасную, не о-

громную, но прямо отборную, библіотеку; любитель живописи постоялъ бы съ удовольствіемъ предъ нѣкоторыми картинами; словомъ, въ домѣ Госпожи Турчаниновой образованный человѣкъ найдетъ все то, что можетъ дѣйствовать на умъ, глаза и сердце, и я сохраню въ памяти моей на всегда пользу и прелесть ея бесѣды.

Пріѣхавши подъ вечеръ, поздно было любопытствовать. Жена осталась дома, а я побѣжалъ пѣшкомъ въ городъ, зашелъ въ кофейный домъ. Голодъ меня тянулъ къ съѣстному; я напился шеколаду, за который заплатилъ 1 руб. 60 копѣекъ: довольно дорого! По улицамъ мигнулъ тамъ, сямъ, и ни чего не разглядѣлъ, поспѣшилъ домой, но ужь доѣхалъ на дрожкахъ, чтобъ не потерять пути. Извощикъ на рубль серебра сдалъ мнѣ какую-то Турецкую монету, и я сталъ немножко ознакомливаться съ иностранными деньгами, да и съ какими же? Съ самыми невѣрными и непріязненными. Что до того за дѣло? Звонкая монета и изъ рукъ злодѣя въ цѣнѣ: серебро для всякаго хорошо, лишь бы выдержало пробу.

Воротясь на квартиру, вышелъ я въ сертукѣ на балконъ. Тучи прошли, но воздухъ былъ еще свѣжъ. Я взглянулъ на Черное море, и задумался. Было о чемъ! Исполненіе нашихъ намѣреній есть нѣчто чудесное. Часто самыя легкія предположенія исчезаютъ, когда самыя трудныя и, по видимому, даже не возможныя, совершаются съ удобностію безпримѣрною. Я въ Одессѣ! За полгода до отъѣзда всѣ мои друзья считали предпріятіе мое химерою. Я напоминалъ себѣ ихъ убѣжденія, увѣщанія, противорѣчія, собственную свою нерѣшимость, и мысленно, со вздохомъ, посылалъ ко родинѣ своей, Москвѣ, мои дружескія объятія. Я кричалъ имъ: «Такъ, друзья мои, я въ Одессѣ! Вѣрьте этому: сбылось мое желаніе; я на Черномъ морѣ, на два дня разстоянія отъ Царяграда!» Ахъ! какъ не подивиться дѣламъ человѣческимъ! Настоящее колесо жизнь наша: вращается сюду и сюду.

Среди такихъ радостныхъ воспоминаній слуга выводитъ меня какъ изъ усыпленія, сказывая, что купцы Владимірскіе пришли ко мнѣ: это были прикащики зажиточныхъ нашихъ граждань, кои по торговымъ дѣламъ пріѣзжали въ Одессу, и узнавъ, что я

тутъ, приходили, отправляясь на завтра, узнать, не прикажу ли я чего домой. «Кланяйтесь отъ меня, мои добрые соотчичи, всѣмъ, кто про меня у васъ спроситъ! Скажите роднымъ моимъ, пріятелямъ, сослуживцамъ, словомъ, всѣмъ моимъ искреннимъ, что я, слава Богу! здоровъ и странствую благополучно; скоро увижусь съ ними, и минута возвращенія моего домой, въ мой кабинетъ, къ моимъ портретамъ, книгамъ и перу, будетъ стократъ для меня блаженнѣе всѣхъ мечтательныхъ удовольствій воображенія, которое и у меня, какъ у многихъ, бродитъ еще, какъ пиво, и не скоро, думаю, установится!» Они пожелали мнѣ успѣха въ пути; я съ ними простился, встрѣтилъ ночныя тѣни на балконѣ и вошелъ въ горницу.

Изъ трактира, по заказу моему, принесли намъ ужинать блюдъ съ пять: заплатили по рублю мѣдью съ человѣка. Поѣли изрядно; впрочемъ, для голодныхъ кусокъ хлѣба — пиръ. Усталость дала намъ для первой ночи на новомъ мѣстѣ самый хорошій и угомонный сонъ. Завтра, выспавшись, я повезу читателя съ собой по городу, буду его возить цѣлую недѣлю, и постараюсь ему показать на бумагѣ все то, что я на мѣстѣ видѣлъ и, по моимъ мыслямъ, нашелъ достойнымъ того, чтобъ удержать въ памяти съ примѣчаніемъ.

ГЛАВА XXXIV.

Городъ вообще. Строеніе. Улицы.

Одесса вся выстроена камнемъ. Извѣстно, что тутъ была прежде у Турокъ неважная крѣпостца, называемая Гаджи-бей: теперь вы тутъ насчитаете домовъ до 200 каменныхъ, все это воздвиглось лѣтъ въ 15: какъ не подивиться дѣйствію толь скорому и удачному дѣятельной торговли! Ни одного строенія деревяннаго въ цѣломъ городѣ.

Камень для домовъ добывается изъ горъ, ограждающихъ Черное море подъ самой Одессой. Онъ ноздреватъ и составленъ изъ ракушекъ. Его около города пропасть; камень довольно большой величины стоитъ отъ 10 до 12 копѣекъ. Опытъ показалъ, что онъ на воздухѣ твердѣетъ, но при рытьѣ его изъ земныхъ нѣдръ онъ очень мягокъ: его можно рѣзать ножемъ, какъ мѣлъ. Наблюдатели, положа его на воздухъ, на открытое мѣсто, нашли и утверждаютъ, что онъ года въ два много становится легче; слѣдовательно, воздухомъ выжимается изъ него сырость и дѣлаются внутри камня пустоты. Тѣ, кои хотятъ щеголять домами и имѣть прочное при томъ жилище, года чрезъ три по отстройкѣ замазываютъ его снаружи и внутри известью. Говорятъ, будто такой домъ простоитъ лѣтъ сто. Можетъ быть; но еще рано утвердительно о томъ судить: 15-ть лѣтъ далеко отъ столѣтія. Выбѣленный домъ ни какой розницы не кажетъ съ лучшими кирпичными оштукатуренными домами въ столицахъ, а безъ подмазки домъ изъ такого камня похожъ очень цвѣтомъ своимъ и отливомъ мелкихъ его раковинъ на древнія строенія. Таковъ и карантинъ—прекраснѣйшее зданіе!

Желая увѣриться въ томъ, что воздухъ укрѣпляетъ здѣшній камень, я ходилъ смотрѣть одинъ обывательской домъ, построенный лѣтъ за восемъ передъ симъ, который хозяинъ разсудилъ сломать, и видѣлъ, что дѣйствительно стѣны этого камня разбивались съ усиліемъ точно такъ, какъ всѣ кирпичныя, или каменныя, строенія, тогда какъ я же видѣлъ, что тотъ самый камень, добываемый въ землѣ, сыръ, мягокъ и подобенъ всякому ломкому тѣлу.

Ходилъ я также смотрѣть новостроеніе въ его производствѣ. Камень идетъ въ стѣну вершковъ осми; закладку съ саженъ платятъ по 3 руб. 50-ти копѣекъ. Каждый камень свѣжаго рытья тешется и образуется топоромъ, но съ большою осторожностью, по тому что онъ еще недовольно твердъ и отъ остраго лезвея можетъ превращаться въ пыль: я отломилъ одинъ кусокъ, и имѣю его при себѣ. Всѣ вообще зданія здѣшнія такимъ камнемъ строены. Неискусные хозяева обмазываютъ домы свои глиной, но это средство почитаютъ непрочнымъ. Многіе замѣтили также, что тѣ домы, кои выстроены безъ опытовъ, гораздо прежде, на глинѣ, растворенной морскою водой, ненадежны и сыры, по то-

му что частицы соленыя морской воды удобны всегда содержать сырость въ камнѣ. Домы изъ него поспѣваютъ отмѣнно скоро, по тому что онъ не тяжелъ въ разработкѣ. Многіе сквозь него пропускаютъ воду, чтобъ имѣть ее чище: это одно доказываетъ, сколько камень здѣшній пустъ и легокъ.

Чтобъ дать еще лучше понятіе о семъ камнѣ, скажу нѣчто о садѣ какого-то Потоцкаго, который развелъ его для своего пріѣзда, при небольшомъ домѣ, рядомъ съ нашей квартирой, слѣдовательно, на горѣ надъ моремъ. Домъ и садъ его неважны, но онъ для забавы разсудилъ въ самой горѣ выдолбить разныя потребности: гора начинена вся камнями: они торчатъ въ разныхъ смыслахъ. Въ три дня Потоцкій тутъ вырѣзалъ себѣ диванъ, круглый столъ для шести кувертовъ, сдѣлалъ вокругъ его лавки, выдолбилъ подвалъ для винъ, мѣсто для повареннаго котла, и все это въ камнѣ оставилъ тутъ на всегда неподвижнымъ памятникомъ своего здѣсь житія и затѣй, а вмѣстѣ съ тѣмъ и очевиднымъ опытомъ, какъ гибокъ камень и готовъ къ услугамъ. Красиваго въ отдѣлкѣ нѣтъ ни чего. Странно! Видъ отсюда превосходный.

Внутри города въ рѣдкомъ домѣ можно найти спокойное убѣжище. Естьли не палитъ зной, отъ котораго иные охраняютъ себя красивыми сторами въ окнахъ, то страшная пыль по улицамъ поднимается столбомъ и вселяется облаками въ вашу комнату, по тому что рѣдкой день не вѣтрено въ Одессѣ; или не сказанная тьма мошекъ и мухъ одолѣютъ васъ такъ, что безъ махалки ни за что приняться нельзя. Вотъ самое безпокойное неудобство здѣшняго мѣста! Я видывалъ во многихъ домахъ среди лѣта, въ самые жаркіе его дни, двойныя окончины еще вмазанныя для того, чтобъ не впустить въ комнаты солнца, мухъ и пыли; и такъ ни кто здѣсь не живетъ прежде ночи: жарко, душно, пыльно! Тѣмъ-то самымъ моя квартира и была отлично выгодна, что расположена за городомъ, и Черное море прохладами своими оберегаетъ ее отъ сказанныхъ безпокойствъ.

Камень здѣшній на улицы не годится: онъ бы тотчасъ измололся въ пыль отъ тренія колесъ; отъ того и мостовыхъ нѣтъ,

и пыль столбомъ крутится; задумано изъ мелкаго камня сдѣлать тротуары, т. е., тропки для пѣшеходовъ по сторонамъ улицъ, но еще о пользѣ ихъ судить нельзя—предпріятіе новое.

Противъ рядовъ устроивается бульваръ. Градоначальникъ здѣшній, о которомъ пространно говорить буду послѣ, превеликій охотникъ до садовъ и пристрастенъ къ здѣшнимъ растеніямъ: онъ съ особливымъ тщаніемъ требуетъ, чтобъ по нѣкоторымъ улицамъ и передъ домами разсаживали деревья; многія принялись съ успѣхомъ и украшали бы очень городъ, естьли бы пыль непортила зелени: всѣ листы ею покрыты такъ, что трудно свѣжій цвѣтъ разглядѣть. А какъ при насъ была засуха, то деревья, кои на публичныхъ мѣстахъ невсегда поливать удобно, представляли самый плачевный и жалкій видъ. На площадяхъ средняя часть земли поднята и усажена разными деревьями, вокругъ коихъ, чтобъ не портили ихъ ни люди, ни скоты, сдѣланы балясы и ограды: эти насажденія, или кучки растеній, названы букетами. Мнѣ сказывали, что такъ водится въ Англіи: я тамъ не былъ, и правда ли это, не знаю; но гдѣ бы то ни было оно, вездѣ прекрасно, а здѣсь особенно; ибо всякое дерево въ степи—сокровище. Дюкъ ни за что такъ не сердится, какъ за изломанное, или испорченное, дерево: я самъ такой досады былъ свидѣтель.

Вообще строенія много въ городѣ; есть домы въ два этажа, и нѣсколько зданій весьма примѣчательныхъ: всего вдругъ не перескажешь; станемъ разсматривать постепенно. Жаль только того, что не даютъ домамъ хорошихъ фасадовъ: можетъ быть, желаніе, какъ ни будь, да поскорѣй лишь застроить мѣсто, подъ городъ назначенное, было тому причиной; но видно, что о наружности домовъ частныхъ не думано, и отъ этого съ перваго взгляда на строеніе Одесса можетъ названа быть пространнымъ Гаджи-беемъ.

ГЛАВА XXXV.

Торговля. Гавань. Магазинъ. Лавки.

Гавани въ Одессѣ, безъ сомнѣнія, первый предметъ примѣчанія. Ихъ двѣ: одна военная, другая купеческая; послѣдняя еще не отдѣлана, по тому что городъ ее строитъ на свои доходы, которые, хотя и велики, однако все еще по разрыву комерціи, не соотвѣтствуютъ потребностямъ, на нихъ лежащимъ. Она отстраивается изъ тутошняго камня и защищена хорошей батареей, но многіе находятъ ее непрочной отъ того, что слишкомъ открыто море. Я не могу опредѣлить своего мнѣнія на счетъ сей, и никогда не разсуждаю о томъ, чего не смыслю; но знаю достовѣрно то, что всякой годъ гавань размоетъ, и ее чинятъ.

Хотя торговля, которая одна и краситъ Одессу, и дѣлаетъ ее подлинно золотымъ дномъ, отняла у нея всѣ свои прелести, бывъ остановлена обстоятельствами; однако и при бездѣйственности ея можно видѣть пользы и красоту сего новаго края. Мы застали тутъ судовъ до 30-ти, по большой части съ Греческихъ острововъ и со всякимъ вздоромъ, какъ-то: изюмъ, винныя ягоды; этотъ припасъ называютъ общимъ именемъ бакалія. Привозятъ и вино Греческое, а отвозятъ отъ насъ ревендукъ, сало, желѣзо и разныя дозволенныя статьи, кромѣ пшеницы, которая развѣ украдкой, а иначе выпускаема въ Турцію быть не можетъ. Когда входитъ въ гавань корабль съ значительнымъ грузомъ, тогда ему салютуютъ изъ пушекъ, и весь городъ по тому узнаетъ, что привезено что ни будь новое къ порту. Гавань есть пунктъ соединенія всѣхъ жителей: по вечерамъ это лучшее гулянье: всѣ тутъ встрѣчаются. Я ходилъ однажды на Греческій корабль, по имени «Константинъ и Елена,» и нашелъ въ каютѣ много нечистоты. Жизнь на морѣ не заманчива.

Все, что привозится сюда изъ за моря (разумѣя въ торговую пору), отправляется въ Москву, а внутренніе избытки, особенно же пшеница, ждетъ благопріятной минуты пропуска въ Турцію, и до тѣхъ поръ ею всѣ домы и анбары засыпаны. Годы: 1804, 1805 и 1806 были для Одессы годы жизни. Одна пшеница составляетъ здѣсь частныя фортуны. Вся Польша пріобрѣтенная торгуетъ ею чрезъ Одессу. Хлѣбъ здѣсь не дорогъ, по тому что никуда не посылается; но, впрочемъ, для самаго города здѣсь нѣтъ ни чего; ибо все проходитъ чрезъ Одессу туда, или сюда. Отъ этого и дороговизна во всемъ, кромѣ винъ Греческихъ, которыя продаются очень низкой цѣной, и съ той еще выгодой, что гораздо чище и непорочнѣе нашихъ винъ. Вы можете здѣсь купить на рубль его столько, сколько и на пять вамъ не дадутъ внутри Россіи.

Волы составляютъ здѣсь богатство жителя. Кто имѣетъ ихъ въ работѣ до 10, или 12-ти, все таки во время открытой торговли, тотъ можетъ, при нагрузкѣ кораблей, получить въ недѣлю отъ 7 до 8-ми сотъ рублей барыша. Но и здѣсь есть также свое неудобство: всякій корабль спѣшитъ нагрузиться; малое число воловъ скоро наполнить его не въ состояніи; надобна для сего артель: и такъ у кого одинъ волъ, или два вола, тотъ непремѣнно долженъ итти въ работники къ тому, у кого ихъ болѣе, и часто беретъ не такой пай, какого бы хотѣлъ, но какой дастъ ему хозяинъ большаго гурта. И такъ вездѣ сильный слабаго давитъ; это, кажется, порядокъ самой натуры: тѣла тяжкія угнетаютъ попадающіяся подъ нихъ тѣла слабыя.

Домы и лошади также даютъ большой доходъ: первые строятся такъ, чтобъ, при удобномъ случаѣ, сохранять и пшеницу. Наемъ для нея магазиновъ приноситъ значительные прибытки, а лошади извозомъ сильныя доставляютъ выручки. Эти два предмета, какъ слышалъ я, даютъ, или при хозяйствѣ дать могутъ, сто на сто процентовъ. Домъ въ 20 тыс. построенный, очень скоро приноситъ съ найма до 4000 доходу. Лошадь, вывозя съ гавани на гору товаръ въ городъ, вырабатываетъ до 15 руб. въ сутки. Теперь же, когда и торгу не было, я платилъ за дрожки въ одну лошадь по 5 руб. въ сутки, и еще сказать долженъ, что дрожки безъ ресоръ, слѣдовательно, очень безпокойныя: что же бы стали платить за соблюденіе при томъ хотя маленькой роскоши? Всякой любитъ проѣхать лучше на такомъ экипажѣ, который не трясетъ, нежели на томъ, который душу выгонитъ на толчкѣ.

Всякой обыватель долженъ здѣсь запастись всѣмъ, для него нужнымъ, иначе онъ ни чего себѣ не достанетъ, ниже сливокъ, и для путешественника это очень тягостно; телятины вовсе нѣтъ, плодовъ ни какихъ, кромѣ кислыхъ вишень. Оранжерей ни у кого нѣтъ: всякой ждетъ плодовъ отъ натуры на вольномъ воздухѣ, и получаетъ ихъ не очень много ранѣе нашихъ садовъ, а всегда позже Сѣвернымъ оранжерей. Прошу за эту статью прощенія у всѣхъ любителей тамошнихъ насажденій, но право я ни чего въ этомъ родѣ не нашелъ, ни въ садахъ ни въ погребахъ, среди Іюля, для прихоти и вкуса; боялся даже, что уѣду изъ Одессы, не ѣвши апельсиновъ, но, къ крайному моему счастію, какъ-то нечаянно залетѣло какое-то чужеземное судно, которое привезло въ Одессу нѣсколько тысячъ апельсиновъ, и я, черезъ знакомыхъ моихъ, досталъ ихъ до ста, кои увезъ съ собою. Они были толстокоры, не довольно еще зрѣлы, но видно было, что не лежалые, какъ тѣ, кои у Троицы подъ горой покупаемъ мы такъ часто за самыя дорогія деньги съ зелеными пятнами.

Всѣ заморскіе товары чрезвычайно дороги были. Сахаръ продавался по 2 руб. фунтъ, и кофе также. Дровъ почти нѣтъ; многіе, или лучше сказать, почти всѣ жгутъ на кухнѣ кизикъ, и тотъ почитается зажиточнымъ хозяиномъ, у кого его много. Кизикъ называется землянымъ кирпичомъ, по тому, думаю, что онъ такой же формы и мѣры рѣжется, и когда продается хуторъ, или дача, то въ опись имѣнія входитъ и кизикъ. Мнѣ случилось однажды видѣть въ клубѣ объявленіе о продаваемомъ въ одномъ въ тѣхъ мѣстахъ имѣніи, и въ немъ, между прочимъ, написано было, что заготовлено на столько-то лѣтъ этого землянаго кирпичу: это важный предметъ въ Одессѣ; ибо и тамъ бываетъ холодно. Мы купили для себя на недѣлю, такъ называемыхъ, турбашекъ или столбовъ, какія подъ фундаментъ ставятся, до 11-ти, и заплатили за нихъ 10 руб.; изъ каждаго едва вышло по 7 полѣнъ аршинныхъ.

Послѣ гавани жители города толпятся въ рядахъ. Линія ихъ вытянута большая, каменная и товаровъ разныхъ много. Лавки, въ коихъ торгуютъ, такъ называемые, Караимскіе Жиды, Цареградскіе выходцы, болѣе прочихъ славятся. Я ни какъ не смѣю этихъ Жидовъ сравнить съ извѣстными намъ обыкновенными Жидами, кои площадь Русскую топчутъ: тѣ гораздо чище и опрятнѣе себя держатъ; съ ними негнусно быть вмѣстѣ. Нѣкто сдѣлалъ мнѣ примѣчаніе, говоря объ нихъ, что не они ли самые потомки тѣхъ Евреевъ, кои были возлюбленный Израиль? ибо не вѣроятно, чтобъ такой поганый и прокаженный народъ былъ угоденъ Богу, каковъ Жидовскій, нынѣ намъ извѣстный въ Европѣ. Я почти согласился съ нимъ, или пожелалъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ онъ былъ не въ ошибкѣ. Тутъ въ Караимскихъ рядахъ накупилъ я множество табаку самаго лучшаго и трубокъ для заочныхъ моихъ пріятелей, диванъ для себя, духовъ для знакомыхъ барынь. Чѣмъ ихъ дарить лучше въ такіе годы можно, какъ мои, когда весь сердечный огонь уже выгорѣлъ? Намѣнялъ разныхъ Турецкихъ монетъ, и золотыхъ и серебряныхъ. Серебряныя ихъ деньги величиною въ нашъ рубль. Зовутъ ихъ левами и узлуками. Серебра въ нихъ очень мало, большая часть мѣди, чеканъ гіероглифической, и монета весьма не хороша на взглядъ, а золотая мелка и незначуща. Турецкія деньги въ Одессѣ ходятъ свободно: ихъ берутъ купецъ, разнощикъ, ямщикъ; всякой сдаетъ на нихъ нашими деньгами безъ затрудненія, не смотря на то, что торговля убита. Я не знаю, чего ѣздятъ покупать въ ряды, но всегда въ нихъ народу пропасть: ходятъ, тѣснятся, торгуютъ, и лавки въ Одессѣ пріятное гульбище.

Здѣсь есть Русская книжная лавка: я заглянулъ въ нее, купилъ свои сочиненія, и подарилъ любезной нашей хозяйкѣ: пусть она меня по нихъ помнитъ, а я и безъ книгъ ее не забуду. Французскими книгами торгуетъ иностранецъ въ домѣ своемъ. Я къ нему заѣзжалъ, но лавка его была заперта: онъ уѣхалъ на Бердичевскую ярмарку.

Мода вездѣ имѣетъ своихъ данниковъ: какъ ей и въ Одессѣ отказаться отъ своихъ пошлинъ? Въ прекрасномъ магазинѣ подъ названіемъ: «Cesar Negri» вы найдете все, что можетъ въ мысль попасть приманчиваго. Я тутъ нашелъ и каррикатуры, коимъ подивился, пожалъ плечами и бросилъ: онѣ гравированы самымъ скверным искуствомъ, ругательны, но ни мало не замысловаты, и, конечно, гдѣ ни будь въ чужой землѣ скуплены. Онѣ свободно

продавались по рублю серебромъ, а право лучше ихъ и острѣе можно достать на Спаскомъ мосту за 10 копѣекъ на превеликомъ листѣ. Но торговля не разбираетъ приличій: ей что ни попалось, лишь бы продать, и дорого.

ГЛАВА XXXVI.

Храмы Греческіе и иновѣрные.

Въ Одессѣ выстроенъ прекраснѣйшей архитектуры соборъ; онъ, по рисункамъ судя, уподобляется въ маломъ видѣ обширнымъ базиликамъ Европейскимъ, но нѣтъ при немъ соотвѣтственной колокольни; внутри церкви полъ настланъ изъ дикаго и чернаго мрамора; въ алтарѣ Цареградскіе разноцвѣтные изразцы даютъ ему видъ мозаическаго паркета; приступки между колоннъ, по коимъ входятъ въ храмъ, будутъ намощены лавой. Она уже выписана и заготовлена. Что можетъ быть въ новомъ вкусѣ этого роскошнѣе? Жаль, что иконостаса нѣтъ хорошаго: онъ писанъ на ширмахъ, натянутыхъ холстомъ, на подобіе полковыхъ церквей. Утвари въ соборѣ богатой нѣтъ; видно, что заботились о наружной красотѣ зданія для города болѣе, нежели о внутреннемъ великолѣпіи дома Господня. Соборный Священникъ, по прозванію Огинскій, изъ ученыхъ Екатеринославской Академіи, человѣкъ благороднаго поведенія: онъ меня часто посѣщалъ, и я не безъ пользы съ нимъ бесѣдовалъ.

Другая церковь въ городѣ предполагалась, при начальномъ его основаніи, во имя Св. Екатерины, но что же? Заложена, застроена до половины и брошена. Конечно, въ свое время все духовенство, собравшись въ ней, прославляло имя своей Монархини и, полагая камень краеугольный во основаніе новому дому Божію на новомъ мѣстѣ, среди языкъ иноплеменныхъ, конечно, благоговѣйный пастырь призывалъ Духа Божія на сей домъ молитвы. О, какъ времена, да и въ какой короткой срокъ, все истребляютъ! Нынѣ вы тутъ найдете недостроенныя стѣны открытаго со всѣхъ

сторонъ храма, которыя разрушаетъ и вѣтръ тлетворный, и морскія непогоды, и пуще еще пренебреженіе человѣковъ.

Вокругъ его всюду настроены казармы: тамъ живутъ солдаты; жены ихъ ходятъ выливать въ развалины храма всю домашнюю нечистоту; словомъ, воспѣтая и молитвословіемъ прославленная скинія обратилась въ мѣсто пустое и омерзительное. Древность предварила наложить на сей несовершенный храмъ печать свою, обложила его мхомъ и заростила травой, а тѣмъ почтила память соименной церкви сей Владычицы. Жаль, что я это видѣлъ, но увидѣвши, не могъ смолчать.

Церковь Греческая во всемъ подобна нашей и хорошей архитектуры, имѣетъ своихъ особыхъ священнослужителей. Дьячекъ въ нее меня водилъ и все мнѣ показывалъ; драгоцѣнностей нѣтъ ни какихъ; лишь образъ мѣстной Богородицы обвѣшенъ разными серебреными членами: ихъ дѣлаютъ и въ честь образа приносятъ тѣ, кои страждутъ въ какомъ либо недугѣ и приписываютъ исцѣленіе свое чудотворной силѣ той иконы. Тутъ уши, глаза, персты и пр. и пр.

Католицкая Римская Церковь на особомъ же дворѣ внутри города, небогата, но чисто и хорошо прибрана; при ней служитъ Капуцинъ. Онъ меня водилъ по всему строенію церковному: ходитъ по установленію своего Ордена, босый, въ однихъ туфляхъ, въ сѣромъ капотѣ, съ отложнымъ капишономъ, опоясанъ ременнымъ поясомъ и съ четками въ рукахъ. Онъ поминутно, ходя въ церкви, присѣдалъ предъ своимъ престоломъ. Нельзя не сказать, что этотъ знакъ почтенія очень забавенъ: я стократно предпочитаю ему земной поклонъ Христіанина; онъ означаетъ видимымъ образомъ порабощеніе наше предъ Богомъ, а присядка ни чего не значитъ.

Раскольники (а гдѣ ихъ нѣтъ?) имѣютъ также свой особый домъ молитвы въ Одессѣ. Церковь ихъ во всемъ сходна съ нашими, и отличается отъ нихъ только тѣмъ, что не найдешь въ ней ни новаго письма, ни, сильнаго ихъ антагониста, Димитрія Ростовскаго.

Жиды также имѣютъ свою Синагогу: въ ней столько же нечисто все и гнусно, сколько сраменъ и родъ поклонниковъ. Я зашелъ слишкомъ поздно; уже служба ихъ отошла. Они ежедневно ходятъ молиться; нѣсколько лѣнивыхъ Евреевъ еще тутъ было, закутавши голову въ бѣлыя большія покрывала съ пришитыми на макушкѣ рожками, кои будто бы представлять должны чело Боговидца Моисея: они по книжкамъ своимъ славили Бога. Жиды всѣ знаютъ грамотѣ: нѣтъ изъ нихъ ни одного, который бы съ отроческихъ уже лѣтъ не читалъ декалога и не наученъ былъ криво, или правильно, въ своемъ Законѣ. Въ школѣ они предъ рѣзнымъ своимъ кивотомъ читаютъ псалмы, распѣваютъ ихъ самымъ дикимъ голосомъ, стараясь даже, что очень примѣтно, избѣгать всякой гармоніи въ тонѣ, не снимаютъ глазъ съ книги, оборачиваются по большой части къ стѣнѣ лицомъ, чтобы ни кого не видать, и, дабы еще меньше развлекать свои мысли, они безпрестанно кривляются, разныя дѣлаютъ безобразныя тѣлодвиженія, думая (такъ я отъ нихъ же слышалъ), что работа всѣхъ мускуловъ во время ихъ кривлянья устремляетъ согласно всѣ ихъ способности къ одному предмету, т. е., къ Богу и молитвѣ: но я въ этомъ мало удостовѣренъ. У нихъ двѣ храмины для сборища: одна для лѣта, холодная, другая зимняя, съ печами. Раввинъ ихъ человѣкъ съ виду самый плохій, и глаза его не обѣщаютъ ни ума, ни смысла. А кагалъ * (такъ называется ихъ расправный судья), по нѣкоторымъ чертамъ лица и выпуклостямъ черепа, соглашаясь съ примѣчаніемъ Лафатера и Галла, долженъ быть плутъ; на табернаклѣ или престолѣ ихъ одно только имя Божіе написано: «Егова», съ изображеніемъ скрижали Завѣта, а въ ковчегѣ нѣсколько Библій хранятся въ свиткахъ на пергаменѣ. Передъ нимъ Раввинъ отправляетъ молитвы и кричитъ во всю силу гортани. Они щеголяютъ паникадилами: у нихъ много свѣчъ во время Субботы зажигаютъ, а еще болѣе въ праздничные дни. Жиды охотники до книгъ церковныхъ, и раскупаютъ ихъ въ великомъ множествѣ. При мнѣ ихъ же землякъ, одинъ Жидъ, изъ числа такихъ, кои ѣздятъ по всему бѣлому свѣту обманывать всѣхъ безъ различія, навезъ въ эту сторону изъ Польши возъ цѣлый Еврейскихъ книгъ: и что жь? при мнѣ почти всѣ раскупили.

* Кагалъ собственно мѣсто расправы Еврейскихъ мірскихъ старѣйшинъ; далѣе община Еврейская, міръ ихъ; старшина же, въ родѣ Еврейскаго Старосты, Судьи, Головы, называется Кагальный. О. Б.

Всѣ эти церкви я обходилъ въ одно и то же утро; индѣ заставалъ службу, въ другомъ мѣстѣ нѣтъ. Сколько вошло въ умъ мой размышленій, глядя на сіе разнообразное единому существу служеніе! Не одинъ ли Богъ, думалъ я, и Творецъ всей видимой твари? Но сколько разныхъ поклонниковъ! Всѣ призываютъ Его благость, Его одно имя имянуютъ, но всякій языкъ и племя свои вводитъ обряды и почитаетъ ихъ лучшими. Ахъ! для чего не дано человѣку отъ матери его, природы, чтобъ жертва его и возношенія къ престолу Вседержителя были одинаковы повсюду и вдохновенны въ него единственнымъ источникомъ всего добраго въ мірѣ? Для чего разумъ каждаго изъ насъ не такъ простъ, какъ самъ Богъ, какъ истина, какъ душа наша?

ГЛАВА XXXVII.

Правительства военное и гражданское.

Военный Губернаторъ, Дюкъ де Ришелье, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и Градоначальникъ Одессы. Новое мѣсто сіе обязано его попеченіемъ всей своей настоящей славой. Онъ, конечно, на всѣ усилія возможныя готовъ для возведенія Одессы на тотъ степень славы, какого отъ мѣстоположенія своего она ожидать можетъ. Дюкъ имѣлъ тутъ тогда 5 баталіоновъ пѣхоты, 5 эскадроновъ гусаръ и полкъ Казаковъ, который по берегу Днѣстра держитъ кордонъ вплоть до Херсона: есть чѣмъ оборониться. Дюкъ управляетъ, сверхъ того, Губерніями: Крымской или Таврической, Екатеринославской и Херсонской, и имѣетъ въ завѣдываніи своемъ до 15 крѣпостей. Гавани обѣ, военная и купеческая, снабдѣны большимъ числомъ орудій: прекрасная на морѣ мебель! Они всегда готовы къ дѣлу, и около ихъ не спятъ.

Уголовныя дѣла производятся или въ Магистратѣ, или въ Тираспольскомъ Уѣздномъ Судѣ; ибо въ Одессѣ самой нѣтъ ни какого Дворянскаго мѣста, и оттуда поступаютъ на ревизію въ Херсонскую Уголовную Палату. Преступники, на работы по крѣпостямъ изъ сердца Россіи присылаемые, тѣмъ же порядкомъ препровождаются, какъ и во внутренности Имперіи, не смотря на то, что здѣсь по большой дорогѣ почти нѣтъ населенія, и едва ли не отъ того боятся заселять тамошнія степи, что разныя подобныя повинности слишкомъ были бы отяготительны. Россія слишкомъ велика, чтобъ съ конца и до конца одинакой могъ дѣйствовать распорядокъ.

Полиція городская состоитъ изъ одного Полицмейстера, и нѣсколькихъ при немъ Офицеровъ; бутокъ нѣтъ; вмѣсто Сотскихъ и Десятскихъ, нанимаются Жиды и всякой вольной сбродъ, на коихъ и утверждается благочиніе города и спокойствіе обывателя. Комендантъ отправляетъ собственную свою должность. Онъ кажется быть человѣкомъ зажиточнымъ: садъ его есть лучшій садъ въ городѣ; всякое дерево тамошнее вы въ немъ найдете; плодовъ и винограду множество.

Коммерческій Судъ имѣетъ ретиваго, свѣдущаго и весьма достойнаго Президента въ особѣ Графа Сентъ-При. Въ немъ отправляются всѣ торговыя дѣла, и рѣшительный его приговоръ приводится въ исполненіе, не смотря на аппелляцію, разумѣется, съ утвержденія Градоначальника. Одесса по симъ дѣламъ подъ ревизіею 8-го Департамента Правительствующаго Сената.

Учетная Контора есть мѣсто самое благотворительное для Одессы. Она желающему строиться даетъ въ займы деньги подъ залогъ и вѣрныхъ въ городѣ поручителей. Занявъ нѣкоторый капиталъ, вы ставите домъ, и отдаете его тотчасъ въ наймы. Доходъ съ него въ нѣсколько лѣтъ выплачиваетъ долгъ вашъ, и вы вдругъ, пріѣхавши въ Одесу безъ денегъ, но съ удостовѣреніемъ порукъ, дѣлаетесь, лѣтъ черезъ пять, гражданиномъ тутошнимъ, имѣете домъ, и получаете съ него доходъ. Самое полезное заведеніе!

Страховая Контора имѣетъ свое собственное учрежденіе. Она ведетъ дѣла свои слѣдующимъ порядкомъ: отдаваемому на страхъ

судну чинится осмотръ и смѣта. Естьли оно дошло благополучно, хозяинъ платитъ положенную сумму; естьли погибло, но, разумѣется со всѣмъ экипажемъ и людьми, что весьма рѣдко случиться можетъ, тогда Страховая Контора платитъ по смѣтѣ всю сумму, которой стоило судно. Капиталъ Конторы составленъ изъ взнесенныхъ отъ многихъ суммъ, кои приносятъ значительную своимъ хозяевамъ прибыль.

Почта Одесская приноситъ доходу, какъ слышалъ я, съ перевода денегъ и писемъ, всего до 7 тыс. руб. въ мѣсяцъ, и при такомъ сильномъ, можно сказать, сборѣ, ей не отпускаютъ на постройку дома, котораго нѣтъ, 12-ти тысячъ. Въ приходъ записывать и казна любитъ больше, нежели въ расходъ.

Главное правительство въ Одессѣ называется Комитетомъ: въ немъ первое лице самъ Градоначальникъ. Сколько я могъ дознать отъ другихъ, на означенномъ мѣстѣ лежитъ весь распорядокъ города, а паче городскихъ повинностей. Доходы Одессы, въ сравненіи съ обыкновенными другими городами, конечно, весьма велики; но какъ сравнивать и надобности сего порта съ другими внутренними городами? Государь изволилъ въ пользу ея отдать весь откупной доходъ, что составитъ, сказывали мнѣ, до 200 тыс. капитала ежегоднаго. Сверхъ того, Одесса получила отъ казны заимообразно 400 тыс. рублей, съ условіемъ, что городъ выплатитъ сію сумму въ извѣстное число лѣтъ и съ прибавкой 6 т. процентовъ на годъ. Ни чего этого не жаль!

Одесса сама собою указываетъ выгоды свои настоящія и будущія. Довольно побывать въ ней день, или два, чтобъ удостовѣриться въ пользѣ, которая отъ нея происходить удобна. Такъ разсуждая объ ней, не жаль ни какихъ капиталовъ, тѣмъ болѣе, что виды Градоначальника, сколько общая молва то разноситъ, совершенно устремлены на украшеніе Одессы, утвержденіе ея пользъ и расширеніе ея выгодъ.

ГЛАВА XXXVIII.

Богоугодныя и полезныя заведенія.

Одесса обязана своему Начальнику многими полезными и увеселительными заведеніями; начнемъ съ перваго.

Здѣсь учреждено училище подъ надзоромъ иностранца, по имени Волсей. Привилегіи сего Института состоятъ въ томъ, что обучившійся въ немъ мальчикъ черезъ 6 лѣтъ отправляется въ Резиденцію и получаетъ, при выпускѣ его отсюда, чинъ Офицерскій въ арміи; а по тому и воспитаніе дѣтей, сюда записанныхъ, основано на правилахъ, сообразныхъ воинскому назначенію. При насъ было 130 человѣкъ. Тутъ есть Молдаване, Крымскихъ Татаръ и Казачіе дѣти, безъ различія Вѣръ и состоянія. Говорятъ, что надзиратель ихъ, Волсей, очень хорошо съ ними обходится. Видѣвши одинъ разъ этѣ заведенія, я основательно ни согласиться, ни опровергнуть того не могу. Но естьли по афишкамъ судить, кои прибиты къ дверямъ покоевъ и гдѣ многія черты грубости Г. Волсея очень видны, то я не думаю, чтобъ онъ былъ кроткихъ нравовъ человѣкъ. Положимъ, что не мѣшаетъ ему быть съ дѣтьми благосклоннымъ и вѣжливымъ то, что онъ нѣсколько жестко, какъ слышалъ я, обходится съ родственниками и посѣтителями Пансіона, но не пускать ни кого охотно смотрѣть внутренности училища значитъ уже безнадежность въ порядкѣ.

Тѣ изъ учениковъ, кои хорошо себя ведутъ и лучше прочихъ, отличаются цѣлую недѣлю особымъ знакомъ: они носятъ на ленточкѣ въ петлѣ вензель Государевъ. Это возвышаетъ духъ, ободряетъ юношество. Черезъ недѣлю передается этотъ знакъ другому. Напротивъ, наказанія ихъ мнѣ не понравились. Когда мальчикъ не послушенъ, его кладутъ въ постелю, и онъ, какъ больной, долженъ цѣлый день пролежать въ ней. Я не думаю, чтобъ это было хорошо. Морально судя, кажется мнѣ, для ребенка лѣниваго это не штрафъ; ибо онъ лежа не учится и ни чего не дѣлаетъ; мысль его свободна отъ занятій полезныхъ, кружится въ пустякахъ и можетъ быть въ затѣяхъ не совсѣмъ безпорочныхъ, отъ которыхъ ни какое бдительное око досмотромъ своимъ не остережетъ, а отсюда постепенно переходъ къ физическимъ неудобствамъ: мы найдемъ, что ребенокъ, въ свободѣ лежа на постелѣ, Богъ знаетъ, какія опасныя шалости скроетъ отъ самыхъ приставниковъ; да естьли и ничего тутъ не предполагать худаго, одно бездѣйствіе въ юношескомъ возрастѣ столь же можетъ быть вредно, сколько напряженныя усилія въ возрастѣ старшемъ. Надобно, чтобъ мальчикъ былъ живъ и рѣзовъ: этого требуетъ натура; но чтобъ онъ не шалилъ, и для этого не столько охранительны штрафы, какъ неусыпность хожатыхъ.

Домъ для сего училища построенъ изъ городскихъ доходовъ. Онъ великъ, опрятенъ и хорошъ; все содержаніе дѣтей отмѣнно рачительно со стороны пищи, одежи и прислуги. За каждаго мальчика платятъ отдающіе его по 500 руб. въ годъ. Государь изволитъ, какъ я слышалъ, за нѣсколькихъ питомцовъ взносить свои деньги. Учителей содержатъ за дорогую плату, и лучшихъ, какихъ достать можно, и все, что только прикосновенно къ воинскому состоянію, все тутъ преподается; сверхъ того не лишены они и нѣкоторыхъ пріятныхъ художествъ.

Съ перемѣной предмета, но на тѣхъ же хозяйственныхъ началахъ, основанъ и женскій Пансіонъ въ другомъ отдѣленномъ домѣ. Тамъ надзирательница—жена Господина Волсея. Дѣвушекъ было при насъ до 30-ти; каждая изъ нихъ платитъ нѣсколько поменьше 500 руб., но выше 400; ихъ обучаютъ 4-мъ языкамъ: Россійскому, Нѣмецкому, Французскому и Англійскому, музыкѣ и танцовальному искуству, и сей Пансіонъ очень хорошо устроенъ.

Одесса можетъ хвастать своимъ городскимъ Лазаретомъ: я до сихъ поръ нигдѣ не видалъ такого хорошаго. Онъ построенъ отъ города; залы для помѣщенія больныхъ превеликія, человѣкъ до ста въ одной уложить можно; всѣ средства къ очищенію воздуха приняты; за то и можно гулять по тамошней больницѣ, какъ въ самой чистой большаго барина залѣ: ни что не оскорбляетъ ни взора, ни обонянія. Распорядокъ ея основателенъ и всѣ необходимости столь полезнаго заведенія удовлетворены.

Мнѣ показывали въ больницѣ карету, сдѣланную нарочно для купанья: она закладывается въ одну лошадь сзади и спереди. Въ ней можно въѣхать въ море, и выѣхать изъ него свободно. Польза выдумки, думаю, въ томъ, что дама можетъ одѣться и раздѣться самымъ скрытнымъ образомъ. Но это недостаточно: какая женщина захочетъ въ виду всего города погрузиться въ море и нырять въ немъ, какъ Наяда? Кромѣ непристойности, зной прожжетъ черепъ; море открыто, отмели зелены и зловонны; надобно далеко объѣзжать и искать чистаго берега для плаванія. Нигдѣ купальни нѣтъ, ни ванны закрытой; слѣдовательно, всякой любопытный можетъ смотрѣть на васъ въ самую нечаянную минуту; отъ этого, думаю, и карета безъ употребленія, и дамы, да и мужчины, многіе не купаются.

Лѣкари говорятъ, будто садиться въ море очень здорово. Я въ одно утро собрался было попробовать этой пользы, и пошелъ по скаламъ узинькой тропинкой. Слуга передо мною несъ стулъ и нужныя вещи: стулъ изъ рукъ его сорвался и полетѣлъ до края моря съ высокой горы безъ остановки; я шествовалъ за нимъ по крутому камню и, взглянувши на пропасть, въ которую полетѣлъ стулъ, отложилъ намѣреніе повѣрять на себѣ докторскую систему. Долго ли потерять равновѣсіе? Тутъ можно тысячу смертей найти въ рытвинахъ между горъ прежде нежели достигнуть тѣхъ мѣстъ, гдѣ утопиться опасно.

ГЛАВА XXXIX.

Общественныя увеселенія.

Для баловъ въ домѣ зажиточнаго купца Renoud есть клобная зала съ гостиными покоями и бильярдами: она продолговатой фигуры. По всѣмъ стѣнамъ протянута колоннада, и надъ нею хоры. Видъ галереи сей величественъ: она искусно расписана. Принадлежащіе къ ней покои для картъ и стола также хорошо убраны. Зала помѣстить можетъ человѣкъ до 600, и бываетъ, сказывали мнѣ, иногда полна; лѣтомъ не съѣзжаются. Въ этомъ же

строеніи, независимо отъ клуба, кофейный домъ, и при немъ особый бильярдъ. Я тутъ очутился въ первомъ мѣстѣ съ пріѣзда въ Одессу, заходилъ и послѣ очень часто лакомился прекраснымъ мороженымъ изъ абрикосовъ: роскошь не очень обыкновенная въ Губерніяхъ.

Театръ—одно изъ прекраснѣйшихъ зданій въ городѣ и на лучшемъ мѣстѣ. Ложи расположены полукругомъ въ три этажа; надъ третьимъ раекъ, партеръ амфитеатромъ; онъ въ нѣсколько уступовъ и подъ нимъ креслы. Все устроено съ найлучшимъ размѣромъ и со вкусомъ. Театръ сталъ въ 40 тыс., въ число коихъ Государь пожаловалъ изъ кабинета 20 тыс., остальныя употребилъ городъ. Гардеробъ, какъ слышалъ я, очень достаточенъ, декораціи нѣкоторыя видѣлъ, и нашелъ ихъ изрядными; при мнѣ, какъ я смотрѣлъ театръ, выставлена была «Тюрьма» (мнѣ пришло на мысль, что коммерція сидитъ въ ней и ждетъ развязки своей драмы); одинъ только недостатокъ: ни труппы, ни актеровъ. Иностранный спектакль не поддерживается; хотятъ имѣть Русской: выписывали разныя частныя общества актеровъ, предлагали даже Князю Шаховскому переселиться съ своими артистами изъ Нижняго въ Одессу, давали хорошія деньги, но, сказываютъ, охотниковъ не сыщутъ, ни кто не ѣдетъ.

Для публичныхъ прогулокъ лѣтомъ разведенъ садъ внутри города. Въ немъ Итальянка Марья готовитъ славное мороженое, и мы туда хаживали часто дарить ее своимъ мелкимъ серебромъ. По Воскресеньямъ жители города съѣзжаются сюда гулять и видѣться между собою. Я тому не былъ личный свидѣтель. Одно взялъ только Воскресенье, но гроза не выманила ни кого со двора. Весь садъ разбитъ не шире, какъ на 100 саж., но всѣмъ наполненъ. Вы тутъ увидите тополи, рины, всѣ тамошнія деревья. Стройный ростъ ихъ и видъ восхищаетъ. Плакучая ветла, любимое мое деревцо, всегда плѣняла взоръ мой. Какая роскошь дать можетъ то, что натура расточаетъ даромъ? Да и Марья такъ добра, такъ услужлива! Она мастерица дѣлать макароны и пуленту Итальянскую. Я въ одинъ вечеръ заказалъ оба этѣ блюда, и въ пріятельской бесѣдѣ любезнаго Сенъ-При, съ его и моимъ семействомъ, насладились Римской сей трапезой.

Кромѣ означеннаго сада, видѣли уже выше, что и у Коменданта здѣшняго есть садъ. Я объ немъ слегка упомянулъ, но нельзя не повторить, что садъ его одинъ изъ рѣдкихъ въ Россіи качествомъ деревъ и вкусомъ плода. Все превосходное тамъ, но не всякой можетъ въ него входить, когда хочетъ. Потребно дозволеніе, приглашеніе, снисхожденіе, и пр. и пр. А къ Марьѣ можно ходить просто, безъ зову и чиновъ; ворота отперты; ветла плакучая тутъ, мороженое готово: чего больше? Еще разъ: чего больше для прогулки въ саду.

Говоря о садахъ въ городѣ, какъ умолчать о хуторѣ самаго Дюка, гдѣ всякой свободно гуляетъ, когда хочетъ, гдѣ и я, съ нимъ и безъ него, былъ, сколько могъ. Онъ его устроилъ въ верстѣ отъ города, въ долинѣ, окруженной горами; тутъ садъ его разросся и очень густъ: онъ его самъ разводилъ. Всѣ деревья посажены только 9-ть лѣтъ тому назадъ, но они даютъ уже изрядную тѣнь. Чего тутъ нѣтъ въ растительномъ царствѣ? Здѣсь отмѣнно скоро земля выгоняетъ всякое растеніе. Тутъ я видѣлъ плодъ, называемый Французами coing, по здѣшоему айва, но онъ еще не поспѣлъ. Обычай не велитъ, да и жаръ препятствуетъ, прежде вечера слоняться на воздухѣ; а какъ вечеръ и сумерки очень смежны во всѣхъ градусахъ, то я, гуляя по саду Дюка, не могъ разглядѣть качество и родъ деревъ. Я слѣпъ, и худо вижу, когда на дворѣ темно. Для любопытнаго день въ Одессѣ очень коротокъ, не отъ множества предметовъ,—этого я не солгу,—но отъ жару: въ зной не хочется тронуться съ мѣста; а какъ жаръ свалитъ и получишь прохладу, тотчасъ бросишься туда, сюда, но мало уже разсмотришь. Садъ Дюка есть совершенный образецъ того, что могутъ постоянные и пристрастные труды въ степи; да и въ самомъ палящемъ климатѣ, по крайней мѣрѣ въ Россіи (конечно, въ Африкѣ жарчѣе: кто этого не знаетъ?). Дюкъ такой насадилъ вертоградъ, какого и въ самыхъ удобныхъ для того мѣстахъ не увидишь. Къ тому же здѣсь ключъ самой чистой воды брызжетъ изъ прекраснаго колодца, который Дюкъ отдѣлалъ и убралъ. Здѣсь онъ съ своими короткими приходитъ, или пріѣзжаетъ верхомъ, забывать свои недосуги. Гладя на такое милое убѣжище, какой странникъ не пожелаетъ собственности и не вздохнетъ, естьли онъ ее не имѣетъ?

ГЛАВА XI.

Колоніи.

Быть въ Одессѣ и не посмотрѣть тамошнихъ колоній—грѣшно. И такъ я въ нихъ отправился въ компаніи Графа Сентъ-При, съ начальникомъ поселенцовъ Г. Р., который съ охотой вызвался самъ удовлетворить нашему любопытству. Лишь выѣдешь изъ Одессы—опять степь: ни лѣсу, ни воды; вездѣ ветлы и вербы для тѣни. Не смотря на зной, лошади мчатъ, и по 15 верстъ въ часъ безъ принужденія уѣдешь. Въ нашихъ мѣстахъ, особливо гдѣ пески, это животное такой скачки не вынесетъ.

Первая колонія въ 20 верстахъ отъ города и названа Либенъ-Таль. Она населена Лютеранами, вышедшими изъ Швабіи, области Виртембергской и другихъ частей Германіи. Мы къ нимъ пріѣхали довольно рано, лишь только отошли обѣдни, и застали тутъ свадьбу. Молодые выходили съ своей свитой изъ церкви; домашніе встрѣчали ихъ съ пальбой изъ пистолетовъ и мелкихъ фузей; у дому ихъ играла музыка, изъ тутошнихъ мужиковъ составленная; оркестръ состоялъ въ 2 скрыпкахъ, 2 валторнахъ, 1 кларнетѣ, 1 фаготѣ и 1 длинномъ барабанѣ; играли не превосходно, но согласно: не драли, по крайности, ушей. Я очень любовался на эту простую сельскую картину. Какъ смѣнить натуральную веселость человѣка довольнаго съ бѣшенымъ крикомъ нашихъ пьяныхъ мужиковъ, когда они, обрадовавшись чему ни будь, перепьются на кабакѣ и валяются по улицамъ! Хмѣль во всякомъ человѣкѣ досаденъ, а веселость, напротивъ, во всякомъ пріятна.

Молодые позвали насъ къ себѣ; мы вошли въ ихъ покои: тѣсно, но дружелюбно! Тутъ ихъ родные и ближніе; столъ накрытъ приборовъ на 30 безъ тщеславнаго мотовства и непристойной роскоши, но просто, чисто и опрятно. Вотъ въ чемъ состоитъ богатство натуры! Первое мѣсто между посѣтителями занималъ Пасторъ. Я съ нимъ нѣсколько поговорилъ, и онъ мнѣ показался человѣкомъ рѣшительнымъ и отважнымъ.

Полюбовавшись на торжество Гименея, зашли мы къ Волостному Головѣ той колоніи, и у него позавтракали. Онъ раз-

велъ у себя преизрядный садикъ, насадилъ подъ окошками деревья Грецкихъ орѣховъ, кои послѣ 4 лѣтъ и плодъ ему давали. Хозяйка его потчивала насъ свѣжимъ хорошимъ масломъ и кофеемъ. Я вспомнилъ нашихъ колонистовъ подъ Петербургомъ, и такъ аппетитно, или, по Русски сказать, жадно еще во всю дорогу не ѣлъ, какъ тутъ: чистота въ домахъ около очага и самовара, словомъ вездѣ, совершенная. Здѣсь есть очень хорошаго построенія мельница, которая работаетъ лошадьми и не знаетъ ни въ какое время остановки. Какая полезная механика для жителей безводныхъ!

Отсюда отправились далѣе въ другую сторону, и въ 15-ти верстахъ еще заѣхали въ колонію Іозефсталь, населенную Католиками изъ Эльзаса. Тутъ также только что отпѣли обѣдню, но, вмѣсто свадьбы, ожидалъ насъ хорошій обѣдъ, приготовленный Г. Р., который, какъ хозяинъ заведеній сихъ, имѣлъ учтивое попеченіе объ угощеніи нашемъ. Тотчасъ предсталъ къ намъ Капуцинъ, тотъ самый, о которомъ я говорилъ, описывая городъ. Онъ наѣзжаетъ сюда для требъ церковныхъ и обѣдни. Я его все также, какъ и въ городѣ, видѣлъ съ капишономъ, четками и длинной бородой, босъ и въ сандаліяхъ; лице его возвѣщаетъ, что онъ вѣкъ изжилъ не безъ проказъ, хотя и духовный санъ носитъ. Богомолки шли на встрѣчу намъ изъ своей кирки съ церковными книжками и смиренными лицами.

Мы здѣсь прекрасно отобѣдали и пили хорошее вино; Попъ Нѣмецкій отъ своей братьи мужчинъ не отставалъ; послѣ обѣда водилъ онъ насъ смотрѣть кирку, и поселяне многіе уже тутъ собраны были на вечернія молитвы не по наряду какому, а по произволу и обычаю своему. Пасторъ ни чего не служилъ, но они сами пѣли разные стихи и духовныя пѣсни; всякой кричалъ въ свою мочь. Шумъ неугомонный! Кирка небогата, но пристойна. Я бывалъ въ нихъ прежде, и очень дивился, найдя въ этой на престолѣ зеркала, передъ коими высокія горѣли свѣчи. «Для чего это?» спросилъ я?—«У насъ, сказалъ мнѣ одинъ, въ нашей землѣ этого не водится, но прежній Пасторъ завелъ.»—«А на что же, Господинъ Капуцинъ?»—«Пустыя мѣста были на престолѣ: онъ не зналъ, чѣмъ ихъ наполнить, и счелъ красивѣе всего поставить

зеркала.» Изрядная выдумка! Убирать престолъ какъ нахтышъ. Скоро мы увидимъ на немъ и духи и румяна. Къ несчастію, не ввелось ли и у насъ Царскія двери дѣлать изъ зеркалъ? Какія затѣи!

Пропѣвши свои канты, богомольцы вышли изъ церкви очень собой довольны. Я, виноватъ! подумалъ про себя, что они не столько изъ набожности туда ходили, какъ для прохлады: въ тамошнихъ мѣстахъ отраднѣй было днемъ во всякомъ нежиломъ строеніи, нежели на дворѣ и подъ прямымъ лучемъ солнца.

Г. Р. приказалъ показать намъ овецъ, тутъ же воспитываемыхъ для одного только опыта. Мы видѣли сотъ до 7-ми ихъ въ одномъ стадѣ: смѣсь разныхъ породъ; есть, однако, и мериносы; ихъ стригутъ разъ въ годъ, въ Маѣ, а простыхъ овецъ два и три раза, но та шерсть выгоднѣй и лучше. Мериносъ перерождается одинъ разъ въ годъ, и когда овца производитъ двухъ вдругъ, то одного изъ простыхъ ягнятъ колютъ, чтобъ сосцы раздѣлить на двухъ хорошихъ, и тѣмъ умножить плодъ добрыхъ овецъ. Я говорю, что слышалъ; прибавлю къ тому, что славный содержатель овчаренъ Г. М. многихъ покупщиковъ обманулъ, и доставлялъ имъ скверныхъ овецъ, кои въ одинъ годъ дохли. Это мнѣ сами помѣщики разсказывали. Вотъ все, что я узналъ о сей вѣтви промышленности; впрочемъ, не будучи большой знатокъ въ хозяйствѣ сельскомъ, я не распространяю моихъ собственныхъ примѣчаній, кои могутъ быть ошибочны, а по тому не только безполезны, но и вредны.

Возвращаясь домой еще до заката солнечнаго, я не могъ довольно надивиться окружающимъ меня предметамъ. Что можетъ быть страннѣе, какъ воображать себя въ Россіи и въ степи у береговъ Чернаго моря, ѣздить на почтовыхъ лошадяхъ съ иностранной збруей и упряжкой, слышать разговоръ Нѣмецкой и Французской на козлахъ, и быть въ невозможности изъясниться по Русски ни съ кучеромъ, ни съ форейторомъ? Это для меня очень было ново и дико послѣ нашихъ плечистыхъ ямщиковъ, кои, заткнувъ за поясъ кнутъ, попѣваютъ сквозь сонъ заунывныя свои пѣсенки.

Господа Нѣмцы, однако, ѣздить не мастера: сидятъ на козлахъ чинно, покуриваютъ табакъ, сворачиваютъ круто, правятъ неосторожно, спускаются съ вершинъ быстро, и до смерти было переѣхали нашей коляской бѣдную дѣвчонку, которой едва могли помочь подать. Я отъ этой глупой неосторожности чужаго кучера плакалъ больше, нежели заплачетъ иногда отважный злодѣй отъ умышленнаго преступленія. Какъ тяжело съ удовольствіемъ своимъ хоть и нечаянное соединить бѣдствіе другого! Суди Богъ нашего глупаго Эльзаскаго кучера!

Въ Католицкой колоніи мы были въ 15 верстахъ отъ Овидіополя и въ 18-ти отъ Аккермана, мѣста, изобильнаго виноградомъ; не далеко ужь и до Царьграда: эхъ насъ куда занесло!! Мнѣ хотѣлось спуститься въ Овидіополь: онъ былъ самая нижняя наша крѣпостца, пока вновь другихъ не завоевали; мнѣ вдвое по тому хотѣлось въ ней побывать, что Екатерина, вообразивъ тамъ гробъ Овидіевъ, поспѣшила дать и имя его городу; но тогда, бывши съ обществомъ, я не могъ отъ него удалиться, а одному нарочно съѣздить не удалось. Дорога туда лежитъ гладкая и прекрасная; разстоянія не больше 40 верстъ отъ Одессы. Исторія передала намъ, что Овидій точно на берегу Чернаго моря былъ сосланъ и умеръ; но не доказано ни чѣмъ, чтобы это случилось точно тамъ, гдѣ нашъ Овидіополь. Такъ точно и Ольвія, древній городъ Римскій, далъ имя свое городку Ольвіополь, но рытвины и находки древностей въ дачахъ, принадлежащитъ нынѣ Графу Безбородьку, и о которыхъ я писалъ въ своемъ мѣстѣ, удостовѣряютъ, что и въ этомъ была ошибка.

До города оставалось намъ проѣхать 28 верстъ ближайшимъ путемъ. Шампанское Господина Р. меня такъ усыпило, что я не видалъ, какъ мы ихъ проскакали. Въ вечеру я загадывалъ съѣздить въ садъ на гулянье: Воскресный день былъ, а оттуда въ клубъ; но буря, громъ, молнія и дождь ведромъ встрѣтили насъ у Одесской заставы, и мы доѣхали до нашей квартиры, глядѣли во весь вечеръ съ балкона на воздушную трескотню и волненіе небесной нашей видимой крышки.

На вопросъ: давно ли и на какомъ основаніи колоніи вокругъ Одессы населены? хотя я не могу дать очень удовлетворительнаго отвѣта отъ многихъ причинъ, однако не могу же чего ни будь не сказать самымъ поверхностнымъ образомъ. Вотъ, какъ я слышалъ, ихъ коренное постановленіе! Вывезено до 16 тысячъ семей Лютеранскаго и Римскаго Исповѣданія изъ всей Германіи и Эльзаса. При водвореніи ихъ въ нашихъ степяхъ, давать имъ предназначено по 60 десятинъ земли и по 355 руб. деньгами на постройку хатъ, покупку рогатаго скота и збруи, со льготой на 10-ть лѣтъ, т. е., съ свободой отъ всякой подушной повинности. Во все это время положено судить ихъ въ общихъ Гражданскихъ Трибуналахъ только по такимъ дѣламъ, кои ведутъ за собой каторжное наказаніе, въ прочихъ же меньшаго рода преступленіяхъ, не таская ихъ по Судамъ и разнымъ инстанціямъ, они подвергаются легкимъ наказаніямъ палками въ своихъ селеніяхъ по приговорамъ Волостныхъ ихъ Правленій, съ утвержденія главнаго начальника, котораго должность при насъ исправлялъ Г. Р. Они дѣлятся на деревни: каждая имѣетъ Выборнаго подъ названіемъ Шульца; а въ нѣсколькихъ деревняхъ установленъ одинъ общій Приказъ, и тутъ, по примѣру нашего Головы, юстиціей правитъ Оберъ-Шульцъ. О! этѣмъ людямъ очень хорошо жить: у нихъ и свѣжее масло, и кофе для гостей, и славные орѣшники Грецкіе въ садахъ растутъ. Всякой Приказъ имѣетъ Секретаря и нужное число писцовъ для производства дѣлъ.

Я не хотѣлъ дать вѣры всѣмъ тѣмъ предосудительнымъ разсказамъ, которые внушалъ мнѣ садовникъ Французъ, поселившійся въ слободѣ Лютеранъ; по тому что худому я привыкъ вѣрить гораздо позже и съ большой осторожностью, кромѣ того худа, которое увижу самъ; но говоря съ рядовыми колонистами, вникая въ ихъ распорядокъ, угадывая изъ двухъ, трехъ, словъ тѣ 20 и 30 рѣчей, коихъ они выпустить не смѣютъ, и на нѣкоторыхъ видимыхъ вещахъ основывая заключеніе, я не думаю быть ни дерзкимъ, ни безразсуднымъ, когда скажу, не распространяя моей догадки, что здѣшніе колонисты не такъ счастливы на мѣстѣ, какъ въ журналахъ нашихъ и вѣдомостяхъ, и что многіе изъ нихъ, естьли бы могли отдать то, что имъ казна по книгамъ будто выдала впередъ, не остались бы здѣсь и на день. Я охотно вѣрю и тому, что это должно приписать болѣе любви къ родинѣ, по которой всякому скучать естественно, нежели худому содер-

жанію въ новомъ отечествѣ. Больше я ни чего не скажу, да и не у мѣста было бы задерживать на пути моего читателя. Для догадливаго, кажется, я сказалъ довольно.

ГЛАВА XLI.

Мои знакомства.

Чтобъ видѣть все то, что заслуживаетъ примѣчанія въ Одессѣ, мнѣ нужны были благосклонныя пособія тамошняго начальства. Къ достиженію оныхъ снабдился я письмами къ Дюку де Ришелье и къ Графу Сентъ-При, и тотчасъ развезъ ихъ по пріѣздѣ самъ.

Дюка еще не было въ городѣ, какъ я пріѣхалъ, но на завтра онъ воротился изъ Херсона, куда отлучался крестить у тамошняго Губернатора. Онъ меня принялъ очень просто и безъ дальнихъ чиновъ, и самъ посѣтилъ меня раза съ два; возилъ меня съ собой по заведеніямъ Одессы и все любопытное съ удовольствіемъ мнѣ показывалъ. Онъ еще не старъ; не имѣя жены, угощеніе его самое холостое. По приглашенію его я у него обѣдалъ. Домъ не обширенъ; услуга не велика; столъ хорошій безъ роскоши. Вообще живетъ очень просто и, не имѣя большаго состоянія, не много, думаю, проживаетъ; охотникъ до садовъ, что свидѣтельствуетъ его хуторъ, и крайне сердится, когда встрѣтитъ попорченное дерево на улицѣ, или при чьемъ либо домѣ. Видно изъ всего, что очень любитъ тамошній край, и особливо Одессу, которая слыветъ его балованнымъ дитятей. Дамы къ нему не приглашаются, кромѣ условныхъ большихъ праздниковъ и торжественныхъ съѣздовъ. Изъ мужчинъ лучшее его общество въ городѣ и за городомъ составляютъ купцы, и не всегда самые знатные. Торговля требуетъ, чтобъ это сословіе людей было отличаемо, и отъ этого начала происходитъ короткое его съ нимъ обращеніе. Дюкъ говоритъ по Русски худо и въ бесѣдѣ осторожен. Лишняго выпуститъ мало, по крайней мѣрѣ, при людяхъ стороннихъ: говорятъ, что онъ съ короткими на слова свободнѣе.

Послѣ обѣда обыкновенно у него подадутъ всѣмъ гостямъ длинныя трубки, и всѣ закурятъ табакъ. Я страненъ казался, отказавшись отъ этого угощенія; а самъ видя хозяина и гостей сидѣвшихъ на широкомъ диванѣ, подогнувъ ноги подъ себя и протянувшихъ до полу длинные чубуки, я, право, думалъ, что я въ Царѣградѣ. Дюкъ отмѣнно живъ и скоръ; дѣятельность его неусыпна. Для него ни чего не значитъ переноситься съ мѣста на мѣсто на самыя большія разстоянія. Ему не нужны излишніе сборы: сѣлъ въ дормезъ и вдругъ узнаютъ, что онъ поскакалъ въ Херсонъ, въ Крымъ. При мнѣ онъ раза три въ 8 дней подобные дѣлалъ въ городѣ сюрпризы, но къ нимъ уже привыкли. Часто ѣздѣтъ верхомъ съ однимъ Казакомъ прямо по молодецки и всюду глаза свои кидаетъ. Вотъ каковъ мнѣ показался Дюкъ, когда я собственными своими глазами на него смотрѣлъ; но много ли увидишь въ 8 дней? Прибавимъ то, что я слышалъ объ немъ отъ разнаго состоянія и пола жителей:

Дюкъ по дѣламъ и правленію вообще всѣми похваляется за справедливость и безкорыстіе. Обѣ Канцеляріи его, военная и гражданская, подвержены большому злословію, и ихъ ни кто не хвалитъ. Говорятъ, что фавориты его все изъ него дѣлаютъ, и это многихъ оскорбляетъ. Дюкъ любитъ преимущественно водиться съ купечествомъ, сравниваетъ его съ собою и не рѣдко сажаетъ выше чиновника гражданскаго самаго незначущаго купчишку. Для чего не покровительствовать этому состоянію? Но все имѣетъ свои границы. Вотъ разсужденіе многихъ! Праздниковъ онъ не даетъ вовсе, или очень, очень рѣдко. Дамы къ нему не ѣздятъ, потому что онъ держитъ домъ свой на самой холостой ногѣ; въ пріемахъ холоденъ и недовольно вѣжливъ. Такъ отзывается объ немъ общая молва!

Я, съ своей стороны, выѣхавъ изъ Одессы, остался очень доволенъ его благосклоннымъ со мной обращеніемъ. Онъ не ласковъ, это правда, но я не за дружбою его такъ далеко и ѣхалъ. Гдѣ найти другого токого милаго и доброхотнаго человѣка, какъ Графъ Сентъ При, сынъ заслуженнаго Француза? Онъ по обстоятельствамъ служитъ въ Россіи и женатъ на Княгинѣ Голицыной. Я уже сказалъ гдѣ-то, что онъ управляетъ здѣшнимъ Коммерческимъ Су-

домъ и произведенъ изъ Камеръ-Юнкеровъ въ Д. С. С.; въ отсутствіе Дюка онъ занимаетъ его мѣсто, по званію Градоначальника. Человѣкъ молодой, любезный, умный, съ хорошими соображеніями и, что лучше всего, отмѣнно добрый. Въ семействѣ его находилъ я одни возможныя для меня удовольствія въ Одессѣ. Жена его дама, воспитанная въ нашемъ отечествѣ и очень любезная. Они живутъ не громко, но пріятно; нанимаютъ не большой, но изрядный, домъ. Онъ у нихъ прибранъ со вкусомъ, по обычаю лучшихъ домовъ въ столицахъ. У нихъ для ужина не накрываютъ большихъ столовъ: кушанье разносятъ на тарелкахъ, и ни кто не жеманится! Свѣчъ на столѣ не ставятъ: вездѣ горятъ кенкеты. Общество у нихъ самое небольшое. Они имѣютъ одинъ въ недѣлѣ день для съѣздовъ, и имянно Понедѣльникъ, но и въ тотъ, слышалъ отъ нихъ, что мало къ нимъ съѣзжаются. При насъ былъ Дюкъ и человѣкъ пять стороннихъ. Впрочемъ, мы, по ихъ къ намъ ласкѣ и откровенному расположенію, всякой день къ нимъ ѣздили и всегда съ ними видались: на гавань ли, въ садъ, въ клубъ всегда вмѣстѣ ѣзжали; безъ нихъ намъ становилось скучно. Они также не рѣдко и насъ посѣщали. Ихъ домъ былъ для насъ, какъ собственный нашъ. Безсовѣстно было бы мнѣ забыть когда ни будь ихъ доброхотство, и мы, смѣю ласкать себя этой надеждой, разстались съ ними на всегда хорошими пріятелями. Мнѣ не удалось съ Графомъ проститься, по тому что онъ сильно занемогъ почти горячкою въ день, для моего отъѣзда назначенный. Я было отсрочилъ на сутки, надѣясь, что ему будетъ лучше и что мы еще разъ тамъ увидимся, но болѣзнь его разсудила миноваться уже тогда, какъ насъ не было въ Одессѣ. Съ какимъ удовольствіемъ нынѣ, по возвращеніи моемъ на родину, я изъ нѣсколькихъ писемъ его вижу, что онъ постоянно сохранилъ ко мнѣ свою пріязнь, которая есть лучшее мое пріобрѣтеніе на берегахъ Чернаго моря!

Къ двумъ симъ лицамъ, Дюку и Графу Сентъ-При, прибавимъ достойную нашу хозяйку, Госпожу Турчанинову, * и подругу ея, Госпожу В., сверхъ того заѣзжаго сюда Екатеринославскаго Губернатора, Пр. Алексѣева, родственника сестры моей по мужѣ, и вотъ все мое знакомство въ Одессѣ; болѣе я ни съ кѣмъ не сошелся ни близко, ни далеко.

При мнѣ пріѣзжалъ Таврической Губернаторъ Г. Бор., старый мой знакомый и сослуживецъ. Его я въ новый списокъ не ставлю за тѣмъ, что мы рѣзвились, служили, влюблялись и шалили нѣкогда вмѣстѣ. Лѣтъ 20 тому назадъ (Ахъ! какъ тяжело это вспомнить и видѣть такое прекрасное время жизни столь далеко позади себя!), лѣтъ 20-ть слишкомъ тому назадъ, говорю я, играли мы вмѣстѣ комедіи. Домъ матери ихъ былъ домъ удовольствія и пріятной свободы. Все это пришло мнѣ на мысль, увидѣвши его, и много напомнило старинки. Благословенно время юности: ни что ея не замѣняетъ!

ГЛАВА XLII.

Публичная жизнь въ Одессѣ.

Между значущими жителями города почитаются Господа Консулы, Австрійскій и Французскій: перваго я одинъ разъ видѣлъ въ обществѣ у Графа Сентъ-При, а послѣдняго нигдѣ. Они, слышалъ я, оба мало выѣзжаютъ и занимаются одними торговыми дѣлами.

Многіе богатые купцы, особливо Греки, очень скупы, имѣютъ свои конторы, но сами рѣдко живутъ при нихъ, а насылаютъ прикащиковъ, кои не въ правѣ роскошничать, берегутъ деньги и копятъ ихъ; слѣдовательно, городъ не ожитворенъ, а мо-

* Изъ сочиненій ея извѣстны (по «Росписи Россійскимъ книгамъ библіотеки А. Смирдина. Спб. 1828») слѣдующія: 1) «Отрывки изъ сочиненій Анны Турчаниновой. Спб. 1803, 8; 2) Натуральная этика или законы нравственности и проч., перевела съ Латинскаго Анна Турчанинова. Спб. 1803, 8.» О. Б.

жетъ быть онъ мнѣ показался скученъ и по тому, что въ лѣтнюю пору всѣ изъ городовъ бѣгутъ въ поле. Иные имѣютъ хуторы, и разводятъ при нихъ сады. Въ публичныхъ мѣстахъ нигдѣ при мнѣ не было ни какого съѣзда: всѣ сидятъ по домамъ, выкладываютъ, считаютъ и сулятъ жить для другихъ тогда, какъ денегъ наживутъ больше; словомъ, всякой въ Одессѣ дышетъ изъ барыша.

Правда, что въ Одессѣ самой нѣтъ еще роскоши столичныхъ городовъ, при всей изящности ея мѣстоположенія, но повторю еще разъ, и съ удовольствіемъ, что натура вокругъ ея все дала изобрѣтательному человѣку: почва плодоносная, природа ни у кого не остается въ долгу; былъ бы трудъ и сѣмя для посѣяній. Хозяинъ самаго небольшаго хутора можетъ величайшій пріобрѣсть доходъ земляной работой. Солнце грѣетъ, роса живитъ, море прохлаждаетъ. Не нужны здѣсь садовники, ни теплицы, ни парники: на вольномъ воздухѣ всякой плодъ спѣетъ, позже искуственнаго, не спорю; ибо натура насилій не терпитъ, а производитъ въ свою пору: но можно ли спорить противъ того примѣчанія, что плоды свободные гораздо вкуснѣе принужденныхъ? Оранжереи наши въ столицахъ ясно то доказываютъ. Впрочемъ, о вкусахъ спорить нельзя: иной любитъ хоть не вовся хорошо, изрядно, да по скорѣй, а другой позже, да въ совершенствѣ.

Не должно воображать также, что въ Одессѣ все сыскать за деньги можно, нѣтъ! Даже и за большія не даютъ многаго; на примѣръ: естьли нѣтъ знакомаго съ запасомъ, вы на рынкѣ не достанете купить всегда ни яицъ, ни сливокъ, ниже овощей; хотя и привозятъ все это, по рѣдко, всякой поселянинъ знаетъ, что осѣдлый житель города всѣмъ запасся; а на бездомнаго не всегда на такого нападешь, кто бы далъ дорого за дальній привозъ травъ, или овощей. Во всей Россіи, скажемъ смѣло, только два пункта, въ коихъ все и всегда для жизни животной достать можно: Петербургъ и Москва. Москва обязана древности своей и многолюдству тѣмъ, чѣмъ Петербургъ одолженъ постоянному пребыванію Двора, который, какъ солнце, все отвсюду къ себѣ тянетъ. Впрочемъ, вездѣ еще надобно жить съ запасомъ; а на базарахъ артишоковъ и шуфлеровъ долго не купишь.

Изъ рыбъ морскихъ я здѣсь ѣлъ только, такъ называемую, камбалу: она была очень хорошо приготовлена; но признаться, что для меня рѣчной судакъ гораздо вкуснѣе. Устрицъ не видалъ. Фруктовъ не было еще ни какихъ, кромѣ абрикосовъ. Ихъ множество и дешевы. Апельсиновъ во всемъ городѣ только одинъ оставался десятокъ у Грека, который я купилъ и далъ 4 руб. Все, что подвезено было, еще съ Мая умчали въ Москву. Старушка эта все выкупаетъ со всего бѣла свѣта. Тѣ, кои при отъѣздѣ моемъ приплыли и о коихъ я говорю уже въ другой разъ, какъ о самой значительной рѣдкости, не совсѣмъ лучшаго были вкуса и доброты. Между конфектами искуственными въ первой разъ ѣлъ я здѣсь альву, Цареградское лакомство: очень приторно! Это не что иное, какъ битые орѣхи съ миндалемъ въ патокѣ, и продается довольно цѣнно въ бурачкахъ, какъ наша икра. Естьли залежится, то заплѣсневѣетъ, почернѣетъ и приходится кинуть.

Я удивился, что въ торговые годы капиталисты не оставляли нѣсколько заморскихъ товаровъ въ погребахъ и магазинахъ для распродажи нынѣ въ тѣсные годы, но нашелъ отъ многихъ правильныя возраженія. Въ самой вещи, для кого оставлять такіе запасы? Цѣна, въ которую они, лежа въ амбарахъ, обошлись бы по времени самому хозяину, слишкомъ возвысилась бы, чтобъ выручиться въ городѣ: кто дорого въ состояніи, или, лучше сказать, живучи изъ выгодъ, кто захочетъ дорого заплатить за что либо необходимое? И такъ все, что изъ за моря въ хорошіе годы торговые было доставлено къ Одесскому порту, все услано внутрь Россіи, и теперь вы въ Одессѣ ни чего не найдете купить иностраннаго, кромѣ бездѣлушекъ, залежавшихся нечаянно и не составляющихъ счета капиталисту. Повторимъ еще разъ всѣ выгоды этого прославленнаго края: ни какого общества, всѣ сидятъ по домамъ и живутъ изъ барыша. Съ разсчетомъ жить во время торговли—найдешь себя въ обѣтованной землѣ; но для удовольствія еще рано сюда переселяться: скверная квартира 50 руб. въ мѣсяцъ; четверня лошадей 10 руб. въ сутки; ни полѣна дровъ, топи кизикомъ, отъ котораго воняетъ; пыль, мухи, зной, или холодный вѣтеръ: какая мука!

И такъ, отложа всякое пристрастіе, не станемъ заблуждаться и согласимся, что Одесса, по недавнему своему образованію, очень

хороша, но что она еще ни въ сотую долю не доведена до того степени превосходства во всѣхъ частяхъ, до какого назначаетъ ей сама натура и ея точка во вселенной, и долго еще объ ней хвастать надобно будетъ въ журналахъ, чтобъ заманить туда любопытнаго.

ГЛАВА XLIII.

Прогулка на морѣ въ шлюбкѣ.

Вѣжливому Дюку разсудилось предложить мнѣ гулянье: я никогда этой забавы не забуду. Получилъ однажды я отъ него зовную записку строчкахъ въ трехъ, и явился въ пять часовъ по полудни, какъ сказано въ ней было; не видя, впрочемъ, изъ нея ни съ кѣмъ, ни гдѣ, ни какъ будемъ мы забавляться, я не взялъ ни какихъ предосторожностей отъ непогоды. Я воображалъ, что бури и ненастья только для сѣвера, а что въ Одессѣ нѣтъ ни грозъ, ни дождей проливныхъ, ни безпокойной сырости; словомъ, думалъ я, тутъ небо и всѣ преимущества небожителей.

Къ Дюку собралось насъ человѣкъ съ 6, въ томъ числѣ заѣзжій Губернаторъ и Губернскій Предводитель, и пошли мы всѣ за нимъ на пристань, а тамъ и въ шлюбку. Я люблю смотрѣть на море въ окошко, и то тогда только, когда оно очень смирно, а плавать по немъ въ лодочкѣ не пробовалъ еще, и пробовать нынѣче рѣшительно не взлюбилъ на вѣкъ. Разсѣлись мы по лавочкамъ, и гребцы помчали насъ въ чистое море. Что говорить о шлюбкѣ? Разумѣется, прекрасная, но на морѣ, на этой пространной и зыбкой стихіи, взмилится ли не бывалому человѣку и корабль, не довольно шлюбка? Она же не совсѣмъ тихо струи раздѣляла, вѣтерокъ обуревалъ поверхность моря; волны раздражались и поигрывали съ нашей лодкой, которая перекидывалась изрядно изъ стороны въ сторону. Такое плаванье наше продолжалось съ часъ, и цѣль прогулки еще далека была отъ нашихъ взоровъ. Алексѣевъ не терпитъ моря, хотя и былъ въ Англіи; ему стало

тошниться и мнѣ приходило около того. Но тошнота, самъ обморокъ—бездѣлица въ сравненіи съ боязнію. Кто знакомъ съ этѣмъ сильнымъ трепетомъ, который мы зовемъ страхомъ, тотъ, читая настоящую повѣсть нашей прогулки, войдетъ въ мое состояніе и почувствуетъ, каково было мнѣ глядѣть на бездонное море.

Но наконецъ Дюкъ приказалъ пристать къ матерому берегу; но разъ мы попали на мель, въ другой ударились о камень, и этѣ припятствія продолжали наше водоходное странствіе; а между тѣмъ облака сгущались, чернѣли въ воздухѣ тучи, скрывался за ними сводъ небесный, и сильный дождь висѣлъ надъ нами. Какой-то Чиновникъ, стоя на краю моря, манилъ насъ въ свою сторону. На полугорѣ раскинута была ставка, и я ожидалъ тутъ послѣ нашего похода вѣнковъ лавровыхъ, но еще не конецъ; однако причалили мы къ огромной скалѣ и, выскочивъ изъ шлюбокъ, не успѣлъ я обрадоваться сухому берегу, какъ хляби небесныя отверзлись и пошелъ на насъ проливной дождь. Безъ капота въ одномъ фракѣ мокнуть незабавно!

Отважный человѣкъ на моемъ мѣстѣ описалъ бы всѣ прелести того берега, мимо котораго мы крейсировали. Какія горы, ущелины, овраги! Но я занятъ былъ только двумя предметами — собой и моремъ; ни чего не видалъ, кромѣ моря, и мало глазѣлъ на красоты природы по сторонамъ.

Дюкъ въ одномъ мундирѣ велъ насъ въ гору подъ сильнымъ дождемъ, и иногда останавливался, чтобъ заставить меня примѣтить прекраснѣйшіе абрикосы на открытомъ воздухѣ; но я все еще озирался на Черное море и смотрѣлъ, далеко ли мы отъ него ушли, и чувствовалъ себя часъ отъ часу мокрѣе.

Палатка, обольстившая взоръ мой, была тутъ приготовлена въ предположеніи ведра для одного роздыха послѣ морскаго путешествія; ненастье насъ въ нее не манило: всякому хотѣлось дойти до чего ни будь прочнаго и не сквознаго; всѣ шли на угадъ впередъ; самъ Дюкъ не зналъ прямой дороги до того мѣста, куда съѣздъ былъ назначенъ. Алексѣевъ отсталъ; трое шли мы только: Губернаторъ, Бор. и я, по узенькой тропинкѣ вдоль горнаго хреб-

та, природой тутъ поставленнаго для огражденія бездны. У ногъ его сокрушались волны Чернаго моря. Дождь лилъ безъ чиновъ и уже промочилъ насъ до костей, какъ Дюкъ попотчивалъ меня переждать тучу подъ какимъ-то густымъ деревомъ; присѣли мы подъ нимъ, но вода съ листьевъ еще сильнѣе насъ мочила, и мы скоро, какъ зайцы, поднялись на ноги опять и пустились впередъ.

Наскучило нашему вождю итти все той же травой, гдѣ съ помощію его не одну я уже перескакивалъ морскую промоину, и, по мѣстнымъ догадкамъ, свернулъ онъ на право, за нимъ Бор. и я. Новая печаль, да и не шуточная! Мы попали въ камышъ по самую грудь и уперлись ногами въ глинистый кряжъ земли. Во первыхъ, тутъ вода насъ промочила какъ губку, по тому что камышъ, наполненный ею, смочилъ на насъ вдругъ всю одежду; во вторыхъ, глина, приставая къ ногамъ, отягощала шагъ нашъ чрезвычайно и мѣшала скоро итти. Сверхъ того, пусть вообразятъ, каково въ мокромъ платьѣ, увязнувъ въ тростникъ и глину, вырывать то ту, то другую, ногу и шагать впередъ, налегая всей массой тѣла на самые нѣжные грудные органы. Такимъ ходомъ мы еще шествовали съ добрый полчаса, и увидѣвши чей-то хуторъ, я очень обрадовался.

Нѣтъ! не тутъ еще рокъ судилъ намъ пѣсню побѣдную. Отъ этого жилья было уже недалеко до пункта мнимаго увеселенія. Мы бросились сквозь полисадникъ, и очень непріятно встрѣчены были тремя угрюмыми псами, кои, не зная шутки, намѣревались насъ принять за фалды. Дюкъ и Бор. имѣли при себѣ шпаги и могли подъ часъ ими оборониться; но у кого нѣтъ защиты, тому одно средство бѣжать, что я и сдѣлалъ. Пріѣхать въ Одессу за тѣмъ, чтобъ дать себя изувѣчить чьимъ-то неугомоннымъ псамъ, не самой славной кончиной мнѣ казалось. Товарищи мои скоро отъ нихъ также освободились и, соединясь опять всѣ трое, снова замаршировали!

О несказанный восторгъ! Намъ слышится музыка: такъ точно! Мы близки къ удовольствію, къ теплу, къ огню и къ роздыху. Вѣрно, думалъ я, домъ, куда мы придемъ, хорошо прибранъ, скутанъ отъ непогодъ; тамъ мы обогрѣемся, напьемся, чаю, высушимся у очага, а, можетъ быть, найдемъ и другое платье,

пока мокрое обсохнетъ. Ахъ, какая ошибка! Г. Рено, зажиточный купецъ, ожидалъ Дюка въ своемъ новостроющемся хуторѣ. Домикъ прекрасный, съ хорошимъ выпускомъ на берегу Чернаго моря; виды волшебные, мѣстоположеніе божественное; высоко, величественно все, правда: но увы! ни дверей еще, ни оконницъ: насъ ждали въ хорошую погоду, а мы налетѣли въ сильное ненастье, продрогли до костей, переодѣться не во что, согрѣться негдѣ: музыка огромная, шумъ и звонъ страшный, но что въ ней мокрому пѣшеходу? Очагъ съ хорошимъ пыломъ отъ сосновыхъ сухихъ плахъ превосходнѣе былъ бы для меня всѣхъ прочихъ богатствъ натуры на томъ мѣстѣ. Дѣлать было не чего; надлежало всю вечеринку вытерпѣть. Столъ отягощенъ былъ фруктатами, но ни что не шло въ душу. Я не выпилъ, а проглотилъ, чашки три чаю съ виномъ, и тѣмъ нѣсколько согрѣлся. Компанія, кромѣ насъ, состояла изъ пяти, или шести, купцовъ и трехъ какихъ-то Молдаванокъ. Дюкъ, не задумываясь ни мало, началъ вальсировать съ одной, Бор. съ другой, третья нажидала, думаю, меня, но я, обогащенный глиною, какъ золотомъ, не могъ съ такимъ грузомъ пошевелить ногъ и рѣшился лучше показаться невѣжливымъ мужчиной, нежели кружиться, упасть и уронить.

Вечеръ уже приближался. Мы отъ города были въ трехъ верстахъ: пора было подумать о возвращеніи домой. Жена моя, конечно, не могла придумать, гдѣ я дѣвался. Какъ и на чемъ ѣхать: моремъ ни кому уже не хотѣлось, а сухимъ путемъ предстояла крутая гора. Людей съ нами было мало; вести подъ руки нѣкому; итти по размытой глинѣ скользко, и такъ я нѣсколько разъ упалъ и, благодаря одному солдату, маралъ не фракъ свой, а его шинель, которую возвратилъ ему всю въ грязи. Всякой думая, какъ водится, самъ о себѣ, шелъ своей дорожкой, а на горѣ всѣ мы сошлись вмѣстѣ. Въ суетѣ такой я, право, не видалъ, куда дѣвались наши дамы: ни съ кѣмъ въ свѣтѣ такъ скоропостижно я не знакомился, какъ съ ними; видѣлъ тутъ одну минуту, не встрѣчалъ послѣ нигдѣ въ Одессѣ, и, чаятельно, нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ не съѣдусь съ ними опять.

Взойдя на гору, я ожидалъ коляски, кареты, линѣйки, словомъ, какого ни будь спокойнаго экипажа, чтобы доѣхать въ го-

родъ: опять ошибка! Ни чего не было, кромѣ таратайки парой, въ которой съ нуждой усѣлись бы два человѣка, но необходимость вселила туда троихъ: Дюка, Бор. и меня. Дюкъ самымъ услужливымъ образомъ уступилъ мнѣ свой плащъ, далъ намъ двоимъ угольныя мѣста, а самъ между нами сѣлъ въ серединѣ. Такъ ѣхали мы по чистому и неровному полю три версты. На дворѣ зачинало темнѣть; скакать парой, да и съ такимъ грузомъ, было неспособно; дождь продолжался и по маленьку поливалъ насъ. Голландцы не тѣснѣе набиваютъ сельдей въ боченки, какъ сжало насъ въ этой одноколкѣ; по кое-какъ въ сумерки въѣхали мы въ городъ, и я домой къ себѣ явился, какъ послѣ кораблекрушенія матросъ: сухой не было на мнѣ нитки; я трясся лихорадочною дрожью, и съ трудомъ исправилъ мои силы послѣ горячаго вина и въ сухой одеждѣ. Домашніе мои не могли отгадать, гдѣ я такъ попозабавился.

Отдохнувъ съ ними и пошутя довольно на собственный свой счетъ, поѣхали мы въ тотъ же день ужинать къ Графу Септъ-При. Это былъ его вечеръ. Тамъ застали мы уже и Дюка. Хозяинъ тихомолкой пошутилъ надо мной; оба мы дали неудачной прогулкѣ настоящую ея цѣну. Столь сильное безпокойство скоро позабыли въ любезномъ обществѣ добрыхъ хозяевъ. Хорошая бесѣда, остроумныя, но пріятельскія, шутки и откровенность мыслей, сто разъ пріятнѣе для сердца, привязаннаго къ жизни, чѣмъ всѣ потѣхи безпокойнаго любопытства. Вотъ какъ я думалъ тогда, думаю теперь, когда пишу, и думать буду вѣчно. Замѣтимъ теперь вообще, безъ всякого кому либо предосужденія, что есть чины и лѣта, въ которыя не должно ни жить, ни забавляться такъ, какъ позволяется и пристойно мальчику въ 20 лѣтъ.

ГЛАВА XLIV.

Нечаянное безпокойство.

Проживъ дней съ пять въ Одессѣ и осмотрѣвъ все, что въ ней было любопытнаго, я уже задумывалъ о нашемъ отъѣздѣ, и совсѣмъ собрался уѣхать 12-го числа; простился съ Дюкомъ, объявя, что ѣду въ Крымъ, къ чему и онъ меня подстрекалъ не мало и на сей конецъ былъ у меня самъ, по крайнему снисхожденію, начертилъ маршрутъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, кои тамъ примѣчательнѣе: любить Крымъ значило приласкать самаго Дюка. Всѣ пособія въ пути отъ него мнѣ доставлены были; всѣ ордера и подорожныя даны, словомъ, за однимъ только собственнымъ моимъ произволомъ могло остановиться такое предпріятіе. Тамошній Губернаторъ, старый пріятель, звалъ къ себѣ прямо на мызу. Все привлекательное соединялось съ моимъ любопытнымъ намѣреніемъ, какъ встрѣтило его вдругъ нечаянное препятствіе.

Проведя день по обыкновенію почти на улицѣ, уже я легъ спать съ тѣмъ, чтобъ на завтра ѣхать, какъ жена меня будитъ и отдаетъ мнѣ записку. Я протираю глаза, дивлюсь необычайной перепискѣ; ибо я давно уже ночныхъ записокъ не получаю; узнаю руку Септъ-При, читаю въ ней дружеское увѣдомленіе, что флотъ Турецкій въ виду Севастополя и, можетъ быть, высадитъ войска на Крымскіе берега, или придетъ показать себя въ Одессу, и что Дюкъ, получивъ съ симъ извѣстіемъ нарочнаго, поскакалъ въ Херсонъ; далѣе проситъ меня предохранить жену мою отъ всякого страха и безпокойства, которое дамамъ столь свойственно имѣть и безъ основательныхъ причинъ, отъ однихъ слуховъ; а ими Одесса вся уже наполнена была, по случаю внезапнаго отъѣзда Дюка опять въ Херсонъ, изъ котораго онъ такъ недавно прибылъ.

Я сообщилъ женѣ вѣсточку, закутался въ одѣяло и легъ опять спать въ твердомъ намѣреніи еще на сутки остаться въ Одессѣ, дабы видѣть, чѣмъ кончится вся эта суматоха. «Ну, пусть придутъ, думалъ я, Турки къ Одессѣ: что они сдѣлаютъ? Ни чего!

А я, между тѣмъ, погляжу на нихъ и потолкую объ этомъ въ Москвѣ.» Сонъ скоро замѣнилъ своими грезами мечты воображенія; я уснулъ и проспалъ долго. На завтра, т. е., 13 числа побѣжалъ къ Сентъ-При. Онъ, бѣдный, отъ простуды разнемогался горячкой, и я его не могъ видѣть: это меня еще болѣе Турокъ на сутки задержало. «Нѣтъ, сказалъ я женѣ, не уѣду отсюда, не видавшись съ Сентъ-При, и не увѣрясь, что ему лучше: я слишкомъ полюбилъ его, чтобъ съ нимъ разстаться равнодушно.»

Однако жена моя, наслушавшись о Туркахъ, колебалась въ намѣреніи ѣхать въ Крымъ; пробывъ цѣлыя сутки почти одни, мы имѣли все время одумать наше предпріятіе. Крымъ хорошъ, любопытенъ, не спорю; тамъ, говорятъ, царствовалъ Митридатъ; тамъ крестился Владиміръ; тамъ Ифигенія принесена была на жертву; а чего стоитъ Чатырдагъ, гора, просѣкающая облака? Все это очень заманчиво; но ѣздить въ одну лошадь верхомъ, по скаламъ и утесамъ между пропастей, и ѣздить, потерявъ такъ, какъ я, совершенно привычку къ верховой ѣздѣ, это также имѣло большой вѣсъ въ нашей думѣ. Въ коляскѣ всѣхъ прелестей Крыма не увидишь, срокъ отпуска недалекъ. Надобно будетъ торопиться, глядѣть безъ примѣчанія и все потомъ забыть. Сколько сильныхъ причинъ приводили меня въ неудоумѣніе, а на жену, какъ женщину, дѣйствовалъ одинъ страхъ и Турки; къ тому же одинъ изъ нашихъ товарищей отправился, не доѣзжая Одессы изъ Николаева, въ Крымъ; и такъ онъ намъ все объ немъ разскажетъ, будто какъ видѣли, говорила мнѣ жена. Я молчалъ, никто не противорѣчилъ, и мы рѣшились оставить Крымъ въ сторонѣ, а возвращаться по прежнему плану, прямо изъ Одессы въ Кіевъ. Какъ быть съ бумагами, выпрошенными у Дюка: извиниться и оставить ихъ у Графа. «Такъ, точно такъ!» закричала вся компанія. И пославши за лошадьми, уложили все съ тѣмъ, чтобъ 14 числа уѣхать. Не судила мнѣ судьба видѣть природу во ужасѣ въ нашей Россійской Португаліи; и чего смотрѣть? Руинъ древностей! Развѣ не вездѣ онѣ одинаковы болѣе или менѣе? Онѣ и молчатъ; а исторія, какъ сказка: не разберешь, что было въ правду, что къ стати солгала. О! передъ исторіей виноватъ я, какъ Ѳома передъ Мессіею: вѣрю тому, что слышалъ отъ самовидца; а далѣе что было, Богъ то вѣдаетъ. Что лежитъ до натуры, то гдѣ она не равна? У нея нѣтъ пасынковъ: рѣже, или чаще, но ясный день также хорошъ и въ Колѣ, какъ и въ Судацкой долинѣ; солнце вездѣ одно и то же, и захожденіе его лучезарное также восхищаетъ Вотяка, какъ и Абиссинца, скажите, Господа, скажите, я прощаю: «Вотъ какъ невѣжество ищетъ найти предлогъ, когда чего сдѣлать не хочется!»

Въ самую меланхолическую минуту моего о томъ размышленія подаютъ мнѣ письма: откуда? Не еще ли Турки? Ахъ! нѣтъ, я узнаю руку моихъ домашнихъ: это изъ Москвы. Слава Богу! Они живы и насъ помнятъ: свычка первое чувство въ природѣ. Тотчасъ пакетъ растерзанъ; съ какимъ удовольствіемъ видѣлъ я почеркъ каждаго изъ дѣтей, изъ ближнихъ! Такъ, милые моему сердцу, надобно быть розно съ вами, чтобъ умѣть цѣнить добро быть неразлучно вмѣстѣ. Что дѣлать? Такая противоположность въ естествѣ нашемъ. Я тщетно искалъ тутъ же извѣстія изъ Володиміра: ни слова! Нѣтъ полной радости; я опять унылъ. И такъ у меня есть друзья, которыхъ память жизнь мою краситъ.

ГЛАВА XLV.

Отъѣздъ изъ Одессы.

Наканунѣ отъѣзда нашего день былъ не хорошъ, дождливъ, пасмуренъ. Одесскіе жители такъ привыкли къ солнцу, что они грустятъ, когда его не видятъ: это имъ въ диковинку, а мы, Сѣверные бродяги, къ непостоянству этого свѣтила привыкли. Не смотря на непогодь, мы весь день то тамъ, то сямъ, прошатались и ходили на военную гавань. Пріятно было видѣть, что тамъ всѣ пушки вычищены, приготовлены, какъ полы въ церквахъ на Свѣтлый День Христовъ, все на мази; только покажись Чалма, то и батцъ изъ нѣсколькихъ сотъ орудій; а все, однако, это прикрыто скромностію, будто не нарочно, будто такъ и всегда. Надобно было вглядываться, чтобъ увидѣть, что подлинно на батареяхъ было что-то суетнѣе прочихъ дней. Впрочемъ, отдадимъ это и на счетъ предубѣжденія.

Нашатались мы еще до полнаго удовольствія по рядамъ, театру и клубной залѣ, въ которой тогда встрѣтились намъ Графъ Раз.... и Апраксинъ какой-то: первый лѣчится, какъ слышалъ я, отъ мотовства и глупости, а послѣдній страждетъ нервическими болѣзнями. Подъ вечеръ любовались съ купеческой гавани на отходящій корабль. Вѣтеръ воздымалъ море, и корабль, какъ наша шлюбка онамеднишная, очень высоко прыгалъ, не смотря на свою величавую фигуру, когда онъ прикованъ якорями къ матерой землѣ. О! вода, раскачавшись отъ бури, научитъ вальсировать всякое человѣческое строеніе, хотя бы тысячи лѣтъ на созиданіе его употребили. Что выше натуры? Кто сладитъ съ разъяренными ея стихіями?

Когда мы не обѣдывали и не вечеряли у Графа, или у нашей доброй и любезной хозяйки, которая такъ мило насъ угощала въ своемъ уединеніи, то намъ носили ѣсть изъ трактира, и кормили довольно хорошо, разумѣется, за хорошую плату. Здѣсь все дорого, кромѣ натуры, которая прекрасна и ни кому ни чего не стоитъ: богачъ и нищій равно ею наслаждаются!

Г. Р. обѣщался со мною заѣхать по дорогѣ изъ Одессы въ Болгарскую колонію и показать славныя заведенія овецъ Г. Пиктета, къ чему я и готовился, но съ утра рано прислалъ извиниться и сказать, что плотину прорвало отъ дождя и доѣхать туда нельзя. Не изыскивая прямой причины такого отзыва, я мало тужилъ, что не видалъ овчарни, а Болгарскія населенія имѣлъ еще въ надеждѣ видѣть подъ Николаевымъ.

14 числа побѣжалъ я къ Графу, но онъ еще былъ въ жару въ постелѣ; и такъ я принужденъ былъ, не простясь съ нимъ, уѣхать изъ Одессы. Сердце мое, эта самая привязчивая часть всего меня, стократно о томъ сѣтовало. Я неоднократно прочитывалъ тѣ прекрасные стишки, кои онъ мнѣ вписалъ въ мои «Сумерки.» У всѣхъ есть альбомъ; а я, какъ странный человѣкъ, вожу, вмѣсто того, съ собой «Сумерки» мои съ бѣлыми листами и прозвалъ ихъ: «Nigrum.»

Пора, пора оставить край волшебный, пріятный, непостижимый въ скорости своего созиданія. Простясь съ Графинею, поблагодаря ее за всѣ ласки и пріязнь, простясь съ почтенною Госпожею Турчаниновой, я еще разъ сходилъ на балконъ взглянуть, и можетъ быть въ послѣдній разъ въ жизни, на Черное море, отъ котораго столько имѣлъ отрадъ по вечерамъ и страха въ прогулку. Оно меня учило тогда не быть дерзкимъ. Поскакалъ еще въ крѣпость, окинулъ глазами море съ самой высокой точки горы, откуда ужь оно не кажетъ ни какихъ границъ, а въ городѣ видны еще Очаковской области берега. Тамъ, воздавъ хвалу Творцу, показавшему мнѣ прелести новаго міра, я воротился домой. Дрожки меня разтрясли до смерти; я тихонько побранилъ ихъ хозяина, который вѣрно охотнѣе потратитъ свой доходъ на покупку лишняго вола, чѣмъ на ресоры. Есть люди, для коихъ барышъ драгоцѣннѣе покоя.

Лошади были уже готовы. Мы сѣли въ наши коляски и поскакали въ Россію. Такъ изъясняются всѣ, говоря здѣсь о нашей сторонѣ, когда въ нее сбираются ѣхать. Прости, Одесса! Можно тебя не полюбить, и по причинамъ, мнѣ собственно свойственнымъ; но не дивиться тебѣ, не похвалить тебя, не возможно. Правда, что ты предметъ хвастовства многихъ журналистовъ; объ тебѣ, какъ и о красавицахъ, хорошіе наши писатели много пишутъ лишняго, но простимъ имъ маленькую крайность: она плодъ восхищенія отъ истинныхъ твоихъ добротъ и льстивыхъ о тебѣ наслышекъ.

Изъяснимъ, однако, отъ чего собственно мнѣ не совсѣмъ полюбилась Одесса. Я признаюсь въ моемъ свойствѣ. Мнѣ милы тѣ удовольствія и разсѣянія, которыя не требуютъ рекомендательныхъ писемъ и знакомствъ. Они хороши для пріязни и дружества, но для забавы хорошо жить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ даромъ, или за деньги, можно видѣться со всякимъ въ саду, въ трактирѣ, на площади, словомъ, въ публичномъ мѣстѣ, а не безпрестанно въ гости ѣздить, рекомендоваться, знакомиться съ скучнымъ иногда хозяиномъ, съ вертопрашной хозяйкой, для того только, что они богаты и у нихъ можно видѣть то, чего публично нигдѣ не увидишь, по тому что оно слишкомъ дорого для частнаго содержателя. А этѣ принужденія несносны! Я люблю всѣхъ видѣть, но видѣться только съ тѣми, съ кѣмъ я знакомъ.

Я надѣюсь, что читатель захочетъ различить силу, которую я даю слову видѣть просто и видѣться. Гдѣ есть такія общія увеселенія, я называю ихъ публичною жизнію; а гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ неволя и, ея несносныя послѣдствія, скука, тоска. Но можно ли требовать того общаго разсѣянія въ Одессѣ, какого мы еще и въ столицѣ нашей, въ моей родинѣ, которая столько вѣковъ живетъ на свѣтѣ, не имѣемъ? Прошу здѣсь припомнить началò моей книжки: «Уѣхалъ бы въ Парижъ,» и проч., и проч., и проч.

ГЛАВА XLVI.

Ночлегъ въ Анчекрагѣ.

Погода вдругъ перемѣнилась: дождь проливной лилъ два дни сряду. Стало вѣтрено и холодно; понадобился капотъ, а жена закуталась въ ватку. И въ Одессѣ также холодно, какъ въ нашемъ градусѣ! Въ 10 часовъ утра 14 числа отправились мы въ любимый Николаевъ. Вездѣ, гдѣ мы проѣзжали мимо маленькихъ морскихъ заливовъ, кои называются балками и вдаются въ матерую землю, видѣли воду зеленую. Она цвѣтетъ и очень тяжело пахнетъ. На самомъ Черномъ морѣ отмели его такъ зелены, что издали кажутся лугомъ. Мы ѣхали шибко; въ Дофинѣ остановясь мѣнять лошадей, взглянули еще разъ на Одессу. Отсюда она очень видна: обѣдали худо на станціи Г. Коменданта Коблева, по тому что поваръ нашъ занемогъ, и я весь день ѣхалъ сердитъ. По всей дорогѣ ни чего примѣчательнаго не нашли, кромѣ могилы и камня надъ какимъ-то Маіоромъ, котораго люди свои убили. Видно, хотѣлъ похозяйничать прилежно и скорѣй набогатиться.

До города не успѣли доѣхать; ночь застигла насъ въ Анчекрагѣ: * послѣдняя станція въ 28 верстахъ отъ Николаева. Нужда укажетъ пристанище. Здѣсь жила сама помѣщица того мѣста, Госпожа Генеральша Гаксъ. Она случилась дома, приняла насъ, позволила у себя ночевать, угостила вкуснымъ ужиномъ; спасибо

* Анчокракъ или Янчокракъ при колодцахъ на балкѣ того же имени, въ 95 верстахъ отъ Уѣзднаго города (Одессы), съ 82 дворами и церковью. О. Б.

ей, много разъ спасибо! Эта заслуженнаго Офицера вдова поселилась здѣсь по необходимости. Не имѣя достатка жить въ Россіи, она купила тутъ 130 душъ счетомъ, а нашла только 30; на работу выходитъ 15; остальные всѣ въ ревизскихъ сказкахъ, а въ натурѣ разбѣжались. Что мудренаго? Сторона новая, завоеванная, вся заселена бѣглыми и бродягами. Въ самой Одессѣ ихъ 20 тысячъ слишкомъ душъ, кои только числятся по окладу; у многихъ нѣтъ ни какого виду, и откуда взялись, ни кто не знаетъ; всякой поселянинъ бѣжитъ, куда глаза глядятъ и гдѣ нахвастаютъ ему, что лучше. Границы близки: одинъ скрывается въ Молдавіи, другой въ Турціи; и такъ нѣтъ у помѣщика ни чего надежнаго. Съ одной стороны это очень хорошо и спокойно для полиціи кроткой: помѣщики мягче обходятся съ своими вассалами, чтобъ не растерять ихъ. Сверхъ такого непрочнаго состоянія хлѣбопашца, погода имѣетъ свои непостоянства: засухи часто лишаютъ вовсе жатвы; пожары истребляютъ въ степяхъ сѣнокосы. Всякой помѣщикъ подверженъ большимъ потерямъ въ замѣну большихъ иногда барышей. Здѣшняя хозяйка увѣряла меня, что для прибытка въ самой торговлѣ нужны часто протекція и хитрость; иначе ни чего недостанешь. Кизику у нея наставлено пропасть. Странно видѣть Русскому человѣку такія огромныя кучи жесткаго навозу. Столъ ея чистъ и вкусенъ. Черезъ ея селеніе гоняютъ рекрутскія партіи, и она очень этѣмъ распорядкомъ скучаетъ.

Семейство ея состоитъ изъ нея съ замужней дочерью, зятя, и двухъ родственницъ, съ ней въ сосѣдствѣ живущихъ. Всѣ они очень не худо говорятъ по Французски. въ домѣ водятся клавикорды и, натурально, очень разстроены. Тѣмъ больше этого жаль, что меньшая изъ барышенъ имѣетъ склонность къ музыкѣ и довольно твердо уже играетъ; въ степи слышать фортепіано необыкновенно. Мы, по благосклонности Госпожи Генеральши, у нея переночивали и проспали до 10 часовъ, между тѣмъ какъ Дюкъ уже возвращался мимо насъ изъ Херсона, а Графъ Безбородько, преслѣдуемый свитой своей, спѣшилъ въ свои Римскія развалины. Довольно было услышать, что Дюкъ пріѣхалъ, чтобъ всякому на догадкѣ своей основать причину отъѣзда его туда. Вотъ что при насъ объ этомъ сказывали сторонніе въ Анчекрагѣ:

Турки потерлись, де, около нашихъ судовъ съ хлѣбомъ, посчечились маленько и ушли. Видно, что голодъ ихъ пронялъ не на шутку.

На завтра Іюля 15 предстоялъ намъ великій подвигъ: надлежало переѣхать Бугъ прежде, нежели наслаждаться роскошнымъ покоемъ въ Николаевѣ, а буря рѣку сильно трясла. Напившись чаю въ Анчекрагѣ, поблагодаря, какъ умѣли лучше, благодѣтельную Генеральшу, скоро перебѣжали мы лоскутокъ степи до Буга: но тутъ какъ быть! Кромѣ бѣднаго хутора ни какого жила; не допросишься ни яицъ, ни молока, нѣтъ ни чего: убожество пустынное! Вотъ бы гдѣ хорошо жить монахамъ! Поварня наша была уже въ Николаевѣ, слѣдовательно, и пища тамъ. Бугъ разгоряченъ былъ волнами; одна другую пробивала и берега во кругъ его взмылились отъ пѣны; легкая лодка давала по три и по четыре оборота изъ края въ край и не могла прибиться къ пристани. На большихъ баркахъ поднять паруса не можно: вѣтеръ изорветъ, какъ паутину, да и противъ вѣтра ити тяжело. Мы выжидали часъ, два и три: буря не утоляется. Какое зрѣлище ужасное разъяренная рѣка! Бугъ же по натурѣ своей безпокоенъ. Мощное дѣтище бѣшенаго моря! Между тѣмъ голодъ насъ пошевеливалъ; ночи дожидаться тутъ еще болѣе боялись: надобно было рѣшиться. Сперва послали мы слугу въ городъ за чѣмъ ни будь съѣстнымъ, чтобъ надежнѣе располагать остатками дня, естьли вихрь на ту сторону ни какъ не перепуститъ. Поѣхала лодка и зачала съ слугой нашимъ нырять такъ сильно, что мы ее изъ глазъ теряли.

Это насъ остановило опять на полчаса; межъ тѣмъ день склонялся къ вечеру, и мы рѣшились пустить впередъ нашу карету порожнюю на баркасѣ по канату, чтобъ видѣть ея движеніе и по оному ввѣрить себя волнамъ. Колымагу нашу сильно било, однако она шла, и уже мы начинали ей завидовать. Взглянулись другъ на дружку, чтобъ занять взаимно храбрости—и пустились. Баркасъ былъ великъ, обширенъ, но канатъ не весьма надеженъ. Однако сѣли, поставили тутъ же нашу коляску; кинулись къ намъ на судно еще Казакъ и Офицеръ Казацкій; отчалили, потянули насъ матросы по канату поперекъ рѣки: вода ревѣла подъ

нами и подымала насъ очень высоко; вспомнилъ я тутъ 9-й валъ, надъ которымъ такъ смѣялся въ несчастной оперѣ своей: «Любовное волшебство,» которой ни кто не покупаетъ; отмстилъ мои насмѣшки мнѣ этотъ валъ и внутренность вся во мнѣ мутилась: одному изъ нашихъ товарищей Казаковъ сдѣлалось такъ дурно, что онъ бросился на полъ и метался, какъ угорѣлый. «Казакъ вашъ братъ, говорилъ я другому, велико дѣло на конѣ, а на водѣ дряны!»

Лодка съ пищей шла къ намъ на встрѣчу и перекинула на баркасъ хлѣба, мяса кусокъ, вина. Добрый нашъ Кл. пекся объ нашемъ благосостояніи. Онъ насъ ожидалъ на томъ берегу. Мы плавали съ часъ и, не смотря на страхъ и ужасъ, среди качки ѣли и пили. По мѣрѣ приближенія вечера, сталъ стихать и вѣтеръ, рѣка по немножку успокоилась; поверхность ея снова получила кристальный свой блескъ и гладкую струю. Весело было приставать къ тому берегу, и я издали восклицалъ уже Николаеву:

Утихло на Бугѣ волненье;
Отъ сердца прочь отходитъ страхъ;
Гостепріимно утѣшенье
Вблизи насъ ждетъ на берегахъ.
Бѣгутъ пріятели на встрѣчу,
Несутъ всѣхъ радостей предтечу,
Край хлѣба, пищу и вино.
Хвала тебѣ, Творецъ вселенной,
Что насъ стихіи разъяренной,
Еще не погрузилъ на дно!

Вотъ доказательство, что и страхъ не мѣшаетъ стиховъ сочинять! Къ счастію нашему, уцѣлѣлъ канатъ: порвись —и бѣда! Баркасъ унесетъ къ чорту; онъ же и худъ былъ. «Великъ Богъ Русской!» справедливая пословица. Онъ одинъ охраняетъ насъ отъ нашей неосторожности. Естьли бъ изъ каждой минуты нашей безпечности должна была родиться новая бѣда, какъ бы жить нашему лѣнивому народу! Скажемъ еще: «Подлинно великъ Богъ Русской!» Съ Нимъ все и прочно и надежно.

На берегу нашли мы Кл., который провожалъ въ Одессу Г. Ф. Дук., главнаго товарища или повѣреннаго Господина

Пертца. Особа толстая, пышная, богатая и, слѣдовательно, рѣдко учтивая! Я думаю, что я съ нимъ тутъ увидѣлся и простился вдругъ. Не на чемъ было еще всѣ наши экипажи довести въ городъ; намъ хотѣлось всѣмъ поскорѣй до мѣста. Въ нетерпѣніи сѣли мы двое, жена и я, на дрожки къ нему. Ахъ, какъ мы обрадовались его комнатамъ, какъ будто бы своимъ собственнымъ! Тотчасъ насъ напоили чаемъ, скоро мы отдохнули, согрѣлись; все насъ занимало, веселило, пошли розсказни, появились шутки. Кто изъ путешествовавшихъ въ свой вѣкъ не признается, что отрады искренняго гостепріимства въ краяхъ самыхъ отдаленнѣйшихъ отъ нашей хижины обольстятъ и заставятъ подумать, что ты дома? Виноватъ добрый нашъ хозяинъ!

ГЛАВА XLVII.

Балъ на берегахъ Буга.

Какъ скоро свѣдали о нашемъ пріѣздѣ въ Николаевъ Господа морскіе Офицеры и тѣ, кои болѣе прочихъ намъ были знакомы, тотчасъ насъ посѣтили. Недавно воротясь изъ чужихъ краевъ, имѣли они чѣмъ наполнить бесѣду. Всякой хвасталъ своими диковинками: кто хвалилъ Тріестъ, кто Корфу, а домосѣды восхищались Крымомъ. На это я одному пустилъ свою шутку: конечно, Богъ изъ 7 дней цѣлые сутки употребилъ на то только, чтобъ отдѣлать Крымъ и удивить міръ своимъ искуствомъ, а прочія части свѣта слѣпилъ, за недосугомъ, на скорую руку, и отъ того на нихъ смотрѣть не такъ пріятно. Мы всѣ посмѣялись этой мысли. Она насъ завела въ другія: похохотали и надъ Страховой Одесской Конторой, которая все беретъ на страхъ и сама всего боится, и заключили день нашего пріѣзда тѣмъ опредѣленіемъ, что торговля есть банкъ, въ который не всякой играетъ съ увѣренностію выиграть. Безпокойства путевыя мнѣ дали почувствовать ночью лихорадочный пароксизмъ; одолѣли меня грехы одна другой чернѣе. Сильный потъ разорвалъ жаръ, и я проснулся здоровъ и бодръ по прежнему.

Въ планѣ моемъ было ѣхать смотрѣть окрестностей города; но разшумѣлись небеса: громъ былъ большой во все утро и ведромъ пошелъ дождикъ. Мы остались на весь день въ стѣнахъ. Утромъ я заходилъ съ моимъ почтеніемъ къ Адмиралу: нашелъ его, какъ и всегда, одного; совсѣмъ одного. Уединеніе не моя страсть; я ее даже понять не могу и въ другихъ. А у насъ, разумѣется, что цѣлый день были люди. Спасибо добрымъ и вѣжливымъ мореходамъ: они насъ не покидали. Отецъ Ефимій потчивалъ своими абрикосами. Бостонъ и бесѣда скоро промчали день и набѣжалъ вечеръ: къ ужину разговоръ всегда бываетъ отважнѣй, зашелъ споръ; кто вступается за Французовъ, кто за Англичанъ. Виноватъ! я послѣднихъ не люблю: этотъ народъ все продаетъ за гинеи, и всему измѣнитъ. Что намъ до чужихъ народовъ? Поговоримъ лучше, Господа, объ нашихъ. Какъ вы поживали въ Корфу? Дешево ли тамъ, дорого ли? «Изрядно! Хлѣбъ ставили туда мукой; она сюда обходилась въ 10 руб. четверть подрядомъ, а туда становилась въ 20 руб.; завезли ея до 40 тысячъ четвертей, и когда флотъ нашъ, снявъ людей, былъ отданъ и съ орудіями Французамъ, то все сіе количество хлѣба въ Тріестѣ брошено: предметъ, составляющій до милліона рублей убытка. Сюда теперь въ Николаевъ Г. Перетцъ порядился ставить хлѣба въ Черноморское Адмиральтейство по 6 руб. четверть слишкомъ.»

Между прочими баснями, Господа наши путешественники Средиземнаго моря разсказали мнѣ анекдотъ, очень пріятный для имени Русскаго. Французы, принимая наши корабли, низко цѣнили мачты, и хотѣли принять ихъ въ качествѣ дровъ и по той же самой оцѣнкѣ. Отважный начальникъ эскадры обидѣлся такимъ пренебреженіемъ. «Коль такъ, сказалъ онъ, пусть берутъ дрова, а не мачты!» велѣлъ ихъ изрубить въ полѣнья и сдавалъ дровами, а не уронилъ чести кораблей уничиженіемъ мачтъ. Прямая Скиѳская гордость! Естьли это и выдумано, скажемъ Италіянскимъ выходцамъ тамошнюю пословицу!

«Si non è vero, è ben trovato.»

17 числа Іюля время поправилось; утро было прекрасное, и мы въ селѣ Божьемъ слушали обѣдню: отправлялъ ее отецъ Ефимій, пѣли морскіе пѣвчіе. Послѣ обѣдни старый и добрый Іерей

убѣдилъ насъ посѣтить его зятя, у котораго въ саду мы нашли пропасть плодовъ и винограду, но еще зеленаго. Самыя малыя усадьбы тамъ разработываются съ большимъ тщаніемъ, и на сады въ этой сторонѣ залюбуется всякой путешественникъ. Обѣдали дома въ семействѣ Черноморскихъ Офицеровъ, и я прибавилъ знакомство Флотскаго монаха изъ Черногоровъ: хворый человѣкъ, замученный въ походахъ, но довольно интересный. Странно слышать Италіянскій языкъ въ устахъ монаха: уши наши къ тому не приготовлены; впрочемъ, этотъ монахъ въ одежѣ только и похожъ на нашихъ чернорizцевъ: я говорю о самыхъ послѣднихъ, о тѣхъ, кои въ церквахъ носятъ поясъ усменъ, а въ кельяхъ пьютъ крѣпкую брагу.

Я рѣдко проводилъ такъ пріятно вечеръ, какъ сегодня! По Воскресеньямъ бываетъ съѣздъ въ Спаскомъ. Я уже объ немъ говорилъ, ѣхавши въ Одессу. Пусть позволятъ мнѣ повториться въ послѣдній разъ. Спаское стоитъ того, чтобъ остаться въ памяти. Мы поѣхали туда на гулянье. Ахъ, какое очаровательное мѣсто! Какой божественный уголокъ въ природѣ! Натура! Гдѣ ты взяла свои замыслы и планы, кои образовала на этой благословенной почвѣ земнаго шара? Надъ горой, изчерченной садовыми дорожками, усаженной плодоносными деревьями, скрывающей овраги невинные, откуда не хищные выбѣгаютъ звѣри, но, какъ изъ курильницъ огромныхъ, вылетаютъ на воздухъ благоуханія тысячи разныхъ ароматическихъ растеній и окуриваютъ вокругъ васъ весь воздухъ, надъ этой горой нѣкогда великой человѣкъ, Потемкинъ, построилъ залу, пожилъ въ ней и бросилъ. Преемники его поддерживали строеніе и открыли въ немъ публичные съѣзды. Маркизъ де Траверсе, полубогъ Николаева, давалъ тутъ балы и пріохочивалъ публику къ прогулкамъ; привычка увѣнчала благія его намѣренія успѣхомъ. Сюда съѣзжается весь городъ, а кто не имѣетъ коня, тотъ бѣжитъ пѣшкомъ: это не далеко.

По склоненію горы, которую не надобно представлять крутой, разсыпаны для отдохновенія лавки и убѣжища, а сойдя весь покатъ до низу, вы находитесь на пологомъ берегу рѣки Буга. Обдѣланный родникъ на подобіе фонтана четырьмя кранами выливаетъ воду въ воду и возвратно ее получаетъ. По краямъ земли гладкая тропинка помогаетъ идеямъ и развертываетъ тѣ картины, которыми пылкое воображеніе всегда обогащается. Тутъ-то мы пріѣхали погулять среди 300 человѣкъ свободныхъ и веселыхъ людей. Морскіе Офицеры, одушевленные самой тонкой и прихотливой вѣжливостью, безпрестанно въ залѣ танцовали, и каждая дѣвушка почитала этотъ день особымъ праздникомъ въ ихъ сторонѣ: никогда здѣсь такого множества кавалеровъ не собиралось. Все шутило, смѣялось и плясало. Роговая музыка раздавала по рѣкѣ свои унылые звуки; духовая въ кущѣ, утаенной отъ общества, наигрывала меланхолическія пѣсенки; а скрыпки, бубны, барабаны гремѣли Польскіе и вальсы на широкомъ предверьѣ залы. Въ ней было душно и тѣсно; я протанцовалъ одинъ Польской, и бросился дышать въ садъ. О, какая величественная картина! Сколько нѣги для глазъ и ушей!

Въ обществѣ Черноморскихъ краевъ я забывалъ, что я въ Россіи, гдѣ такъ часто молодые люди безъ извиненія толкаютъ дамъ и дѣвушекъ, мараютъ ихъ нѣжныя платья грубыми своими сапогами, дерутъ ихъ шпорами безбожно. Я думалъ, что я въ какой ни будь иностранной пристани Средиземнаго моря: всѣ говорятъ чужеземными языками, или своего природнаго не коверкаютъ.

Гулявши по саду, я скоро задумался и, очутившись нечувствительно одинъ, дошелъ до любимой моей стихіи: я такъ люблю смотрѣть на воду; ходя по берегу Буга, размышленія мои увлекли далеко мое воображеніе. Я мечталъ, не умѣя дать самому себѣ ни въ одной мысли отчета. Бугъ зачинаетъ здѣсь стремиться въ Лиманъ и обдѣлывать его; суда по нему плаваютъ, и мореходы прислушиваются къ музыкѣ, на горѣ все пляшетъ; я слышу топотъ ногъ, нестройную смѣсь голосовъ, гулъ страшный сверху катится по воздуху къ ушамъ моимъ; а рядомъ со мной шумятъ быстрыя струи Буга, бьютъ въ берегъ и сливаютъ звукъ свой со звономъ струнъ. Пещаный берегъ ноги не безпокоитъ; густый рядъ деревъ служитъ вамъ оградой; чистый родникъ въ разные смыслы бѣжитъ изъ каменной колонны и даетъ животворную прохладу жаждущему. Царь міра, Фаетонъ, кончаетъ бѣгъ свой и въ глазахъ моихъ скрывается въ антиподы. О, какъ я тутъ наслаждался! Здѣсь не Крымскія одни прелести натуры,

нѣтъ; здѣсь подлѣ меня, среди неописанныхъ красотъ той же натуры, люди, миръ, забавы, нѣга, роскошь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весь видъ дикаго уединенія и шумной водопадъ; хочу я,—одинъ, хочу я—въ кучѣ непринужденныхъ весельчаковъ. Вотъ, гдѣ можно писать романы, пылать страстью, и дать ее почувствовать другому! Но что я говорю? Мое воображеніе уже вездѣ погасло; старость остудила восторги ума и сердца.

Долго любовался я берегомъ, небомъ и водой. Между тѣмъ сумерки опустошили залу; собранье, которое никому ни чего не стоитъ, по тому что музыка казенная, оканчивается подъ вечеръ за тѣмъ, что зала не освѣщается. И такъ надобно было и намъ ѣхать домой; но прежде чѣмъ уѣду, долженъ дать читателю идею еще объ одной руинѣ на этомъ же самомъ мѣстѣ. На нижней площади горы представляется развалившаяся хижина. «Что такое?» спросилъ—я. «Баня Потемкина.» Онъ властвовалъ надъ самой натурой: вода, поднятая насосами вверхъ до нарочитой высоты, сбѣгала къ нему подъ крышку, и сквозь потолокъ, уподобленный ситу, упадала въ его купальню и орошала его внезапу съ головы до ногъ: какая сладострастная выдумка! Подумайте, что былъ Николаевъ при немъ: конечно, Царство радостей мірскихъ въ Россіи! Когда Екатерина набивала сваи въ Петербургскія болота и творила канавы, Потемкинъ на другомъ краю свѣта нашелъ дѣвственную природу и въ степи насаждалъ вертограды! Посадите колъ, и черезъ годъ онъ, какъ жезлъ Аарановъ, покрывается зеленью и даетъ плодъ. Роскошь столько же чудотворна въ затѣяхъ богатаго владыки, какъ натура въ десницѣ премудраго своего Творца.

Еще поговоримъ о Спаскомъ. За симъ отдѣленіемъ сада для прогулки онъ простирается еще далеко чрезъ оврагъ: я и тамъ былъ. Какая дичь! Густой лѣсъ скрываетъ почти сводъ небесный и сквозитъ мѣстами одинъ Бугъ: но тамъ онъ позволяетъ шутить съ собой и играть своей волной; а здѣсь онъ кажетъ свои одни ужасы; вездѣ около его стремнины, ущелины и взглянуть на него страшно. Одна узенькая тропа доводитъ къ прозрачному источнику. Утомишься, ходя по горамъ и оврагамъ. О милый вечеръ въ Николаевѣ! Я тебя никогда не забуду: ты много

дорожныхъ безпокойствъ вознаградилъ мнѣ собою. Дышать всегда и вездѣ возможно: преимущество не важное! Но жить, какъ жилъ я часа два сегодня на берегу Буга, и именно въ Спаскомъ, это такой дэръ неба, котораго ни чѣмъ оцѣнить нельзя

ГЛАВА XLVIII.

Описаніе Богоявленскаго.

Поживи Потемкинъ, и Николаевъ сталъ бы шире Москвы: отъ города до Богоявленскаго считается 12 верстъ, а все это пространство было уже разбито на кварталы. Дорога лежитъ по берегамъ Буга, подобно Петергофской; на ней розданы были мѣста подъ загородные домики многимъ приближеннымъ. Иной строился для своего, иной для его, удовольствія. Мѣста безлѣсныя, но быстрый токъ воды утѣшаетъ зрѣніе. Вельможа умеръ, и все исчезло!

Въ самомъ Богоявленскомъ прелесть: я туда ѣздилъ и не могъ довольно налюбоваться этимъ мѣстомъ. Я нигдѣ не видалъ такого соединенія вдругъ богатства природы, роскоши искуственной и нищеты. Потемкинъ любилъ это мѣсто, и разводилъ тутъ сады. Всякое растеніе и дерево, какое только въ томъ климатѣ достать можно около Крыма, все сюда превезено было на подводахъ и посажено безъ пощады человѣческаго поту; все принялось и пустилось, а послѣ все поросло тростникомъ и облеклось въ пустыню. Тутъ уже не садъ теперь пышный и пространный, а дичь одна необработанной природы.

Посреди сада видна еще купальня. Она изъ дикаго камня на 8 столбахъ. Нѣсколько ступеней сводятъ васъ въ чистую и прохладную воду; подъ сводомъ гранитнымъ васъ солнце не печетъ. Тутъ орошался нѣкогда исполинъ, и ни кто, кромѣ нимфъ, приближиться къ нему не смѣлъ. Дабы сохранить и нынѣ, сколь возможно, сей памятникъ роскоши его отъ суровости погоды, а

паче соблюсти источникъ въ чистотѣ, поставлена бѣдная избушка, не стоющая ни чего, изъ хворосту и тростника: одинъ широкій шагъ поставитъ васъ на ея кровлю; но взгляните вкругъ этого убогаго шалаша, въ которомъ старичекъ стражъ плететъ лапти и куритъ табакъ, взгляните: около его разрослись не рябина, или черемуха, нѣтъ; тутъ отягченныя вѣтки абрикосами, бергамотами, осѣняютъ верхъ его и обвиваютъ столбы его ограды. Высокій кустъ Грецкихъ орѣховъ царствуетъ надъ прочими плодами; съ нимъ сближила природа и каштановое дерево. Старикъ глядѣлъ на насъ съ изумленіемъ; онъ не понималъ, отъ чего мы такъ дивимся: столь для него сіе зрѣлище было обыкновенно! Гдѣ жъ вы такъ тѣсно найдете вмѣстѣ рѣдкія прозябенія лучшихъ странъ свѣта, нищету хижины, вросшей въ землю, и великолѣпную купальню? О деревьяхъ обыкновенныхъ, какъ-то: грушѣ и яблони, говорить ужь нечего: пропасть!

Сердце ноетъ, когда видишь въ такомъ все запущеніи. Садъ этотъ отданъ одному фабриканту, который тутъ содержитъ суконную фабрику и все мѣсто получилъ изъ казны въ аренду. Онъ печется о своемъ промыслѣ и, конечно, мало думаетъ о садѣ. Я весь его исходилъ съ конца до другого, неоднократно возвращался къ банѣ, близъ которой обрывалъ бергамоты, запивалъ хорошимъ виномъ и задумывался о скоромъ теченіи случаевъ и всей жизни нашей.

Я сидѣлъ на самой той скамейкѣ, на которой Потемкинъ сматривалъ рано по утру, какъ возятъ въ садъ щебень, песокъ, деревья, какъ все шевелится для прихоти его и ищетъ его благосклоннаго взора. Натура, думалъ я, все та же, но снятъ съ нея нарядъ; душа сихъ мѣстъ удалилась въ другія селенія: все мертво было около меня.

Садъ при немъ назывался Витовкой. Въ то время, какъ онъ убиралъ его, Госпожа Витъ кружила ему голову. О, я въ томъ стою, умру съ тѣмъ, что въ жизни нашей то только время и можно счесть блаженнымъ, въ которое любовь сводитъ насъ съ ума.

Меня водилъ по дорожкамъ, кои трудно отыскать уже въ густой травѣ, одинъ современникъ Потемкина и тѣхъ самыхъ

дней, когда Богоявленское во всей красѣ своей сіяло: одинъ морской Офицеръ былъ въ нашемъ обществѣ, который видѣлъ здѣшнее мѣсто въ 89 году. Онъ намъ казалъ тамъ сухіе рвы и болотистыя тинныя мѣста, гдѣ я ни какъ не повѣрилъ бы, что были когда либо токи свѣжей воды, естьли бъ онъ не засвидѣтельствовалъ намъ, что тутъ прорыты были вездѣ каналы и столько наполнены водою, что Князь разъѣзжалъ на нихъ въ раззолоченныхъ лодочкахъ. Гребцы пѣли, кричали, весла отражали лучи яркаго дневнаго свѣтила; вода сливала съ нихъ крупные свои перлы, а Князь не вмѣщалъ своихъ восторговъ. Вездѣ тутъ нынѣ илъ, камышъ и на каждомъ шагу увязнешь. Вмѣсто торжественныхъ пѣсенъ и кликовъ народныхъ, одинъ слышенъ крикъ неугомонныхъ лягушекъ. Ахъ, что печальнѣй сей картины!

Домъ Княжой сломанъ, но онъ былъ такъ великъ, что изъ матеріаловъ его вышелъ прекраснѣйшій лазаретъ для морскихъ силъ. Онъ тутъ же расположенъ; ни что не заслуживаетъ такого прилежнаго вниманія; его построилъ Маркизъ, и къ зимней огромной больницѣ присоединилъ лагерный гофшпиталь, какого я еще нигдѣ не видывалъ: самое спасительное изобрѣтеніе для недужныхъ, истинный, а не тщеславный только, опытъ человѣколюбія! Сказывали мнѣ, что и во всѣхъ портахъ настроены такіе же. Вотъ его расположеніе:

Все строеніе состоитъ изъ стѣны деревянной не выше $1\frac{1}{2}$ аршина, и съ самой крутой и высокой крышкой, которая уподобляется полотняному намету. Эта кровля не доходитъ до земли, слѣдовательно, воздухъ не стѣсненъ и проходитъ между ею и стѣнъ чрезъ всю галерею. Кроватъ больнаго поставлена головами къ стѣнѣ и въ крышкѣ надъ каждой слуховое окошко, которое занавѣсомъ защищаетъ больнаго отъ солнца. Полъ земляной, но крѣпко убитъ, усыпанъ зеленью и всегда свѣжъ, чистъ и сухъ: больному покойно, прохладно и пространно: выгодная замѣна зимнимъ лазаретамъ, въ коихъ лѣтомъ такъ сгущается воздухъ; а между тѣмъ двоякая польза: ибо когда хворые переносятся сюда, тогда зимнія казармы больничныя провѣтриваются и дѣлаются въ нихъ необходимыя починки; самая перемѣна мѣста столь часто для больнаго служитъ отрадой. При насъ было

ихъ здѣсь до 100 человѣкъ, а иногда накопляется до 400. При больницѣ 6 лѣкарей, докторъ одинъ и сверхъ того Инспекторъ. Все содержаніе этого лазарета, относительно пищи, бѣлья, опрятства и чистоты около постелей, отмѣнную честь дѣлаетъ надзирателямъ. Рѣдко немощное человѣчество видитъ подобныя о себѣ попеченія.

И такъ кромѣ сада есть въ Богоявленскомъ и полезныя заведенія. Я упомянулъ о больницѣ. Скажу нѣчто и о фабрикѣ. Арендаторъ на многихъ станахъ точетъ здѣсь сукно изъ тонкой шерсти въ свою пользу. Чтобъ доказать, домой пріѣхавши, что можно уже обходиться и безъ иностранныхъ суконъ, я сдѣсь купилъ на фракъ, по 6 руб. аршинъ, сукно, которое выткано было изъ шерсти не совсѣмъ Испанской, но снятой съ породы отъ смѣси Крымскихъ нашихъ овецъ съ мериносами, т. е., отъ métis происшедшей. Оно нѣсколько сурово, но носить можно; за то какая же разница въ цѣнѣ съ иноземными сукнами! Передъ нашими щеголями тѣмъ-то оно и виновато, что дешево. Хозяинъ фабрики работаетъ съ усердіемъ и успѣхомъ: становъ много, заведеніе обширное, строеніе казенное, работники вольные. Есть тутъ машина, посредствомъ которой одинъ ткачъ очень легко отдѣлываетъ сукно въ 3 аршина слишкомъ ширины, но онъ не ломается, какъ тотъ, о которомъ я говорилъ, бывши въ Полтавѣ; этотъ, просто одной кистью руки шевеля рукоятку, посылаетъ челнокъ съ удивительною скоростію чрезъ всю основу съ края стана на другой. Главный предметъ этой фабрики — выдѣлка солдатскихъ суконъ. Бывъ въ Богоявленскомъ, надобно зайти и ее посмотрѣть, какъ заведенія достойнаго примѣчанія.

Но я, не будучи смышленъ въ этой промышленности, все обращалъ глаза мои на сады, источники и купальню. Сколько разъ я обошелъ ее вокругъ, сколько пилъ тутъ воду и подставилъ черепъ подъ фонтанъ и, подъ тѣнью пожилаго орѣшника, оплакивалъ мысленно разрушеніе такихъ драгоцѣнныхъ прелестей! Изъ саду пошедши къ коляскѣ, я еще наполненъ былъ тѣми идеями, кои мѣстоположеніе и исторія его въ нестройной кучѣ вселяли въ мое воображеніе, какъ наступилъ на мягкое и жирное тѣло. «Ай!» закричала жена. «Что такое?» — «Убитая змѣя.»

Онѣ часто, говорятъ, изъ густыхъ травъ вытягиваются и шипятъ. Согласимся, сказалъ я своимъ товарищамъ, что вездѣ есть добро и зло: прекрасенъ садъ, но змѣя не хороша.

Гдѣ чижъ поетъ вверху, тамъ змѣй шипитъ въ травѣ,
Не все то хорошо, что взоръ прельщенный хвалитъ.
Червь точитъ алый цвѣтъ на мягкой муравѣ,
И прежде, чѣмъ ѣсть медъ, пчела тебя ужалитъ.

«Правда, правда!» закричали мои товарищи: сѣли въ коляску и поскакали въ Николаевъ. Отъѣхавъ съ версту, я кинулъ еще взоръ на вѣтвистый орѣшникъ и на куполъ великолѣпной ванны. Витовка! мѣста безподобныхъ очарованій! Естьли ты и нынѣ дивишь любопытныхъ, что жъ была ты тогда, какъ вельможа сыпалъ въ тебя всѣ свои сокровища! Конечно, рай земной!

ГЛАВА XLIX.

Потемкинъ.

Естьли кто хочетъ имѣть прямое понятіе о Потемкинѣ, нигдѣ такъ не успѣетъ, какъ здѣсь. Мнѣ удавалось объ немъ слыхать въ свѣтѣ разныя разсужденія: иные чли его лѣнивцемъ, другіе человѣкомъ немилосердымъ, большая часть порицали гордостью. Здѣсь скоро я нашелъ доказательство, что все то болѣе изъ предубѣжденія и ненависти разглашали, чѣмъ по любви къ истинѣ и справедливости. Льстить ему теперь мудрено: онъ умеръ и никому ни на что не надобенъ; и такъ естьли можно что похвальное объ немъ сказать, то теперь самая пора.

Начальники морскіе, изъ любви и особенной ко мнѣ довѣренности, позволили мнѣ прочесть двѣ большія книги въ хорошемъ переплетѣ, въ которыя съ большимъ тщаніемъ собраны разные Князя Потемкина Ордера къ Фалѣеву и предложенія Черноморскому Адмиральтейству. Я ихъ всѣ прочелъ, и не одинъ разъ, нѣкоторыя изъ нихъ выписалъ, и думаю, что сообща публикѣ, принесу ей

удовольствіе: каждое слово чрезвычайнаго человѣка, каковъ былъ Потемкинъ, и которому, естьли не вовся можно дать титло великаго, по крайней мѣрѣ, ни кто не отниметъ у него названія чрезвычайнаго, каждое его, говорю, слово, мысль, строка, должны быть предметомъ общаго вниманія.

Повѣрятъ ли, что этотъ лѣнивый Князь въ состояніи былъ исписывать, когда прямая нужда и польза того требовали, цѣлыя страницы своей рукой, и давать самыя подробныя предписанія, не только на счетъ отличныхъ работъ и распоряженій, но даже въ иныхъ мѣстахъ упоминалъ, какой фрегатъ течетъ, отъ чего именно, и что къ исправленію его потребно: приказанія его иногда доходили до самыхъ крайнихъ мелочей. Повѣрятъ ли, что этотъ вельможа, котораго донынѣ едва не тираномъ ли своего времени многіе почитаютъ, былъ столько сострадателенъ, сколько то увидятъ въ письмѣ его къ Фалѣеву, отъ 6-го Іюля изъ Колотени?

Извѣстно, что онъ не щеголялъ перомъ, и по тому въ его бумагахъ не надобно искать ни слога, ни красоты. Онъ писалъ просто, но вразумительно, бранился не рѣдко подлыми выраженіями и на письмѣ, въ бумагахъ оффиціальныхъ. Кто поспоритъ, что это не прилично? Конечно, нѣтъ. Но гдѣ жь мы находили человѣка чрезвычайнаго въ его дѣяніяхъ, который бы вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣлъ чрезвычайныхъ странностей и навыковъ своевольныхъ? Этѣ люди уже не подходятъ подъ общія правила. Они сами себѣ законъ. Довольно, естьли въ нихъ душа, умъ и сердце расположены къ благу; впрочемъ, Потемкинъ былъ, что мы называемъ, чудакъ.

Онъ особенно любилъ здѣшнее мѣсто: Николаевъ, Богоявленскъ, Спаское были его утѣшеніе и отрада! Изъ самой переписки его видно, сколько онъ пекся о малѣйшемъ украшеніи своихъ садовъ, какъ часто отвлекался онъ отъ своихъ занятій, чтобъ объ нихъ подумать. Многіе иностранцы живыми красками описали его портретъ, и дали объ немъ понятіе всему свѣту. Я не умѣю дать преимущества ни которому изъ тѣхъ двухъ, коихъ читалъ и въ самое даже мое путешествіе около Николаева. Хорошо обрисовалъ его Сегюръ, но живо изобразилъ также и де Линь. Кто не читалъ ни того, ни другого, тотъ, конечно, не осердится на меня, прочтя обоихъ, что я у него выпросилъ на этотъ трудъ полчаса времени: оба стоятъ вниманія и каждый приличной ему похвалы.

Наслушавшись здѣсь отъ всѣхъ очень много о Потемкинѣ, я пожелалъ видѣть гробъ его, и для этого только съѣздилъ въ Херсонъ. Тамъ онъ похороненъ въ Соборѣ, который отстроенъ иждивеніемъ Екатерины и представляетъ на фронтонѣ своемъ слѣдующую надпись: «Спасителю рода человѣческаго Екатерина II посвящаетъ.» Коротко, но чувствительно и красно! Тутъ подъ церковью былъ сдѣланъ погребъ и поставленъ гробъ исполина. Передъ нимъ горѣлъ неугасаемый елей въ золотой лампѣ; окружали мертвенность его и собраніе сухихъ костей богатыя подсвѣчники со свѣчами. Все возвѣщало въ преисподнемъ и мрачномъ томъ жилищѣ, что скрытъ тутъ въ землю прахъ знаменитаго вождя Екатерининыхъ храбрыхъ воевъ. И все засыпано землею. Нѣтъ уже нынѣ туда ни входа, ни отверстія. Я любопытствовалъ узнать хотя снаружи то мѣсто, подъ коимъ онъ погребенъ былъ: не хотѣли, или не умѣли, мнѣ и того причетники указать. Я, выходя изъ Собора, вспомнилъ столь извѣстныя слова псаломника: «Мимо идохъ, и се не бѣ, и не обрѣтеся мѣсто его.» Подлинно правда! Многіе нашлись съ готовыми доказательствами о правѣ своемъ на раздѣлъ оставшагося послѣ Князя имѣнія, —и кто тогда, какъ онъ былъ въ силѣ, не приклепывался ему въ родственники?—а нынѣ, когда дѣло идетъ о томъ только, чтобъ открыть гробъ его, оживить его памятникъ, воспрославить, воскресить, такъ сказать, имя его въ потомствѣ, нѣтъ ни друга, ни сродника, ни облагодѣтельствованнаго, кто бы похлопоталъ о томъ. Учитесь, вельможи, читать глубже и яснѣе въ сердцѣ вашихъ тварей!

Я ни чего еще здѣсь не говорю о Херсонѣ, хотя упоминаю уже о самой первой тамошней рѣдкости; но, начавъ рѣчь мою о Потемкинѣ, мнѣ хотѣлось все то сказать вдругъ, что лично до него относилось. За симъ слѣдуютъ списки нѣкоторыхъ его писемъ. Они не изъ самыхъ уважительныхъ по его начальству и

званію, но мнѣ показались всѣхъ замысловатѣе, въ его собственномъ вкусѣ:

4 Августа. Бендеры.

«Я черезъ нѣсколько дней буду къ вамъ, батюшка Михайла Леонтьевичъ!

Поворачивайся!»

«Николаевъ.

Федотъ течетъ по четыре дюйма; приказалъ его отправить, и уже ему не быть военнымъ. Поговори съ Семеномъ Ивановичемъ; я думаю хорошенько разбирать старые фрегаты и что годное употреблять на меньшія суда, а то коштъ и трудъ напрасно пропадаетъ, да и конструкція ихъ дурна. Кораблей умножается; лучше людей на нихъ употребить; такъ и оставьте Матвѣя и Григорья Богослова.

Наши, благодаря Бога, такого перцу задали, что любо. Спасибо Федору Федоровичу.—Коли бы трусъ былъ В., то бы онъ ср. у Тарфанова куста, либо въ гавани.

Вашъ другъ

К. Потемкинъ Таврической.»

Получено 16 Августа.

«Бендеры, 14 Августа.

Я вчера къ обѣду рано пріѣхалъ, употребя въ дорогѣ 15 час.

Прикажи домъ въ Богоявленскѣ скорѣй отстроивать и на крышу гонтъ доставить, оштукатурить, а паче внутри ровнѣе; ибо по стѣнамъ письмо будетъ. Скажите Аладову, что ему готовится бархатный кафтанъ, или брань жестокая, а коли разсержусь, то въ матросы. Алексѣевъ скоро отправится. Найдя хорошихъ арбузовъ и дынь, пришлите съ нарочнымъ, да и моркови.

Вѣрный слуга

К. Потемкинъ Таврической.

Ps. Пріискивайте воду около Николаева, также покопайтесь и лѣсковъ!»

Получено 4 Декабря, 1788 года.

«Послушай, Михайло Леонтьевичъ! Когда былъ ты у меня, то всему былъ просторъ, а теперь сдѣлалось тѣсно. Я говорилъ тебѣ, что людей много, а ты сказалъ, что еще мало; а теперь кричите караулъ, что некуда помѣстить. О конвойныхъ я тогда же тебѣ приказывалъ, и еще, какъ помнится, изъ Дубоссаръ, чтобъ содержать имъ караулъ, и когда бы ты мнѣ сказалъ, что Астраханскому быть у тебя не нужно, я бы ихъ въ то время поставилъ въ другомъ мѣстѣ, а теперь трудновато ходить, однако я приказалъ перевести.

Князь Репнинъ, говоря о землянкахъ Танбовскихъ, упоминаетъ, что хотя и просторно расположены, но больныхъ у насъ вездѣ умножается, а вы мнѣ о такомъ умноженіи ни слова не говорите, тоже и объ успѣхѣ Елинговъ не увѣдомляете. Молчите, молчите, да вдругъ потребуете чего ни будь прислать изъ Сибири, или изъ Астрахани.

На одежу я приказалъ ассигновать сумму.

О святой Аннѣ возмите мѣры, чтобъ не повредилась въ зиму. Судно въ ходу было самое легкое. Вы не дивитесь, что я ворчу. Богу извѣстно, что силъ не достаетъ: вездѣ самому быть нельзя, а все до малѣйшихъ способовъ отъ меня требуютъ.

К. Потемкинъ Таврической.»

«Оберъ-Интендантъ по моему требованію о числѣ пушекъ, о чемъ и тебѣ записка дана была, ни слова не отвѣчаетъ, а я не могу сдѣлать распредѣленія.

Объ желѣзѣ говняли изъ Таганрога. Нанимали перевозить, промѣшкали, да вдругъ ко мнѣ кинулись, чтобъ я велѣлъ доставить. Какъ уже теперь возить одному? Словомъ: мнѣ кажется, что они любятъ остановки, и ихъ ищутъ.»

Получено 10 Іюля.

«Колотени. 6 Іюля.

Лучше въ десятеро заплачу, нежели отдать жиду Гильму поставку. Пора отстать отъ мошенниковъ подрядчиковъ, кои истощили сумму и все недостатками потчивали; чрезъ нихъ разворовали много. Прикажи въ Чутѣ заготовлять больше тѣхъ членовъ, какихъ тамъ найти можно, прочее въ Смѣлѣ.

Канатному заводу въ Херсонѣ быть, или нѣтъ, посмотрю самъ. На прочія донесенія дамъ резолюцію, пріѣхавши въ Богоявленское, а теперь только скажу о числѣ умершихъ, которыхъ не могло бы больше и въ чуму пропасть. Что прибыли доставать людей, ежели ихъ морятъ, какъ нарочно? Вамъ бы надлежало мнѣ доносить правду, и я не знаю, какъ вамъ не совѣстно скрывать отъ меня истину! Я опредѣлялъ людей въ работу, да еще и съ заплатою, а изъ сего сдѣлали каторгу, и по нещастію, какъ вездѣ мое имя, то они могутъ думать, что я тиранъ, а вмѣсто того мучатъ другіе, а потакаете вы.

К. Потемкинъ Таврической.»

ГЛАВА L.

Херсонъ.

Отъ Николаева Херсонъ очень близко, только 60 верстъ: дорога ровная и степная. Мы двое съ женой послѣ обѣда туда поѣхали, и ранѣе вечера прибыли. На пути нѣтъ ни какого жила, кромѣ почтоваго сарая, въ которомъ, на половинѣ дороги, мѣняютъ лошадей. Полиція тутошная позаботилась о нашей квартирѣ, и отвела намъ ее въ лѣсной конторѣ Г. Перетца, у одного Жида: вездѣ намъ судьба судила стоять въ его домахъ, но не вездѣ такіе у него хозяева, какъ въ Николаевѣ. Поздно было ходить по городу; тотчасъ съ пріѣзда мы отъужинали и легли спать, но разныя твари, коихъ пыль и нечистота производятъ, не дали намъ заснуть хорошенько.

На завтра пріѣзда нашего, 19 числа, дождь пошелъ пресильный и безъ экипажу нельзя было выйти изъ дому; окошки наши на дворъ: и такъ, сидя въ четырехъ стѣнахъ въ скукѣ, я имѣлъ досугъ одумать все состояніе неволи, которой подвержены заключенные въ тюрьму, какъ въ клѣтку, и не имѣющіе передъ глазами ни какого предмета. Я только могъ замѣтить, не выходя изъ горницы, что здѣсь пропасть Жидовъ и комаровъ: либо перваго увидишь, либо послѣдняго убьешь. Я старался прогонять скуку пріятнѣйшимъ для сердца упражненіемъ: я писалъ письма къ домашнимъ, къ друзьямъ, готовилъ ихъ заранѣе къ отсылкѣ, при случаѣ удобномъ.

Около полудня улыбнулось небо: стало ясно, тихо, хорошо, и здѣшній Г. Губернаторъ посѣтилъ меня. По приглашенію его, я у него обѣдалъ, ужиналъ и весь день пробылъ. Онъ молодъ, но наполненъ усердія къ своей должности; супруга его — барыня прелюбезная и мастерица играть на фортепіано. Цѣлый вечеръ слушалъ я ее безъ устали. Съ ними жили тогда, по случаю родинъ ея, нѣсколько ихъ родственниковъ. Они дома въ городѣ не имѣютъ: онъ еще строится, а между тѣмъ занимаютъ домъ Военнаго Губернатора, верстахъ въ двухъ отъ города, въ крѣпости: это удаляетъ отъ нихъ общество городское, особливо въ осенніе длинные вечера, въ которые такъ нуженъ всякому кто ни будь; они по большой части одни въ своей семьѣ. Кабинетъ его наполненъ бумагами: — обыкновенная роскошь и убранство внутреннихъ покоевъ дѣловыхъ людей! Боже мой! Какая куча пакетовъ, и когда это все читать! Я одни сутки провелъ въ ихъ бесѣдѣ довольно пріятно; сожалѣлъ только объ ихъ собственной скукѣ, которую, кажется, ни кто изъ цѣлаго ихъ дома скрыть не можетъ. И правда, что Херсонъ мѣсто не прекрасное. Губернаторъ далъ мнѣ свой экипажъ, и самъ безъ принужденія возилъ меня по всѣмъ занимательнымъ мѣстамъ города. Станемъ говорить объ немъ.

Городъ разбитъ на Днѣпрѣ, но очень непріятенъ: улицы нечисты, строеніе скверное, ни одного нѣтъ хорошаго дома, кромѣ, такъ называемаго, обжорнаго ряду, который выстроенъ изъ городскихъ доходовъ. Надобно знать, что Херсонъ имѣлъ въ пользу свою весь собираемый съ него въ тогдашнее 4-хлѣтіе от-

купный доходъ. Онъ населенъ бродягами, бѣглыми, всякимъ сбродомъ. Крѣпость, хотя еще не стара, однако требуетъ уже значительныхъ поправокъ и только что поддерживается отъ совершеннаго разрушенія. Внутри много разныхъ каменныхъ строеній, какъ-то: домъ Военнаго Губернатора, Комендантскій и Ордонансъ-Гаузъ, тутъ же и Соборъ. Я объ немъ говорилъ прежде, а теперь добавлю то только, что въ этомъ великолѣпномъ и огромномъ храмѣ нѣтъ ни какой примѣчательной утвари. Иконостасъ сведенъ круглымъ куполомъ на 8 столпахъ голубаго цвѣта; ризница неважная; показывали мнѣ ризы и стихарь, кои приложены Екатериной, но безъ отличнаго богатства, и естьли бъ не снабдила здѣшній Соборъ многими драгоцѣнными вещами Госпожа Мартынова, у коей сынъ, убитый на ратномъ полѣ, похороненъ здѣсь, то бы и похвастать не чѣмъ было; ея приклады всѣ роскошны и со вкусомъ въ отдѣлкѣ.

Сколько знаменитыхъ гробницъ около Собора! Тутъ увидите вы храбраго Миллера. Я остановился у его мавзолея: шишакъ надъ нимъ столько жъ чистъ еще понынѣ, какъ и слава его. Она сохранилась безъ пятна: рѣдкое счастіе для воина. Тамъ подалѣе былъ его сынъ, достойный таковаго отца. Тутъ Князь Волконскій. Кто не знаетъ его кончины подъ Очаковымъ? Кто не оплакалъ отважности его геройской: я первые тогда почувствовалъ восторги славы; смерть его восхитила мою душу, еще прикованную къ школьнымъ теоріямъ; я развернулся и осмѣлился первые мои стихи выдать въ свѣтъ на смерть его. Здѣсь предана землѣ нѣжная отрасль Царскаго Дома. Въ молодости сущей Принцъ Виртембергскій позналъ нетлѣнной жизни сокровище. Камень надгробный его великъ, огроменъ, но безъ всякой красоты.

Корабельная верфь любопытна; при насъ отстроивался тутъ одинъ корабль 74 пушечный; такого же размѣра дѣлались еще два и одинъ 100 пушечный былъ уже заложенъ. Капитанъ надъ портомъ, Г. Миз.—Газ. всѣ работы намъ показывалъ. При насъ корабль обивали мѣдью: предосторожность необходимая отъ морскихъ червей, кои, какъ говорятъ, въ Черномъ морѣ очень скоро проѣдаютъ корабль. Какое страшное зданіе на берегу, а на морѣ—лукошко; подъ него готовятся уже и катели для спуска его

къ тому мѣсту, гдѣ онъ оснащиваться будетъ. Говорили, что онъ полетитъ въ Днѣпръ 8-го Августа. На лѣвой сторонѣ рѣки весь берегъ усыпанъ корабельными лѣсами: они лежатъ на открытомъ мѣстѣ, отъ чего удобно и повреждаются. Видно, что или еще лѣсу много, что нѣтъ нужды его беречь, или издержки для предохраненія его болѣе важны, нежели сама цѣна вещи; въ такомъ случаѣ жаль, что не оставили тамъ множества дубовъ и соснъ на корнѣ: они бы еще пожили и не опоздали стать на своемъ мѣстѣ въ кораблѣ.

Гавань купеческая очень хороша: въ ней строится много транспортныхъ судовъ по самымъ прекраснымъ образцамъ. Многіе изъ нихъ при насъ были въ отдѣлкѣ. Торговля животворитъ совершенно берега Днѣпровы при скучномъ Херсонѣ. Лѣсная пристань обогащена бревнами и досками. Днѣпръ приноситъ сюда все богатство лѣсовъ Бѣлорусскихъ: на немъ чрезъ Кременчугъ приплыло сюда въ 1810 году до 150 тысячъ деревъ. Какое важное пособіе для Крыма и Николаевской степи! Днѣпръ по берегу убитъ сваями, и отъ пристани саженъ на сто убавили его широты.

Чего не дѣлаютъ искуство и труды?
Каналъ, Азовъ и Понтъ вѣнчаютъ, какъ пруды.
И древній Бористенъ, теряя здѣсь свободу,
Сто саженъ отступилъ для пристани народу.

Канатная фабрика помѣщается въ огромномъ строеніи на 240 саженяхъ длины. Внизу крутятъ веревки, а вверху подъ крышкой, на чердакѣ съ просторомъ, прядется пенька. Народъ употребляется ссылочный, осуждаемый по приговорамъ къ каторжнымъ и крѣпостнымъ работамъ. Ни на одно лицо взглянуть нельзя равнодушно: всякаго черты ужасны; печать злодѣйства отражаетъ всякое сострадаціе. То ли бы было, подумалъ я, ходя по этой пространной галереѣ и прислушиваясь къ нестройному звону желѣзъ, естьли бъ по обоимъ концамъ поставили громкіе оркестры и вдоль строенія вытянуть въ два фрунта экосесъ? Всякой, думаю, воленъ дѣлать въ себѣ и про себя, какія хочетъ, примѣчанія. Волтеръ гдѣ-то сказалъ: «Les volontés sont libres.» Кажется, онъ ошибся: а тому, кто скажетъ: «Les pensées sont libres,» не чѣмъ возразить.

Много здѣсь хорошаго и полезнаго вздумала Екатерина; скажемъ же и то, что Потемкинъ многое и исполнилъ хорошо. Память Херсонской Царицы здѣсь незабвенна; цѣлы еще стѣны того строенія, въ которомъ нѣкогда она ужинать изволила; говорятъ, что на столѣ, вмѣсто обыкновеннаго убранства, въ модели изображенъ былъ искуственнымъ образомъ весь ея флотъ, и что какъ скоро она сѣла кушать, то на немъ поднялись флаги. Скажемъ это тысячу разъ: «Вѣкъ ея былъ вѣкъ очарованія.»

Здѣсь я опять настигъ нитку политическихъ происшествій: нѣсколько прочелъ № «Сѣверной Почты,» узналъ о новой монетной системѣ. Удалясь нѣсколько отъ центра новостей, всякой листочикъ свѣженькой печати займетъ чрезвычайно. Я часто это испытывалъ дорогой. Здѣшнему Губернатору нѣкогда лишній часъ проспать. Дюкъ опять сегодня проскакалъ въ Крымъ: видно, флотъ Турецкой хоть не страшенъ, да и не забавенъ.

Вездѣ есть диковинки: почтетъ ли читатель мой ею то, что я готовлюсь ему сказать, не знаю; но для меня весьма удивительно было услышать, что въ Херсонѣ Городской Голова—Французъ, поселившійся здѣсь болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Чудо!

Въ день отъѣзда нашего отсюда, 20 числа, я, съ дозволенія Господина Губернатора, ходилъ купаться въ Днѣпръ: у него закрытая и пловучая ванна. Прохлада не совсѣмъ пріятная; вода мутна и съ зеленью. Въ Володимірской Губерніи Нерль не Днѣпръ, но какая разница для этого наслажденія! Мы позавтракали у Губернатора, простились съ нимъ, съ его семействомъ, и поѣхали, какъ будто домой, въ Николаевъ. Въ четыре часа съ половиною мы проскакали 60 верстъ: лошади не бѣгутъ, летятъ, и ихъ дикія лошади у насъ не отпрягали. Я долженъ эту строчку объяснить; иначе она будетъ казаться непонятною.

Одинъ путешественникъ, напечатавъ многое объ Одессѣ и здѣшнихъ мѣстахъ, между прочимъ, помѣстилъ слѣдующее извѣстіе:*

* Пр. «Письма о Крымѣ,» переводъ съ Французскаго сочиненія, съ которымъ рядомъ выпечатанъ и оригиналъ.—1810. Полное заглавіе его таково: «Письма о Крымѣ, Одессѣ и Азовскомъ морѣ; соч. Г-жи Гутри, перевелъ съ Французскаго П. Снегиревъ, на Россійскомъ и Французскомъ языкахъ. М. Въ типографіи Всеволожскаго. 1810. 8.» О. Б.

«Сія степь сколь ни худа, однако питаетъ дикихъ лошадей, которыя и имѣютъ странный инстинктъ освобождать лошадей, естьли увидятъ запряженными: онѣ нападаютъ иногда толпами на запряженныхъ лошадей, разбивая повозки, перерываютъ збрую, потомъ убѣгаютъ съ новыми товарищами, естьли удастся имъ освободить ихъ.»

Я Херсонскую степь, т. е., разстояніе между Херсономъ и Николаевымъ, проѣхалъ два раза, и по утру и въ вечеру, но ни отъ кого этого не слыхалъ, нигдѣ этого не видалъ. Замысловатыя лошадки! Видно, и въ ихъ родѣ водятся республиканскія головки, кои узды не терпятъ. Благодаря Бога, или лучше сказать Херсонскую фею, это все ея, видно, превращенія! Наши кони очень смирно довезли насъ до Николаева, гдѣ мы нашли всю свою домашнюю бесѣду, и въ ней отстатокъ дня весьма пріятно проводили.

ГЛАВА LI.

Отъѣздъ изъ Николаева.

Въ послѣдній день нашего пребыванія въ Николаевѣ расхарчился нашъ хозяинъ, зазвалъ много гостей и не пожалѣлъ хорошей бутылки вина. По утру я таскался по рядамъ, по базару: купилъ, во первыхъ, сукно, но ошибся въ выборѣ, сукно гнило; однако фракъ стоилъ 30 рублей: изрядныя бы деньги и не для фрака лѣтъ 20-ть ранѣе. Арбузовъ и дынь въ Николаевѣ пропасть и дешевы. Купя за 40 копѣекъ двѣ штуки, я на силу ихъ съѣлъ въ моей компаніи, которая была не мала въ тотъ день.

Откланявшись Господину Адмиралу, зашелъ проститься къ отцу Ефимію: засталъ благоговѣйнаго Іерея, читающаго Соломона.

Поговорили мы съ нимъ о многихъ предметахъ суеты человѣческой. Онъ, провожая меня, кричалъ: «Всяческая суета!» а я ему отвѣчалъ: «Безъ нея нельзя!» и съ этѣмъ мы разстались.

Господа морскіе пожаловали къ намъ на вечеръ и привезли всю свою роговую музыку. Какое прекрасное изобрѣтеніе! Оно питаетъ унылыя мысли, развертываетъ ихъ и даетъ душу меланхоліи. Я не могъ равнодушно слушать звуковъ этѣхъ мѣдныхъ, разноголосныхъ трубъ. Лакримальные сосуды мои напружились, и я потихоньку плакалъ, ходя одинъ въ саду. Есть такія минуты, въ которыя печаль, одна печаль, овладѣя всѣми нашими чувствами, среди самыхъ шумныхъ бесѣдъ и роскошныхъ вечеринокъ, даетъ намъ чувствовать всю свою тягость. Это было на канунѣ 22-го Іюля, дня имянинъ покойной дочери моей. Я вспомнилъ Машу, которая, когда я слушалъ искуственные мусикійскіе звуки, плѣнялась уже далеко отъ меня согласіемъ превосходной небесной гармоніи. Хорошо дѣлаетъ Русской человѣкъ, что пьетъ, когда ему грустно: самое вѣрное лѣкарство отъ печали! Я изъ саду вышелъ въ комнаты; всѣ пили пуншъ, давайте-ка и мнѣ! Выпилъ очередную чашу, голова закружилась, и я скоро забылъ, что радость и что печаль. Въ такомъ расположеніи чувствъ мы отужинали и ѣли много. Всякой разсказывалъ свое, кто быль, кто небылицу. Помѣстите, куда вамъ угодно, слѣдующее:

Въ Тріестѣ, сказывалъ намъ нѣкто изъ собесѣдниковъ нашихъ, содержатель Театра обязанъ платить очень дорого за привилегію свою Французскому Двору. Какъ-то сборъ началъ упадать и содержатель сдѣлался неисправнымъ. Правительство не шутитъ: давай деньги! Содержатель жалуется, что многіе богатые жители не ѣздятъ въ Театръ, не берутъ ложъ изъ одного ругательства Французамъ. Правительство, чтобъ выручить свои деньги, принуждаетъ богачей брать мѣста годовыя. Они ихъ откупаютъ, насильно ѣздятъ забавляться, а содержатель оплачиваетъ долгъ свой, и всѣ довольны. Славная контрибуція! Вотъ что называется прекраснымъ насосомъ выжимать изъ чужихъ кармановъ деньги. Вѣдь, можетъ быть, это и вздоръ!

Распростясь со всѣми, мы расположились на другой день, 22 числа, рано по утру, выѣхать, и намѣреніе наше исполнилось. Въ

минуту нашихъ сборовъ узнали мы, что часть Россійской эскадры заняла Сухумъ-Кале, крѣпостцу на матеромъ берегу Мингреліи. Ею управлялъ отцеубійца. Кого пощадитъ тотъ, кто не чтитъ родителя? Народъ взволновался, звалъ Русскихъ на помощь, увидѣлъ флаги ихъ и покорился.

Прости, Николаевъ! Я тебя вспомню всегда и вездѣ въ радости и въ печали. Настоящія наши наслажденія суть рода удовольствій нашихъ въ будущемъ. Естьли бъ воспоминанія не оживотворяли души человѣческой, она бы отходила къ своему Создателю, не испытавъ ни какой радости въ свѣтѣ. Такъ, такъ мы живемъ въ прошедшемъ стократно болѣе, чѣмъ въ настоящемъ: это нашъ удѣлъ, это участь человѣка чувствительнаго! Простите, Спаское, Богоявленское, мѣста славы знаменитаго вельможи, мѣста изнѣженныя самой природой! Вы всегда привлечете къ себѣ восторги тѣхъ, кои любятъ жить въ натурѣ, по натурѣ и не разлучно съ нею; равно обратятся къ вамъ и мысль и взоры тѣхъ, коихъ изумляло когда ни будь и изумитъ впредь, въ лѣтописяхъ нашихъ, величество Потемкиныхъ:

Таврической! Тебѣ въ твой вѣкъ дивился Питеръ:
Но въ немъ ты былъ лишь Князь, а здѣсь ты былъ Юпитеръ.

Съ этѣмъ восклицаніемъ я уѣхалъ, и скоро скрылся отъ глазъ моихъ Бугъ. Съ великолѣпными его берегами пропали высокія Ингульскія трости. Опять я скачу въ степи и возвращаюсь въ Елисавету.

4 версты отъ Николаева есть селеніе Терновки. Сюда проводили насъ хозяинъ нашъ и Боб. Прежде тутъ была Турецкая слободка; въ ней видны и поднесь разоренный домъ Паши и маленькая рощица, подъ которой бѣжитъ чистый ключъ воды. Здѣсь въ уединеніи онъ, чаю, исповѣдывался въ тайнѣ своему Пророку и лобызалъ раболѣпныхъ наложницъ; а нынѣ тутъ обитаютъ Болгары, вытѣсненные Турками изъ Адріанополя и прибѣгшіе подъ покровительство Россіи. Здѣсь они забываютъ смутныя времена своего отечества и живутъ спокойно. Вотъ прямо полезная колонія! Болгары трудолюбивы, любятъ хлѣбопашество

и разумѣютъ искуство воздѣлывать землю: у нихъ ни одна черта земли не теряется, все засѣяно и воспитано. По огороднымъ своимъ усадьбамъ они еще разводятъ и шелковичныя деревья. Я долго радовался, глядя на ихъ сельскія упражненія.

Старая мечеть обращена въ Греческую церковь; башни ея однако сохранены, какъ памятникъ, и этѣ два различныя по началу своему зданія странное представляютъ соединеніе язычества съ Православіемъ. На одной изъ нихъ повѣшены колокола. Я ходилъ на самый верхъ ея, но видовъ пріятныхъ она не открываетъ. При храмѣ семъ Священникъ изъ Болгаръ; иконостасъ въ Греческомъ вкусѣ, но безъ всякихъ украшеній, рѣзнаго нѣтъ ни чего. Утварь пожалована Государемъ не богатая, но полная.

Здѣсь послѣднюю рюмку вина выпилъ я съ добрымъ моимъ хозяиномъ и съ Черноморскимъ пріятелемъ Б. и, разцѣловавши обоихъ, прижавши крѣпко къ сердцу, надвинулъ шляпу на сырые очи и ускакалъ во всю конскую скачь.

Доѣхавъ со мною до первой станціи, читатель вспомнилъ, что ее зовутъ Кандыбино, что тутъ славный источникъ въ горѣ. Я подошелъ къ ней, выпилъ стаканъ воды изъ ключей ея, освѣжилъ осеннюю свою голову и, перемѣня лошадей, удалился отъ Николаева. На пути встрѣтился намъ какой-то Ливонецъ Бар., ѣдетъ въ Крымъ искать ужасовъ и развалинъ. Счастливый ему путь! Право я ему не позавидовалъ. Крымъ, признаюсь, ни сколько не раздражалъ моего любопытства.

Въ Виландовой мызѣ или, по здѣшнему, трактирѣ (пустомъ, однако) мы потерпѣли задержку въ лошадяхъ, по тому что день былъ почтовый и лошади въ оба конца въ разгонѣ; объ обѣдѣ въ суетахъ мы не подумали; поварня ѣхала съ нами и успѣла дать намъ только яичницу, которую очень скоро сварили и вдвое скорѣе мы съѣли. Лежа на травѣ, похлебали молока, и за трапезой простой натуры насытившись, поспѣшали на ночлегъ, который судьба, случай, нечаянность, такъ часто гораздо лучше о насъ промышляющія, нежели самыя заботливыя наши суеты, приготовили намъ на пути, въ мызѣ доброй Госпожи Лореновой, гдѣ мы уже очутились въ 64 верстахъ отъ Николаева.

ГЛАВА LII.

Ночлегъ у Госпожи Лореновой. Путь до Новоміргорода и пріѣздъ туда.

Послѣ такой ночи, какую провели мы, естьли вспомнитъ читатель, въ Громоклеѣ, въ степи, на сырой землѣ, нынѣшній ночлегъ нашъ казался Божественнымъ угощеніемъ; въ самомъ дѣлѣ, случай намъ очень благопріятствовалъ. Помѣщица здѣшняго хутора, Госпожа Лоренова охотно насъ къ себѣ приняла, не смотря на тѣсноту своихъ комнатъ; и какое было мое удивленіе, когда въ самыхъ маленькихъ ея горенкахъ, по нашему даже убогихъ, ибо въ нихъ не было дощатыхъ половъ, а набитая земля вымазана желтой глиной и подкрашена, нашелъ я краснаго дерева мебель, т. е., зеркала, столы, Турецкій диванъ, хорошіе клавикорды, на которыхъ нѣкогда играла, вышедшая за мужъ, дочь нашей хозяйки, и шкапъ съ книгами: тутъ были романы Госпожи Сталь и Жанлисъ на оригинальномъ ихъ языкѣ: все это мнѣ такъ было странно, что я думалъ быть въ области какой ни будь феи. Въ степи находить книги, музыку, нѣкоторую роскошь не только просвѣщенныхъ, но уже и испорченныхъ отъ излишнихъ наслажденій, городовъ, все это меня очень удивляло; а къ удивленію мало по малу присоединилось и уныніе. Вотъ причина:

Все, что мы видѣли, занимало любопытство; намъ хотѣлось узнать, у кого мы. Госпожа Лоренова, добрая и гостепріимная наша хозяйка, сестра родная извѣстному по Москвѣ (что нужды, впрочемъ, съ какой стороны!) К. Ц., котораго жена, любезная и достойная барыня, нѣкогда въ Москвѣ, бывъ случайно очень съ домомъ отца моего знакома, крестила дочь мою, Машу. Крестницы ея уже нѣтъ на свѣтѣ, а мать ея крестную мнѣ не случалось видѣть съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ она милое мое дитя въ Москвѣ принимала отъ купели. Надобно было мнѣ самымъ неожиданнымъ образомъ попасть на ночлегъ въ такой домъ, который живѣйшее представить могъ мнѣ напоминаніе о Машинькѣ въ самый день ея имянинъ, чтобъ умножить тѣмъ сердечную

болѣзнь. Какое странное стеченіе случаевъ! Непостижимая судьба! Для чего я именно сего дня, а не вчера, не въ другой день, попалъ къ Госпожѣ Лореновой, съ которой никогда болѣе, можетъ быть, не увижусь? Тщетно я тебя спрашиваю: ты смертнымъ никогда ни на что не отвѣчаешь.

Госпожа Лоренова не удовольствовалась однимъ нашимъ помѣщеніемъ: при недостаткахъ своихъ она дала намъ хорошій ужинъ. Комнатки ея тѣсны, но опрятны. Видно изъ книгъ и инструментовъ, что она о воспитаніи дочери своей пеклась съ усердіемъ и разумомъ. Мы тутъ спокойно провели ночь въ верхней свѣтелкѣ, и на завтра отправились въ путь, осыпавъ ее признательнѣйшими ласками. Мы не могли ни чѣмъ, кромѣ благодарности, платить за благосклонность къ намъ тутошнихъ жителей. Тѣмъ цѣннѣе были въ глазахъ нашихъ малѣйшія ихъ услуги.

Проѣзжая Громоклею, мы порадовались за будущихъ путешественниковъ: тутъ уже строится чей-то довольно огромный домъ деревянный; и такъ здѣсь можно будетъ года черезъ три ночевать, и не на голой землѣ.

Въ Судоклеѣ хотѣли обѣдать, но только поѣли. На столъ поставить было нечего: ни яицъ, ни молока, ни масла. Привелъ бы сюда главнаго ресторатора Aimé, далъ бы ему сто рублей и велѣлъ показать свое искуство. Изъ ни чего выходитъ ни чего: самая вѣрная посылка. Мы поглодали старыхъ засушеныхъ запасовъ и поскакали. Отдыхалъ съ нами тутъ же проѣзжій церковникъ: онъ пробирался домой верстъ за 20-ть отсюда. На досугѣ и онъ собесѣдникъ, вошли мы въ рѣчь: гдѣ и чему учился, давно ли славитъ Всепѣтаго? Каково жить, дорого ли, дешево ли? Что даютъ за молебенъ и пр. и пр.? Добился только того, что онъ Дьяконъ, ходилъ пѣшкомъ верстъ за 500 ставиться въ чинъ. Это, подумалъ я, тяжелѣе старой нашей Герольдіи. Бѣдные люди! Здѣсь есть мѣста, за 1000 верстъ отъ Владыки отстоящія, и Дьячекъ долженъ пройти весь Крымъ до Екатеринослявля, чтобъ получить право, воротясь домой, надѣть изорванный стихарь. Вотъ, хоть и не прилично, да къ стати вспомнить пословицу иностранную: игра свѣчи не стоитъ! Дьяконъ мой, однако, здоровъ и дюжъ; голосъ у него прекрасный; мы съ нимъ пропѣли: «О паче ума,» въ честь Богородицы, и распростились. Я думаю, что онъ съ восторгомъ, а можетъ быть и съ насмѣшкой, разсказывалъ, пришедъ къ себѣ, домашнимъ, что проѣзжій заставилъ его пѣть, любовался его голосомъ, самъ съ нимъ подтягивалъ, и знаетъ также, какъ онъ, съ конца до другого, Осмогласникъ.

Въ Елисаветѣ мы долго слонялись по городу безъ квартиры; старая была заперта: хозяинъ куда-то отъѣхалъ, а хозяйка пьяна, и мы толку не добились; на силу нашли мы какого-то доброхота купца, который изъ тщеславія растворилъ для насъ огромную залу съ картинами, эстампами и прочими красотами купеческихъ домовъ въ провинціяхъ. Кони насъ сюда очень скоро поставили, мы проѣхали 100 верстъ; погода была въ степномъ климатѣ прекрасная, не жарко и не пыльно: сильный дождь выпалъ за сутки до насъ, и избавилъ отъ этого безпокойства. Надлежало за то вытерпѣть другое, т. е., посѣщеніе Молдаванскаго Князя, который у насъ посидѣлъ и помолчалъ.

Весь вечеръ мы освѣдомлялись, отъ кого могли, какъ доѣхать до Кіева и гдѣ лучше выбрать туда дорогу. Переночевавъ тутъ, я имѣлъ еще время, прежде нежели привели намъ лошадей, коихъ мы и не очень торопили, сходить въ Соборъ къ обѣднѣ. Храмъ пространный и хорошъ, письмо старинное. Народу было много для Воскресенья, и опять появились здѣсь около паперти нищіе: мы давно ихъ не видали. Пѣвчіе кричали во весь голосъ, басы ревѣли безъ всякаго вкуса; обѣдня шла до полудня, и, къ несказанному отягощенію Православныхъ, Пресвитеръ разсудилъ пощеголять проповѣдью. Я ушелъ, не дослушавши конца, и онъ вѣрно принялъ меня за невѣжу.

Изъ Собора ѣздилъ я съ визитомъ къ Молдаванамъ въ ихъ экипажѣ. Опять тоже великолѣпіе, цугъ въ шорахъ, а кучеръ съ широкими усами въ Турецкомъ своемъ одѣяніи. У нихъ не много посидѣвши (ибо они уже были мнѣ не въ диковинку), пріѣхалъ домой, отобѣдалъ, сѣлъ въ коляску, взглянулъ раза два еще на Елисаветградъ, и пустился въ Кіевъ.

ГЛАВА LIII.

Новоміргородъ и Златополь.

Отъ Елисаветы сюда 60 только верстъ, хотя словарь и утверждаетъ, что 150. Дорога прекрасная: мы проѣхали ее очень скоро. Степь продолжается, но не такъ уже гола; появились пріятные виды; показался мѣстами кустарникъ; вездѣ золотыя нивы радуютъ взоръ путешественника. Жатва, сѣнокосъ, все въ своей порѣ и народъ въ движеньѣ. Разнообразіе предметовъ украсило для насъ этотъ путь совершенно. Я съ удовольствіемъ любовался на сарафанъ нашего покроя, какого уже давно не видалъ. Подъ самымъ Новоміргородомъ селились при насъ Обоянскіе крестьяне, душъ до 100.

Недалеко отъ города встрѣтились намъ кучи Турокъ плѣнныхъ, коихъ везутъ на волахъ также селить подалѣе отъ своей родины. Война гоняетъ людей съ мѣста на мѣсто, какъ садовникъ пересаживаетъ деревья. И къ стати вспомнилъ: у самой заставы увидите вы старинный садъ, и также, какъ и я, вѣрно объ немъ потужите. Нѣкогда владѣлъ имъ Архіерей; потомъ, по стеченію случаевъ, обратился въ оброчную статью и поступилъ въ казенное вѣдомство, а тамъ, разумѣется, и брошенъ; всѣ плодовитыя деревья погибли, осталась одна только густая зелень, которая свидѣтельствуетъ, что человѣкъ столько удобенъ все воздвигнуть и создать, столько же и разорить все можетъ: однако и этотъ нечистый лѣсокъ, что былъ прежде садъ, здѣсь для глазъ пріятенъ.

Въѣхавши въ городъ довольно рано, мы остановились у Г. Пот..., тутошняго Гор., который прямо принялъ насъ въ свой домъ и позволилъ у себя ночевать. Съ нимъ жены не было, онъ хозяйничалъ одинъ. Домикъ у него маленькой, но крайне опрятенъ; впрочемъ, лучшей квартиры въ городѣ нѣтъ, хотя тутъ до 2000 душъ считается народу. Время было прекрасное, и мы имъ воспользовались, просидя на крыльцѣ весь вечеръ. Я неосторожно напустилъ на грушп: ихъ здѣсь очень много.

Природа никогда насилій не прощаетъ:
Невоздержаніе недуги привлекаетъ.

И подлинно: натура, чтобъ доказать мнѣ справедливость моихъ стиховъ, потѣшила меня индижестіей и сильной мигренои, отъ которой я самую худую ночь провелъ. Это мнѣ не помѣшало, оставляя Новоміргородъ, на завтра взять грушъ съ собою хорошій въ дорогу запасъ, и на упреки жены моей, что я неумѣренъ въ прихотяхъ своихъ, или короче и яснѣе сказать, жаденъ, я ей отвѣчалъ слѣдующими стихами:

Безъ груши нѣтъ въ саду хорошаго плода;
Безъ груши земляной нѣтъ вкуснаго стола;
Безъ груши для невѣстъ серегъ нѣтъ драгоцѣнныхъ,
Безъ груши для меня нѣтъ въ жизни дней блаженныхъ.

Жену мою зовутъ Аграфеной: что ей оставалось сдѣлать, какъ улыбнуться, замолчать и дать мнѣ волю наѣдаться грушъ?

Виноватъ! Я ужь собрался изъ Новоміргорода, не сказавъ ни чего объ немъ самомъ. Городъ не важный; домовъ хорошихъ деревянныхъ въ немъ очень мало, все мазанки. Онъ заштатный и безъ уѣзда: въ немъ нынѣ только Магистратъ, Городничій, два частныхъ Пристава, и нѣсколько Десятскихъ: вотъ все его правительство! Нѣтъ ни Ст. Ком., ни Казначейства, и обыватель ѣздитъ судиться судомъ и расправой въ Елисавету, и когда доводится Уѣздному Суду съ Магистратомъ держать общее присутствіе, то членъ Уѣзднаго Суда изъ Елисаветы наѣзжаетъ въ Новоміргородъ.

Въ Россіи все дѣлается творческимъ духомъ: да будетъ то,— и бысть! Здѣсь нѣкогда была граница наша къ Польшѣ и живали иностранные Консулы, цвѣла торговля. Вдругъ потомъ поставленъ былъ здѣсь же престолъ Вознесенской Губерніи. Губернскій ея городъ хотя и назначенъ былъ въ Вознесенскѣ, посреди области Бугскихъ Казаковъ, но, до отстройки того мѣста, все гражданское его сословіе поселилось въ Новоміргородѣ. Недолго это такъ побыло; наконецъ Новоміргородъ, обратясь въ посадъ, удостоенъ остаться безуѣзднымъ городомъ, и теперь весь составленъ изъ развалинъ: судьба многихъ нашихъ городовъ!

Я полюбопытствовалъ видѣть здѣшнее рекрутское депо. Командиръ его, Г. С., принялъ меня очень учтиво и дозволилъ весь свой лагерь видѣть. Шалаши ихъ лѣтніе, кои повсемѣстно уже зовутъ биваками, хотя, думаю, Французское слово bivaq совсѣмъ не то значитъ: сдѣланы изъ прутника и обмазаны глиною; на строеніе ихъ матеріалъ отводятъ имъ изъ казеннаго лѣсу. Пекарни очень хороши, и здѣсь уже топятъ дровами: мы по маленьку разстаемся съ кизикомъ. Лазаретъ въ особомъ домѣ, который отводитъ купеческое общество. Сюда сбираются рекруты Харьковской и Симбирской Губерній.

Чтобъ договорить о Новоміргородѣ, скажу еще нѣчто на счетъ здѣшняго мѣста весьма странное. Городъ этотъ принадлежитъ къ Херсонской Губерніи; отъ него въ верстѣ мѣстечко Златополье въ Кіевской уже Губерніи. Міргородскіе жители сами покупаютъ хлѣбъ въ Златопольѣ, однако проходящія команды обыватель Златопольскій обязанъ кормить за 8-мь, а въ Міргородѣ за 5-ть копѣекъ.

Златополье не что иное, какъ очень не важная полоса земли подъ городомъ. Мы тутъ, продолжая путь свой, остановились: я не знаю, кому оно принадлежитъ. Тутъ выстроены ряды, по наружности своей ни чего не обѣщающіе; въ нихъ торгуютъ Жиды всѣмъ, что только вздумать можно. Вы найдете въ нихъ прекраснѣйшія сукна, казимиръ, бархатъ, дамскіе уборы и старые богатые придворные кафтаны, совсѣмъ сшитые, которые распродали, конечно, съ плеча 18-го вѣка Господа Камергеры, когда увидѣли, что сѣдинъ ихъ и шитые кафтаны уже не красятъ. Нынѣ такое платье обратилось въ театральный костюмъ, и въ немъ увидишь только Украсова въ оперномъ домѣ въ Москвѣ; признаюсь, что я не могъ надивиться той обширной торговлѣ, какую я здѣсь нашелъ, въ разныхъ предметахъ роскоши, почти на чистомъ полѣ. Кому купить, кому продать? однако, все это идетъ своимъ чередомъ, а Жиды еще долго будутъ здѣсь Польскія злотыя притягать въ свои запачканные карманы.

ГЛАВА LIV.

Путь до Звенигородки.

Проѣхавши Златополь, мы впали въ предѣлы Кіевской Губерніи. Ахъ! какая разница со степью! По всѣмъ сторонамъ открылись плѣнительныя зрѣлища плодоносной земли и благосклонной къ мѣстамъ симъ природы: изобильная жатва вездѣ, наметаны огромныя скирды хлѣба. Дорога хуже степной тѣмъ, что гориста, но отъ того-то самаго она кажетъ разныя пріятныя картины; селенія встрѣчаются чаще; во всякомъ изъ нихъ увидишь ручей, чего глаза наши лишены были уже такъ давно. По нѣкоторымъ мѣстамъ сохранились отъ бурь и лѣсныхъ надзирателей дубовыя и кленовыя рощи, но весьма уже рѣдки: дубъ одинъ отъ другого въ большой разлукѣ. При всемъ томъ каждое дерево густотою своею окружаетъ около себя довольно большую тѣнь. Я не примѣтилъ валежника въ прозрачныхъ сихъ лѣснахъ, въ коихъ болѣе площадей, нежели живыхъ деревьевъ; все очень выметено: не валяется ни прутъ, ни кустъ. По такой примѣтѣ можно бы думать, что нуждающійся въ дровахъ обыватель, для тепла своей хижины, бережливо вычищаетъ свою дачу; но видѣлъ же я и сухостою пропасть, который сохраняется, не знаю для чего, а между тѣмъ печалитъ взоръ самаго веселаго странника. Для меня нѣтъ ни чего способнѣе къ возбужденію меланхоліи самой мрачной, какъ видъ сухаго дерева: мертвецъ обнаженный на ногахъ — какая страшная идея для воображенія! Безъ того этѣ рощи могли бы показаться садами.

Вообще можно залюбоваться всѣмъ этѣмъ лоскуткомъ старой Польши, * который имѣетъ разновидныя прелести. Въ селеніяхъ роскошь; Жиды вездѣ торгуютъ и копышатся, какъ пчелы въ ульяхъ; на поляхъ трудники собираютъ дары природы и города ставятъ хлѣба.

---

* По понятіямъ Польскимъ, собственно же это часть исконной Южной Руси или Украины, Малой Россіи. О. Б.

У самой почти большой дороги, у подошвы небольшой горы, при чистомъ источникѣ, омывающемъ нѣсколько жилъ крестьянскихъ, разсѣянныхъ на зеленой лужайкѣ, увидѣли мы часовню. «Вотъ нѣчто наше, Россійское!» закричалъ я, и мы остановились. Подошелъ къ намъ старецъ съ крестомъ: онъ изъ монастыря, который въ 5-ти верстахъ отсюда во имя Георгія поставленъ. Здѣсь молятся о Митрополитѣ Кіевскомъ, и мы уже приближаемся къ селеніямъ святымъ, гдѣ Провидѣнію угодно было воздвигнуть вѣчные памятники своей славы.

Лошадей мѣняли мы въ Шполѣ. Это мѣсто принадлежитъ, по наслѣдству, послѣ Князя Потемкина, племянницѣ его, Госпожѣ Лопухиной. Село огромное, но ни чего не значущее ни по мѣстоположенію, ни по строенію, а съ перваго взгляда оно обѣщаетъ очень много, по тому, что въѣдешь какъ бы въ заставу городскую: двѣ колонны и рогатки. Лошадей даютъ тутъ прескверныхъ, не смотря на большой перегонъ, и мы съ большимъ трудомъ доѣхали до Звенигородки, гдѣ и остановились ночевать. *

За нѣсколько верстъ отъ нея проѣхали мы сквозь большое имѣніе Потоцкаго, по имени Богачево. ** Здѣсь должно замѣтить, и съ большимъ вниманіемъ, огромные камни, кои природа раскидала по берегамъ умѣренной рѣки. Издали и при упадающемъ свѣтѣ дня они наводятъ ужасъ разнообразіемъ своихъ фигуръ. Нѣтъ! Изъ такихъ каменьевъ не выдолбить того, что въ Одесскихъ каменоломняхъ надѣлать можно. Тотъ снисходительнѣе гораздо этого. Я очень долго дивился на дикіе хребты камней, кои опоясуютъ, кажется, большое пространство здѣшнихъ земель.

* Она напоминаетъ намъ городъ Звенигородъ, близъ Кіева, на р. Ветѣ, упоминаемый не разъ въ Исторіи, и другой Звенигородъ, Уѣздный городъ Московской Губерніи, въ 50 верстахъ отъ столицы. Звенигородка теперь Уѣздный городъ, на лѣвомъ берегу рѣки Гнилаго Тикича, впадающаго въ Синюху, съ 21,000 жителей, въ 188 верстахъ отъ Губернскаго города. Въ концѣ прошлаго вѣка Звенигородка была мѣстечкомъ Екатеринославскаго Уѣзда Вознесенскаго Намѣстничества. О. Б.

** Теперь Богачевка. О. Б.

Съ большимъ сожалѣніемъ принужденъ я былъ проскакать подъ городомъ самую пріятную долину, но сумерки не позволили мнѣ мѣшкать въ дорогѣ. Днемъ коляска—прекрасная квартира, но не ночью. Самая худая изба для меня ея лучше. Извѣстно тѣмъ, кто меня читывалъ, что

Я ночью не ѣздокъ, хоть дай почтовыхъ даромъ.

Спустясь съ горы, лежитъ путь между холмами, въ долу, покрытомъ зеленью, какъ эмалью, и усыпанномъ благовонными цвѣтами. Никто ихъ не разсаживалъ: вѣтеръ ихъ сюда занесъ; солнце пригрѣло, выросли и курятъ воздухъ. Отъ долины версты на три пошелъ небольшой дубовый лѣсокъ: тѣнь повсюду вокругъ его разстилается. Уходить сюда въ жаръ—безподобно. Пріятно и вечеркомъ полежать на травѣ, отдохнуть и поблагодарить натуру. Еще я все это придумывалъ и загадывалъ, какъ ужь кони наши подвезли къ Звенигородкѣ. И мы очутились на квартирѣ,—уже темно было.

Звенигородка, Повѣтовый или Уѣздный городъ Кіевской Губерніи, населенъ Жидами и Козаками. Квартиръ хорошихъ нѣтъ, все мазанки, или Жидовскія корчмы: и въ тѣхъ, и въ другихъ нечисто; во всемъ городѣ одинъ только каменный домъ, занимаемый Присутственными Мѣстами, можетъ быть названъ зданіемъ. За недостаткомъ жилъ удобныхъ, Городничій принужденъ былъ пустить насъ къ себѣ, и изрядно потѣшилъ: безъ театра комедія! Этотъ добрый, заслуженный Офицеръ, молодецъ на штурмѣ, станется; но въ гражданскомъ состояніи, увы! Мы почти насильно къ нему въѣхали и заняли одну только комнату. На бѣду нашу Господинъ Маіоръ, лѣтъ до 60-ти дожившій, судя по лицу, за три передъ симъ мѣсяца, разсудилъ жениться, и тѣмъ сдѣлалъ домъ свой еще тѣснѣе для услугъ гостямъ.

Поелику мы не прямо еще ѣхали въ Кіевъ, а хотѣлось взглянуть на славную въ томъ краю Софіевку, садъ Графа Потоцкаго, куда, по слухамъ, дорога сворачивала отсюда въ сторону, то мы и просили нашего Городничаго наставить насъ, какъ держать путь въ Умань, той же Губерніи и такой же Уѣздный городъ, какъ и здѣш-

ній; но онъ, какъ человѣкъ не романическій, до диковинокъ природы не охотникъ, и не умѣлъ намъ дать совѣта. Мы послали спросить у Почтоваго Смотрителя, и тотъ ни чего не знаетъ, и кабы насъ, просто сказать по Русски, не надоумилъ одинъ добрый обыватель, то бы мы толку не нашли, а, кажется, рѣчь шла не о Китаѣ. Смѣшно было видѣть, какъ они, всѣ трое, заспорили между собою: одинъ шлетъ на сѣверъ, другой на югъ, третій ни туда, ни сюда; наконецъ перебранились и ушли. Я давно такъ не хохоталъ.

Вспыльчивый нашъ хозяинъ, отдохнувши на постелѣ, зашелъ къ намъ опять, чтобъ снова разсердиться, но уже не на Экспедитора, а на всѣхъ насъ. Между рѣдкостями, какими онъ въ домѣ своемъ хвасталъ, показывалъ намъ Г. Маіоръ картину, висящую у него надъ дверьми. Она представляла страннаго виду урода каріатиду, пронзенную отвсюду стрѣлами и въ безобразномъ положеніи. На спросъ: «Что это такое?» Отвѣтъ, что въ «прошедшую Прусскую войну было такое явленіе на небѣ,» и онъ называлъ эту малевку оказіей. Подлинно оказія и онъ и картина. Ему подарилъ какой-то пріятель и сослуживецъ, и онъ чтитъ ее гораздо больше, нежели Жиды свой Декалогъ. Мы всѣ хохотали; и какъ иначе? Онъ разсердился, надвинулъ усы, раза два харкнулъ и ушелъ. У него же мы поучились бить гвоздемъ въ кольцо; это упражненіе въ его гостиной; кольцо воткнуто въ стѣну, а гвоздь на ниткѣ: искуство въ томъ, что, раскачавши гвоздь, отступя нѣсколько шаговъ отъ стѣны, попасть мѣтко въ кольцо и не дать промаху. «Забава не простая и очень увеселительное времяпровожденіе,» сказалъ я ему, какъ онъ сталъ мнѣ свое мастерство показывать и смѣялся надъ моей неудачей. «Тото же!» возразилъ онъ, улыбнувшись, и ретировался во внутренній свой чуланъ: много еще проказниковъ на свѣтѣ! Вы можете вообразить, какія въ этой головѣ соображенія, умозрѣнія, системы, планы, идеалы и пр. Кто имѣетъ теоретическое только понятіе о дурачествѣ, тотъ можетъ пріѣхать въ Звенигородку разсмотрѣть его на практикѣ.

ГЛАВА LV.

Дорога до Умани.

Отъ Звенигородки до Умани 78 верстъ, но хуже ста въ другомъ мѣстѣ;—добрый день ѣзды по тому, что дорога боковая, а не широка; горъ множество, особливо въ послѣдней станціи; лошади обывательскія самыя тощія и на силу насъ довезли. Къ тому же повсюду за ними остановки. Мы выѣхали въ 8 часовъ утра, а пріѣхали въ 10-ть, и очень уже было темно.

Но для глазъ по пути пріятнаго много: горы вездѣ рисуютъ ландшафты; селенія очень часты: въ нихъ костелы и церкви издали видны; травы и хлѣбы вездѣ прекрасные: сладкая надежда для обывателя и приманчивая картина для путешественника! На поляхъ жнутъ и поютъ, а на перекресткахъ Жидовскія корчмы, въ которыхъ запахъ горѣлки привлекаетъ проѣзжихъ и прохожихъ: тутъ всегда людно.

Мы обѣдали въ селеніи, по названію Талня; въ ней бѣжитъ рѣчка Якичъ *—мѣсто прекрасное. По берегу ея тянется хребетъ каменныхъ высокихъ горъ и такія индѣ видны скалы, которыя ужаснѣе гораздо самыхъ береговъ Чернаго моря. Источникъ неширокъ и перерѣзанъ частыми островками; за каменной его оградой лѣсокъ убираетъ вдали этотъ пріятной рисунокъ природы. Мы здѣсь съ часъ помѣшкали на почтовомъ дворѣ и безпрестанно то въ ту, то въ другую, сторону на мѣстоположеніе глядѣли.

Не меньше пріятно было взглянуть среди полей, украшенныхъ безчисленными копнами, на полосу земли, засѣянную гречей. Она, какъ лента, на полверсты протянута. Греча тогда была въ самомъ сильномъ цвѣтѣ, и ее проросли какіе-то еще другіе желтые цвѣты: соединеніе сихъ двухъ красокъ такой производило къ солнцу прекрасный отливъ, что я, имѣвъ привычку въ

* Горный Тикичъ? О. Б.

коляскѣ читать и рѣдко отрываясь отъ книги, тутъ, не смотря на самое занимательное сочиненіе, закрылъ книгу, велѣлъ ѣхать шагомъ и все глядѣлъ на двуличневую гречу. Ни какой живописецъ, конечно, не подобралъ бы искусною кистію на холстѣ столь живыхъ тѣней, ни самъ Рафаель, хотя онъ для живописи былъ то, что Богъ для естества.

Подъ самойУманью прекрасная роща. Остановитесь тутъ погулять, естьли вы рано пріѣдете, а мы торопились на квартиру: вечеръ стращалъ своей темнотой. Что ближе къ Умани, то горы круче и чаще, лошади наши утомились и насилу везли. Облака спрятали мѣсяцъ, зги не видать: поскорѣй хотѣлось вонъ изъ коляски въ комнату и напиться чаю въ комнатѣ; повозки отъ насъ всѣ отстали: ни поварни съ нами, ни постели; все надобно было брать чужое. Пріѣхавши въ Умань, мы заняли квартиру у богатаго и семьянистаго Жида. Онъ снабдилъ насъ своими постелями; отъужинавши очень дурно, мы на нихъ повалились, и ночь провели безпокойно. На разсвѣтѣ собрались наши люди и повозки.

Къ умноженію досады съѣхался здѣсь со мной человѣкъ, котораго оставлялъ я въ Николаевѣ для доставленія мнѣ писемъ изъ дому; но онъ, доставя мнѣ разныя извѣстія тамошняго края, по отъѣздѣ моемъ оттуда дошедшія, ни строчки не привезъ отъ родныхъ и друзей. Какъ я разсердился! Топалъ ногами, бѣгалъ по широкимъ комнатамъ стараго Еврея, который думалъ, что я въ бѣлой горячкѣ; но что ни дѣлай, писемъ нѣтъ. Ахъ! Сколько бываетъ неудачъ на нашей пакостной планетѣ. Признаюсь, что этотъ день былъ одинъ изъ самыхъ тяжкихъ въ нашемъ путешествіи. «Увидимъ, увидимъ,» ворчалъ я про себя, «что за прелести такія необыкновенныя въ хваленомъ саду Потоцкаго, и стоятъ ли они такихъ сильныхъ безпокойствъ, какія для него мы терпимъ.» Скоро увидя Софіевку, согласился, что подлинно для такого зрѣлища много труда перенести возможно, и пакостная планета обратилась въ прекраснѣйшій міръ во всемъ твореньи. Это стоитъ Іониной тыквы.

ГЛАВА LVI.

Умань и разные въ ней предметы.

Умань есть Повѣтовый городъ Кіевской Губерніи, и какъ онъ, такъ и весь его Уѣздъ, составленъ изъ имѣнія Потоцкаго, и до нынѣ ему принадлежитъ. Казна имѣетъ здѣсь своего Полиціймейстера и Уѣздный Судъ. Городъ сидитъ на горѣ, но не хорошъ: строеніе тѣсно и безъ правильности, а вкуса и совсѣмъ нѣтъ. Каменныхъ зданій важныхъ не найдете, по большой части все Жидовскія корчмы. Наша квартира была изъ лучшихъ въ цѣломъ городѣ.

Среди большой улицы выстроенъ каменный тюремный домъ по обѣ стороны и связанъ двумя колоннами со сводомъ, кои издали кажутъ видъ торжественныхъ воротъ; но какъ удивишься, когда, подойдя къ нимъ, услышишь жалостный стонъ колодничій. Я не думаю, чтобъ это было хорошо, во первыхъ, по тому, что заключенные въ тѣсномъ сообщеніи съ народомъ и проходящими, а во вторыхъ, и для того, что имъ на воздухъ выйти некуда: они окружены строеніемъ и улицами.

При насъ тутъ стоялъ Гусарской полкъ и содержалъ караулъ въ городѣ: прекрасные люди, одѣты щегольски, мастера своего дѣла. Каждое утро разводъ съ музыкой; каждый вечеръ заря отправляется съ музыкой; а народъ, какъ и вездѣ, около гауптвахты толпится, слушаетъ и дивуется.

Церковь Россійская бѣдна, но велика; иконостасъ въ ней круглый на столбахъ и съ куполомъ. Храмъ строенъ еще во время Польскаго владѣнія Потоцкимъ, и въ немъ стоятъ портреты его и женнинъ. Священникъ старъ, и 30 уже лѣтъ поетъ тутъ своему Господу. Онъ съ большимъ тщеславіемъ хвалился мнѣ тѣмъ, что приводилъ въ этой церкви къ присягѣ Князя Прозоровскаго на чинъ Фельдмаршала. Рядомъ съ большимъ или главнымъ престоломъ, на поворотѣ въ другую сторону, и по нашему совсѣмъ не на востокъ, поставленъ тутъ же подвижный храмъ полковый, въ которомъ иногда для полку поется и обѣдня. Духовные люди пусть разсудятъ, прилично ли такое несходство съ

правилами. Для меня собственно, когда дѣло идетъ о призываніи Бога, Востокъ и Западъ, Югъ и Сѣверъ, все равно. Лучшій домъ молитвы предъ Вышнимъ есть сердце праведнаго.

Я ходилъ въ костелъ и слушалъ тутъ Уніятскую обѣдню: мнѣ очень пріятно было видѣть образъ ея отправленія. Смѣсь Католицкаго съ нашимъ. Двѣ важныя разницы, кои я нашелъ противъ нашей обѣдни, состоятъ въ томъ, что поминаютъ Папу на ектеніяхъ и на выносѣ даровъ, и въ Символѣ Вѣры исповѣдуютъ происхожденіе Духа Святаго не по Гречески. Впрочемъ, существо литургіи тоже, но образъ совсѣмъ различенъ. Подобно Католикамъ, Уніяты не имѣютъ иконостаса и трехъ вратъ, къ нему принадлежащихъ. Престолъ ихъ наружи; Священникъ служитъ предъ нимъ, открытъ отвсюду; выходитъ изъ особой комнаты боковой въ полномъ облаченіи, какъ наши Іереи, выноситъ утвари церковныя, ставитъ ихъ на престолъ и начинается обѣдня; ектеньи всѣ читаются и крылосы поютъ по Русски. Причетъ тутошній похвастаться хотѣлъ пѣвчими. Они отправляли при мнѣ службу и многое довольно хорошо пѣли по нотѣ; одѣты всѣ 6 человѣкъ въ стихаряхъ бѣлыхъ.

Во время отправленія сей службы предъ главнымъ престоломъ въ слухъ, вышелъ другой Священникъ изъ другой комнатки со всѣми церковными принадлежностями и въ облаченіи, уставилъ ихъ на особомъ престолѣ въ боковой стѣнѣ и въ одно и то же время съ первымъ отправлялъ свою обѣдню, но все читалъ про себя. Самая молчаливая и сокровенная молитва! Странно было весьма слышать и видѣть этѣ двѣ обѣдни въ одно время и въ томъ же храмѣ, особливо на нашемъ природномъ языкѣ. Естьли дозволено о вкусахъ разсуждать и въ этомъ предметѣ, то признаюсь, что мнѣ Уніятскіе обряды не показались. Скажемъ просто: ни то, ни се — немножко нашего, немножко Папскаго. Согласимся, что все можетъ имѣть двоякой видъ въ свѣтѣ, и даже въ самой природѣ, кромѣ Вѣры, которая вездѣ, всегда, для всѣхъ одна, и обряды ея должны въ сложеніи своемъ быть началу сему совершенно подобны, т. е., одно и тоже вездѣ. *

* Извѣстно, что Уніяты первоначально отличались отъ Православныхъ только од-

Костелъ весь вообще огромное строеніе; въ немъ нѣсколько престоловъ по сторонамъ, кромѣ главнаго въ срединѣ. Стѣны зданія внутри убраны колоннадой: это даетъ храму видъ великолѣпный. При этомъ домѣ учреждена и школа: строеніе большое, уважительное. Здѣсь преподаютъ науки, Философію и Богословію. По случаю вакацій въ настоящее время, мы ни кого не видали изъ учащихся. Замѣтьте, что почти вездѣ, при всѣхъ отличныхъ костелахъ или Католицкихъ и Уніятскихъ храмахъ, заведены училища: отъ этого величайшая происходитъ польза для духовенства и прихожанъ; первое не терпитъ унынія и скуки, обыкновеннаго плода праздности; ибо всякой болѣе или менѣе занятъ и не имѣетъ времяни удовлетворять подлымъ страстямъ низкаго человѣка; а послѣдніе, приходя въ церковь слушать внятныя поученія, не все выпускаютъ въ другое ухо, что въ одно приходитъ. Общая выгода!

ГЛАВА LVII.

О Жидахъ вообще, ихъ промыслѣ и Богослуженіи.

Городъ наполненъ Жидами; много и Хохловъ. Русскаго и Поляка мало примѣтишь. При насъ былъ въ Умани торговый день, и народу собралось пропасть; я цѣлое утро шатался въ рядахъ. Торговля обширная, и все найдете, что вамъ угодно. Товары привозятся прямо изъ чужихъ краевъ; о цѣнѣ ихъ нечего и говорить: все отмѣнно дорого. Сверхъ того, безъ большой потери трудно за что ни будь платить бумажками. Лучшая монета здѣсь червонныя; ихъ много, и они очень ходки; потомъ серебро, и чѣмъ старѣе, тѣмъ выгоднѣе. Жиды въ лавкахъ обступятъ проѣзжаго, какъ мухи, и, не купя чего отъ нихъ, не отобьешься: я самъ это

нимъ признаніемъ главенства Папы надъ собою въ дѣлахъ духовныхъ, но въ послѣдствіи, мало по малу, Езуиты и ихъ воспитанники стали привносить много изъ Католическаго въ Православное Богослуженіе, и тѣмъ показали, что Унія есть для признающихъ ее просто ступенькой къ Католичеству. О. Б.

испыталъ: одинъ ухватился за фалду, другой держитъ за другую; всякой хочетъ заманить къ себѣ въ лавку и, подъ благовиднымъ словомъ продажи, ищетъ обмануть.

Я въ лавкѣ своего хозяина купилъ сукна на фракъ, и не успѣлъ выйти изъ гостиннаго ряду, какъ человѣкъ 5 портныхъ Жидовъ меня окружили; и всякому хотѣлось меня одѣть. Пока я договаривался съ однимъ, остальные съ мѣрками своими около меня прыгали и требовали преимущества; наконецъ снялъ ее одинъ, и въ тотъ же вечеръ принесъ мнѣ фракъ совсѣмъ готовый. «Ну! что за работу (прикладъ его)?»—«Три червонныхъ.» По тамошней цѣнѣ это составляло 27 рублей. Бѣшеная ряда! Но дѣлать нечего: надобно было заплатить. Пошумѣлъ я напередъ немножко, и Жидъ, чтобъ смягчить мою досаду и уловить меня другимъ образомъ, повинился мнѣ коротко и ясно, что онъ взялъ лишняго половину: «Но съ кого же, прибавилъ, мнѣ и взять? Свой братъ не даетъ. Вы путешествуете по доброй волѣ, тратите деньги на то и на другое: для чего же не кинуть лишній пѣнязь и въ мою кису? Вѣдь и все, что вы расточаете дорогой, лишнее: сидя дома, ни кто бы съ васъ ни чего не взялъ.» — «Резонъ! Спасибо, Жидъ, за правду; по крайней мѣрѣ ты не льстивъ, и вотъ тебѣ за то твои червонныя!»

Около рядовъ мѣняловъ пропасть, и вы на многихъ столахъ увидите кучи огромныя серебра и мѣди. Здѣсь-то, я думаю, они черезъ разные обороты и плавятся и выбѣгаютъ за границу. Жиды—великіе мастера повертывать деньги, и въ ихъ рукахъ червонной прытко вальсируетъ.

Между ими есть особые услужники, кои называются факторы. Совѣтую ихъ остерегаться: это, по Русски сказать, сводчикъ; онъ вамъ достанетъ все, что вамъ нужно и не нужно; чтобы вамъ на мысль ни пришло, одно слово фактору,—и готово. Онъ вамъ натаскаетъ хлѣба, вина, мяса, пригонитъ четверню и цугъ лошадей въ коляску, или карету, отнесетъ письма, исправитъ коммисію, заманитъ рядовича съ товаромъ, размѣняетъ деньги; словомъ, для фактора нѣтъ не возможнаго, но ужь не плачьте, какъ дѣло дойдетъ съ нимъ до счету. Ни какой аптекарь вамъ

такого не подастъ, и мой портной противъ этого—бездѣлка. Мало того, что онъ за все съ васъ возметъ двойную цѣну и прибавитъ къ тому плату себѣ за труды, онъ еще на каждый рубль бумажный возметъ лажъ, приводя его въ равную цѣну съ мѣднымъ рублемъ; да, разочтясь съ вами, еще возметъ и съ того, у кого забиралъ для васъ припасы, или товары, за то только, что онъ у него, а не у другого, для васъ ихъ бралъ. О! факторы—люди отмѣнной чести и доброты души, а при всемъ томъ и голы и босы. Естьли увидите Жида въ отрепьяхъ, не спрашивайте, кто такой—факторъ!

Едва успѣли мы попасть въ Умань, какъ къ намъ набѣжало ихъ нѣсколько, и я принужденъ былъ на угадъ ввѣриться изъ нихъ любому. Поживши дни съ три, благочестивый мой Еврей подалъ мнѣ свой счетъ, самое трогательное сочиненіе для всякаго Православнаго кармана; я сокрушенно воздохнулъ, оросилъ итогъ чувствительными слезами и расплатился, съ намѣреніемъ крѣпкимъ бѣгать впередъ отъ фактора, какъ отъ піявки: одна лишаетъ крови естественной, а тотъ высосетъ всю сущность живота.

И здѣсь я былъ въ ихъ Синагогѣ. При мнѣ случилось обрѣзаніе—отвратительной обрядъ Ветхозаконной Церкви. Младенца внесутъ въ преддверіе ихъ сборища: оно уже наполнено Жидами. Ближній къ дверямъ беретъ его у бабки, а прочіе всѣ по очереди принимаютъ его одинъ отъ другого, и такъ передаютъ въ пеленкахъ до Раввина, который въ клѣткѣ, сидя подъ столярнымъ зонтомъ, выжидаетъ его съ ланцетомъ. Принявъ его, кладетъ на колѣни, возводитъ глаза горѣ, кричитъ какъ бѣснуемый, и всѣ Жиды за нимъ: ребенокъ испуганъ, пищитъ; операція скора: все кончено въ минуту; младенецъ обрѣзанъ; среди шуму и крику вопль его не слышанъ. Раввинъ потомъ подноситъ его къ табернаклу, гдѣ Декалогъ у нихъ хранится, нарицаетъ ему имя и, надъ стаканомъ пива прокричавъ еще нѣсколько стиховъ, омываетъ имъ уста младенца и отдаетъ его принесшей женщинѣ; тѣмъ все и оканчивается. Сколько я любопытствовалъ это видѣть, столько потомъ унесъ съ собою изъ храмины ихъ непріятныхъ впечатлѣній. Врачи говорятъ, будто въ горячихъ климатахъ обрѣзаніе

необходимо, для сохраненія мужескаго пола отъ разныхъ болѣзней. Я этого не знаю, но только знаю то, что это очень не миловидно. Я спрашивалъ ученыхъ Жидовъ, для чего всѣ они берутъ младенца и на перерывъ его изъ рукъ въ руки передаютъ. «Мы это дѣлаемъ, отвѣчали они мнѣ, въ увѣренности такой, что чѣмъ болѣе людей занимается въ это время младенцемъ, тѣмъ для него будто бы спасительнѣе; равно и тотъ для души своей получаетъ пользу, кто услугой своей способствуетъ сему дѣйствію.» Вотъ какъ всякой самъ себѣ сочиняетъ законъ и Вѣру!

Въ тотъ самый день, когда происходила у нихъ эта церемонія, Жиды постились и воспоминали разореніе храма во Іерусалимѣ. Этотъ постъ называется у нихъ констернація Іерусалимская и продолжается весь день: они не должны ѣсть до заката солнечнаго и не обуваются, сходятся въ Синагогу и по обыкновенію въ шляпахъ: такъ имъ велитъ ихъ заповѣдь; тутъ они тужатъ о своемъ храмѣ, сѣтуютъ, поютъ жалобнымъ напѣвомъ «Плачь Іереміи,» и этотъ превосходный псаломъ, вдохновенный Царю Давыду любовью къ родинѣ: «На рѣкахъ Вавилонскихъ» оканчиваетъ ихъ унылое Богослуженіе. Нигдѣ такъ сильно не выражено чувство любви къ отечеству, какъ въ этомъ прекрасномъ стихѣ: «Аще забуду тебе, Іерусалиме.» Сколь ни омерзительно настоящее положеніе Жидовъ, ихъ обряды, службы и сходбища, я не могъ, однако, не тронуться, видя кучку людей, сошедшихся оплакивать свое очечество, свою церковь, свою землю, гонимую повсюду, посѣщенную гнѣвомъ Божіимъ, не имущую ни алтаря, ни кадила, ни всесожженія. Въ эту трогательную минуту я забывалъ всѣ предубѣжденія разсудка и, по внушенію сердца одного, глядѣлъ на послѣдняго Жида, какъ на брата своего по человѣчеству.

ГЛАВА LVIII.

О семействѣ нашего хозяина.

Послѣ описанія не весьма обольстительнаго, которое я сдѣлалъ Жидамъ вообще, справедливость требуетъ, чтобъ я ознакомилъ нѣсколько читателя съ моимъ хозяиномъ. Мы квартировали въ Умани, въ домѣ богатаго Еврея, имѣющаго знатный торгъ во всей Кіевской Губерніи, по имени Гуровича. Онъ имѣлъ сына 24 лѣтъ, съ которымъ я проводилъ вечера въ самой пріятной бесѣдѣ. Онъ никуда, кромѣ Лейпцига, не ѣзжалъ, и нигдѣ не былъ, воспитался дома, но, какъ видно, съ большимъ тщаніемъ: очень хорошо знаетъ по Нѣмецки, по Французски и по Русски, а еще лучше на каждомъ изъ сихъ языковъ пишетъ, нежели говоритъ. Упражняясь съ охотой и даже съ жаромъ въ Словесности, онъ перевелъ на Еврейскій языкъ Французское сочиненіе подъ именемъ:—«La découverte de l' Amerique.» Образъ мыслей его гораздо выше его сферы: онъ разсуждаетъ о вещахъ здраво, понятія остраго и въ разговорахъ со мною о разныхъ нравственныхъ предметахъ удивилъ меня качествомъ своего сердца. Этотъ молодой человѣкъ очень занимателенъ. Онъ сидитъ въ лавкѣ у своего отца, торгуетъ, ѣздитъ за товаромъ иногда въ Прусскія области, и сѣтуетъ только о разныхъ глупыхъ обычаяхъ своей собратіи, отъ которой онъ отличается умомъ, поведеніемъ, благопристойностью и чистотой. Чтобъ лучше еще дать объ немъ понятіе, я передамъ публикѣ здѣсь одинъ разговоръ мой съ нимъ, который, по рѣзкимъ чертамъ его характера, тогда же записалъ въ свою книжку; онъ со мной говорилъ всегда по Французски. Вотъ переводъ нашей бесѣды:

«Чего недостаетъ къ вашему счастію?»

—«Я бы желалъ, чтобъ намъ запретили прежде всего носить наше шутовское платье, по тому что оно кладетъ на насъ печать безчестія и срамоты. Кто презрѣнъ, тотъ теряетъ духъ, теряетъ уваженіе къ самому себѣ и вдается въ слабость: вотъ отъ чего нашъ народъ нынѣ такъ сраменъ, глупъ и невѣжественъ. Всякой, кто

меня увидитъ въ моей скуфьѣ, указываетъ пальцемъ и говоритъ: «Это Жидъ!» а я слишкомъ человѣкъ, чтобъ плюнуть на этотъ не справедливый позоръ, который всегда запираетъ мнѣ входъ и отчуждаетъ меня отъ свѣта.»

«Для чего же вы не перемѣните вашей одежды?»

—«Когда бы на это послѣдовалъ Указъ: о! ни кто скорѣй бы меня его не исполнилъ; но самъ собою не смѣю, не могу.»

«Да для чего?»

—«У меня мать старуха и суевѣрна: перемѣня платье, я бы ее огорчилъ, а я лучше вынесу уничиженіе ста Христіянъ правовѣрныхъ, нежели допущу мать свою отъ меня уронить одну слезу.»

О! какое превосходное чувство! Скажи мнѣ, читатель-философъ, а я тебя спрошу на ушко, много ли нашей братьи Православныхъ такъ чувствуютъ и разсуждаютъ? Я забылъ въ ту минуту, что онъ Жидъ, вскочилъ ему на шею и расцѣловалъ его.

«Любите ли вы чтеніе?»

—«Очень! Я читалъ неоднократно вашъ Новый Завѣтъ. У меня онъ есть, и я хочу его перевесть на Еврейскій языкъ. За то вся моя братья почитаетъ меня атеистомъ, или еретикомъ.»

«Какъ вы не боитесь читать Евангелистовъ?»

—«А что жь такое! Развѣ это запрещенная переписка? (очень остро!) Рано, или поздно, насъ надобно насильно осчастливить. Мораль Евангельская превосходнѣе всего въ нравственномъ мірѣ. Я хочу съ ней ознакомить моихъ соотчичей, хочу, чтобъ они ее читали. Мы властны вѣрить, или нѣтъ, Евангелію, но вкушать изящное всегда пріятно. Пора сжечь нашъ Талмудъ, который не что иное, какъ книга, наполненная дурачествъ, обезобразившая совсѣмъ истинный законъ Моисеевъ. Пусть намъ оставятъ одни его книги въ неприкосновенномъ ихъ видѣ: его правила суть наилучшія для насъ.»

«Нравятся ли вамъ Христіяне?»

—«Безъ нихъ намъ обойтись нельзя. Мы погибли бы въ Палестинѣ, естьли бы насъ туда услали. Когда у насъ празднуютъ шабашъ, мы не смѣемъ даже пожара домашняго потушить безъ пособія Христіянскаго: намъ ни за что не велятъ тогда приниматься, и въ этой глупой нѣгѣ мы бы въ несчастную минуту въ гробъ вселились.»

«За то у васъ въ этѣ дни гораздо свѣтлѣе!»

«Напротивъ: мы зажжемъ пропасть свѣчъ, это правда; а у васъ одна, или двѣ; но наши нагораютъ, мы ихъ не смѣемъ снять, и отъ того вѣчная темнота въ шабашѣ у Жида. Для чего не уничтожить всѣхъ этѣхъ глупостей? Народъ Еврейскій не посмѣетъ тому воспротивиться; а естьли кто изъ невѣждъ и покусился бы на то, пусть его ѣдетъ, куда знаетъ; какая польза отъ шалуновъ? Всѣ дурачества, какъ цѣпь, связываются между собою звеньями. Сорвите первое кольцо, подъ которымъ разумѣю Талмудъ, всѣ прочіе вздоры разсыплются сами собою, и этѣмъ только способомъ прервутся всѣ узы нашихъ глупыхъ предубѣжденій, отъ которыхъ мы столько бѣдствуемъ въ свѣтѣ. Когда отъ насъ приглашали депутатовъ, для участія въ образованіи нашего народа, старики послали глупцовъ, которые ни за что болѣе не стояли, какъ за свою одежду, и снисходительное Правительство насъ оставило въ этомъ поганомъ нашемъ рубищѣ.»

Вотъ каковъ былъ сынъ Жида, нашего хозяина. Онъ много читалъ, обогатилъ память свою разными историческими происшествіями, и умѣетъ въ разговорѣ приложить познаніе свое къ стати, никогда не забывается, всегда скроменъ, вѣжливъ, не уступчивъ, когда торгуется, и счета не теряетъ. Я рѣдко видалъ подъ Еврейскимъ саваномъ такого воспитаннаго человѣка. Жаль, что суевѣріе его ближнихъ препятствуетъ ему открыть себѣ дорогу къ лучшему состоянію! Онъ горячо любитъ свой народъ, жарко защищаетъ его выгоды и, кажется, готовъ жизни лишиться, чтобъ только возспособствовать благоденствію своей собратіи.

И такъ мы дни съ три провели въ Умани очень пріятно: утромъ шатались въ рядахъ и мотали, днемъ ѣзжали гулять въ Софіевку, а по вечерамъ, воротясь домой, толковали съ нашимъ молодымъ хозяиномъ. Хвала и честь родителямъ его, что они такъ пеклись объ его воспитаніи! Можетъ быть, далеко доведенное понятіе о сравнительномъ добрѣ прочихъ народовъ съ его племенемъ приготовитъ ему многія злоключенія въ свѣтѣ; ибо не всѣ еще его сотоварищи могутъ вмѣстить истинное просвѣщеніе и не расположены къ оному; но лучше, я такъ думаю, по крайней мѣрѣ, кончить вѣкъ непрочный, но пережить его въ наслажденіяхъ любомудрія и чувствительности, нежели очень глубоко состарѣться и умереть, не вкусивъ прямыхъ отрадъ ума и сердца въ жизни.

Естьли ты поѣдешь, читатель, въ Умань, смотрѣть на торжество натуры, въ Софіевку, то заверни поговорить съ Гуровичемъ, и вѣрно имъ будешь доволенъ.

ГЛАВА LIX.

Предисловіе къ описанію Софіевки.

Кто читалъ «Вѣстникъ Европы,» тотъ, конечно, кинулъ взоръ и на описаніе этого мѣста: оно помѣщено въ № 6-мъ.* Здѣсь, въ слѣдъ за симъ повторится. Кто не видалъ Софіевки, тотъ еще не имѣетъ полнаго понятія о томъ, что можетъ искуство на природу. Камни, вода—вотъ здѣсь все ея сокровище. Потоцкій купилъ эту усадьбу у своего вассала и, какъ слышалъ я, только за 300 руб. серебромъ; но оцѣнить, чего она стоила въ отдѣлкѣ, ни какой бухгалтеръ не будетъ въ состояніи. Онъ самъ, сказываютъ, никогда не сматривалъ своихъ счетовъ и не любилъ, чтобъ спрашивали его, чего ему стоитъ Софіевка.

* 1811 года, стр. 123, въ переводѣ съ Французскаго Поспѣлова. Подъ описаніемъ выставлена подпись: «К. И. М. Д—ій (Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій.» О. Б.

Милліоны сыпалися на камни безъ расчету,
И въ ужасахъ скалы воздвигнутъ храмъ Эроту.

Жалѣлъ я о томъ, что многихъ надписей Польскихъ на усыпанныхъ по саду памятникахъ не понималъ.

Эта прогулка въ двухъ верстахъ отъ Умани. Странно, что вельможа ни чего не успѣлъ для жилища построить: негдѣ пріютиться, а жить подавно нѣтъ средства. И такъ одинъ садъ, и не весьма пространный, не подаетъ издали ни какой надежды, чтобъ въ немъ была какая ни будь прелесть. Войдешь,—и не вышелъ бы вѣчно: все прекрасно, превосходно, божественно. Вездѣ виденъ геній вкуса. О! что можетъ быть равно во вселенной съ Софіевкой? Одинъ Едемъ, естьли онъ есть и на небѣ.

Не знаю, всѣмъ ли ее кажутъ во всей ея красотѣ и пышности. Предупредить надобно, что этотъ садъ не имѣетъ и половины своихъ прикрасъ, когда воды не шумятъ. При насъ всѣ фонтаны брызнули, каскады зашумѣли, смирные ручьи потекли, и всякая капля воды заиграла. Мы симъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ обязаны были благосклонному письму Цесарскаго Консула, проживающаго въ Одессѣ. Онъ, по знакомству съ Графомъ Сенъ-При, далъ намъ открытую рекомендацію къ надзирателю садовъ Графа Потоцкаго, котораго хотя мы тутъ и не застали, но старшій подъ нимъ всѣ чудеса Софіевки намъ показалъ, и садовникъ съ отличнымъ снисхожденіемъ подчивалъ насъ плодами.

Оранжереи съ садомъ сравниться не могутъ: онѣ не велики и не богаты плодами и деревьями, совсѣмъ не отвѣчаютъ дикимъ каменьямъ, изъ коихъ каждый дороже въ обдѣлкѣ многихъ алмазовъ. Оранжерей такихъ, какъ въ Умани у Потоцкаго, много въ Россіи; Софійки другой нѣтъ въ мірѣ; она стоитъ этой пословицы:

Кто хочетъ видѣть рай,
Въ Софійку поѣзжай.

Въ одну изъ моихъ тутъ прогулокъ, сидя противъ большой каскады, подъ навѣсомъ обширнаго камня, на лавочкѣ, занялся

я чтеніемъ домашнихъ писемъ, которыя, садясь въ коляску, въ городѣ получилъ. Я въ нихъ углубился и забылъ на минуту развернутую предо мной картину. Что милѣе свычки? Родные мои, дѣти, друзья, скучали о моей съ ними разлукѣ. О! естьли бъ вы видѣли, милые обыватели моего сердца, гдѣ я, что вижу, чѣмъ наслаждаюсь: какъ бы (восклицалъ я къ нимъ мысленно) потужили вы, что васъ здѣсь нѣтъ со мной! Вы воображаете меня въ дорожныхъ безпокойствахъ, въ пыли, въ усталости несносной. Какая разница! Я живу въ прекраснѣйшей природѣ, вкушаю дары Творца непостижимаго въ дѣлѣ рукъ своихъ; вижу торжество естества и любуюсь чѣмъ ни будь на каждомъ шагѣ; повѣрьте, что жить для васъ и съ вами есть одно счастіе, съ которымъ Софіевка теряетъ равновѣсіе. Впрочемъ, чему не предпочту сихъ селеній райскихъ?

Описаніе Софіевки слѣдуетъ за симъ на обоихъ языкахъ; я имъ занимался въ деревнѣ, у сестры моей, на свободѣ, писалъ его по Французски, а напечаталъ переводъ его; я имъ доволенъ, но отнюдь не смѣю хвалиться живописью словесной: отдадимъ эту кисть ея Творцу на нашемъ языкѣ.

О рай земной! дерзну лъ твои красы писать?
Державинъ пусть придетъ здѣсь списокъ съ неба снять.

SOPHEIKA.

Si vous voulez vous faire une juste idée de ce qu'on nomme vulgairement jardin d'Edem, champs Elysées, paradis; venez à Sopheika et admirez y un génie Créateur. Là, la nature et l'art ont confondu tous leurs moyens pour produire un chef d'oeuvre éclatant. Quelle belle harmonie dans l'ensemble miraculeux de leurs combinaisons! Riche d'une simplicité majestueuse, ce local efface tout souvenir d'Armide et de Babylone; rien n'est à comparer à ce qu'on y voit; tout séduit et tout enchante. Ne croyez pas, que ce soit un beau idéal ou romanesque, dont je veuille vous offrir la peinture; bien au contraire! c'est un de ces heureux résultats de l'industrie humaine, lesquels n'ont pas toujours réussi même à la providence, qui lorsqu'elle a travaillé toute seule s'est plu à négliger les attraits du luxe, et de la somptuosité.

Figurez-vous d'abord une chaîne de montagnes appuyée et soutenue par des rocs immenses, un tas de pierres accumulées sans ordre l'une sur l'autre, depuis la création du monde, et dont la moindre n'a pu être ni taillée ni dérangée sans le secours de la poudre à canon. Celle-ci comme vous savez, quand un habile ingénieur s'en sert, feroit sauter jusqu'au crâne de l'Olympe. Quelques sources, qui filtrent leurs eaux fraîches dans la cavité de ces mêmes rochers, qui les distillent; une centaine d'arbres isolés ça et là et que rien n'abrite contre le souffle du Nord. Tels sont ici les dons du ciel sur un terrain de trois à quatre verstes en diamètre. L'art toujours émule de la nature, jaloux de la surpasser, se mit en frais pour embellir ces horreurs; mais il lui falloit de l'or; sans lui tout périt dans la planète terraquée des hommes.

СОФІЕВКА.

Естьли вы хотите получить справедливое понятіе о томъ, что обыкновенно называютъ полями Елисейскими, земнымъ раемъ, придите въ Софіевку, и подивитесь въ ней генію Творческому. Тамъ природа и искуство, соединя всѣ силы свои, произвели превосходнѣйшее твореніе. Какое стройное согласіе въ чудномъ сліяніи ихъ взаимныхъ работъ! Величественная своею простотою Софіевка приводитъ въ забвеніе сады Армидины и Вавилонскіе; ни что не можетъ сравниться съ тѣмъ, что сдѣсь видишь; все плѣняетъ и приводитъ въ восторгъ. Не думайте, однако жь, чтобы я хотѣлъ представить вамъ красоту вымышленную! Садъ сей есть одно изъ счастливыхъ и непремѣнныхъ послѣдствій искуства человѣческаго, послѣдствій, кои не всегда заканчивало и самое Провидѣніе, которое когда трудится, то не обращаетъ вниманія на чары роскоши и пышности.

Представьте себѣ рядъ горъ, опершихся на скалахъ ужасной величины и ими поддерживаемыхъ: громады камней, съ начала міра въ безпорядкѣ одинъ на другомъ лежащихъ, изъ которыхъ и самой меньшій безъ подрыва порохомъ не могъ бы быть ни разсѣченъ, ни съ мѣста сдвинутъ. Извѣстно, что порохъ, когда направляетъ его искусный инженеръ, можетъ силою своей потрясти и самые верхи Олимпа; представьте еще нѣсколько источниковъ, ліющихъ свѣтлыя воды свои въ разсѣлинахъ тѣхъ самыхъ утесовъ, изъ нѣдръ коихъ они выходятъ, и сотню разбросанныхъ деревъ, ни чѣмъ не защищаемыхъ отъ дуновеній Сѣвера. Таковы были здѣсь дары Неба, на пространствѣ трехъ, или четырехъ, верстъ. Искуство, всегдашній соперникъ природы, ревнуя превзойти ее, взялось сдѣлать прекрасными самые ея ужасы. Но что искуство безъ денегъ? Безъ нихъ все гибнетъ на земноводной людской планетѣ.

Arrive un millionaire, Grand de Pologne Pototzky. Un coup d'oeil juste le séduit et l'anime; une pluye d'or inonde ce roc aride et stérile, et bientôt la nature fatiguée d'un aussi long repos, tourmentée de produire, offre à la vue la végétation la plus belle et la plus rapide. Tout s'élance, se meut et se colore. Après quinze années d'un travail opiniâtre et dur, le propriétaire enfin lui même ne s'y retrouve plus; étonné dans son paradis, il ne sait si le Tout-puissant s'est donné la peine de débrouiller un nouveau cahos dans ses domaines, ou si las de créer l'Architecte du monde a arraché un morceau de son dôme azuré pour le lancer dans son jardin.

C'est là, que j'aurois desiré un Thomson, un Virgile, un Delille pour en éterniser une image fidèle. Essayons de vous en tracer quelques traits principaux. Prenez un fil pour ne pas vous y perdre et suivez-moi dans ce jardin plus magique cent fois, que celui des Hespérides.

À peine entré, qu'une Cascade vous frappe et vous étonne; elle est magnifique. Un torrent, dont on ne voit ni ne devine la source, s'élance avec la rapidité des éclairs du haut d'un roc sourcilleux, couvre d'écume comme de neige, un granit escarpé. Dans ses sinuosités admirables l'art a découpé des échelons tors, aigus, angulaires. Chaque gradin produit mille nouveaux jets d'eau. La vague se brise à tout moment, mugit et vient enfin crever à vos pieds; dès lors plus tranquille elle forme un lac transparent; vous voyez dans l'onde un tas de petits poissons, qui serpentent, se jouent aux rayons du soleil, sautent par dessus votre badine sans crainte et sans défiance, sûrs que vous n'en saurez attraper un seul. Au milieu de ce fluide condensé, une belle corbeille de porphyre, remplie de fleurs odoriférantes embaume l'air autour de vous des parfums les plus suaves. Un peu plus loin du sein d'une pierre gauchement enfoncée

Является Потоцкій, владѣлецъ милліоновъ, вельможа Польши. Первый взглядъ здѣсь его одушевляетъ. Золотый дождь упадаетъ на каменныя безплодныя горы, и природа, утомленная продолжительнымъ бездѣйствіемъ, мучимая производить, открываетъ взору прекрасное и самое быстрое прозябеніе. Все прорастаетъ, движется и получаетъ цвѣтъ. Послѣ пятнатцати лѣтъ безпрерывной и трудной работы, владѣлецъ самъ наконецъ не узнаетъ болѣе сихъ мѣстъ. Удивляясь въ своемъ раѣ, онъ думаетъ: не взялъ ли Всемогущій на себя трудъ привести въ стройность хаосъ его владѣній, или Зиждатель міра, переставъ творить, отторгнулъ клочекъ небеснаго жилища и бросилъ его среди сада.

Сюда желалъ бы я привести Томсона, Виргилія, Делиля, чтобъ увѣковѣчить изображеніе Софіевки. Постараюсь обрисовать хотя главныя только черты ея. Возьмите нить, чтобъ не заблудиться, и слѣдуйте за мною въ этомъ саду, сто разъ болѣе волшебномъ, нежели Гесперидской.

Едва вошли, какъ взоръ вашъ пораженъ каскадою. Что ея величественнѣе? Потокъ, котораго источника нельзя ни видѣть, ни угадать, съ быстротою молніи низвергается съ верху высокой скалы и покрываетъ пѣною, какъ снѣгомъ, утесистой гранитъ. Въ его удивительныхъ крутизнахъ искуство высѣкло излучины, углы и повороты. На каждомъ уступѣ вода получаетъ тысячу новыхъ отпрысковъ; волна дробится ежевзглядно, шумитъ, реветъ и падаетъ у ногъ вашихъ. Здѣсь тише, тише, она образуетъ прозрачное озеро; въ немъ видите вы множество маленькихъ рыбъ; онѣ плаваютъ туда и сюда, ныряютъ на солнцѣ, прыгаютъ на поверхность безъ страха и безъ опасенія, зная, что вы ни одной изъ нихъ не тронете. Посреди сей затвердѣлой влаги, прекрасная порфировая корзина, наполненная душистыми цвѣтами, окуриваетъ вокругъ васъ воздухъ пріятнѣйшими благовоніями. Нѣсколько далѣе изъ камня съ лѣ-

dans le lit d'un étang et qu'on voudroit en arracher, une autre fontaine fait jaillir son eau à quatre ou cinq toises de hauteur et arrose un gazon frais qui borde son enceinte.

Osez escalader ce roc, arrêtez—vous sur un pont, vous y verrez la chûte de la première cascade, roulant ses eaux du plus loin qu'on puisse en apercevoir, la source prenant à chaque échelon de la montagne un nouvel essort. Ombragé à droite et à gauche par des saules pleureurs, qui semblent à l'envie vouloir se baigner dans son onde, elle semble être prête à submerger la galerie du pont qui vous soutient; mais bientôt comme si elle avoit craint de vous jeter une rosée indiscrète, elle va se cacher sous la digue, blanchit, travaille et enfante un nouveau torrent, qui fait culbute dans le bassin, auprès duquel vous admiriez un moment avant sa chute inconcevable. Un seul coup d'oeil embrasse à la fois toutes ces varietés pittoresques. Qui n'en seroit enthousiasmé? On verroit cette cascade avec le plus grand plaisir, même après s'être extasié sur la chûte du Rhin à Schaf-hause.

Avançons! vous voilà dans un caveau, dont la voute est masquée de verdure; l'issue n'en est pas à comprendre, le bruit, des vagues dans cette profonde obscurité vous fait pressentir le voisinage d'un moulin. Quelle est votre surprise, quand vous entrez dans un temple, dont le dôme soutenu par quatre colonnes de granit, tout d'une pièce, vous offre le plus doux asyle! Chacun vous voit, personne ne peut pénétrer jusqu'à vous, au dessus du temple une nouvelle cascade fidèle à la loi de la gravité et cherchant à tomber quelque part, vient devant vous dérouler son rideau; vous croyez voir une gaze transparente; point du tout c'est de l'eau; elle seule garantit le sanctuaire des grâces et vous met à l'abri d'un abord indiscret; la mobilité continuelle de ce store ondoyant, les draperies variées à chaque clin d'oeil,

вой стороны нескладно вдавшагося въ прудъ, и который хотѣлось бы оттуда вырвать, бьетъ фонтанъ на четыре или на пять саженъ вверхъ и орошаетъ свѣжій лугъ, его остѣняющій.

Вы все смотрѣли съ низу, отважтесь теперь взойти на черепъ самаго утеса, и остановитесь на мосту; вы откроете тамъ начало перваго водопада; вамъ не видно ключей его, они бьютъ гораздо далѣе, и по крутизнѣ покатой горы получаютъ на каждомъ переломѣ новое усиліе. Съ обѣихъ сторонъ осѣняютъ его плакучія ветлы, которыя на перерывъ другъ передъ другомъ хотятъ, кажется, погрузиться въ волнахъ его. Они готовы уже затопить перилы, васъ охраняющія; но вдругъ, какъ будьто боясь омочить васъ своими брызгами, вода скрывается подъ плотину, клубится и прорвавшись составляетъ новый потокъ, низвергающійся съ бассейна, подлѣ котораго за минуту предъ этимъ вы удивлялись сильному той же воды стремленію. Одинъ взоръ вдругъ обнимаетъ всѣ эти живописныя прелести. Кто бы отказалъ имъ въ своемъ восхищеніи? На такое зрѣлище природы съ величайшимъ удовольствіемъ взглянули бы и тѣ, которые въ восторгѣ видали паденіе Рейна ири Шафгаузенѣ.

Далѣе! вы вдругъ въ темной пещерѣ, которой сводъ заровненъ зеленью. То, что ожидаетъ васъ при выходѣ, непостижимо: шумъ волнъ, которой слышите вы среди этого глубокаго мрака, не инаго чего заставляетъ васъ ожидать, какъ приближенія къ плотинѣ; но сколь велико ваше удивленіе, когда, вмѣсто того, входите вы въ храмъ, котораго верхъ, подерживаемый четырьмя гранитными колоннами, высѣченными изъ одного камня, открываетъ вамъ пріятнѣйшее уединеніе. Всякой можетъ тутъ васъ видѣть, но никто къ вамъ проникнуть; надъ куполомъ новая каскада. слѣдуя законамъ тяготѣнія и стремясь куда ни будь упасть, развиваетъ предъ вами свой завѣсъ; вы думаете видѣть дымку—совсѣмъ нѣтъ; это вода: она одна охраняетъ это святилище Грацій и удалитъ отъ васъ приступъ нескром-

le murmure des flots, et cet élan rapide, qui aidé par les reflets du soleil donne à chaque goutte d'eau l'éclat du crystal ou du diamant; toute cette magie vous étonne et vous éblouit au point, que vous vous croyez transporté au troisième ciel. Quel réduit pour la volupté!

Vous n'êtes pas plutôt dehors, que vous perdez la trace, l'indice le plus léger de cet enchantement: vous voilà sur un sol uni, émaillé des dons de Flore. Avancez, nouveau spectacle! dans un rocher de grosseur énorme ou la poudre à canon a du faire sentir toute sa force, on a pratiqué une grotte auguste et sombre. Cette masse de pierres, qu'à la voix de l'Eternel quelque athlète d'un bras nerveux aura lancé en tout sens, joints et resserrés par les siècles, ne fait plus qu'un seul bloc, dont le volume vous épouvante. Tous les meubles y sont excavés dans la pierre. Admirez dans le coin cette source d'eau vive, qui scintille par quatre ou cinq crevasses et vous désaltère en profusion. La nature n'en a pas été avare. Tout ce creux a été excavé dans le roc vif. Une caverne aussi menaçante repose sur une seule colonne elle est taillée d'une pierre; Hercule est venu la poser, sans doute c'est Atlas, qui soutient le monde et se courbe sous sa sphère. Vos yeux rencontrent plus d'un reposoir dessus, dessous, dans le rocher; je me suis assis moi même sur des banquettes, dont les pavillons ont été si artistement suspendus et l'illusion si frappante, qu'en vérité on a quelque raison de craindre en s'asseyant dessous, que quelque fragment de caillou ne se détache du rocher et ne vienne vous écraser dans la minute. C'est d'ici qu'une Radcliff épouvantée la première au clair de la lune, auroit donné au monde mille nouveaux sujets de terreur.

Allons plus loin sur la côte. Une chaloupe élégante et commode vous invite à vous promener par eau. Nous allons dans la plage et cotoyons d'abord une isle déserte; deux avenues de peupliers superbes en dessinent le contour; au milieu c'est un petit monument, il vous rappelle le tombeau du citoyen de Genève! Qui peut lui refuser son tribut? Sa mémoire vous arrache un soupir, et deux trois larmes; puis votre pensée se livre toute entière à ses méditations mélancoliques; vous cherchez la trace d'un doux souvenir, seule ressource habituelle et triste d'un coeur, qui a joui, qui malgré soi palpite encore sous sa frêle enveloppe et s'accroche à l'illusion du sentiment. Soudain vous entendez du bruit; les rameurs quittent leurs rames; cela vous rend à vous même; la barque au gré du courant se jette avec vous dans un souterrain de cent toises de longueur recouvert de gazon. On n'y voit goutte, on se sent seulement bercé sur un corps fluide; sa fraîcheur à midi aide à la respiration. Vous ne savez, où vous allez, mais vous en avez déja assez ou pour démêler le prestige du danger et pour voguer sans crainte. Non, nous ne descendons pas dans les Enfers. Quelques lucarnes pratiquées d'en haut jettent un rayon de lumière dans cet aqueduc ténébreux pour servir de fanal au pilote. Quel moment pour l'amour chaste et discret! A l'aide de cette lueur pâle vous parvenez à une écluse, entrant dedans, deux portes cochères se ferment sur vous; tout à coup le canal disparoit; on fait jouer les machines hydrauliques, qui remplissent le bassin d'eau; les flots soulevant la nacelle, elle monte et petit à petit se trouve au niveau du terrain. Vous en sortez tout émerveillé et vous vous promenez un peu sur une superbe pelouse, qui aboutit à un grand lac; ici ce n'est plus une chaloupe, c'est un bâtiment plus sûr et plus grand, qui est à votre service. Grand mât, mât de misaine, cordages, voiles, ancres, on n'a rien négligé pour rendre l'illusion d'un vaisseau complette; imitons Vespuce, cherchons un nouveau monde. Vous verrez le grand réservoir, qui fournit l'eau à toutes ces fontaines et cascades, dont vous avez admiré le jeu, c'est là, que vous prenez la nature sur le fait, que se développe à vos yeux le grand secret

наго. Безпрестанное движеніе водянаго стора, перемѣняющійся каждый мигъ видъ его, шумъ потока и тотъ быстрый порывъ, который, вмѣстѣ съ отраженіемъ солнечныхъ лучей въ каждой каплѣ, производитъ блескъ кристалла или діаманта, всѣ этѣ очарованія изумлятъ васъ столько, что вы мните себя восхищенными до третьяго неба. Какое убѣжище для сладострастія!

Вышедъ отсюда, тропинка, служившая для васъ проводникомъ къ этому волшебному мѣсту, исчезаетъ: вы видите себя на открытомъ лугу, украшенномъ дарами флоры. Подойдите сюда, новое зрѣлище! въ преогромной горѣ, гдѣ порохъ, конечно, далъ почувствовать всю свою силу, выдѣланъ гротъ величественный и мрачный. Эта громада камня, которую по гласу Вѣчнаго какой ни будь атлетъ могучею своей рукою повергъ на землю, гдѣ вѣки еще болѣе связали и укрѣпили ее, образуетъ одну скалу, поражающую величиною своею. Всѣ украшенія въ гротѣ нарѣзаны на томъ же камнѣ. Не чудно ли видѣть, какъ въ этомъ углу рѣзвый источникъ воды пробивается, сквозь пять, или шесть, расщелинъ; онъ съ избыткомъ можетъ утолить вашу жажду, природа была здѣсь не скупа. Вся эта пустота, изрытая въ каменной твердынѣ, и столь ужасная пещера, держится на одномъ столпѣ, тѣмъ же кремнемъ округленномъ. Геркулесъ, никто больше, его тутъ поставилъ: это атлантъ, поддерживающій міръ и изнемогающій подъ его бременемъ. Между тѣмъ взоръ вашъ находитъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько прилавокъ. Я самъ садился на иныхъ, надъ коими навѣсы столь искусно опущены и обвороженіе здѣсь такъ сильно, что по истинѣ имѣешь причину бояться, не оторвался бы камень отъ горы и не расшибъ бы тебя въ одну минуту. Здѣсь, здѣсь какая ни будь Радклифъ первая при свѣтѣ луны, испытавъ ужасъ ночи, доставила бы свѣту тысячу новыхъ предметовъ страха.

Свернитe въ сторону. Красивая и покойная шлюбка ждетъ васъ для прогулки по водѣ, на стеклянной ея поверхности. Мы плывемъ мимо пустаго острова, два ряда прекрасныхъ тополей замыкаютъ окружность береговъ его, въ срединѣ небольшой памятникъ: онъ напоминаетъ вамъ гробницу гражданина Женевскаго. Кто откажетъ въ дани ему должной? память его вырвала вздохъ; за нимъ у васъ катятся слезы; мысль ваша предается вполнѣ печальной своей думѣ. Вы ищете стези пріятныхъ воспоминаній: единственное и обыкновенное прибѣжище уязвленнаго сердца, которое нѣкогда наслаждалось, которое противъ воли своей трепещетъ еще подъ бренною своею оболочкою и прилѣпляется къ обольщенію чувства! Вдругъ слышенъ шумъ: гребцы бросаютъ весла; это приводитъ васъ въ себя. Шлюбка по теченію воды несетъ васъ въ подземной проводъ саженъ во сто длины и сверху закрытый лугами; въ немъ ни чего не видно, чувствуешь только, что зыблешься на влажной стихіи, которой прохлада въ полдень способствуетъ дыханію. Вы не знаете, гдѣ вы, но довольно уже видѣли, чтобъ не подозрѣвать тутъ ни какой опасности и плыть безъ боязни. Нѣтъ, мы не въ царство тѣней опускаемся; нѣсколько отверстій, сдѣланныхъ въ сводѣ, бросаютъ блѣдные лучи свѣта въ этотъ мрачной водоводъ, чтобъ служитъ маякомъ для кормщика. О какая минута для любви скромной и непорочной! При этомъ слабомъ озареніи вы достигаете шлюзъ; тутъ двое воротъ тихо опускаются. Приводятся въ движеніе машины, которыя наполняютъ бассейнъ водою. Волны поднимаютъ лодку мало по малу выше, и она становится наровнѣ съ землею. Вы выходите изъ нея въ изумленіи, и прогуливаетесь нѣсколько на прекрасномъ лугу, который ведетъ къ озеру. Здѣсь не лодка уже, но строеніе, гораздо ея большее и безопаснѣйшее для васъ, готово. Мачты, снасти, парусы, якори, ни что не забыто, чтобъ обмануть васъ картиной корабля. Переймемъ у Веспуція, станемъ искать новаго міра. Вы увидите большое водохранилище, доставляющее воду для всѣхъ фонтановъ и каскада, которыхъ игрѣ вы удивлялись. Здѣсь-то находите вы натуру въ ея работѣ; глазамъ вашимъ открываются всѣ чудотворенія искуства

de l'art et le systême hydraulique au moyen duquel, dès le commencement de l'année, l'eau s'accumule dans des citernes, et donne au jardin son superflu nécessaire. La digue et les pompes sont ici tout ce qu'on connoît de plus achevé dans ce genre d'ouvrage. Mais nous avons assez vogué; abordons, il en est tems.

и опытъ системы гидравлической, посредствомъ которой сначала весны вода собирается въ водоемъ и доставляетъ саду необходимое ея излишество. Плотины и насосъ здѣсь суть совершеннѣйшія произведенія въ искуствѣ сего рода. Но довольно плавать; пристанемъ; пора.

Entrons dans cette allée oblique, jonchée de fleurs à droite et enrichie à gauche de toutes les plantes exotiques, dont vous avez jamais lu la nomenclature. Quel mélange d'odeurs suaves et délicieuses! Quel air on y respire. Je vous amène à un banc de pierre, où il faut enfin vous asseoir. Vous voyez devant vous un bloc de granit, qui après 7 mille ans d'existence passive se prête au ciseau d'un artiste habile; et pour vous être utile, prend la forme d'une table; l'hospitalité toujours aimable la combla des trésors de Pomone; vous savourez des fruits exquis. Accoudé sur une colonne de marbre, vous flottez encore, d'idée dans cette série de toutes sortes d'extases, dont votre ame fut émue pendant la promenade et dont elle n'a pu suivre les gradations infinies. Un doux murmure à côté de vous éveille et vous fait appercevoir dans un bassin de porphyre un courant d'eau limpide; jamais vous n'en avez bu et n'en boirez d'aussi fraîche. Egale dans sa chûte et son mouvement elle tombe d'un robinet comme une glace de miroir et remplit son assiette. Un bel arbre à perruque s'incline au dessus d'elle et fait voute; il semble, que la nature l'a placé là exprès afin qu'ébranlée par un doux zéphir son feuillage rosé éloigne de là tout insecte vénéneux ou les moucherons, si incommodes dans les climats chauds. Ici vous vous délecterez, vous faites vos libations au dieu du plaisir. Fixez encore cette source bienfaisante; la fontaine de Vaucluse n'est pas plus belle; celle de Salgire en Crimée n'est pas plus pure.

Войдемъ теперь въ эту косвенную дорогу, съ обѣихъ сторонъ пестрѣющую цвѣтами и обогащенную чужеземными растеніями, какихъ только названія вамъ извѣстны. Какое смѣшеніе пріятнѣйшихъ ароматъ! Какой воздухъ для дыханія! Мы доходимъ до каменной скамьи, гдѣ наконецъ надобно присѣсть. Тутъ неподвижный гранитъ, который, послѣ семи тысячъ лѣтъ ни чѣмъ невозмущаемаго бытія, покорился рѣзцу искуснаго художника, и чтобъ быть вамъ полезнымъ, принялъ видъ стола. Гостепріимство, всегда любезное, обременило его сокровищами Помоны, и вы наслаждаетесь прекраснѣйшими плодами. Опершись на мраморную колонну, вы переходите мысленно всю связь многоразличныхъ восторговъ, которыми душа ваша была тронута во время прогулки и которыхъ за безчисленными измѣненіями едва могла она слѣдовать. Тихое журчаніе васъ пробуждаетъ; его производитъ паденіе воды въ порфировой бассейнъ. Никогда не пили вы и никогда не будете пить столь свѣжей. Ровна въ своемъ движеніи, она упадая кажетъ видъ зеркальнаго стекла и потомъ наполняетъ свою лахань. Прекраснѣйшее дерево перютъ осѣняетъ ее и дѣлаетъ изъ листьевъ своихъ сводъ. Кажется, что природа нарочно здѣсь его возрастила, чтобы розовыя и пуховыя его вѣтви, колеблемыя вѣяніемъ Зефира, отгоняли отсюда всѣхъ ядовитыхъ насѣкомыхъ и столь безпокойныхъ въ жарномъ климатѣ. Здѣсь вы утоляете жажду свою, здѣсь совершаете изліяніе въ жертву богу удовольствій. Остановитесь еще на минуту у этихъ водъ благотворныхъ. Право, потокъ Петрарковъ въ Воклюзѣ не прекраснѣе, и не свѣтлѣе источникъ Салгира на полуостровѣ Крымскомъ.

Quittons pourtant puisqu'il le faut, la vie de ces lieux enchanteurs, produit d'une féerie sans exemple. Agenouillons nous devant le père des hommes et rendons grace à la Nature, qui a bien voulu nous donner ici le plus merveilleux spectacle. Heureux celui, dont le sort conduit ici les pas.

Наконецъ должно оставить эту волшебную страну. Преклонимъ колѣна предъ отцемъ земнородныхъ и дадимъ хвалу природѣ, приготовившей здѣсь зрѣлище толико чудесное. Счастливъ тотъ, коего стопы судьба сюда направитъ!

Voilà Sopheika! j'ai tâché de vous en décrire la mille millième partie peut être; suppléez y par votre imagination: vous n'avez pas à craindre d'excès; on ne sauroit exagérer, en traçant le portrait de ce jardin; moi, qui l'ai vu je sens toutes les défectuosités de mon tableau. Mais tous les chantres du vieux et du nouveau monde y seroient en défaut. Je ne vous parle plus de cette quantité prodigieuse de colonnes, statues, cariatides, vases et monuments symboliques, que le luxe a répandu par ci par là dans ce jardin. Celui, qui parmi ces derniers doit le plus arrêter votre attention, c'est une colonne à moitié brisée; elle base sur trois gradins de granit ombragée de deux jeunes tilleuls, qu'on a soin de ne pas laisser croître jusqu'à maturité d'âge et adossée à une muraille de gazon. Elle rappelloit au propriétaire un souvenir douloureux. Pototzky dépouillé de son faste ordinaire venoit pleurer ici la perte de deux jeunes enfans. Quel endroit touchant! j'ai cru y voir aussi absorbé dans mes rêveries les ombres de Marie et d'Heléne, douce illusion d'un coeur ulcéré de sa perte! Eugénie du haut du ciel ajoutoit au tableau qu'inventoit mon idée

Вотъ Софіевка! Я описалъ вамъ, можетъ быть, только тысячную частя ея. Дополните прочее вашимъ воображеніемъ, не опасаясь вдаться въ крайности. Изображая красоты ея, нельзя сказать ни чего лишняго. Я, который видѣлъ этотъ садъ, глядя на свою картину, я лучше прочихъ чувствую недостатки моей кисти; но ни одинъ бы изъ пѣвцовъ древняго и новаго міра не избѣжалъ ихъ. Не говорю уже вамъ о множествѣ пирамидъ, статуй, каріатидъ, вазъ и таинственныхъ памятниковъ, которые роскошь разбросала по всему саду. Между сими послѣдними болѣе всего должна привлекать ваше вниманіе не додѣланная колонна: она прислонена къ дерновой стѣнѣ; основаніемъ ей служатъ три дикаго камня уступа. Осѣняемый двумя молодыми липами, которымъ съ умыслу не даютъ достигнуть полнаго ихъ возвраста, обелискъ сей служитъ владѣльцу горестнымъ напоминаніемъ. Потоцкій, освободясь отъ пышности, его вездѣ окружавшей, приходилъ сюда грустить о потерѣ двухъ юныхъ дѣтей своихъ. Какое трогательное мѣсто! Погрузившись тутъ въ глубокую задумчивость, и я самъ, какъ мнѣ казалось, видѣлъ тѣни Маріи и Елены; сладостное обольщеніе сердца, потерею своею сокрушеннаго! Видъ Евгеніи, улыбающійся съ высоты небесъ, умножалъ унылость моего воображенія.

Il faut, qu'avant de partir vous apperceviez encore un léger filet d'eau; ce n'est qu'un puits creusé sous une voute de pierre molle, on peut s'asseoir vis-à-vis sur une couchette dont le marbre, par une élasticité surnaturelle, semble avoir gardé l'empreinte incrustée du coude de quelque voyageur fatigué, qui étoit venu s'y reposer. Effet étonnant de

Прежде нежели выйдете отсюда, я васъ остановлю у небольшаго ключа воды: это не что иное, какъ колодязь, покрытый сводомъ изъ мягкаго камня; въ соотвѣтствіе ему на мраморной скамьѣ сверхъестественною какою-то силою сохранился отпечатокъ руки одного странника, пришедшаго сюда отдохнуть; локоть его какъ будто вдав-

l'art, dont la recherche a été si ingénieuse! c'est ici, qu'on se rappelle de Pythagore et qu'on veut s'écrier avec lui: Quoi! tout est sensible.

Encore un mot, il est indispensable; ne vous attendez pas à trouver dans ce jardin des buchers artificiels, kiosques, pagodes, chaumières et toutes ces frêles masures, dont on charge les palais de nos grands seigneurs et qu'un luxe mal entendu, pour mieux éblouir le vulgaire, qui ne veut qu'un éclat mesquin recouvre de clinquant, coquilles, vitrages et tant de misères semblables. Non, tout ici a été travaillé dans le grand genre; le créateur a versé de l'eau et jeté par terre des pierres énormes; la nature et le tems en ont façonné des montagnes. L'artiste après, mais bien tard est venu y poser ses chefs d'oeuvre. Ce n'est que marbre, granit et porphyre; tout y résiste au tems et au climat; rien n'est fragile et ne craint la vicissitude des saisons.

Pototzky, fils aîné du bonheur, enfant gâté de la fortune fut heureux d'en jouir. Je le suis davantage si mon récit vous a plu.

ленъ въ мраморъ. Удивительное дѣйствіе искуства и утонченнаго его вымысла. гляля на это вспомнишь Пиѳагора и вмѣстѣ съ нимъ скажешь: «Такъ! Все имѣетъ чувство.»

Еще одно слово: оно необходимо. Примѣтьте, что вы не нашли въ этомъ саду искуственныхъ стоговъ сѣна, костровъ, Китайскихъ и Индѣйскихъ домиковъ, хижинъ, поддѣльныхъ развалинъ, которыми наполнены сады нашихъ вельможъ и которые обманчивая роскошь, чтобъ лучше ослѣпить чернь, ищущую одного только пустаго блеска, украшаетъ мишурою, ракушками, стеклами и подобными бездѣлками. Нѣтъ, здѣсь все прямо великолѣпно. Творецъ пролилъ воду на землю, и бросилъ въ нее страшные камни; природа и время составили изъ нихъ горы; Послѣ, гораздо послѣ, пришелъ художникъ и разставилъ свои работы. Всюду здѣсь гранитъ, порфиръ и мраморъ; все въ состояніи противиться погодѣ и прихотямъ климата, все твердо и не боится перемѣны времени года.

Потоцкій, старшій сынъ фортуны, любимецъ счастія, блаженъ былъ здѣсь въ своихъ наслажденіяхъ: но я ему не позавидую, естьли мое описаніе вамъ понравилось.

ГЛАВА LX.

Отъѣздъ изъ Умани. Продолженіе пути.

29-го числа Іюля мы поѣхали изъ Умани; на силу добились лошадей: почту держатъ Евреи и по наряду возить не охотники; у нихъ ни шлей, ни хомутовъ, збруя негодная и все рвется. Ихъ надобно вездѣ остерегаться на пути, и на мѣстѣ у нихъ свой вѣсъ, мѣра и счетъ; они въ то употребляютъ остроту ума своего, чтобъ обмануть: не вѣрьте имъ ни въ чемъ!

Возвращаясь въ Звенигородку, мы обѣдали на томъ же мѣстѣ, гдѣ и прежде, т. е., въ Тальной, но послѣ Уманскихъ садовъ здѣшніе каменные утесы намъ уже не такъ прелестны казались. Въ Звенигородку мы довольно рано пріѣхали, и опять пристали у нашего балагура. Онъ увѣдомилъ насъ, что тутъ расположенъ новоформирующійся Уланскій полкъ изъ Татаръ, котораго я ни въ сборѣ, ни порознь, не видалъ. Городъ намъ показался сегодня въ самомъ торжественномъ видѣ: вездѣ иллюминація; подумать можно было, что у всякаго хозяина радостный пиръ; что жь? Это шабашъ: Жиды имѣютъ привычку въ своихъ корчмахъ съ навечерія Субботы все заготовлять къ завтрему такъ, чтобъ можно было уже ни руками, ни ногами не дѣйствовать, сидѣть, лѣниться и славить день Субботній, въ ожиданіи котораго вездѣ зажгутъ пропасть свѣчъ; свѣтъ въ комнатахъ превеликой, а хозяинъ лежитъ и ни за что не принимается.

Переночевавши въ этомъ мѣстечкѣ, мы поторопились ѣхать далѣе, имѣя въ предметѣ деревню сестры моей, куда намъ хотѣлось пріѣхать на ночлегъ. Дорога наша лежала на Ольшанку.* отъ Звенигородки 26-ть верстъ. Горъ много, однако ѣхали изрядно. Это селеніе большое. Оно принадлежитъ В. В. Енг. Тутъ господской домъ, двѣ богатыя мельницы и для Жидовъ построено, по обѣ стороны широкой улицы, множество домовъ; они еще пусты, но со временемъ, конечно, и здѣсь этотъ досужій и хитрый народъ расторгуется. Здѣсь намъ показалось рано обѣдать, и мы въ 12 часовъ поѣхали въ Корсунь. Какъ прекрасно воздержаніе наше было наказано! До Корсуня 32 версты: долго ли бы доѣхать? Но лошадей намъ въ Ольшанкѣ впрягли тощихъ: горы стали увеличиваться, и цѣпь ихъ далѣе сдѣлалась почти безпрерывной; послѣ полденъ усилился жаръ; лошади везли насъ по пескамъ шагомъ, а иногда вовсе становились, и я, для облегченія ихъ, версты по двѣ мѣстами шелъ пѣшкомъ.

Непріятные походы! Тутъ между многими забавными воспоминаніями, пришелъ мнѣ на мысль проектъ, однимъ пожилымъ градодержателемъ сочиненный, подъ названіемъ: «Объ учрежденіи конной почты по образу пѣшаго хожденія.» Я этотъ проектъ

---

* Ольшана. О. Б.

испытывалъ на самомъ дѣлѣ. Естьли позволяется иногда сказать правду и не совсѣмъ льстивую, то можно ли обвинить того путешественника, который сѣтуетъ и ропщетъ, когда, заплатя за подорожную пошлины впередъ, заплатя за лошадей всѣ прогоны впередъ, принужденъ итти пѣшкомъ, по тому что лошади стали, и думать, не смотря на то, что онъ по почтѣ ѣдетъ? Мы 32 версты ѣхали 6 часовъ, и пріѣхали обѣдать въ Корсунь въ 7 часу по полудни. Жаръ насъ истомилъ, а голодъ выучилъ впередъ быть умнѣй и обѣда не откладывать.

По всему этому тракту виды прекраснѣйшіе; но они меня не веселили, по тому что я спѣшилъ къ сестрѣ, а почта, которая шла тише пѣшехода и, признаюсь, голодъ, все вмѣстѣ наносило мнѣ большую досаду.

Корсунь—мѣстечко, принадлежащее Князю Лопухину: онъ имѣетъ тутъ славный винокуренный заводъ, и селеніе большое, однако ни путнаго ночлега, ни припасовъ съѣстныхъ хорошихъ отыскать не можно. Евреевъ пропасть, да гдѣ ихъ нѣтъ? Камня дикаго громады. Натура та же, что и въ Умани, но, дѣйствуя здѣсь одна, не произвела Софіевки. На большой дорогѣ черезъ рѣку, задержанную вездѣ въ потокѣ своемъ каменьями, воздвигнутъ широкій и прекрасный мостъ, но не помѣщикъ его строилъ: онъ имѣетъ только участіе въ общей складкѣ, которую для него собирали со всего Уѣзда.

Исправникъ здѣшній, будучи знакомъ зятю, уже дожидался насъ здѣсь, чтобъ указать къ нимъ дорогу. Онъ съ нами отобѣдалъ на скорую руку, и мы, въ слѣдъ за нимъ, отправились. Онъ считалъ отсюда до ихъ деревни 45 верстъ; мы очень скоро ѣхали, дорога началась ровнѣе, но сколько я самъ себѣ ни дѣлалъ насилій, не могъ до нея добраться. Скоро постигли насъ сумерки и сама ночь; темнота ея отъ тучъ еще сдѣлалась ужаснѣе; молнія разсѣкала облака и гулъ отдаленнаго грома безпокоилъ сердце. Хотя мѣсяцъ изъ за тучъ иногда и показывалъ бѣлый зракъ свой, но что въ его свѣтѣ, когда отражаемые имъ предметы непріятны? Поля, пустыня, неизвѣстность разстоянія, проселочная дорога, на которую мы еще засвѣтло съ большой своротили, все это дѣйствовало на наши чувства.

Я началъ проситься на ночлегъ, какъ малое дитя послѣ школы рѣзвиться, но гдѣ пристать? Жилъ другихъ нѣтъ, кромѣ Жидовскихъ сараевъ, въ которыхъ гаду и свѣчъ много, а покою ни какого. Наконецъ въ 6 верстахъ отъ сестры увидѣли мы деревню. Какое счастіе! Она принадлежала Госпожѣ Турчаниновой, матери той самой, у которой мы гостили въ Одессѣ. Благодарность требовала отъ насъ, чтобъ мы къ ней заѣхали, а желаніе поскорѣй быть подъ крышкой, представило намъ эту обязанность въ самомъ большомъ видѣ, и мы рѣшились тутъ остановиться.

ГЛАВА LXI.

Пріѣздъ и пребываніе мое у зятя.

Съ какой радостью на завтра моего пріѣзда къ Госпожѣ Турчаниновой увидѣлъ я въ своей комнатѣ Бедрина, стараго прикащика отца моего, который, бывъ отданъ сестрѣ моей при ея замужствѣ, пріѣхалъ отъ нея поздравить насъ съ пріѣздомъ въ ихъ край и привелъ лошадей насъ довезти до зятниной деревни. Старый слуга нашего дома, посѣдѣвшій отъ лѣтъ и всякихъ трудовъ, поклонился мнѣ, по старинному, до земли, ударилъ въ полъ челомъ и прочелъ длинную свою поздравительную проповѣдь. Я вспомнилъ, глядя на него, мое ребячество, забылъ неравенство состояній и обнялъ ветхаго служителя родительской моей семьи. Съ нимъ, къ умноженію моей радости, получилъ я и письма изъ Москвы. Тамъ адресовали ихъ сюда, зная, что я въ эту пору уже буду около сихъ мѣстъ. Все соединилось къ моему удовольствію. Содержаніе писемъ было сходно съ моимъ желаніемъ, всѣ у меня были здоровы: чего больше!

Но какъ согласить нетерпѣливость видѣться съ сестрой съ благопристойностію противъ хозяйки дома. Госпожа Турчанинова, воротясь домой, просила насъ у нея отобѣдать. Совѣстно было отказать послѣ всѣхъ одолженій, сдѣланныхъ намъ ея любезною дочерью въ Одессѣ; съ другой стороны и непріятно было

въ 6 верстахъ остановиться и показать такую безпечность на счетъ свиданія. Сестра и зять не могли по зву хозяйки нашей къ ней пріѣхать, по тому что, узнавъ о нашемъ пріѣздѣ отъ Исправника, назвали всѣхъ своихъ сосѣдей къ себѣ въ тотъ же день для насъ въ гости. Надобно было пожертвовать пріязнію благодарности и мы остались обѣдать дома, и угощены были со всею ласковостію старинныхъ людей: нынѣ чиновъ больше, а пріязни ни чего!

Помѣстье Госпожи Турчаниновой прекрасно. Она имѣетъ домъ изрядной величины и на хорошемъ мѣстѣ; видъ изъ ея саду пріятенъ: отсюда разглядѣть уже можно дачи зятя моего и его мельницы. Здѣсь церковь и маленькія ярмарки бываютъ, а гдѣ ярмарки, тамъ и Жидовъ какъ мухъ.

Отобѣдавши, поспѣшили мы къ сестрѣ, а хозяйка наша насъ туда же проводила. На границѣ ихъ земель встрѣтилъ насъ племянникъ мой съ няней своей—милой ребенокъ! Онъ на силу держалъ превеликой хлѣбъ съ солью, и поднесъ намъ, сказавши: «Я обыватель здѣшній.» Мы взяли его къ себѣ въ коляску, посадили на колѣни. Жаръ былъ несносный. Дитя не умѣлъ понять, что около его дѣлается; все было для него ново: въ три года отъ роду что не удивляетъ человѣка! Отъѣхали съ версту еще, и родные мои уже прижимали меня къ своему сердцу. Слезы, смѣхъ, радость, все смѣшалось, и ни кто не умѣлъ разобрать ни чувствъ своихъ, ни мыслей. Всѣ мы бѣгали, суетились, вопросъ за вопросомъ: намъ въ одну минуту хотѣлось другъ другу все то разсказать, что мы, нѣсколько лѣтъ не видавшись, видѣли, слышали, испытали. Какое множество происшествій разныхъ мы вспомнили и опять постарались спрятать подалѣе въ памяти: сколько потерь и вознагражденій! Сестра обнимала жену мою, я зятя, и мы долго не могли пріити въ себя; между тѣмъ, какъ Миша уже спокойно, принявшись за свою игрушку, спускалъ волчка и говорилъ нянѣ: «Посмотри!» Сосѣди зятнины занимались нашими путешественниками и ознакомливались съ ними, а мнѣ было не до нихъ.

Войдя въ гостинную и увидя въ ней портреты моего отца, матери, первой жены, всѣхъ родныхъ моихъ, я не буду изъяснять, что я почувствовалъ: это выше всякаго выраженія. Я въ чужой сторонѣ, за тысячу слишкомъ верстъ отъ своей, находилъ домъ свой и свою родину. Черты людей, вѣчно въ памяти моей поселившіяся, мнѣ представляли тѣ же покои, въ коихъ я живу обыкновенно дома, тѣ же тутъ видѣлъ лица и, казалось, живую на нихъ видѣлъ улыбку. Такъ! пріятно обольщаться и думать, что разлучившіеся съ нами по закону естества, не разлучны по закону любви и по связи животной въ природѣ. О! безподобное искуство живописи! Этѣми живыми впечатлѣніями, этой сущностью восторговъ нашихъ, даже и по смерти тѣхъ, кои намъ были милы, мы обязаны тебѣ, тебѣ единственно; ты питаешь нашу меланхолію и даешь чувство вещамъ неодушевленнымъ.

Я прожилъ здѣсь въ деревнѣ у зятя * отъ 1-го Августа до 5-го числа, и провелъ все это время въ неограниченной свободѣ

* О немъ вотъ что сказано сочинителемъ сего путешествія въ его «Капищѣ моего сердца.»—20 Февраля. Василій Лаврентьевичъ Селецкій, зять мой родной, мужъ сестры моей, человѣкъ, обязавшій меня чрезвычайно много. Благороднѣйшій его поступокъ, который дѣлаетъ честь его характеру, состоитъ въ томъ, что онъ, полюбя сестру мою уже въ лѣтахъ, но не имѣя возможности на ней жениться, по тому что не былъ раздѣленъ съ матерью своей и не могъ доставить ей участи независимой, вдругъ скрылся изъ Москвы въ свою родину, Малороссію, и тамъ прожилъ лѣтъ двѣнадцать, не давалъ о себѣ ни какой вѣсти. Съ той же скоропостижностію, съ какой оставилъ онъ нашъ домъ, написалъ изъ Чернигова сестрѣ моей письмо, которымъ увѣдомляя, что онъ получилъ свое имѣніе, умножилъ его и можетъ доставить ей спокойное состояніе, возобновилъ исканіе руки ея. Сестрѣ было почти сорокъ лѣтъ: раздулся прежній огонь. Онъ пріѣхалъ немедленно въ Москву, женился на ней и повезъ въ свой край. Мы тамъ у нихъ были, видѣли ихъ житье, и сестра совершенно счастлива. Рѣдкой примѣръ вѣрности и благородства. Потомъ, какъ мать моя скончалась и я обязанъ былъ, по выданной сестрѣ родной, выдѣлить ей часть изъ имѣнья, Селецкой, отъ лица жены своей, поступилъ съ оной въ пользу дочерей моихъ, и, взявъ съ меня векселя, передалъ право полученія денегъ по онымъ тѣмъ дочерямъ моимъ. Какой родной и другъ нынѣшняго образованія поступитъ столь нѣжно и благодѣтельно? Я до гроба не забуду сихъ его одолженій, коими болѣе обязанъ правиламъ его, нежели родству, и по тому-то онъ и превосходенъ въ глазахъ моихъ; ибо здѣсь побудительной причиной былъ не случай, не пристрастіе, по пословицѣ старинной: «Свой своему по неволѣ другъ,» а характеръ, готовой на все благородное, возвышенное и доброе. Въ сіе число (20-го Февраля) родила сестра сына. Онъ одинъ у нихъ и есть. Дай Богъ, чтобы онъ былъ имъ въ радость!» В. Л. Селецкій умеръ 1831 года. О. Б.

и упражненіяхъ прямо пріятныхъ для сердца. Здѣсь я вставалъ и ложился спать, когда хотѣлъ, бѣгалъ, читалъ, писалъ, рѣзвился, и все по произволу, безъ роскоши и безъ принужденія; какъ Царь въ своемъ дворцѣ, я приготовлялъ себѣ забавы; здѣсь я писалъ мою Софіевку, и заочно еще восхищался ея райскими прелестями; здѣсь я ко всѣмъ моимъ роднымъ писалъ о себѣ, о нашемъ путешествіи, бесѣдовалъ съ друзьями и занимался уже заранѣе тою радостью, которую они, увидѣвши меня, почувствуютъ; или, оставя перо, бумагу, забывъ и умъ и сердце, машинально съ Мишей * кубари каталъ и смѣялся съ нимъ въ запуски, когда волчекъ засвищетъ.

Временемъ мы ѣзжали по сосѣдямъ ихъ, а по вечерамъ, сидя дома, говаривали о всякой старинкѣ: тотъ свое вспомнитъ, другой свое. Подъ кровомъ чистаго неба, въ ясную погоду, на лавкѣ у воротъ дома, иногда любовались на хороводы, иногда на возвратъ съ поля тучныхъ овецъ и коровъ: все въ полѣ лѣтомъ занимательно, все прекрасно. День великъ, а не увидишь, какъ пройдетъ въ обществѣ пріятномъ и непринужденномъ.

Въ первый день пріѣзда нашего зять мой велѣлъ пошарить у себя въ погребѣ, и такимъ прекраснымъ подпоилъ насъ Венгерскимъ, что я на силу нашелъ дверь къ себѣ въ спальню. Скажемъ къ извиненію сего семейственнаго пиршества, вмѣстѣ съ хорошимъ переводчикомъ затѣйливой Французской пѣсенки:

Вина употребленье
Самъ Богъ не запретилъ,
Зримъ Его въ томъ изволенье,
Что вино сладко сотворилъ.

---

* Михаилъ Васильевичъ Селецкій, единственный сынъ Василія Лаврентьевича, въ послѣдствіи служилъ въ Полтавѣ, и, будучи Надворнымъ Совѣтникомъ и Вице-Губернаторомъ, между прочимъ, съ 14-го Октября, 1843 года, исправлялъ должность Полтавскаго Гражданскаго Губернатора послѣ Д. С. С. Александра Егоровича Аверкіева, до Іюня 1845 года, когда былъ назначенъ въ

ГЛАВА LXII.

Мѣстоположеніе. Сосѣдство. Здѣшнее хозяйство.

Деревня Селецкихъ называется Ковали. Церкви здѣсь нѣтъ, ярмарокъ также, а по тому и Жиды не такъ часто бродятъ. Приходъ ихъ въ 4 верстахъ отсюда. Зять отстроиваетъ большой и прекрасный домъ, однако со всякимъ хозяйствомъ и умѣренностію. Мы застали его отдѣланнымъ въ чернѣ: но они жили, и мы съ ними вмѣстѣ расположились, въ старомъ низенькомъ домикѣ, весьма помѣстительнымъ для ихъ семейства: комнаты не высоки, но теплы, крышка соломенная.

Мѣстоположеніе прекрасное Садъ разбитъ въ ущелинахъ и оврагахъ; горъ пропасть, и я, какъ вепрь, прыгалъ поминутно съ холма на другой. Со временемъ здѣсь красотъ будетъ много, и тѣ, кои любятъ, что называется pittoresque, найдутъ въ прогулкахъ своихъ большое удовольствіе.

Зять—искусный хлѣбопашецъ; у него не одинъ садъ въ предметѣ; онъ мастеръ обработывать поля свои; объѣзжая ихъ вмѣстѣ съ нимъ, я дивился его дѣятельности и предусмотрѣнію; ни одно зерно не пропадаетъ: все обдумано, сбережено, приказано; за то какія огромныя у него скирды хлѣба поставлены! Какъ весело смотрѣть на этѣ кучи богатыхъ сноповъ, которые сама натура золотомъ покрыла! Зимой все это обратится въ горѣлки; горѣлка даетъ деньги, а на деньги, когда ихъ много, покупай, что изволишь!

Селецкій имѣетъ около 500 душъ, кои даютъ ему до 20 тысячъ доходу посредствомъ винокуренія: отнимите эту вѣтвь промышленности (говоря по модѣ) у здѣшнихъ обывателей, они обнищаютъ и не получатъ ни чего, по тому что съ хлѣбомъ некуда будетъ дѣваться: здѣшніе шинки многихъ обогатили.

Губернаторы Д. С. С. Николай Ильичъ Ознобишинъ. Теперь Михаилъ Васильевичъ въ отставкѣ Д. С. С. и живетъ въ своемъ помѣстьѣ, Ковaляхъ. О. Б.

Когда этотъ край былъ присоединенъ къ Россіи, то Князь Понятовскій, имѣвшій здѣсь до 40 тысячъ душъ, знатную часть владѣній своихъ распродалъ. Многіе поспѣшили покупать здѣшнія земли, населенныя Хохлами, которыми вся эта страна наполнена, по тому что она отъ самой древности составляла одну область съ Малороссіей и отнюдь не болѣе принадлежала Польшѣ, нежели намъ. Тогда душа продавалась по 80 и 70 руб., а нынѣ ни кто не возметъ и по 250 руб.; ибо узнали, какъ они доходны и какъ велику пользу приносятъ. Безъ труда же, извѣстно, что нигдѣ нѣтъ ни чего.

По многимъ селеніямъ ярмарки, т. е., торговые съѣзды еженедѣльно, хлѣба у всякаго помѣщика пропасть, мельницы прекрасныя; Жиды разъѣзжаютъ съ товарами, продаютъ, мѣняютъ, обманываютъ; вездѣ ихъ встрѣтишь, такъ какъ въ нашей Россіи разнощиковъ, кои на возахъ по деревнямъ развозятъ всякую всячину.

Деревень правильныхъ и вытянутыхъ въ улицу здѣсь не найдешь; всякой строится, какъ вздумалъ. Усадьбы у крестьянъ обширны. Они по большой части въ оврагахъ и строятся при подошвахъ горъ. Лѣсу у обывателей немного, однако на нужду есть. Рѣкъ проточныхъ мало, но ключей и родниковъ вездѣ много; помѣщики поднимаютъ плотины и роютъ пруды.

Хохолъ по природѣ, кажется, сотворенъ на то, чтобъ пахать землю, потѣть, горѣть на солнцѣ и весь свой вѣкъ жить съ бронзовымъ лицомъ. Лучи солнца его смуглятъ до того, что онъ свѣтится ,какъ лакомъ покрытъ, и весь черепъ его изъ желта позеленѣетъ; однако онъ о такомъ порабощенномъ состояніи не тужитъ: онъ не умѣетъ понять ни чего лучше.* Я съ ними говорилъ. Онъ знаетъ плугъ, вола, скирдъ, горѣлку, и вотъ весь его лексиконъ. Естьли бы гдѣ Хохолъ пожаловался на свое состояніе, то тамъ надобно искать причину его негодованія въ какой либо жестокости хозяина, по тому что онъ охотно сноситъ всякую судьбу и всякой трудъ, только нужно его погонять безпрестанно; ибо онъ очень лѣнивъ: на одной минутѣ пять разъ и волъ и онъ заснутъ и проснутся; такъ, по крайней мѣрѣ, я замѣтилъ его въ моихъ наблюденіяхъ, и, смѣю думать, что естьли бы весь этотъ народъ не былъ обязанъ помѣщикамъ добронравнымъ за ихъ къ себѣ доброхотство и уваженіе къ человѣчеству, то бы Хохла трудно было отдѣлить отъ Негра во всѣхъ отношеніяхъ: одинъ прѣетъ около сахару, другой около хлѣба. Дай Богъ здоровья и тѣмъ и другимъ!

* Естественно, въ томъ незавидномъ положеніи, въ какомъ находился. О. Б.

ГЛАВА LXIII.

Каневъ. Монастырь.

Зять возилъ меня, за 9 верстъ отъ деревни, смотрѣть мѣстечко, называемое Каневъ. Мы много горъ переѣхали, и очутились въ близи Днѣпра, который тѣшитъ своими излучинами. Говоря согласно съ тамошними преданіями, я скажу вотъ что. Нѣкогда, и очень, очень давно, была тутъ складка всѣхъ Азіятскихъ товаровъ, кои отсюда развозились въ Польшу, Молдавію, Украйну, Малую и Великую Россію. Нынѣ Каневъ только безъуѣздный городокъ и принадлежитъ къ Богуславскому Уѣзду. Населенъ Жидами и Хохлами: есть нѣсколько и Шляхты, но мало. Во времена Польши тутъ было Староство, въ которомъ считалось отъ 12 до 14 тысячъ душъ.*

* Каневъ, при рѣкѣ Каневкѣ, впадающей въ Днѣпръ, упоминается уже въ XI-мъ столѣтіи; онъ одинъ изъ крайнихъ Русскихъ городовъ на югъ Кіева и Переяслава по Днѣпру, и по тому былъ не разъ мѣстомъ съѣзда Русскихъ Князей съ Половцами по разнымъ дѣламъ. Въ 1239 г. онъ былъ взятъ Батыемъ, и съ тѣхъ поръ сдѣлался было пребываніемъ Татарскихъ Баскаковъ, управлявшихъ оттуда окрестною страною. Во время Польскаго владѣнія онъ составлялъ Староство, изъ Старость коего въ послѣднее время выдается въ особенности Николай-Василій Потоцкій, извѣстный въ Заднѣпровьѣ своими забубенными похожденіями. О. Б.

Самаго городка я не видалъ, а ѣздилъ смотрѣть близъ лежащаго клостера или монастыря, который заслуживаетъ, по древности своей, особенное любопытство. Въ немъ старая церковь деревянная, а новую выстроили изъ кирпича, и уже освященіе ея при насъ назначено было къ 1-му Октября; думаю, что совершилось. Обѣ этѣ церкви, разумѣется, Уніятскаго Исповѣданія. * Во всякомъ храмѣ по два и по три престола на всѣ стороны безъ разбора. Въ деревянномъ иконостасъ былъ отдѣланъ по нашему, а въ каменномъ не было еще ни какого внутренняго убранства. Первоначально церковь эта основана тутъ въ 1145 году, и тогда поставленъ былъ въ ней престолъ Греческій; въ послѣдствіи времени, когда Поляки восхитили и присвоили себѣ всю по обѣ стороны Днѣпра Малороссію, храмъ этотъ превращенъ въ Уніятской.

До того времени правилъ монастыремъ симъ Архимандритъ Макарій, котораго нынѣ церковь наша чтитъ святымъ Чудотворцемъ Переяславскимъ, гдѣ и мощи его почиваютъ. Наконецъ храмъ сей со 160 лѣтъ былъ пустъ и забытъ; нынѣ возобновленъ тщаніемъ, и усердіемъ одного Русскаго Дворянина Г. Казаринова, который женился на Полячкѣ и здѣсь сдѣлался помѣщикомъ. Въ обители 6 монаховъ Базиліянскаго (Св. Василія) Ордена, т. е., Уніяты. Одинъ изъ нихъ ожидалъ себѣ скоро посвященія по ихъ въ Опаты (Аббаты), по нашему въ Архимандриты. Уже и Указъ объ немъ въ наше время полученъ былъ.

На церкви фронтонъ съ слѣдующею подписью: «Богу въ Святой Троицѣ Единому, Справедливому. Твоя отъ твоихъ Тебѣ приношу 1810.» Простое выраженіе благодарной твари предъ своимъ Создателемъ.

Монахи здѣсь не тунеядцы и лѣнтяги: они обучаютъ разнымъ языкамъ юношество и получаютъ за то жалованье. При костелѣ

выстроенъ каменный большой домъ, въ которомъ учреждены школы. Поляки отдаютъ сюда дѣтей своихъ учиться разнымъ наукамъ; это заведеніе подобно Академіи. Оно подъ главнымъ вѣдомствомъ Министерства Просвѣщенія и Католицкаго Духовнаго Правленія, а на мѣстѣ управляетъ въ подробности Митрополитъ Уніятскій. Я не утаю примѣчанія, общаго между помѣщиками Русскими, что Поляки дѣтей своихъ не учатъ по Русски и, кажется, будто мѣстоначальники на это смотрятъ очень равнодушно. Мы ни кого изъ школьниковъ не видали: время было вакантное; всѣ по домамъ, а Настоятель на ту пору отлучился отъ монастыря въ городъ Каневъ. По правамъ Польскимъ, туда пріѣзжалъ въ этотъ день Повѣтовый Богуславскій Судъ учреждать конкурсъ надъ имѣніемъ одного Жида, объявившаго себя банкротомъ; а какъ онъ долженъ былъ и монастырю, то Архимандритъ выѣзжалъ въ Судъ защищать свое право; ибо и чернорizцы хотятъ жить, а для этого потребны деньги.

Мѣстоположеніе монастыря прекрасно: когда монахи селятся на худыхъ мѣстахъ? Вездѣ лучшія усадьбы подъ ними, отдадимъ имъ эту справедливость. Обитель на горѣ, въ низу ея, въ небольшомъ разстояніи, видѣнъ Днѣпръ, и я, глядя на его быстрыя

---

* А прежде были Православнаго. Въ этомъ монастырѣ похороненъ славный Малороссійскій Гетьманъ, Иванъ Серпяга, въ народѣ извѣстный подъ именемъ Пôдковы, измѣннически убитый 1578 года въ Львовѣ. Въ Каневъ тѣло его принесъ товарищъ и другъ его, Гетьманъ Жахъ (или Шахъ), который тутъ же и постригся черезъ годъ въ монахи. Дорога, по которой везли мертваго Серпягу до Канева, называлась долгое время Серпяжинымъ шляхомъ (трактомъ). О смерти этого Гетьмана упоминаютъ двѣ Малороссійскія думы:

1-ая:

«Охъ и сила, сила, сила, силу подоѣла,
Серпягови да у Львовѣ сподѣлась могила.»

2-ая:

«Ой зъ города изъ Пôлтавы вытѣжжали Козаки,
Усѣхъ було три таборы, да всѣ три однаки.»

Въ послѣдней поется также:

«А въ городѣ у Каневѣ да й заголосили,
Що Серпягу у могилу тихо положили!»

См. Украинскія народныя пѣсни, изд. М. А. Максимовичемъ. Москва, 1834, стр. 78—80. А о походѣ Серпяги по Черному морю см. Думу въ Сборникѣ Украинскихъ пѣсенъ, изд. тоже М. А. Максимовичемъ. Кіевъ, 1849, стр. 27—30. О. Б.

струи, мечталъ о Кіевѣ, о томъ препрославленномъ градѣ въ лѣтописяхъ нашихъ, куда стремились нетерпѣливо мой духъ и мысли.

Дачи въ окрестности сихъ мѣстъ вездѣ пріятны; я ѣздилъ съ зятемъ къ сосѣду его, тому самому Казаринову, который украшаетъ Каневскую церковь, былъ имъ обласканъ чрезвычайно, и видѣлъ всѣ его заведенія. Садъ попечительною рукой разведенъ и воспитанъ: какъ онъ лелѣетъ каждое дерево! Какія возвышенныя тополы, какія стройныя раины осѣняютъ не богатый, но со вкусомъ прибранный, его домикъ! Онъ въ немъ живетъ просто, безъ чиновъ, гостямъ радъ безъ принужденія. Мы у него посидѣли часа съ два. Хлѣбопашество его въ цвѣтущемъ состояніи. Онъ богатъ, по тому что кажется доволенъ, и у него можно найти маленькой оттѣнокъ патріархальныхъ нравовъ.

Жена его изъ Полячекъ, барыня скромная, вѣжливая и любезная: ихъ ни что не раздѣляетъ, кромѣ Вѣры; все у нихъ за одно, но церкви разныя. Она Уніятка, а онъ—нашъ братъ Католикъ Греческаго Исповѣданія. Любя свою подругу, онъ для нея выстроилъ при домѣ маленькую Католицкую церковь: въ ней отправляется служба по Польски, а книги церковныя тѣ же, что и наши, да и на нашемъ языкѣ. Сколько я ни всматривался въ Унію, находилъ въ ней ядро Папистовъ подъ скорлупою Греко-Восточной Церкви. Я ни какой смѣси не терплю: она хороша въ одной поварнѣ, а въ нравственности, наипаче же въ Религіи, Химія никуда не годится. Но что до этого? У Казаринова много пріятнаго и хорошаго; онъ добрый и ласковый панъ; такъ и спасибо ему, что полюбилъ насъ!

У зятя я находилъ себя ближе къ своему дому, ко своимъ пенатамъ; онъ окруженъ добрыми сосѣдями, и со всѣми ими меня ознакомилъ; ласки ихъ меня трогали, искренность привлекала: какъ не любить того, что любезно? Сверхъ того, сестра, живучи здѣсь постояннымъ образомъ, установила ходъ переписки своей съ нашими общими домашними и, получая отъ нихъ порядочно каждую недѣлю извѣстія, снабжала меня ими; и такъ я отвыкъ отъ антиподовъ и чувствовалъ, что приближаюсь по маленьку къ тому краю, гдѣ Богъ велѣлъ мнѣ родиться и первые лучи солнца увидѣть.

ГЛАВА LXIV.

Балъ у зятя, прощанье и отъѣздъ.

4 Августа зять мой бываетъ имянинникъ: достаточная причина для роскоши и мотовства; нашъ пріѣздъ увеличивалъ праздникъ; и такъ явились сюда всѣ сосѣди Польскіе, Малороссійскіе, Русскіе, привезли съ собой женъ и дѣтей: собраніе сдѣлалось большое; съ утра до вечера день прошелъ въ пляскѣ и удовольствіи. Сперва, какъ водится за обѣдами, хозяева зачали пить здоровье гостей, а гости хозяйское. Вино развязываетъ языки и у самыхъ скромныхъ: пошли поговорки. На мою долю пришлось бокаловъ съ 10: отказъ не пріемлется. Какъ скоро сказано: «Въ ренцѣ!» надо бѣжать къ сигналу, брать бокалъ въ руки и осушивать его до дна. Поляки, не знаю, всѣ и вездѣ ли, по крайней мѣрѣ, здѣшніе, выпивъ чье ни будь здоровье, вызывали того, кому хотѣли передать рюмку, говоря: «Въ ренцѣ, панъ» такой-то! Слово «въ ренцѣ,» значитъ въ руки, слѣдовательно, вызванный на этотъ прекрасный поединокъ гость бѣжитъ къ тому, который пьетъ, и за нимъ дѣлаетъ тоже. «Въ ренцѣ» чаще всѣхъ словъ было у нихъ слышно. Замѣтить еще надобно, что Поляки иначе не называютъ другъ друга, какъ «панъ,» прибавляя его чинъ, или званіе, на пр.: панъ Хорунжій, или панъ Подкоморій, и такъ далѣе.*

Выпивши здоровье всѣхъ тетушекъ, матушекъ и бабушекъ, всѣ между собой застучали рюмками, не пустыми, однако, и кричали въ одинъ голосъ: «Виватъ! Кохаймося!» Это уже крайнее выраженіе согласія и любви. Всѣ стаканы чокъ, чокъ! а гости чмокъ, чмокъ! и радость во всѣ чувства полилась рѣкой. Славное Венгерское вино, какого, кромѣ Польши, нѣтъ нигдѣ, цѣльное, безъ обмана, вскружило всѣ умы, и въ честь Бахусу часть большая зятнинаго погреба осушилась. Простительно въ праздничный день, въ хорошей семьѣ, въ пріятной бесѣдѣ, забыть мѣру

* Съ Итальянскаго обычая. О Б..

въ наслажденіяхъ. У пьяныхъ, какъ и у трезвыхъ, своя логика, умствованіе и вкусъ. Послѣ стола я говорилъ сосѣду:

По чести, можетъ ли что быть
Хмѣльныхъ пріятнѣе напитковъ?
Не надо золота мнѣ слитковъ,
Когда могу такой я пить.

Что думалъ тогда, то теперь написалъ: «In vino veritas.»

Молодымъ дѣвушкамъ хотѣлось поплясать: ихъ было довольно, молодцовъ также, а музыка готова. Начался балъ, и панъ Подкоморій въ Польскомъ своемъ платьѣ, подпоясанъ богатымъ кушакомъ, открылъ его своимъ отечественнымъ танцомъ. Что можетъ быть прелестнѣе для глазъ въ искуствѣ Терпсихоры, какъ Польской, когда его водитъ Полякъ? Какіе изгибы во всѣхъ мускулахъ, какой изворотъ въ ходьбѣ, какъ онъ рисуетъ путь свой, какъ прекрасно водитъ даму; на всякомъ переломѣ новое паденіе до ногъ; съ какою ловкостью Полякъ закидываетъ свои рукава назадъ, бросаетъ шапку подъ мышку и поглаживаетъ усы; какъ живъ у него взоръ, когда онъ танцуетъ: все его лице изъясняетъ его чувства! Нѣтъ ни чего любострастнѣе этого танца; но что можетъ быть усыпительнѣе его же, когда мы, по своему, по Русски, называя Польскимъ какой-то прескучный ходъ изъ угла въ уголъ по большой залѣ, шагаемъ просто, безъ снаровки съ музыкой, тащимъ дѣвушку, которая бѣжитъ во весь духъ, или дремлетъ, естьли передняя пара остановилась: тутъ нѣтъ ни какого выраженія, мертво. Я вспомню при этомъ шутку одного моего пріятеля, который, танцуя паръ въ сорокъ предлинный Польскій въ клубѣ и съ трудомъ продираясь сквозь кучу людей, говорилъ мнѣ: «Nous allons à la terre promise, мы шествуемъ въ обѣтованную землю.»

Послѣ пана Подкоморія и панъ Совѣтникъ Казариновъ отдернулъ Польской. Потомъ начались Мазурка, Краковякъ и прочія Польскія же пляски. Какъ мило отличались проворствомъ, искуствомъ и прелестьми многія здѣшнія барышни! Какъ много давали чувствовать тоненькіе ихъ каблучки, когда они, избоченясь, ими постукивали! Межъ ими нашелъ я родню свою, Княжну Долгорукую:

она воспитывается у родной своей бабушки, Генеральши Бандеръ, которая изъ ближней своей деревни на это время пріѣхала къ сестрѣ и у нея погостила. Съ какимъ вниманіемъ и сердечнымъ удовольствіемъ она любовалась, глядя на свою внучку, а та обучилась иностраннымъ языкамъ съ прилежностью, мастерски говоритъ по Польски и вообще приготовлена воспитаніемъ своимъ къ счастію семейному. Веселый панъ Викуловскій, острая и пригожая пани Хорунжева, жена Хорунжаго, учувствовали безъ принужденія во всѣхъ нашихъ забавахъ. Всѣ играли, смѣялись, искали удовольствія, и находили его безъ хлопотъ и труда. Можно забыть мѣста, воды, прохладный источникъ, тѣнистый лѣсъ и всѣ красы природы; но гдѣ тотъ смертный равнодушный, который забудетъ пріязнь, искренность, ласку? Нѣтъ, я васъ не забуду, удостоившіе меня вашей ласки, новые мои соотчичи: всѣ вы въ мысляхъ моихъ и теперь!

Однако на всякомъ сраженіи бываютъ раненые: какъ безъ того? И здѣсь кого запалилъ Бахусовъ огонь, тотъ простывалъ на мягкой перинѣ; а коихъ стрѣлы Венерины пронзили, тѣ вздыхали ходя, сидя и лежа. Бѣдный мой Алексѣй до того допрыгалъ мазурку, что не зналъ, куда дѣвать свое сердце: оно подымалось у него, какъ волны морскія, «Ахъ, папинька! Естьли бъ вы знали, какъ мила монъ Плезирушка!»—«Вѣрю, мой другъ: такіе принадки и меня схватывали часто. Умные люди считаютъ то время счастливымъ, когда отъ нихъ совсѣмъ вылѣчишься: что въ этомъ здоровьѣ? Съ нимъ жизнь хуже смерти:

О юноша любезный!
Дней красныхъ не теряй;
Стяжи совѣтъ полезный—
И чувства разбирай!
Желать и наслаждаться,
Есть дѣйство естества;
Любить и восхищаться, —
Внушенье Божества.

Вотъ какъ мы проводили время у зятя, и отпраздновали его имянины въ новомъ его домѣ, хотя и не совсѣмъ еще готовомъ; но лѣтомъ вездѣ крышка и покой. На зватра расположились

ѣхать къ Казаринову позавтракать, и отъ него въ путь. До Кіева намъ оставалось не съ большимъ 100 верстъ. Сестра и зять обѣщали и туда пріѣхать раздѣлить съ нами время; и такъ прощанья наше еще не рѣшительны, и мы, отдохнувши отъ имянинъ, расцѣловавши Мишу, поѣхали и хозяевъ съ собой увезли къ Казаринову.

ГЛАВА LXV.

Пиръ у Казаринова. Отъѣздъ и путь до Кіева.

Нашедши у Казаринова на завтра всю туже компанію, которая была на канунѣ у зятя, нетрудно было догадаться, что мы тутъ пробудемъ весь день и ночуемъ. Немного для сего потребно было убѣжденія: два слова съ пріязнію,—и мы остались. Возобновилась вечерняя потѣха, хозяинъ не пощадилъ своего погреба; полилось Венгерское, и самое превосходное. Какъ отказаться отъ рюмки хорошаго вина? А вторая, третья и такъ далѣе, тѣ сами текутъ въ душу. Немножко головѣ накладно, но ума съ друзьями не надо, были бы искренни чувства; а вино такъ очищаетъ сердце, какъ бѣлка облупитъ орѣхъ.

Мы пили, ѣли, играли, рѣзвились и всѣ были молоды; хозяева люди добрые, зажиточные и не скупы. Еще прогостили день съ родными, отдохнули, и по утру рано, 6 числа, простясь со всѣми на долго, естьли не навсегда, а съ родными еще только на недѣлю, скрылись отъ дальнихъ проводовъ, и на зятниныхъ лошадяхъ поѣхали въ Богуславль обѣдать.

Лошади рабочія и на силу насъ туда довезли: ѣхать скоро было нельзя, верстъ 40 слишкомъ, а дорога еще гориста и тяжела. Окрестности по пути хороши, много деревень разныхъ пановъ Польскихъ и вездѣ пропасть гусей: ни какой птицы такъ много не увидишь, и ни какихъ фруктовъ въ такомъ изобиліи не найдешь, какъ абрикосовъ: мы переставали даже находить вкусъ

въ нихъ. Вездѣ разныя хозяйственныя заведенія, огромныя скирды хлѣба, прекрасныя и очень частыя мельницы, также винокурни. Погоду мы имѣли сухую и самую жаркую.

Городъ Богуславль* самъ по себѣ не завиденъ: онъ имѣетъ свой Уѣздъ; въ немъ есть и Городничій. Въ этотъ самый день, т. е., въ Преображенье, тутъ бываетъ ярмарка; но такъ какъ это былъ шабашъ, то Жиды не торговали, и отъ того она была очень пуста. Подъѣзжая къ городу, спуститься надобно въ долину, которая обросла дубнякомъ и очень хороша положеніемъ своимъ и тѣнью.

На счетъ Жидовъ мнѣ къ стати помѣстить пресмѣшное приключеніе. Лошади наши шли худо; меня безпокоило нетерпѣнье доѣхать до мѣста. Увидѣлъ я у Жидовской корчмы лошадей; Жиды выпрягли ихъ изъ повозки, пустили по лугу, а сами сѣли на лавки, сложили руки и, какъ мертвые, не дохнутъ: шабашъ!—Я къ нимъ подослалъ нанимать лошадей, чтобъ перемѣнить своихъ: еще оставалось до города бѣжать 10 верстъ. Нѣтъ, Жиды не согласились, самимъ надобно. «Да вѣдь, у васъ шабашъ, а къ завтрему воротятся.»—«Ни подъ какимъ видомъ.» Желая посмотрѣть, что отъ нихъ будетъ, естьли лошадей впрячь насильно, я послалъ ихъ переловить, опутать и привести. Жиды все это видѣли. Стали ихъ впрягать,—ни одинъ ни слова, какъ прикованы были къ лавкѣ. Мнѣ жаль стало ихъ дурачества, я лошадей ихъ отпустилъ и дотащился на своихъ. Вотъ каковъ шабашъ! Жида хоть запали, онъ сгоритъ, и не тронется. Отъѣхавъ отъ Богуславля 30 верстъ съ небольшимъ, мы остановились ночевать въ имѣніи Графа Браницкаго; дорога сюда ровнѣе, горъ меньше, мѣстами степь, но корчмы Жидовскія очень часто настроены. Винцентовка—вотчина большая; о ней можно сказать, какъ о градѣ Ниневіи: «и скоти его мнози;» ибо стада огромныя, а сливокъ за червонной не достанешь: не продадутъ и не дадутъ. Прикащика не было дома, а жена его, женщина прегрубая, надѣлала намъ множество неучтивостей, и не только отказала въ порядочной квар-

* Богуславъ, съ 8-го Декабря, 1796 года, Уѣздный городъ, на рѣкѣ Росѣ. О. Б.

тирѣ на своемъ дворѣ, гдѣ бы мы, не стѣсняя ее, могли помѣститься; даже была такъ невѣжлива, что не хотѣла дать ни какого свѣдѣнія о разстояніяхъ и окрестностяхъ этого мѣста: во все путешествіе не случилось намъ встрѣтить другой такой грубіянки; прямая Горгона, и видомъ и нравомъ. Я въ тотъ день, читая какую-то книжку въ коляскѣ, нашелъ два стиха Латинскіе, которые очень идутъ къ ней и къ ея сестрамъ, бѣшенымъ бабамъ:

Aspidi quid pejus?—Tigris.
Quid tigride?—Demon.
Quid Demone?—Mulier.
Quid muliere?—Nihil.

Намъ хотѣлось съѣздить въ Бердичевъ, мѣсто въ здѣшней сторонѣ знаменитое, по его ярмаркѣ, монастырю и торговлѣ: это Польскій Парижъ. Естьли молодой человѣкъ, окончивъ воспитаніе, не былъ въ Бердичевѣ, то онъ сто процентовъ въ большомъ свѣтѣ теряетъ. Узнавши, что туда 100 верстъ крюку и что, въ разсужденіи военнаго тракта, прогоны должно платить вдвое, я раздумалъ въ Бердичевъ ѣхать: жаль стало денегъ, а при томъ признаюсь, что очень спѣшилъ поскорѣй доѣхать до Кіева.

7 числа былъ Воскресный день. Какъ въ большомъ селеніи не быть большому храму и крупному благовѣсту? Я услышалъ звонъ и пошелъ къ обѣднѣ, но ея не было: иконостасъ весь выломанъ и дѣлается новой. Дьячекъ прочелъ Часы, а Попъ прочелъ на престолѣ Евангеліе того дня, вотъ и вся служба! Народу собралось много. Одинъ Хохолъ или Козакъ, вымѣнявши самую большую свѣчу, разсудилъ съ ней стоять во время службы. Одинъ съ такою тягостью, онъ былъ очень примѣтенъ въ толпѣ прочихъ смиренныхъ овецъ. Я хотѣлъ узнать отличности такой причину, спросилъ: «На что ты держишь такое бремя?»—«Такъ!» Мнѣ очень полюбился этотъ резонъ. Я прежде его вышелъ изъ церкви, и не знаю, отдалъ ли онъ ее, или еще и теперь стоитъ съ нею въ церкви.

День былъ вѣтренъ, дорога безпокойна, въ 20 верстахъ мѣняли лошадей въ селеніи Проскуры; тутъ почтовый домъ деревянный, обмазанъ; далѣе 20 верстъ селеніе Гребенки, * почтовый домъ по общему фасаду съ прочими Малороссійскими, каменный, выстроенъ отъ казны; здѣсь мы обѣдали, и еще проѣхавши 28 верстъ, увидѣли Васильковъ, и колебались, остаться тутъ, или нѣтъ; еще было рано; до Кіева отсюда только 33 версты; но устрашили насъ пески; сверхъ того, мы не хотѣли пріѣхать туда ночью, чтобъ не потерять перваго взгляда издали на Лавру. Услужливый Жидъ держитъ тутъ хорошій трактиръ; онъ обольстилъ насъ своею уклончивостью, зазвалъ къ себѣ, и мы, хотя уже съ тонкими ѣхали на богомолье карманами, однако склонились одинъ вечеръ въ жизни подарить Василькову, и расположились тутъ на ночлегъ.

Васильковъ прежде былъ пограничный городъ. Тутъ учрежденъ былъ карантинъ и таможенная застава; теперь въ немъ стоялъ какой-то пѣхотный баталіонъ, который оживотворялъ нѣсколько сей запустѣвшій городокъ. Въ немъ есть по немногу каменнаго строенія. Онъ разбросанъ по холмамъ и долинамъ, издали видъ его хорошъ; двѣ церкви каменныя, одна деревянная; я въ нихъ былъ: нѣтъ ни чего особенно примѣчательнаго. Соборъ на самой высокой точкѣ города, и отъ него видъ долу очень красивъ. За Васильковомъ, приближаясь къ Кіеву, мы опять въѣхали въ старую свою Россію и оставили бывшія за Польшею земли. **

Отъ Василькова до Кіева пески утомительны, на силу лошади насъ дотащили. Верстахъ въ 10 отъ города видна уже Лаврская колокольня, и я отъ радости затрепеталъ. Уже Богъ благословлялъ давнишнее мое намѣреніе, и я достигалъ главнаго предмета моего путешествія. Въѣхавши въ городъ, пустились, не заходя на квартиру, прямо въ Лавру: тамъ, изнуренныя трудомъ, молитвою и напастьми, почивали кости почтенной прародительницы моей, схимонахини Нектаріи. Сердце мое, приближаясь къ

* Гребенка. О. Б.

** Въ древности Василевъ, построенный Великимъ Княземъ Владиміромъ Святославичемъ; съ 1795 года Уѣздный городъ. О. Б.

мертвеннымъ ея остаткамъ, готово было выскочить; въ пыли, въ поту, въ слезахъ, я воздѣлъ руки къ небу, воздалъ хвалу Богу, палъ ницъ на гробъ, толико знаменитый въ родѣ нашемъ; онъ въ самыхъ вратахъ Лавры, накрытъ простой доскою безъ надписи: я угадалъ его по предчувствію, и вспомнилъ тутъ глаголъ Іякова, пробудившагося отъ сна своего на пути въ Харрань: «Страшно мѣсто сіе: нѣсть сіе, но домъ Божій, и сія врата небесная.» *

ГЛАВА LXVI.

О Княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой.

Гробъ схимонахини Нектаріи былъ главный предметъ моего путешествія и давнишняя цѣль моего желанія. Достигнувши его, начну тѣмъ, что сообщу публикѣ нѣкоторыя черты исторіи сей знаменитой Россіянки.

Родилась она 1714 года, Генваря 17 дня, и наречена при крещеніи Наталіей. Послѣ отца своего, Фельдмаршала Графа Бориса Петровича Шереметева, осталась она 4 лѣтъ, а послѣ матери 14, и сію эпоху она въ Запискахъ ** своихъ сама называетъ началомъ

* Быт. XXVIII, 17. О. Б.

** Записки этѣ первоначально напечатаны были въ журналѣ: «Другъ юношества,» издававшемся Максимомъ Невзоровымъ, 1810 года, въ Генварской книжкѣ, стр. 8—69, за тѣмъ въ: «Сказаніяхъ о родѣ Князей Долгорукихъ,» составленныхъ Княземъ Петромъ Владиміровичемъ Долгорукимъ. Спб.. 1840, стр. 128—156, но не вполнѣ и съ поновленіемъ слога; вполнѣ же, по подлиннику, принадлежащему семейству покойнаго Князя Дмитрія Ивановича Долгорукаго, правнука ея, а сына Князя Ивана Михайловича, изданы въ 1-мъ выпускѣ «Русскаго Архива» 1867 г., и отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Памятныя записки Княгини Натальи Борисовны Долгорукой;» рукопись въ 4-ку, на 48 листахъ, въ старинной, тисненой черной кожѣ; коегдѣ на листахъ, на одной сторонѣ рукопись, а на другой изображенія благочестиваго и иносказательнаго значенія, сдѣ-

всѣхъ своихъ бѣдъ. Въ 1730 году, Апрѣля 5, вышла она замужъ за дѣда моего роднаго, Князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго. Кто читалъ Россійскую Исторію, тотъ знаетъ, что онъ былъ ближайшій любимецъ Петра II-го. По кончинѣ сего порфироноснаго покровителя всѣхъ Долгорукихъ, перемѣнились обстоятельства нашего рода. Императрица Анна искала крови каждаго изъ нашихъ; Биронъ гналъ все наше племя. Дѣдъ мой сосланъ, и Княгиня Наталья Борисовна поѣхала съ нимъ въ Сибирь, на третій день послѣ вѣнца. Тамъ, въ Березовѣ, за крѣпкой стражей, прожили они, со всѣми ихъ родными, 8 лѣтъ; никуда, кромѣ церкви, ихъ не выпускали, да и Богу молились подъ карауломъ.

По прошествіи 8 лѣтъ, разлучили ее съ мужемъ, и вотъ какъ она сама о семъ изъясняется: «Отняли у меня жизнь мою, безпримѣрнаго моего милостиваго отца и мужа, съ кѣмъ я хотѣла свой вѣкъ окончить и въ тюрмѣ ему была товарищъ; эта черная изба, въ которой я съ нимъ жила, казалась мнѣ веселѣе Царскихъ палатъ, по попущеніемъ Божіимъ, за грѣхи мои, его лишалась.»

Въ 38 году дѣдъ мой заключенъ въ особливый покой. Сіи опыты новыхъ мученій начались Апрѣля 10 дня; приставленъ удвоенный караулъ; не велѣно допускать къ нему жены. Любя его страстно, она изобрѣла одно средство видѣть его по одной минутѣ въ сутки тогда, какъ сама носила ему ѣсть; но и кушанье передавала ему не она, а часовой; такое страдательство продолжалось для нея до 4 Августа.

ланныя тушью; въ началѣ раскрашенное изображеніе Св. Великомученицы Варвары, а въ концѣ приписка сына Княгини, Князя Михайла Ивановича, сына Ивана Михайловича, слѣдующаго содержанія: «Получилъ сію книгу изъ Кіева, по кончинѣ нещастной матери моей въ 1773 году, Января 17 дня, въ день ея рожденія.» Къ Запискамъ присоединено нѣсколько писемъ Княгини и эта статья объ ней внука ея, Князя Ивана Михайловича. Записки въ этомъ изданіи сопровождены многими подстрочными примѣчаніями. Кромѣ того, переводъ Записокъ изданъ по Французски Княземъ П. В. Долгорукимъ, въ Парижѣ, озаглавленныхъ такъ: «Souvenirs de la princesse Natalie Borisovna Dolgoroukow, née comtesse Schérémétew.» О. Б.

Прискакалъ гвардіи Капитанъ съ командой, разорвалъ двухъ супруговъ, не далъ имъ проститься и увезъ дѣда моего въ Новгородъ. Здѣсь опять дамъ говорить ей самой: «Я не знала, что его уже нѣтъ; пришла къ той комнатѣ, вижу, что караулъ сведенъ; я такъ спѣшно туда вошла,—его тутъ нѣтъ; мнѣ сказываютъ, что его, де, увезли. Что я дѣлала? Кричала, билась, волосы на себѣ драла. Кто ни попадетъ на встрѣчу, всѣмъ валялась въ ноги, прошу со слезами: «Помилуйте, когда вы Христіяне: дайте только взглянуть на него и проститься!» Не было милосердаго человѣка, кто бы словомъ меня утѣшилъ, а только взяли меня и посадили въ темницѣ, и часоваго, примкнувши штыкъ, поставили.»

По разлукѣ съ мужемъ, оставшись въ Сибири съ двумя сыновьями, отцомъ моимъ и дядей, она тутъ жила еще годъ и 10 мѣсяцевъ. Какая мука для души нѣжной и чувствительной! Тогда мучить была система правленія. 1739 года, Ноября 8 дня, дѣдъ мой казненъ въ Новѣгородѣ, а въ 40 году, по повелѣнію кроткой Самодержицы, Елисаветы, бабка моя, съ малолѣтными сыновьями своими, изъ коихъ старшему, отцу моему, было 8 лѣтъ, вывезена изъ Сибири въ Россію Іюня 17 дня, а въ Москву пріѣхала Октября 17.

И здѣсь не въ радостяхъ текли дни ея: сперва странствовала по чужимъ домамъ, со слезами и всякимъ трудомъ воспитывала дѣтей своихъ, сносила нападки, тѣсноту, нужду и разныя домашнія нестроенія. Богатый Лазарь (такъ назову брата ея родпаго, Графа Петра Борисовича), не рѣдко допускалъ отца моего ходить безъ обуви у него въ домѣ и просить сапоговъ у глупаго его Библіотекаря, Воробьевскаго: да, такъ, это правда! На судѣ Божьемъ онъ истяжется съ нами, а здѣсь, по словамъ Царя Соломона: «Кто съ богатымъ поборется и на сильнаго вознесетъ глаголъ?»

Для тѣхъ, кои захотятъ осужденіе мое почесть клеветой (ибо нѣтъ нечестиваго, который бы кому ни будь не сдѣлалъ иногда добра), для нихъ скажу два слова: Графъ Петръ Борисовичъ остался наслѣдникомъ 60 тысячъ душъ не одинъ: у него было два брата и нѣсколько сестръ, въ томъ числѣ и бабка моя, о коей рѣчь идетъ; она выдана послѣ отца братомъ; слѣдовательно, раз-

суждая о порядкѣ наслѣдства по настоящимъ временамъ, она имѣла право на 14 часть, которая составляла болѣе, нежели 500 душъ, ей братомъ почти Христа ради данныя изъ ругательства къ ея злосчастію; ибо, ѣхавши въ ссылку, она могла бы и тѣхъ не получить; подъ штыками въ Сибири апелляціи нѣтъ. Поворотимъ теперь въ другую сторону законъ наслѣдства и опредѣлимъ такъ. Все слѣдуетъ, по старымъ узаконеніямъ, старшему сыну, и тогда не Петръ Борисовъ, но Михайло, у котораго были малолѣтныя дѣти, пустившія потомъ свое племя, имѣлъ право на все родительское достояніе. И такъ ясно, что Графъ Петръ Борисовичъ отнялъ все у безсильнаго и сдѣлался могучъ на чужихъ развалинахъ. Но обратимся къ небесному существу, къ схимонахинѣ Нектаріи. Наконецъ Княгиня Наталья Борисовна, женивъ отца моего, въ 1758 году, въ Мартѣ, прибыла въ Кіевъ, а Сентября 27 постриглась и приняла имя Нектаріи. Тутъ она посвятила всю себя Богу и въ уныніи взывала: «Кто дастъ главѣ моей воду и глазамъ моимъ слезы? Недостаетъ силъ ни плакать, ни вздыхать.» Но гдѣ уйдетъ человѣкъ отъ злоключеній? Бѣды въ горахъ, бѣды во градѣхъ, бѣды и въ пропастяхъ земныхъ. Въ 1767 году, Марта 18 дня, приняла схиму и въ умиленіи Христіанскомъ писала къ отцу моему: «Господь совершилъ всѣ мои намѣренія: сподобилась и схиму принять; теперь только осталось ожидать повелѣнія Господня, когда душѣ моей выйти изъ тѣла и стать предъ Судьей къ отвѣту.»

Но не у пріиде часъ кончины; еще житейскія бури волновали праведную ея душу: въ 1768 году, Генваря 30, лишилась она брата своего, Графа, Сергѣя Борисовича, о которомъ такъ изъясняется въ своей переписке: «Скончался любезный мой братъ, отецъ и другъ, Графъ Сергѣй Борисовичъ.» Казалось, истощило небо всѣ свои удары. О! нѣтъ, еще остался одинъ, сильнѣйшій, и который отверзъ ей самой двери гроба. Скончался сынъ ея меньшій, Князь Дмитрій Ивановичъ: поврежденный умъ вселилъ его въ молодости сущей въ монастырь; тамъ, бывъ въ разныхъ трудахъ и послушаніяхъ, онъ долго хворалъ и не могъ ни чѣмъ исправить своего воображенія, умеръ наконецъ въ монашескомъ рубищѣ и погребенъ въ глазахъ матери своей, въ Лаврѣ. Что могло быть еще чувствительнѣе для нея сей послѣдней потери? Жизнь станови-

лась для нея тягостнѣйшимъ бременемъ; одна вѣчность могла представлять ей отрады. И въ самыхъ послѣднихъ дняхъ бытія своего Нектарія, испытавъ всѣ ужасы моровой язвы въ Кіевѣ, изливала кровью послѣдніе свои жизненныя силы. Наконецъ, судьба тихой смертью праведныхъ прекратила біеніе утомленнаго ея сердца и перенесла ее въ одно мгновеніе изъ ада въ рай.

Въ Запискахъ ея, предъ кончиной, какъ думать надобно, оставленныхъ, видно слѣдующее увѣщаніе: «Оставшіе по смерти моей, пролейте слезы, вспомня мою бѣдственную жизнь; всякаго Христіанина прошу сказать, вспомня меня: «Слава Богу, что окончалась ея жизнь; не льются уже токи слезъ и не вздыхаетъ сердце ея!» Я васъ Богу вручаю; онъ васъ наградитъ за всѣ ваши успокоенія въ моемъ странствіи и усугубитъ вамъ небесныхъ и земныхъ благъ. Отецъ мой милосердый помилуетъ и доведетъ меня къ тихому пристанищу.»

Такъ умирала, такъ умерла, схимонахиня Нектарія, вдова Князя Долгорукаго, дочь Графа Шереметева. По собственному ея изволенію, тѣло ея погребено при самомъ входѣ въ Кіево-Печерскую Лавру, рядомъ съ гробомъ сына ея, котораго потеря растворила всѣ ея раны душевныя. Надъ сими остатками положены были, наровнѣ съ чугуннымъ поломъ, двѣ чугунныя же плиты съ надписями; но какъ шествовалъ чрезъ Кіевъ Государь Павелъ въ чужіе краи, тогдашній Митрополитъ Кіевской * разсудилъ приказать доски повернуть гладью вверхъ; причина этого не извѣстна. Съ тѣхъ поръ надгробныя доски такъ и остались; надписей не видно, всѣ черезъ нихъ ходятъ. ** И мнѣ, когда я подошелъ ко вратамъ собора, какое-то внутреннее предчувствіе сказало: «Падай! Это та, кого ты ищешь.»

---

* Гавріилъ Кременецкій. О. Б.

** Въ «Описаніи Кіевопечерской Лавры, Преосвященнаго Евгенія, Митрополита Кіевскаго, изданномъ въ Кіевѣ 1826 года,» въ «Прибавленіи,» на стр. 178 и 179, въ статьѣ: «Списокъ разныхъ надписей въ Кіевопечерской Лаврѣ, внутрь Соборной великой Успенской Церкви, и внѣ оной,» подъ № 25 и 26 сказано, именно № 25: «На преддверіи Великой Лаврской Успенской Соборной церкви, на двухъ чугунныхъ доскахъ, лежащихъ на землѣ одна подлѣ другой, вылиты слова съ надписью, на правой: «Подъ сей доской положено тѣло Княгини Наталіи Борисовны Долгоруковой, дочери Генералъ-Фельдмаршала, Графа Бориса Петровича Шереметьева, супруги Оберъ-Камергера Князя Ивана Алексѣевича Долгорукова, которая родилась въ Лубнахъ въ 1714 году, Генваря 17 числа, въ супружество вступила въ 1730 году, Апрѣля 5, а овдовѣла въ 1739 году, Ноября 8 числа, постриглась въ монахини въ Кіево-Флоровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ 1758 году, Сентября 28, и наименована при постриженіи Нектарія, и въ томъ имени приняла схиму въ 1767 году, Марта 18 числа, и поживе честно и богоугодно по чину своему, скончалась въ 1771 году, Іюля 3 дня.» На второй: «На семъ мѣстѣ погребенъ тѣломъ Князь Димитрій Ивановичъ Долгоруковъ, внукъ Генералъ-Фельдмаршала, Графа Бориса Петровича Шереметьева, сынъ Генералъ-Аншефа, Князя Ивана Алексѣевича, родился 1738 года, мѣсяца Октября, служилъ Лейбъ-Гвардіи въ Семеновскомъ полку отъ 1751 году по 1761 годъ, и за болѣзнію отставленъ съ рангомъ Армейскаго Поручика; 1763 года, Іюня 26, пріѣхалъ въ Кіевъ, имѣлъ желаніе постригтися въ монахи Кіевопечерской Лавры, имѣлъ жительство на пещерахъ Преподобнаго Ѳеодосія по 1767 годъ, Апрѣля 8 день, потомъ, по обѣщанію, жилъ въ Кіево-Николаевскомъ Пустынномъ монастырѣ по 1769 годъ, гдѣ и заболѣлъ Апрѣля 24 дня, на Свѣтлой Недѣлѣ, въ Четвертокъ, и, будучи въ болѣзни, шесть разъ причащался Святыхъ Таинъ и Елеемъ Святымъ Соборомъ помазанъ, и на исходъ души Канонъ читанъ, и Маія въ 26 день, во Вторникъ по полудни, въ 5 часу въ 50 минутѣ, на канунѣ отданія Свѣтлаго Христова Воскресенія, въ вечерній благовѣстъ, отъиде съ сего свѣта, и 29 погребенъ Архимандритомъ той же Лавры, Зосимою

ГЛАВА LXVII.

Общій взглядъ на Кіевъ.

Кіевъ поставленъ на горахъ: подъ ними течетъ быстрый Днѣпръ и краситъ картину города. Нѣтъ ни чего пріятнѣе, какъ видъ изъ за рѣки отъ самыхъ Броварей; за 18 верстъ шпицъ колокольни Лаврской кинется вамъ въ глаза.

Мѣстоположеніе самой Лавры безподобно: ни чего я лучше не видывалъ. Владиміръ, какъ говорятъ многіе, маленькой рисунокъ Кіева: я на это согласенъ. Крѣпость и Печерскій монастырь стоятъ на срединѣ горы; тутъ земля, какъ будто уступая свято-

сти мѣста, дала впадину; отъ монастыря внизъ до Днѣпра тянется хребетъ горъ, и въ нихъ двѣ пещеры, ближняя и дальняя. При каждой есть каменный соборъ, и все это вмѣстѣ несказанно плѣняетъ взоръ.

Подъ всѣми этѣми горами, какъ будто изъ самаго Днѣпра, выходитъ пространный городокъ, наполненный монастырями, прекрасными зданіями, населенный множествомъ обитателей; тутъ рынки, торги, лавки, магазины, и это только часть Кіева, называющаяся Подолъ.

Колокольня Печерская огромна и высока, архитектуры нерегулярной, но для меня она меньше великолѣпна Ивановской въ Москвѣ, и не такъ красива, какъ Троицкая въ Лаврѣ.

Городъ дѣлится на три части: Старый Кіевъ, Печерская Сторона и Подолъ. Въ Старомъ Кіевѣ Соборъ * и Михайловскій монастырь, на Печерской сторонѣ крѣпость, построенная Петромъ Великимъ, и дворецъ, въ которомъ изволила ожидать весны въ 1787 году Екатерина II, на Подолѣ Братскій монастырь, и въ немъ Академія.

Вообще городъ великъ и хорошо устроенъ; онъ имѣетъ 15 верстъ длины и много домовъ со вкусомъ. Безпрестанно надобно всходить, или сходить, съ горы; до сихъ поръ ихъ обработываютъ и углаживаютъ. Улицы не мощеныя. Недавно разломаны ворота, такъ называемыя, Золотыя, какъ и во Владимірѣ, для употребленія матеріяловъ съ большею пользою въ другомъ мѣстѣ. Трактировъ нѣсколько, модныхъ лавокъ болѣе 10, музыкальные

Валкевичемъ, но душа его со Святыми да упокоится, и вси видящіи гробъ сей и чтущіи, поминая свою смерть, молитеся объ немъ, да водворитъ его Господь въ царствіи своемъ.» Говорятъ, Императрица Екатерина II, будучи въ Кіевѣ 1787 года, велѣла поставитъ рѣшетку вокругъ надгробной плиты Княгини. Въ нынѣшнее время могилы матери и сына означены боковыми надписями на стѣнахъ трапезы, справа и слѣва при входѣ въ Успенскую Соборную Лаврскую церковь. О. Б.

* Кіево-Софійскій. О. Б.

магазины и книжныя лавки; одна изъ нихъ съ надписью: «Cabinet de lecture.»

Дворецъ—строеніе огромное, залы большія и прекрасный садъ; въ немъ живетъ Военный Губернаторъ и часто даетъ роскошные праздники. Музыка почти ежедневно забавляетъ публику въ его саду, и онъ всегда наполненъ.

Домъ для Присутственныхъ Мѣстъ великъ, но меньше Владимірскаго корпуса, также каменный съ колоннами и строенъ по новѣйшей архитектурѣ; для Губернатора Гражданскаго каменный же домъ построенъ отъ казны. Идучи отъ дворца къ монастырю, отдѣлываютъ бульваръ, и деревья при насъ садили.

Въ крѣпости Комендантъ, и для караула стоятъ въ Кіевѣ нѣсколько баталіоновъ пѣхоты.

Ремесленниковъ въ городѣ очень много; все нужное есть; на каждомъ домѣ увидишь вывѣски три, четыре, разнаго мастерства: жить здѣсь въ свободѣ пріятно, я очень этому вѣрю; но по обязанностямъ службы, думаю, что очень тягостно, по тому что Губернія наполнена всякимъ народомъ: въ ней Полаки, Малороссы (Хохлы) и Россіяне; разность правъ, нравовъ и обычаевъ каждаго изъ нихъ наносятъ служащимъ большія хлопоты и затрудненія.

На Подолѣ выгорѣли ряды и строятся новые; между тѣмъ купцы торгуютъ по домамъ. Ни что такъ не удивляетъ, какъ магазинъ Губарева, у котораго вы найдете все, что можетъ обворожить самаго равнодушнаго къ прелестямъ роскоши скупца; все выписное: стекло, фарфоръ, золотыя вещи, бронзы; о мелочахъ уже и говорить нечего—сюрпризы, какихъ лучше нѣтъ и въ Москвѣ; все это завелось здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ сюда перенесены Контракты. * Это очень возвысило красоту города и воспособило его отстройкѣ.

---

* Контракты этѣ первоначально были въ Львовѣ, изъ котораго, по присоединеніи Галиціи къ Австріи, перешли, въ 1774 году, въ Дубно, а изъ него уже, по Указу 27-го Сентября, 1797 года, переведены въ Кіевъ. О. Б.

Домъ для Контрактовъ выстроенъ превеликой на Подолѣ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда живали мои родители, когда они со мною, сущимъ младенцемъ, пріѣзжали видѣться съ Княгинею Натальей Борисовной; нынѣ этого мѣста и тотъ бы не узналъ, кто здѣсь бывалъ послѣ ребячества. Всѣ знаютъ, что такое Контракты: они начинаются въ Генварѣ и продолжаются недѣли три. Въ эту бѣшеную пору всѣ магазины и лавки опустошаются, все раскупятъ. Поляки наѣзжаютъ кучами отвсюда для своихъ продажъ, размѣновъ, арендъ и откуповъ. Изъ кармановъ ихъ посыплются кучи золота, и я видѣлъ такіе домы, которые невѣроятный даютъ хозяину доходъ, на примѣръ, домъ Г-на Спер., въ которомъ жилъ тамошній Прокуроръ, занимается уже нѣсколько лѣтъ сряду во время Контрактовъ какой-то Графинею Потоцкой, которая за двѣ недѣли найма платитъ до 4 тысячъ рублей; а домъ деревянной и далекъ отъ того, чтобъ быть очень обширнымъ; мнѣ самъ постоялецъ это сказывалъ.

На спросъ мой и съ нѣкоторымъ удивленіемъ: «Для кого такъ много вещей, прямо драгоцѣнныхъ и ломкихъ, выписываетъ въ свою лавку Губаревъ?» сидѣлецъ его мнѣ отвѣчалъ: «Ни чего не останется: въ Контракты все раскупятъ Поляки;» а конечно, по продажной цѣнѣ судя, которая и въ Кіевѣ нынѣ, благодаря общему стѣсненію торговли, на все поднялась страшнымъ образомъ, конечно, Губаревъ имѣлъ тогда въ своемъ магазинѣ на нѣсколько сотъ тысячъ товару.

Театръ хотя и есть въ Кіевѣ, и снаружи хорошъ и великъ, но, за недостаткомъ актеровъ, въ немъ игры нѣтъ. На одни только Контракты наѣзжаетъ какое-то иноплеменное сборище скомороховъ и что-то представляетъ; роскошь и мотовство болѣе, нежели вкусъ къ театру, его наполняютъ.

Вотъ крупныя черты города. Кіевъ старъ, но древность его не такъ видна, не такъ осязательна, какъ Новгородская. Тамъ столѣтія на всякомъ церковномъ зданіи, на всякомъ шпицѣ колокольни, явственно изображены и свидѣтельствуютъ долговременность того города; здѣсь все что-то новое, больше моды, меньше старины.

Нигдѣ, однако, думаю, во всей Россіи, нѣтъ столько предметовъ, возбуждающихъ любопытство, какъ въ Кіевѣ. Я постепенно буду говорить о всемъ томъ, что меня занимало, и начну съ Печерской Лавры, но скажу напередъ, что мы, по особенному доброхотству Госпожи Турчаниновой, у которой гостили въ деревнѣ, заняли собственный ея въ Кіевѣ домъ. Онъ хорошо построенъ, прибранъ со вкусомъ, на лучшемъ самомъ мѣстѣ, противъ Лавры. Не проходило дня, чтобъ я, проснувшись, не устремилъ на нее первый мой взглядъ; не проходило ночи, чтобъ я не засыпалъ подъ томную и унылую гармонію Печерскаго звона. Прерывистый его благовѣстъ, рѣдкое удареніе колокола и протяженный звукъ, все душу мою располагало къ меланхоліи. Хозяйка дома намъ дозволила занять всѣ его покои. Къ намъ подъѣхали сестра съ зятемъ, и мы препріятно провели еще здѣсь дней 10 вмѣстѣ.

ГЛАВА LXVIII.

Кіево-Печерская Лавра.

Печерская Лавра есть первый предметъ любопытства въ Кіевѣ; она внутри крѣпости. Кто здѣсь бывалъ, тотъ вѣрно имѣетъ, или читалъ, книжку, въ которой помѣщено подробное описаніе всѣхъ ея памятниковъ и красотъ. * Всякой на все глядитъ своими глазами. Описывая Лавру, я коснусь только того, что преимущественно заняло меня.

При самомъ входѣ въ ограду, по стѣнамъ написаны всѣ Святые, въ Лаврѣ почивающіе. На одной сторонѣ Антоній, на другой Ѳеодосій, знаменитые основатели пещеръ, держа въ рукахъ

* Краткое историческое описаніе Кіевопечерскія Лавры, соч. Митрополита Самуила (Миславскаго). Кіевъ, въ типографіи Академіи Кіевской, 1795, 98, 1801 года, въ 8 д. л. О. Б.

икону Успенія Богородицы, предшествуютъ сонму избранныхъ Божіихъ и, кажется, идутъ въ срѣтеніе богомольцамъ, отвсюда въ Кіевъ приходящимъ. Я не говорю о живописи: она не хороша, однако дѣйствуетъ на воображеніе, и первый сей взглядъ уже располагаетъ душу вашу къ умиленію.

У вратъ церковныхъ представится вамъ также много наружной живописи и лѣпной работы. Всѣ стѣны въ краскахъ, а главы, коихъ нѣсколько разной величины, всѣ въ золотѣ, какъ огнемъ горятъ: преддверіе храма отмѣнно богато.

Въ самомъ соборномъ храмѣ вотще искалъ я того великолѣпія, какое мечталъ по славѣ сего мѣста въ Россіи. Архитектура старинная, но ни чего чрезвычайно величественнаго въ ней нѣтъ; богатства большаго, которое бы кинулось въ глаза, я вовсе не примѣтилъ, хотя, конечно, въ Успеньевъ день, во время обѣдни, Лавра щеголяетъ всѣмъ тѣмъ, что только есть въ ней превосходнаго.

Монаховъ мало, или они лѣнивѣе, или, можетъ быть, безкорыстнѣе прочихъ извѣстныхъ обителей: въ иныхъ по два, по три, бѣгутъ за богомольцемъ, чтобъ убѣдить его отслужить молебенъ и получить что ни будь за то; а здѣсь на силу добьешься съ большими поклонами, чтобъ монахъ отправилъ службу: это случилось со мной. Обрядъ церковный установилъ поминовеніе надъ усопшими; я хотѣлъ отправить его надъ гробомъ моей бабки, и съ большимъ трудомъ склонилъ какого-то старичка удовлетворить моей просьбѣ: всѣ мимо меня шли, говоря: «Не время, недосугъ!» хотя еще къ обѣднямъ не было и приготовленія.

Хуже всего то, что въ самой церкви, позади столбовъ, въ трапезѣ, сидитъ монахъ за столомъ, записываетъ подаяніе, ведетъ бухгалтерію и разсчитывается съ Православными въ копѣйкѣ, въ денежкѣ; весь этотъ порядокъ могъ бы быть соблюденъ внѣ храма, а не въ немъ: канцелярія въ церкви есть что-то отвратительное. А на паперти старички монахи продаютъ крестики и образа; народъ около нихъ шевелится: тотъ передалъ и проситъ сдачи, другой переплатилъ, монахъ ловитъ за платье; часто шумъ, брань, я чаю, и драка: какое безчинство!

Иконостасъ при насъ былъ выломанъ и отданъ въ починку; одинъ нижній рядъ иконъ оставался. Надъ Царскими дверьми есть образъ Успенія Богородицы, который спускаютъ внизъ, когда кто хочетъ прикладываться. Онъ очень хорошо убранъ Госпожею Опочининой. По примѣру Лавры, и во многихъ другихъ церквахъ въ Кіевѣ спускаются образа съ Царскихъ дверей. Мнѣ случилось спросить одну духовную особу: «Съ чего завели это въ Кіевѣ?» Умный монахъ отвѣчалъ мнѣ: «Все то, что удалено отъ прикосновенія человѣческаго, кажется ему священнѣе тѣхъ вещей, кои онъ всегда удобно осязать можетъ; особливо же сошествіе образа сверху внизъ поражаетъ сильно воображеніе простолюдиновъ.» Согласился я на эту причину, но проворчалъ ему тихонько и свою: «Если бы образъ лежалъ на налоѣ, всякая бѣдная старушка, сирота, или недужный, могъ бы дотащиться до него и поцѣловать икону; но когда ее надобно спустить, то напередъ слѣдуетъ попросить о томъ монаха, и за трудъ его потомъ дать денегъ, не такъ ли, святой отецъ?» Преподобный замолчалъ.

На правой сторонѣ церкви выставлена въ ракѣ, со многими частьми разныхъ мощей, глава Св. Князя Владиміра: рака бѣдна; я не могъ довольно пожалѣть о томъ. Уже ли, думалъ я, Владиміръ менѣе заслужилъ признательности Христіянской, чѣмъ Сергій у Троицы, Димитрій въ Ростовѣ? Не онъ ли начальникъ и основатель въ Россіи Вѣры Греческой? Не ему ли обязаны мы боговдохновеннымъ нашимъ крещеніемъ? И какъ могла одна голова его отыскаться? Сомнѣнія нѣтъ, что онъ схороненъ въ Кіевѣ; когда голову его нашли, найденъ гробъ и весь человѣкъ: для чего же не вырыты изъ земли всѣ его остатки? Для чего не сдѣлано ему памятника, сообразно славѣ его и дѣяніямъ? * Такъ ли почитаютъ въ отечествѣ нашемъ мужа, вѣчной славы достойнаго? Кому приличнѣе во всѣхъ храмахъ воспѣть можно: «Вѣчная память!» какъ не Владиміру? Однако при всемъ томъ онъ разрушенъ; тѣло оставлено въ могилѣ, и гдѣ? Ни кто не знаетъ, не умѣетъ сказать, ни указать; ни кто не любопытствовалъ до нынѣ открыть его

* Извѣстно, однако, что памятникъ Владимиру имѣется нынѣ уже въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, новый, хотя, правда, не совсѣмъ соотвѣтствующій славѣ и дѣяніямъ его. О. Б.

гроба: одна глава наружи, и то въ ракѣ простой, ни чѣмъ не украшенной: и стыдно, и жалко!

Противу сихъ мощей выстроенъ гробъ Св Михаила Епископа, который, вмѣстѣ съ Владиміромъ, крестилъ Россіянъ. *

Сверхъ Соборной церкви множество придѣловъ, но, судя объ нихъ по описанію общему, нѣтъ ни чего отмѣнно любопытнаго, кромѣ двухъ, изъ которыхъ въ одномъ погребенъ Фельдмаршалъ Графъ Румянцевъ, въ другомъ Фельдмаршалъ Князь Прозоровскій.

Монументъ Графа Петра Александровича поставленъ не на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ его тѣло: расположеніе церкви какъ-то помѣшало. Бюстъ его изъ бѣлаго мрамора изображаетъ грозный видъ постояннаго побѣдителя; онъ держитъ въ рукѣ булаву, подъ нимъ золотыми литерами: «Внемли, Россъ! Предъ тобою гробъ Задунайскаго.» Какая жалкая суета въ храмѣ Божьемъ и противъ алтаря! Задунайской весь здѣсь умеръ: предъ Богомъ нѣтъ Гетмановъ: всѣ раби Господни.

Надъ Прозоровскимъ еще нѣтъ ни какого памятника: подождемъ! Можетъ быть и онъ будетъ грозить небесамъ мечемъ булатнымъ.

Со входа въ Соборную церковь, на лѣвой сторонѣ, мраморный мавзолей надъ Княземъ Литовскимъ. ** Темнота тѣней, по тому что онъ вдался въ стѣну, представляетъ его въ ужасномъ видѣ:

* Память его 30-го Сентября, а скончался 992 года. Онъ былъ родомъ Сиринъ, и присланъ изъ Царьграда Великому Князю въ Корсунь; онъ погребенъ былъ въ Десятинной церкви, гдѣ мощи его въ послѣдствіи обрѣтены и перенесены, въ началѣ XII столѣтія, въ Антоніевскую пещеру, а оттуда, въ 1730 году, въ Соборную Успенскую Лаврскую церковь. О. Б.

** То есть, надъ знаменитымъ Княземъ Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ, Гетманомъ Великаго Княжества Литовскаго, извѣстнымъ «защитникомъ Восточнаго Благочестія, многія церкви Божія, ради отроковъ училища, вторую Геѳсиманію, Пресвятыя Богородицы Печерскія домъ, ущедрившимъ пребогатно, въ немъ же, яко ктиторъ именитый по преставленіи своемъ, сподобися положенъ быти 1533 года,» какъ сказано въ надписи золотыми буквами на гробѣ, поставленномъ на сдѣланномъ изъ гипса монументѣ. О. Б.

онъ изображенъ изнемогающимъ на одрѣ смерти; одръ сей поддерживается тремя львами на огромномъ катафалкѣ. Трудно разглядѣть искуство художества, по тому что въ эту впадину свѣтъ дневный мало даетъ ударенія.

Въ Ризницѣ нѣтъ ни какихъ достопамятныхъ рѣдкостей, или отмѣнныхъ сокровищъ. Нельзя сравнить ее ни мало съ Троицкой. Хорошъ прикладъ Екатерины II-й : лампада золотая къ мощамъ Князя Владиміра, но она спрятана и, подъ предлогомъ боязни, чтобъ ея не украли, ее кажутъ въ ризницѣ тѣмъ посѣтителямъ, кои могутъ заплатить что ни будь за такое снисхожденіе, и все это отъ той же причины, отъ которой, какъ выше изъяснено, спускаются иконы сверху внизъ. Естьли бы лампада висѣла, ее всякой видѣлъ бы даромъ; но она заперта, и безъ денегъ ея не покажутъ. Другая причина также не болѣе извинительна: «Естьли, де, ее повѣсить передъ образъ, или мощи, она затускнетъ, замарается, чистка чаще.»—«Лѣнивый! Это твое дѣло.»—«Но оно, де, требуетъ труда.» И такъ, лучше спрятать? Между нѣкоторыми портретами видѣлъ я портретъ дяди моего, Князя Дмитрія Ивановича, во весь ростъ; въ монашескомъ одѣяніи; со дня кончины его онъ тутъ сохранился; въ собраніи церковныхъ одеждъ кажутъ также любопытнымъ трои ризы, кои приложила Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая, бабка моя, жившп въ Кіевѣ. Она, конечно, не съ тѣмъ дала ихъ въ Лавру, чтобъ ихъ показывали. Я прошу прощенія у всѣхъ духовныхъ властей; но для меня всегда казаться будетъ неприличнымъ, что изъ ризницъ сдѣлались ломбарды, гдѣ собраны разныя драгоцѣнности, кои показываются за деньги. Всякой вкладчикъ приноситъ свой даръ для церкви, для ея употребленія. Изломается ли вещь, издерется ли риза, другіе вкладчики явятся и обновятъ ветхое, а недостатокъ наполнятъ. Церковь не должна разсчитывать, упрочивать, беречь: пусть она носитъ, употребляетъ, расточаетъ; Вѣра Христіянъ никогда богатствъ ея не умалитъ; но накласть полны кладовыя золота, серебра, каменьевъ, чтобъ хвастать ими, — оставимъ это суетѣ человѣческой.

При Лаврѣ учреждена Типографія; въ ней печатаются церковныя книги, и тутъ же продаютъ ихъ: я нѣсколько купилъ и

съ собой привезъ. Буквы, форматъ, бумага, переплетъ ихъ, все различествуетъ отъ гражданскихъ сего рода заведеній. Тутъ вы найдете и планъ Печерской печатный на атласѣ.

Любопытство завело меня одинъ разъ къ схимникамъ въ кельи. Ихъ двое. Я не помню, когда бы я видѣлъ монаха подъ такимъ нарядомъ: одинъ простъ и слѣпъ, а по тому трогаетъ чувствительныя фибры сердца; на него глядя, тронешься по неволѣ: онъ живое носитъ изображеніе того, что все на свѣтѣ тлѣнъ, и что старость въ недугахъ есть натуральная и неизбѣжная схима. Другой всѣ этѣ печальныя воображенія разсѣетъ: онъ еще не слишкомъ старъ, пьетъ и ѣстъ исправно, любуется своимъ нарядомъ, надѣваетъ его для всякаго, кто къ нему ни войдетъ, дурачится въ немъ. Сколько одинъ сожалѣнія, столько другой негодованія, возбудитъ. И такъ платье, все платье: сатана можетъ быть подъ митрой такъ, какъ Ангелъ въ шитомъ кафтанѣ.

Тутъ же познакомился я съ отставнымъ, бывымъ Вологодскимъ, Епископомъ Ѳеофилактомъ: онъ въ кельяхъ живетъ на обѣщаніи, человѣкъ пожилой, добродушный и, кажется, не хитрый. Бесѣда его для меня была занимательна, не смотря на его простоту, по тому что онъ зналъ мою бабку, разсказывалъ мнѣ многое объ ней. Онъ тогда еще былъ Дьякономъ и служилъ при погребеніи дяди моего; онъ мнѣ и указалъ удостовѣрительно, гдѣ гробы ихъ похоронены. Я съ удовольствіемъ принималъ всякое впечатлѣніе сего современника двухъ лицъ, толико для меня драгоцѣнныхъ.

ГЛАВА LXIX.

Пещеры.

Праведные два мужа, Антоній и Ѳеодосій, нѣкогда посвятили жизнь свою Богу на семъ обѣтованномъ мѣстѣ, создали обитель, утрудились въ ней, какъ говоритъ Царь Давыдъ, воздыханіемъ сердечнымъ и скончали жизнь, исполненную поста и доб-

рыхъ дѣлъ. Примѣръ ихъ привлекалъ многихъ къ Христіанскому поученію; собралася братія, ископали для остатковъ своихъ могилы при Днѣпрѣ, и тутъ положили кости свои; все спаслось около ихъ; земля исполнилась благовонія; святость убогихъ тружениковъ возсіяла во всемъ мірѣ Христіанскомъ. Вотъ исторія Кіевскихъ пещеръ!

По времени стекаться стали отвсюда богомольцы. Обогатилась казна монастырская, и роскошь украсила пустыню дикую и непроходную. Нынѣ уже надобенъ большой запасъ духовной приверженности къ Вѣрѣ, чтобъ не соблазниться велелѣпною наружностію Печерской Лавры, которая, украсивъ соборы, иконы и утвари церковныя, оставила вездѣ знаки внутренняго пренебреженія къ святынѣ и дому Божію. * Удалились отъ насъ тѣ дни, когда блаженные старцы, Духомъ Божіимъ ежеминутно тутъ водимые, силились утвердить корень Вѣры въ сердцахъ благодушныхъ Христіянъ. Посмотримъ на пещеры нынѣ въ такое время, когда богатые и пресыщенные прикрыли золотомъ кровы церквей и обнищали въ усердіи къ Богу.

У обѣихъ пещеръ выстроены пятиглавые соборы, въ коихъ свѣтло, просторно и хорошо; отъ нихъ по лѣстницамъ спускъ въ самые подземныя жилища Святыхъ, лѣстницы не круты, а при томъ нѣсколько на нихъ сдѣлано площадокъ для отдохновенія. Днѣпръ въ весеннее время близко подтекаетъ къ пещерамъ, и для охраненія ихъ отъ разрушенія, Правительство занимается укрѣпленіями, на кои казна не щадитъ ни чего.

Прежде нежели вы на лѣстницу ступите, вы найдете у воротъ множество булошницъ съ кренделями и сайками: тутъ торгъ и рынокъ настоящій; безпорядокъ сей прикрытъ благовидной причиной: по лѣстницѣ разложены недужные, разслабленные и всякіе уроды; не будучи въ силахъ молиться Богу, они лежатъ, стонутъ и просятъ куска хлѣба у проходящихъ. Не всякой въ состояніи кинуть въ эту Силоамскую купель столько денегъ, чтобъ

---

* Слишкомъ строгъ приговоръ, и потому одностороненъ. О. Б.

надѣлить ими ужасное множество странныхъ; и для того богомолецъ накупитъ сухарей и хлѣбовъ, и ими снабжаетъ лежащихъ.

Какое трогательное зрѣлище и какъ оно приготовляетъ къ ожиданному предмету! Вдругъ въ подземное жилище растворяются чугунныя двери; престарѣлый монахъ даетъ вамъ свѣчу; ибо безъ огня ни чего тамъ не видно, и, идучи передъ вами, онъ вамъ называетъ имена почивающихъ праведниковъ. Ихъ сонъ тихъ и безмятеженъ; для нихъ утро прекраснѣйшаго и вѣчнаго дня уже наступило; каждый изъ нихъ, кажется, говоритъ вамъ: «Тако текыте, да постигнете!» (1 Кор. 9, 24). Мысль о пещерахъ страшна, приближаешься съ ужасомъ, но войдешь въ нихъ, и спокойнымъ окомъ, безъ малѣйшаго смятенія, видишь гробы по обѣ стороны себя; воздухъ чистъ, свѣжъ и прохладенъ, нѣтъ ни какого зловонія. Безъ проводника ходить ни какъ нельзя: потеряешься въ изворотахъ. Монахи, особо приставленные къ тому дѣлу, очень навычны и пещеры для нихъ не лабаринтъ: все покажутъ и выведутъ осторожно.

Въ одной изъ соборныхъ церквей надъ пещерами всѣ приклады отъ Мазепы, а въ самыхъ пещерахъ, т. е., въ землѣ, до 6 придѣловъ настроено. Темнота мѣшаетъ разсмотрѣть работу рѣзную и по золоту, которая въ иныхъ съ отмѣннымъ тщаніемъ отдѣлана; мы спросили факеловъ, и видѣли много художества. Жаль, что оно здѣсь безъ всякой пользы употреблено.

Между множествомъ мощей, къ коимъ мы прикладывались, идучи другъ за дружкой ниткой, я осмѣлюсь особенно отличить нѣкоторыя: иныя поразили мое воображеніе, иныя подѣйствовали на сердце.

Учредители обители, Антоній и Ѳеодосій; во имена ихъ устроены придѣлы, но сами они подъ спудомъ.

Несторъ лѣтописецъ: при названіи его я невольно палъ и прикоснулся ко гробу его съ благоговѣніемъ. Отлагая святость, которой Богъ одинъ только можетъ опредѣлить сущность и достоинство, Несторъ былъ первый нашъ лѣтописецъ, вождь Россійскихъ дѣеписателей, источникъ историческихъ событій своего вѣка: какъ не поклониться ему и не уважить его гроба! но онъ малымъ чѣмъ отличенъ отъ прочихъ. Для чего не вынести его въ соборъ, не поставить предъ очами каждаго? Несторъ ли такого торжества не стоитъ? Или же мы не уразумѣли, что онъ его достоинъ? *

Св. Іоанна Многострадальнаго: снимаютъ шапочку и надѣваютъ на голову, чтобъ она не болѣла; онъ вкопанъ въ землю.

У Марка Гробокопателя подносятъ святую воду въ крестѣ, изъ котораго самъ онъ пивалъ: этотъ крестъ былъ мѣра его дневнаго питья.

Нѣсколько муроточивыхъ главъ: у одной изъ нихъ, гдѣ мажутъ приходящихъ, муро ни какого запаха не имѣетъ.

Много затворниковъ, коихъ видѣть можно въ круглыя маленькія окошки. Я съ большимъ трудомъ вижу и днемъ, когда тѣни много, а въ пещерахъ при свѣчкѣ ни одного не разглядѣлъ.

Екатерина II, въ бытность свою въ Кіевѣ, изволила къ каждымъ мощамъ приложить парчевое покрывало: но они всѣ прибраны, лежатъ въ ризницѣ, ихъ кажутъ за деньги, а праведники лежатъ въ ракахъ простыхъ, не пышныхъ, и прикрыты ризами бѣднѣйшими. При насъ одно только богатое покрывало видѣли мы на гробѣ Евфросиніи Полотской.

Пещеры очень узки и тѣсны: двумъ пройти рядомъ не возможно. Одинъ голосъ монаха раздается въ уединенныхъ сихъ стѣнахъ; набожные Христіане идутъ молча за нимъ, прикладываются и не отстаютъ отъ товарищей, чтобъ не потеряться.

Среди самыхъ искреннихъ ощущеній Христіанской религіи часто мнѣ приходило здѣсь на мысль, что весь видимый нашъ

---

* По крайней мѣрѣ, рака его мощей окована серебромъ (см. «Описаніе Кіевопечерской Лавры. Кіевъ, 1826, стр. 86), и надъ ними серебреная доска съ надписью: «Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.» О. Б.

міръ не что иное, какъ плачевная картина человѣческой бѣдности, и ежели бы сонъ вѣчнаго упокоенія, какое ожидаетъ насъ въ могилѣ, было даже началомъ вѣчнаго ничтожества, то и тогда умереть лучше, нежели жить.

Близъ пещеръ примѣтилъ я памятникъ свѣтской: мѣдная доска съ литерами, и прочелъ имя Княгини Екатерины Петровны Хованской, * вспомнилъ ее и принесъ ей обыкновенную жертву человѣческаго сожалѣнія — нѣсколько слезъ.

Мнѣ разсудилось отслушать обѣдню въ самыхъ пещерахъ. Добрый старецъ, и почти уже мертвый, отслужилъ ее для насъ 17 числа въ придѣлѣ Св. Антонія. Церковь такъ мала, что вокругъ престола даже обхода не дано: онъ прислоненъ къ стѣнѣ; въ алтарѣ и въ церкви вездѣ свѣчки горѣли, и тусклый ихъ огонь удвоивалъ мрачный видъ плачевнаго сего жилища: душно, темно, тѣсно, пѣніе нестройное и непривлекательное. Позволятъ ли мнѣ сказать мысль мою? Я не нашелъ, чтобъ прилично было возсылать Богу жертву хвалы и воскликновенія въ нѣдрахъ земли, гдѣ ни какой лучъ дневнаго свѣта не проходитъ. Какое сообщеніе свѣта со тьмою! Не мертвые восхвалятъ тя, Господи, но мы, живые. Спастись можно вездѣ. Богъ и червей въ преисподнихъ земли согрѣваетъ такъ же, какъ и живущихъ на прекрасной ея поверхности; рука Божія вездѣ, и мы отъ нея нигдѣ не скроемся. Такъ, конечно! Но когда мы слушаемъ обѣдню, когда купно съ служителемъ Вѣры говоримъ: «Горѣ имѣемъ сердца,» тогда къ небесамъ и взоръ нашъ обращаться хочетъ. Мы всегда невольнымъ движеніемъ глядимъ вверхъ, когда призываемъ Бога; мы Его ищемъ выше звѣздъ, а не посреди тлѣнныхъ гробовъ человѣческихъ. Естьли бъ можно было, я бы желалъ, чтобъ литургія отправляема была, какъ можно выше, какъ можно ближе къ небесному кругу, коего славится въ пѣснопѣніяхъ нашихъ непостижимый верхотворецъ. По мнѣнію моему, гораздо бы лучше сдѣ-

* Урожденной Нарышкиной, а по матери Репниной, р. 1757 г., Іюля 3, супруги Кіевскаго Вицегубернатора, Бригадира Князя Василія Алексѣевича Хованскаго; умерла 1795 г., Октября 22 дня. О. Б.

лали, естьли бы деньги, употребленныя на иконостасы и храмы внутри пещеръ, обратили на то, чтобъ одѣть гробъ Нестора, обогатить его, и тѣмъ память въ исторіи духовной и ученой прославить; но суевѣріе долго еще питаться будетъ вещественностію. Пусть мое разсужденіе назовутъ энтузіазмомъ пылкаго воображенія. * Согласенъ. Но что же и Религія? Восторгъ въ самой высшей степени. **

ГЛАВА LXX.

Михайловскій монастырь. Софійской соборъ. Леванда.

Въ старомъ Кіевѣ есть мужескій монастырь, Михайловскимъ именуемый. Въ немъ лежатъ мощи Великомученицы Варвары. Кто ихъ не знаетъ? Кто не слыхалъ объ ея Христіянскихъ подвигахъ? Слушавши у гроба ея обѣдню и молебенъ, мы прикладывались къ рукѣ ея, обогащенной алмазами: на каждомъ пальцѣ нѣсколько перстней; въ ногахъ тарелка съ кольцами; послѣ умилительныхъ вздоховъ и молитвословій, ихъ выбираютъ въ самомъ гробѣ, какъ въ ящикѣ: монахи торгуются и просятъ подороже, а богомольцы, не теряя головъ, хотятъ достать ихъ подешевле: шумъ да крикъ. Какая неблагопристойность!

По исторіи Святой извѣстно, что у нея отрублена голова; слѣдовательно, рака скрываетъ обезглавленный трупъ мученицы. Нынѣ уже вмѣсто головы накладываютъ живописное изображеніе лица ея: оно представляетъ ея страдальчество и хорошо для картины. Но на что такое дополненіе къ натурѣ, да еще и къ мощамъ? Увы!

Намъ показывали тотъ самый образъ, съ котораго снятъ этотъ рисунокъ. На немъ написанъ и золотомъ обложенъ ликъ

* Оно таки то и есть и при томъ напрасный и неумѣстный. О. Б.

** Это не совсѣмъ точно и сбивчиво! О. Б.

Великомученицы Варвары. Монахъ сказывалъ, что это натуральная копія съ нея, присланная въ Кіевъ изъ Рима лѣтъ десять назадъ. «Да гдѣ же настоящая?» спросилъ я. — «Въ Македоніи.» Вѣрьте, или нѣтъ, какъ вамъ угодно.

Рака, въ которой мощи лежатъ, богата, обита серебромъ и украшена рѣзными позолоченными убранствами вокругъ всего балдахина. Она въ лѣвой сторонѣ стоитъ отъ входа въ соборную церковь, въ особомъ своемъ придѣлѣ. Настоящій храмъ довольно великъ; стѣнное письмо хорошо; иконостасы въ немъ и придѣлахъ стариннаго вкуса и немного значатъ. Екатерина посвятила гробницѣ Великомученицы Варвары лампаду золотую съ кисточкой изъ жемчужныхъ нитокъ и алмазныхъ по поламъ; ее кажутъ въ ризницѣ, а у мощей виситъ простая, Въ ризницѣ видѣлъ я и замѣтилъ Часословъ, печатанный въ Краковѣ въ 1491 году и сохранился въ ней доселѣ: рѣдкость настоящая!

Въ этомъ монастырѣ живетъ Викарій Митрополита Кіевскаго, Епископъ Чигиринскій, Ириней: я любопытствовалъ видѣть его въ служеньи. Онъ уже немолодъ и отправляетъ званіе свое безъ всякой сановитости; нѣтъ въ немъ ни величія, ни пріятной простоты. Онъ не ходитъ, а бѣгаетъ; движенья его всѣ отмѣнно скоры; рѣдко смотритъ вверхъ, или по сторонамъ, всегда взоръ его потупленъ въ землю, даже и тогда, какъ осѣняетъ свѣчами. Всякое Воскресенье онъ поетъ обѣдню и, вмѣсто проповѣди, онъ толкуетъ Апостольскія Посланія съ амвона всенародно. Ни слово его, ни обращеніе, не плѣняетъ. Я входилъ къ нему въ келью: пріемъ припужденный, бесѣда пустая. Говорятъ, что онъ очень ученъ; и такъ видно, что онъ не хотѣлъ предъ нами разсыпать умственныхъ своихъ сокровищъ. *

---

* Фальковскій, происхожденіемъ изъ села Бѣлоцерковки или Бѣлоцерковецъ Лохвицкаго Уѣзда Полтавской Губерніи, 2-го стана, при рѣкѣ Многѣ (въ нынѣшнее время съ 344 дворами), въ 42 верстахъ отъ Лохвицы (отнюдь же не изъ Бѣлоцерковки близъ Кіева), родился 1762 года, Мая 28 дня, отъ Священника, и названъ былъ Иваномъ. По смерти жены, отецъ отправился съ нимъ въ Кіевъ, постригся, 1774 года, подъ именемъ Іустина (въ мірѣ Іоакимъ) въ чернецы въ Братскомъ монастырѣ, чтобы самому наблюдать за ученіемъ единственнаго сво-

Между разными въ Кіевѣ древностями нигдѣ я такой не видалъ, какъ въ Софійскомъ соборѣ: онъ въ старомъ Кіевѣ. Въ немъ множество предметовъ вдругъ бросятся въ глаза и остановятъ ихъ:

его сына. Отправляясь, въ Генварѣ 1775 г., въ Угрію Настоятелемъ Русской церкви въ городѣ Токаѣ, онъ взялъ съ собою и сына, обучавшагося тогда уже въ Академіи до класса Поэзіи (съ 1773 г.); сдѣсь онъ, исправляя причетническую должность, посѣщалъ тамошнія школы Піаровъ, гдѣ усвоилъ себѣ окончательно языки Латинскій и Нѣмецкій; отсюда отосланъ былъ отцомъ въ Пресбургскую Гимназію, для слушанія Риторики, а въ 1779 г., по кончинѣ отца, отправился въ Пештъ, и въ Гимназіи его 7 мѣсяцевъ слушалъ Философію, Исторію и Математику, въ слѣдующемъ 1780 годѣ Физику въ Будинскомъ (Офенскомъ) Университетѣ, въ Мартѣ 1781 опредѣлился въ Канцелярію Русскаго Посольства въ Вѣнѣ, но черезъ 3 мѣсяца (въ Маѣ) возвратился въ Токай и поступилъ въ Канцелярскіе же Русской Коммисіи, бывшей тогда тамъ, и продолжалъ заниматься Философскими науками. Въ началѣ 1783 г. поѣхалъ въ отечество, и прибывъ, въ Апрѣлѣ, въ Кіевъ, поступилъ въ Академію, для изученія Богословія и языковъ Еврейскаго и Французскаго, а въ Декабрѣ, бывши еще Студентомъ, опредѣленъ Учителемъ Ариѳметики, по окончаніи же ученія, преподавалъ тамъ языки Латинскій и Нѣмецкій, Математику, Архитектуру и Философію. Онъ былъ для Академіи того времени незамѣнимымъ, какъ обладавшій самой многосторонней ученостью, и по тому, гдѣ только недоставало преподавателя, его употребляли, и онъ порученное ему излагалъ, по свѣдѣтельству современниковъ, въ самомъ лучшемъ видѣ по тому времени. Въ 1786 году, продолжая преподаваніе, принялъ монашество и нареченъ Иринеемъ; 1789 Архимандритъ Гамаліевскаго монастыря (Черниговской Губ. Глуховскаго Уѣзда, близъ слободки Гамаліевки, на рѣкѣ Шосткѣ), 1803 Кіевобратскаго и Ректоръ Академіи; 8-го Сентября переведенъ въ Кіево-Николаевскій, а Февраля 25, 1804 г., оставилъ Ректорство; 1807, Генваря 25, Епископъ Чигиринскій и Викарій Кіевскій, 1811 г. получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени, а Февраля 7, 1812 года, перемѣщенъ на Смоленскую Епархію, на коей находился и во время осады Французами Смоленска и удалился изъ него въ самый день приступа (4-го Августа), получивъ приказаніе на то отъ высшаго Начальства, за 30 верстъ, гдѣ принялъ чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери Одигитріи (Путеводительницы), взятый изъ Успенскаго Собора духовенствомъ, въ сопровожденіи многочисленнаго народа, и отправился съ нимъ въ Москву, въ коей и прежде укрывалась она отъ непріятелей (въ XV и XVII стол.), а изъ Москвы въ Ярославль, откуда возвращена въ Смоленскъ 24 Декабря по изгнаніи враговъ и поставлена на прежнемъ мѣстѣ. Что до другой иконы той же чудотворной Смоленской Божіей Матери, то она—списокъ съ первой, сдѣланный во время возвращенія ея изъ Москвы при Вел. Московскомъ Князѣ, Василіѣ Васильевичѣ въ 1455 г., повелѣвшемъ отпустить принесеный въ Москву образъ за 50 лѣтъ предъ тѣмъ (во время напа-

1. Весь куполъ церкви отдѣланъ мозаической работой. Апостолы во весь ростъ донынѣ почти невредимы; правда, что уже мѣстами наборка портится, и жаль, что ни кто не умѣетъ, или не печется, возобновлять его; но удивительно навсегда останется, что такое изящное художество сохранилось до дней нашихъ. Кто не знаетъ, что въ самомъ этомъ соборѣ нѣкогда враждебные полки лошадей своихъ ставили?

денія Вел. Кн. Литовскаго, Витовта, на Смоленскъ, Князь тамошній, Юрій, уда-
лился съ онымъ къ Вел. Кн. Василію Дмитріевичу и оставилъ у него). Смоляне,
получивъ отъ Москвичей свою чудотворную икону, несли ее на рукахъ до са-
маго города, и тамъ, гдѣ остановился торжественный ходъ, воздвигли послѣ
храмъ во имя Божіей Матери Одигитріи, и въ немъ поставили одну изъ иконъ, по-
лученныхъ въ Москвѣ, именно списокъ съ чудотворной. По разсказамъ эта ико-
на первоначально поставлена въ крѣпости (построенной въ началѣ XVII в.), надъ
одними изъ воротъ ея, откуда уже перенесена въ воздвигнутый для нея особый
храмъ, а изъ него перемѣщена временно въ Благовѣщенскій, такъ какъ, по рас-
поряженію Епископа Серафима (въ послѣдствіи Митрополита) новостроившійся
для нея болѣе общирный не былъ еще оконченъ; изъ Благовѣщенской-то церкви,
по приказанію Генерала А. П. Ермолова (см. его «Записки,» въ «Чтеніяхъ въ Имп.
Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1864, кн, 4, отд. II, стр. 170, и отдѣльно),
вынесена была эта надворотная Одигитріи икона, послѣ всенощнаго служенія, вече-
ромъ 5-го Августа, за городъ и оставила Смоленскъ вмѣстѣ съ Русскими. Она, по
приказанію Князя Кутузова, обнесена была, на канунѣ страшнаго побоища при
Бородинѣ, по всей линіи войска, при чемъ самъ Кутузовъ встрѣтилъ ее и покло-
нился ей до самой земли, а воины, больше ста тысячъ, падали на колѣна, касаясь
тоже челомъ оной, крестясь и восклицая: «Помоги, Пресвятая Мать Богородица,
постоять за родную Русь!» Послѣ истребленія Французовъ и очищенія сооб-
щеній, икона сія, взятая Артиллерійскою ротою Полковника Глухова и нахо-
дившаяся при 3-й пѣхотной дивизіи, возвращена была, по волѣ Главноначаль-
ствующаго, обратно въ Смоленскъ, 6-го Ноября, и сдана 10-го Ноября гвардіи
Поручикомъ Шембелемъ, при письмѣ Генерала П. П. Коновницына къ старшему
духовному лицу, съ разными вкладами и приношеніями (между коими одного
серебра, отбитаго у непріятеля, въ лому было пудъ). Объ этомъ свѣдѣтель-
ствуетъ самая надпись, сдѣланная на одной (2-ой) изъ досчечекъ сей иконы
(см. «Историко-статистическое описаніе Смоленской Епархіи,» Преосвященнаго
Антонія (нынѣ Казанскаго Архіепископа). Спб. 1864). Это случулось черезъ 3
мѣсяца, какъ бы въ оправданіе словъ: «пребысть же Маріамъ съ нею яко три
мѣсяцы, и возвратися въ домъ свой» (Лук. 1, 56). Съ этого времени въ
Смоленскѣ празднуется изгнаніе враговъ ежегодно всенощнымъ служеніемъ
5-го Ноября предъ образомъ Путеводительницы. Ириней же освятилъ надво-
ротній храмъ, по возвращеніи своемъ въ Смоленскъ, пазвавъ его Одигитреев-

2. Мощи Святаго Макарія,* для которыхъ приготовлена серебряная гробница съ приличнымъ убранствомъ.

скимъ; но самъ, не видя возможности въ разоренной Епархіи оставаться, и ис-
пытывая безпрестанно нѣкоторыя огорченія при приведеніи въ порядокъ Епархіи,
перепросился, Іюля 6-го, 1813 года, на прежнее мѣсто, съ званіемъ Коадъ-
ютора Кіевскаго Митрополита. Черезъ десять лѣтъ, 29 Апрѣля, 1823 года,
онъ скончался въ Кіево-Золото-Верхо-Михайловскомъ монастырѣ, на 61-мъ году
отъ рожденія, и погребенъ въ немъ, съ лѣвой стороны придѣла Св. Великомуче-
ницы. Между исправленіемъ своей должности и благочестивыми резмышленіями,
онъ не оставлялъ своихъ любимыхъ научныхъ занятій, изъ коихъ нѣкоторыя
только напечатаны, большая же часть остается въ рукописяхъ и хранится въ
семъ монастырѣ, Софійскомъ Соборѣ и Лаврѣ. Изъ печатныхъ извѣстны:
1. Orthodoxae Theologiae dogmaticae compendium. M. 1802, 2 тома въ 8-ку,
«хотя (какъ замѣчаетъ «Обзоръ Русской духовной литератеры. Черниговъ,
1863, стр. 210) по плану Ѳеофановой догматики, но далеко лучше ея по содер-
жанію и по изложенію. Это—лучшая догматика изъ писанныхъ дотолѣ въ Рос-
сіи, по ея ясности, отчетливости и систематической строгости.» Она была доволь-
ное время классической книгой въ Семинаріяхъ. 2. Толкованіе на посланія Апо-
стола Павла къ Римляномъ и Галатомъ. Кіевъ, 1806, 1807. 3. Сокращеніе
Церковной Хронологіи или науки о Пасхаліи. К. 1797, 8. 4. Два Календаря на
1797 и 1798, въ 8, съ историческими статьями. К. въ 4. А изъ рукопис-
ныхъ: 1. Изъясненія на всѣ посланія Павловы. 2. Словъ и бесѣдъ нѣсколько
книгъ. 3. Рѣчи и стихи на Русскомъ и Латинскомъ. 4. Сокращеніе церковныхъ
Прологовъ на весь годъ, въ 12 книгахъ, съ краткими поученіями на каждый
день. 5. Мартирологъ, т. 1, неоконченный. 6. Ежедневныя размышленія.
7. Сокращеніе смѣшенной Математики Вольфіевой. 8. Записка о своей жизни
до прибытія въ Кіевъ: извлеченіе изъ нея, сдѣланное Протоіереемъ и Про-
фессоромъ Кіевскихъ Академіи и Университета, И. М. Скворцовымъ, помѣщено
въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1862 года. Ириней пользовался боль-
шою славой въ Академіи и любовью своихъ слушателей, которые до того при-
вязаны были къ нему, что очень многіе старались усвоить себѣ даже почеркъ
его, который очень красивъ и четокъ, хотя и сжатъ. Замѣчательно также, что
почти всякій изъ его воспитанниковъ отличался Математическими познаніями.
Это былъ (по словамъ Филарета, Архіепископа Черниговскаго) человѣкъ съ
дарованіями необыкновенными и свѣдѣніями разнообразными. Оставшаяся по
немъ библіотека хранится въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ, но принадлежитъ
мнѣ, по поступной моихъ двоюродныхъ и роднаго братьевъ отъ лица ихъ родителей,
какъ единственныхъ законныхъ наслѣдниковъ имущества сего Архіерея. О. Б.

* Онъ былъ Архимандритомъ Виленскаго Троицкаго монастыря и Митрополичьимъ Намѣстникомъ, въ Митрополиты же избранъ и посвященъ въ Вильнѣ 1495 года, гдѣ онъ и пребывалъ, по примѣру своихъ предмѣстниковъ, при Великихъ Кня-

3. Два древніе образа Богородицъ, явившихся въ Польшѣ и сохранившихъ тамошнія наименованія, кои, думать надобно, епрешли къ намъ отъ Католиковъ.

4. Надгробный камень, скрывающій гробъ Ярослава, сына Владимірова, который, раздѣля дѣтей своихъ, далъ имъ удѣлы и написалъ Русскую Правду. Памятникъ сей въ придѣльномъ алтарѣ; на немъ высѣчены разные эмблеммы: сухія деревья и рыбы; довольно взглянуть на него, чтобъ, безъ сомнѣнія, удостовѣриться въ его древности.

5. Иконостасъ старинный, украшенъ рѣзнымъ искуствомъ и роскошной позолотой. Въ храмѣ есть каѳедра: ее ли не назовемъ первой въ нашей Россійской Церкви? Здѣсь Леванда проповѣдуетъ.

Митрополитъ живетъ въ Архіерейскомъ домѣ по зимамъ, при соборѣ, а на лѣто переѣзжаетъ въ Печерскую Лавру, и тамъ для него огромныя есть покои; видъ на Днѣпръ безподобенъ, и всѣ прелести природы для него готовы.

Нѣкогда былъ здѣсь пастыремъ и скончался Самуилъ, мужъ скромный, благоразумный, набожный. Я имѣлъ счастіе изъ дѣтства быть отличенъ его благосклонностью, до смерти моей сохраню письмо его Латинское и книгу, которую онъ мнѣ еще въ 70-тыхъ годахъ подарилъ. Онъ похороненъ въ соборѣ; я отыскалъ гробъ его и поклонился великому сему человѣку въ исторіи нашей Церкви, великому, говорю, по разуму, какой я даю сему слову. Пусть Самуилъ не былъ громокъ, но сколько мы видимъ мелкихъ людей, о коихъ міръ шумитъ непрестанно и сколько прямо великихъ мужей, коихъ прославитъ вѣчность, а современники объ нихъ и не шепчутъ! *

зьяхъ Литовско-Русскихъ, такъ какъ въ Кіевѣ, безпокоемомъ частыми нападеніями Татаръ, нельзя было проживать. Желая посѣтить свою паству, онъ, въ 1497 году, Мая 1-го дня, въ нее отправился, но былъ убитъ на пути своемъ въ Кіевъ, въ деревнѣ Стриголовѣ, при рѣкѣ Припети, а по Кіевскому лѣтописцу при рѣкѣ Вчичи, въ пяти миляхъ отъ Мозыря. О. Б.

* Родился въ селѣ Полошкахъ Глуховскаго полка, 1731 г., Мая 24, и названъ Симеономъ, отъ Священника Григорія, учился въ Кіевской Академіи и училъ въ ней съ низшихъ классовъ до высшихъ; 1754 кончивши курсъ и принявши монашество съ именемъ Самуила, 1757 Профессоръ Философіи и Префектъ, 1759 Профессоръ Богословія, съ исправленіемъ Ректорской должности, 1761 Архимандритъ Братскій, Ректоръ и Членъ Дикастеріи по 1764, а въ 1766 оставилъ Академію по болѣзни, но съ 1768 вторично поступилъ въ нее, съ переводомъ, въ Августѣ, въ Кіево-Николаевскій монастырь, и вскорѣ вызванъ на чреду служенія въ Петербургъ, гдѣ рукоположенъ тогда же въ Бѣлгородскаго Епископа, въ 1771 (24 Сентября) поступилъ на Крутицкую Епархію, съ пожалованіемъ въ Члены Синадальной Конторы и порученіемъ надзора по обновленію Московскихъ соборовъ, за что сдѣланъ Членовъ Синода (1775), 1776 (Марта 17) Ростовскій Епископъ, 1777 Архіепископъ (22 Сентября), а 1783 (Сентября же 22) Митрополитъ Кіевскій, куда прибылъ въ концѣ Ноября; ум. 1796, Генваря 5. Онъ издалъ отысканные имъ Богословскіе трактаты Ѳеофана Прокоповича (въ Кенигсбергѣ и Москвѣ 1773—1776) въ VII частяхъ, продолжилъ ихъ,

Говоря о великихъ и въ Кіевѣ, мысль представляетъ тотчасъ Леванду: какой выродокъ во дняхъ нашихъ! Потомки позавидуютъ такому современнику предковъ своихъ. Я нѣсколько разъ посѣщалъ его, ѣздилъ слушать его бесѣды, учиться у него, думать, чувствовать и жить. Почтенный старецъ не скучаетъ своими сѣдинами; онъ бодръ еще и съ перомъ въ рукахъ паритъ, какъ юный орелъ. Какой сладкій органъ! Какая скромность въ выборѣ предметовъ разговора! Какая нѣжность въ произношеніи! Для чего Небо мало такихъ людей писпосылаетъ на землю? Я не смѣлъ говорить при немъ, слушалъ, молчалъ, благоговѣлъ. Видъ его всякому благопріятенъ и вѣжливъ въ обхожденіи. Кажется, будто память ему не всегда вѣрно служитъ, однако жь онъ еще говоритъ проповѣди и сочиняетъ. Давно ли похоронялъ онъ тамошняго Губернатора и съ такою рѣчью вселилъ его во гробъ, какой ни самые наши молодые духовные витіи не сочинятъ и не скажутъ? Въ словахъ его, а паче въ надгробныхъ, неизчерпаемая руда чувствительности. Гдѣ онъ возметъ свои мысли и выраженія? Откуда родятся чувствованія? Но онъ плѣнитъ, изумитъ, восхититъ; ему-то прилично, идучи на каѳедру, сказать: «Отверзу уста моя,—и наполнятся духа!»

Проповѣдникъ слова Божія болѣе всѣхъ заимствовать премудрость свою долженъ отъ самаго Бога; онъ всегда долженъ быть вдохновенъ: такимъ показался мнѣ Леванда. При этой глу-

бокой старости, ибо ему болѣе 70 лѣтъ, онъ, живучи на Подолѣ для выгодъ своихъ, по тому что ближе и къ рѣкѣ и къ рынку, для всякой закупки нужнаго домашняго запаса, не лѣнится ѣздить въ соборъ, подниматься на крутую гору въ старый Кіевъ, и тамъ отправлять службу. Сколько его ни награждаютъ, свѣтскія почести никогда не войдутъ въ соразмѣрность съ его дарованіями; духъ его не ослабѣваетъ еще и сердце не увядаетъ. Образъ жизни его простъ. Окруженъ книгами, рукописями, читаетъ, пишетъ, или очищаетъ въ саду деревья и наслаждается природою. Леванда любимое дитя натуры и небесъ; я ласку его и пріязнь почитаю пріобрѣтеніемъ. *

также исправилъ и напечаталъ въ видѣ Богословія (въ Лейпцигѣ) 1782, въ 3-хъ частяхъ въ 8 д. л., издававшагося не разъ для Семинарій; исправилъ и разсужденіе Адама Зерникова о происхожденіи Св. Духа и издалъ (въ Кенигсбергѣ) 1774, въ 4 д. л., въ 2-хъ томахъ. Слова и рѣчи его печатались въ Петербургѣ и Москвѣ и нѣкоторыя переводились на Греческій, Латинскій и Нѣмецкій: онѣ отличаются чистотою языка и правильностію изложенія. Имъ составлено также Краткое описаніе Кіевской Лавры, и Наказъ о преподаваніи въ Академіи, въ которую, равномѣрно и въ Переяславскую Семинарію, зависѣвшую отъ оной, ввелъ Математику (чистую и смѣшенную), Всеобщую и Естественную исторію, Географію, равно какъ преподаваніе языковъ Нѣмецкаго и Французскаго, въ особенности же чистаго Русскаго языка (по Великорусскому выговору), изученіе которыхъ пренебрегалось, какъ извѣстно, изъ за древнихъ языковъ, къ большему вреду вообще образованности и въ частности развитія Словесныхъ наукъ, этой основы всякой грамотности; посылалъ также способнѣйшихъ Студентовъ въ Московскій Университетъ и за границу; имъ же введено и преподаваніе въ Академіи нѣкоторыхъ искуствъ, на пр., рисованія и т. п., а при Лаврѣ завелъ для Академіи гражданскую типографію, въ коей и напечатана была, 1787 г., первая книга его «Поздравительныя рѣчи» Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ II-ой, сказанныя въ пребываніе ея тогда въ Кіевѣ. При Самуилѣ послѣдовало подведеніе и Кіевской Іерархіи подъ штатъ наровнѣ съ прочими Русскими. О. Б.

* Иванъ Васильевичъ, р. 1736 г., въ Кіевѣ, сынъ ремесленника (сапожника) Сикачки, помѣщеннаго въ Академію Священникомъ Кіевской Воскресенской церкви Іоанномъ Левандою, полюбившимъ его за его проворство и ловкость и позволившимъ принять его и фамилію. По окончаніи ученія, онъ былъ, съ 1759 г., самъ въ ней учителемъ въ продолженіи 2-хъ лѣтъ, 1763 Священникъ Успенской Соборной церкви Подола, 1783 Протоіерей, а 1786 первый Протоіерей Софійскаго Собора, по переименованіи его изъ монастыря въ Соборъ, гдѣ ревностно проповѣдывалъ почти при каждомъ служеніи съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, и по тому пользовался большою извѣстностью; въ особенности слова его отличаются теплотою чувства и картинностію выраженій, что, при богатыхъ внѣшнихъ качествахъ, производило на слушающихъ необыкновенное дѣйствіе. Собраніе его словъ и рѣчей издано въ Петербургѣ 1821 г., въ 3-хъ частяхъ, но, по замѣчанію Преосвященнаго Евгенія (Словарь писателей духовнаго чина, ч. 1-ая, стр. 289), изданы по невѣрному и неполному списку, и при томъ неисправно напечатаны. Другіе замѣчаютъ въ нихъ до 1769 года словосочиненіе большею частію Латинское и не совсѣмъ чистый языкъ, но послѣ того времени онъ у него легокъ, боекъ и совершенно Русскій. Награды сыпались на него щедро: Императрица Екатерина II-я, въ бытность свою въ Кіевѣ, подозвавъ его послѣ заамвонной молитвы во время Преждеосвященной въ Андреевской церкви, на 5-й недѣлѣ Великаго Поста, въ Четверкъ, сама возложила на него кабинетный крестъ съ брильянтами на алой лентѣ, а 15 Марта повелѣла ему употреблять при священнослуженіи жезлъ, присвоенный только Архимандритамъ и Архіереямъ; 1798, Октября 7-го, получилъ онъ митру; 1806, Ноября 19 орденъ Анны 2-й степени, а 12 Декабря, 1810 года, и 1-ой: отличія, до которыхъ ни кто изъ бѣлаго духовенства не достигалъ прежде; скончался въ глубокой старости, Іюня 25, 1814 года, и погребенъ въ своемъ Софійскомъ Соборѣ, въ Благовѣщенскомъ предѣлѣ, въ углу, при южной стѣнѣ. О. Б.

ГЛАВА LXXI.

Разные духовные предметы.

Пустынно-Николаевскій мужеской монастырь стоитъ на горѣ, и съ нея видѣнъ Днѣпръ. Мѣстоположеніе прекрасное, съ верху до низу густой садъ и много тѣни. Храмъ старинный. Строенъ Мазепой. Иконостасъ высокъ и очень хорошей работы; стѣнное письмо аллегорическое. Противъ алтаря хоры и подъ ними во всю ихъ величину картина, изображающая Никейскій Соборъ; лицъ написано множество. Въ задней стѣнѣ соборной церкви, по обѣ стороны входныхъ дверей, два шкапа съ книгами; на одномъ написано по Русски: «Для ума и сердца.» На другомъ въ томъ же духѣ Латинская надпись —затѣя въ монастыряхъ нашихъ необыкновенная! Ризница небогата и отмѣннаго нѣтъ ни чего. Настоятель обители Архимандритъ Кипріянъ, человѣкъ немолодой, но сни-

сходительный; онъ насъ принялъ очень ласково, угостилъ дружелюбно; кельи его не просторны, но натура поставила въ каждомъ окошкѣ прекраснѣйшіе виды. Это лучше золота и серебра, особливо въ климатѣ тепломъ, гдѣ ранняя весна прелестями своими не скупится.

Говорятъ, что на самомъ этомъ мѣстѣ Оскольдова была могила: живыхъ и достовѣрныхъ знаковъ нѣтъ, одно увѣряетъ преданіе, или общая сказка. Но кто знаетъ истину? Что Оскольдъ кости свои оставилъ въ Кіевѣ, это вѣрно, но тутъ ли, гдѣ Никольскій монастырь, позволено усомниться: можетъ быть и полверсты выше, или ниже. Но какъ бы то ни было, ветхая церковь, здѣсь существовавшая, разломана, и, вмѣсто ея, на полугорѣ поставленъ круглый храмъ каменный съ куполомъ въ новомъ вкусѣ. Онъ обведенъ колоннадой. Вмѣсто обыкновеннаго яблока на главѣ поставлена вызолоченная корона и надъ ней большой крестъ. Все это построено коштомъ Воронежскаго откупщика, котораго жена, пріѣхавъ въ Кіевъ на богомолье, умерла и завѣщала себя здѣсь похоронить. Вотъ причина обновленія Оскольдовой могилы, отъ которой она новую славу получила!

Подъ церковью въ землѣ сдѣланы кругообразныя пещеры и для погребенія тѣлъ заготовлены въ стѣнахъ мѣста. По мѣрѣ, какъ впадины сіи будутъ наполняться каждая своимъ гробомъ, она снаружи замажется и въ церкви видна будетъ только надпись, кто похороненъ въ этомъ гнѣздѣ (Спустя лѣтъ триста, пять сотъ, и здѣсь, можетъ быть, будутъ пѣть молебны, естьли Днѣпръ, неугомонное дитя Нептуна, не предваритъ человѣческихъ замысловъ и не подмоетъ каменныхъ оградъ новаго зданія). Подземная церковь построится во имя Ольги, а верхняя посвящена Святителю Николаю. Освященіе ея предназначено было 20 Августа, 1810 года.

Исторія дала намъ знать, что Владиміръ построилъ первую здѣсь Христіанскую церковь, которая донынѣ называется Десятинною, по тому что Князь сей велѣлъ въ нее сбирать десятую долю всякаго отъ земли пріобрѣтенія. Сія церковь, или на томъ мѣстѣ другая, еще существуетъ. Я ее видѣлъ и воздохнулъ, глядя

на ея опустошеніе и бѣдность; нѣтъ еще ни чего приманчиваго для глазъ, все опущено; одно воображеніе дастъ цѣну и мѣсту тому и храму. Неоспоримо, что съ такого отдаленнаго времени и Татары, и Поляки, и пожары, все подѣйствовало на Десятинную церковь, и изъ великолѣпнѣйшей привело ее въ убогое состояніе. Но никогда бы я не подумалъ, что она такъ брошена и презрѣна, какъ я ее нашелъ. Чудно ли, что храмъ Владиміра въ такомъ низверженномъ состояніи, когда самъ онъ безъ пощады растерзанъ? Голова его въ Лаврѣ, часть его мощей въ Соборѣ, а весь онъ гдѣ? Ни кто не знаетъ, не искалъ, не любопытствовалъ. Мы скорѣй пустимся добывать кусокъ лавы изъ подъ Римскихъ развалинъ, нежели похлопочемъ о славѣ собственной нашей древности.

Недалеко отъ Десятинной увидите вы церковь Трехъ Святителей: она, сказываютъ, основана на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ идолъ Зевесовъ кинутъ въ Днѣпръ и напоминаетъ старое преданіе, будто бы язычники, видя его утопающа въ волнахъ, кричали: «Выдыбай же намъ, Боже!» т. е., выплыви на берегъ! Иконостасъ въ ней изрядный; церковь стара, но не старинная. Вѣроятно, что всѣ сіи знаменитые по исторіи храмы уже нѣсколько разъ были по разореніи Кіева поновляемы и иные совсѣмъ перестроены: довольно, естьли, по крайней мѣрѣ, сохранили тѣ самые пункты, на коихъ происходили историческія событія. Гора и тутъ довольно высока. Тяжело бы катиться золотому болвану по ней и падать въ Днѣпръ.

У подошвы самой высокой горы, при краяхъ Днѣпра, поражаетъ взоръ, такъ называемый, Крещатикъ. Это купель, въ которой Владиміръ крестилъ Кіевлянъ; она украшена монументомъ. На аркахъ выстроены каменныя стѣны съ рѣшеткою, и фонтанъ охраненъ отъ всякой нечистоты; вокругъ его разставлены образа; на стѣнѣ надпись, означающая только годъ и время, когда граждане Кіева соорудили этотъ памятникъ, въ возмя, когда граждане Кіева соорудили этотъ памятникъ, въ возблагодареніе Александру I-му за дарованныя городу права. Изъ купели проведена труба о 4-хъ кранахъ. Каждый изъ нихъ льетъ воду въ большой общій бассейнъ или лахань, и для жаждующихъ готовъ глиняный ковшъ; но вода мутна и видомъ непріятна:

видно, что еще до сихъ поръ не очистилась струя отъ погружавшихся въ ней идолопоклонниковъ. Надъ сводомъ этой палатки вытянута въ нѣсколько саженъ вышины кирпичная колонна; конецъ ея жестяный шаръ, а надъ нимъ вызолоченный крестъ.

Памятникъ этотъ вообще не соотвѣтствуетъ важности своего предмета. Но мысль все здѣсь дополняетъ: она краситъ каждую пядень земли, вездѣ говоритъ о древности, о старыхъ Россіянахъ, о младенчествѣ нашей Религіи, о мужествѣ нравовъ, и все, на что ни взглянешь, —драгоцѣнный монументъ.

Весь хребетъ Кіевскихъ горъ наполненъ живописныхъ красотъ. Какъ бывши тамъ, бывши вездѣ, спорить противъ этого? Не возможно. Однажды шелъ я, задумавшись, по вершинамъ стараго Кіева; мысли мои быстро текли одна за другою и предметы мѣнялись, какъ воздухъ: вдругъ увидѣлъ я на холму превысокомъ огромную церковь; она разсѣяла всѣ мои размышленія и привлекла всю дѣятельность моего воображенія къ себѣ: это храмъ Андрея Первозваннаго. Что можетъ быть восхитительнѣе и величавѣе во всей природѣ этого мѣстоположенія. Нельзя остановиться на паперти его безъ восторговъ. Не станемъ говорить о самой церкви: иконостасъ красный, вызолоченъ, но ни работой, ни вкусомъ не отличенъ. Чтобъ художество отвѣчало здѣсь натурѣ, надобно разбудить Рафаелевъ и самаго Апелла и дать имъ кисти въ руки. Подъ храмомъ построены жилыя комнаты и кладовыя, въ коихъ Коммисаріатъ хранитъ свои заготовленія и содержитъ при нихъ караулъ вокругъ всего храма. На крышкѣ этого жилья выстроена широкая открытая галерея. Она внѣ церкви, слѣдовательно, всякому по ней гулять свободно и любоваться на красоту природы: отсюда видѣнъ весь Днѣпръ и по ту сторону его сыпучіе пески, открытая Московская дорога, направо овраги, буераки, пропасти, окружающія гробы Святыхъ и мірное жилище ихъ въ прохладныхъ пещерахъ; налѣво, рядомъ съ волнами Днѣпра, открывается Подолъ со всѣми своими зодческими красотами и кажетъ вамъ городъ въ водѣ. Обольщеніе взора превосходно!

Не здѣсь ли Іисусъ искушаемъ былъ діаволомъ, когда онъ за одинъ себѣ поклонъ сулилъ ему все, что съ высоты показалъ? Я безъ мѣры этимъ мѣстомъ прельщался. Истину провидѣлъ Андрей Первозванный, когда, какъ говоритъ исторія, идучи изъ Херсона, водрузилъ на сей горѣ крестъ въ знаменіе настоящаго Православія. И подлинно: гдѣ Вѣра убидительнѣе свою славу кажетъ, какъ не въ Кіевѣ? Здѣсь тьмы мучениковъ всю землю кровію своей оросили. Здѣсь уединенные праведники изъ вертеповъ создали храмы, обогатили ихъ и прославили. Но оставимъ чудодѣйства Вѣры: они сами о себѣ вѣщаютъ повсюду, и, обратясь къ природѣ, скажемъ, что тотъ не видалъ ее въ торжествѣ, кто не взглянулъ на нее у храма Андрея Первозваннаго въ Кіевѣ.

ГЛАВА LXXII.

Фроловскій монастырь.

Сойдемъ на Подолъ, и онъ имѣетъ свои достопамятности. Тутъ женскій монастырь, именуемый Фроловскимъ. Самъ по себѣ онъ не значилъ бы ни чего особеннаго, но для меня что можетъ быть уважительнѣе? Въ немъ проводила жизнь свою въ монашествѣ бабка моя, Княгиня Наталья Борисовна. Родители мои, изъ почтенія къ ней, каждые три года ѣзжали сюда со всѣмъ семействомъ нашимъ, и меня два раза, въ моемъ младенчествѣ, сюда возили. Я не могъ ни чего вспомнить, но такъ часто твердили мнѣ о бабушкѣ, о Подолѣ и о Фроловскомъ монастырѣ, что воображеніе мое представляло мнѣ всѣ здѣшнія предметы, какъ будто знакомые. Монастыремъ управляетъ игуменья Княгиня Шаховская. Она отличена наперсныиъ крестомъ и знакомъ ордена Св. Екатерины.

Я видѣлъ бабушкины кельи; мнѣ сказали, что это онѣ; впрочемъ, весь видъ свой перемѣнили, и въ нихъ живутъ уже другіе люди: что нужды? Довольно для меня было, что она на самомъ этомъ мѣстѣ скончала дни свои: тутъ я испыталъ ея нѣжныя ласки, принималъ неоднакратно ея благословеніе, былъ предметомъ горячей любви ея; она осыпала меня милостями своими. И мнѣ ли ихъ забыть? Нѣтъ, во вѣки!

Нашлись престарѣлыя сиротки, кои при ней жили, служили ей, помнятъ ее, плачутъ объ ней ежедневно предъ престоломъ Божіимъ и меня съ удовольствіемъ увидѣли, вспомня мое ребячество: они свидѣтелями были благоволенія ко мнѣ старицы Нектаріи.

Ею построена была больничная церковь, и я въ ней слушалъ обѣдню. Сюда и по прочимъ придѣламъ монастыря розданы были оставшіяся по смерти ея образа и крестъ, къ которому въ послѣдній разъ уста ея прикоснулись.

Внѣ церкви, на монастырѣ, погребены многія ея современницы и здѣшнія Игуменьи: Апраксина, Милославская: эта послѣдняя намъ родня. Надъ гробомъ той и другой ни кто пышныхъ памятниковъ не ставилъ: смиреніе Христіанское не ищетъ сей суеты мірской.

Соборная церковь обыкновеннаго со многими другими рисунка и формы; ни чего въ ней нѣтъ отмѣннаго. Мощей монастырь не имѣетъ, но хвалится сокровищемъ прямо чудеснымъ: въ маленькомъ ковчегѣ, за стекломъ, поставленъ сосудъ самой крошечный и подъ нимъ подписано: «Здѣсь кровь Іисуса Христа.» На что спрашивать: кто и откуда ее доставилъ? Какъ она до сихъ дней сохранилась? Мы въ храмѣ; все свято въ домѣ Божіемъ: поклонимся и дадимъ вѣру преданію многихъ вѣковъ!

Всякой, кто читалъ память великихъ женъ, придетъ сюда вспомнить схимонахиню Нектарію, и память ея увѣнчаетъ похвалами. Я не одинъ разъ приходилъ въ сію обитель и, не тревожа ни кого, садился на камнѣ противъ бывшихъ ея келій, переносился мысленно во дни ея здѣсь пребыванія, и каждое ея слово, переданное мнѣ ея сыномъ, моимъ отцемъ, приводилъ на память. Здѣсь она источила рѣки слезъ, умертвила всѣ свои страсти, пригвоздила всѣ чувства ко кресту; послѣдній вздохъ былъ для нея мгновеніе отрады и зарею невозмущаемаго блаженства. Хижина ея обвалилась, вросла въ землю, такъ какъ и гробъ ея, но духъ пребудетъ вѣченъ и перейдетъ имя ея изъ рода въ родъ. Такъ славится прямая добродѣтель: она и за гробомъ восхищаетъ мзду свою въ потомствѣ.

ГЛАВА LXXIII.

Интересная сумасбродка.

Въ этомъ же Фроловскомъ монастырѣ, въ особой кельѣ при больницѣ, содержится подъ присмотромъ супруга Г. Рахманова, урожденная Пас. Я ее не видалъ, по тому что она мужчинъ не принимаетъ: жена моя съ сестрой ее навѣстили. Несчастная! Она говорила имъ вздоръ, все еще безумствуетъ. Вспомнивши вѣкъ славы ея и обольщенія въ Москвѣ, я далъ волю моему воображенію: оно уже не пылаетъ, но иногда еща загорается. Вотъ стихи мои, кои напечатаны были въ Аглаѣ:

Тебя ли видѣлъ я, владычица Москвы,
Плѣнявшая въ свой вѣкъ брега самой Невы?
Тебя ли видѣлъ я отшельницею нынѣ,
Безъ друга, безъ родни, отчаянну въ пустынѣ,
Куда, чтобъ испытать послѣднюю напасть,
Не Вѣра привлекла, обманутая страсть?
Гдѣ дѣлась красота? Гдѣ дѣлся видъ прелестный,
Въ Россіи до тебя едва ль кому извѣстный,
Которымъ Божество, создавъ твои черты,
Хотѣло, чтобъ ему подобилася ты?
Что сталося съ твоей осанкой горделивой,
Сей вывѣской души невинной и счастливой?
Кто жаломъ острымъ стеръ, подобно злой пчелѣ,
Рисунокъ совершенствъ на радостномъ челѣ?
Потухъ всежгущій взоръ и пламенныя очи
Померкли, какъ звѣзда въ туманахъ темной ночи;
Прелестны тѣ уста, гдѣ вся любви краса
Въ отверстьи нѣжномъ ихъ вмѣщала небеса,
И каждымъ словомъ духъ въ восторгахъ изумляла,
Безмолвная печать на вѣкъ ихъ нынѣ сжала.
Куда ушли толпы вельможескихъ сыновъ,
Бѣгущихъ за тобой искать златыхъ оковъ,
Которыми ты ихъ опутывать любила,
Когда не сердцемъ ихъ, улыбкой лишь дарила?
О время! ты летишь, и нѣтъ тебѣ преградъ:
То рай намъ на пути, то страшный кажешь адъ.
Блаженство и бѣда, печаль и восхищенье,
Все случаевъ однихъ различное стеченье.
И ты лукавыхъ дней игралищемъ была,

Платила дань страстямъ и чувственно жила.
Чье сердце противъ язвъ любви жестокой твердо,
Коль Богъ попуститъ ей насъ гнать немилосердо?
Какъ кормчій въ тростникахъ увязнувши съ ладьей,
Изыскиваетъ путь за легонькой струей,
Чтобъ ею чистыхъ водъ пробиться на средину,
Далеко за собой оставивши пучину:
Такъ силился твой умъ изъ омута суетъ
Прочистить сердцу путь и выйти съ нимъ на свѣтъ;
Но бѣдный одолѣть свой рокъ сколь ни стремился,
Погибъ, и наконецъ всѣхъ дѣйствій онъ лишился.
Что дѣлать безъ ума? Жизнь мука,—свѣтъ—хаосъ;
Не внемлется совѣтъ; не страшенъ гласъ угрозъ,
Готовъ уже твой стражъ, звенятъ неволи узы;
Весь свѣтъ расторгъ твои общественны союзы.
Бѣги отъ міра прочь, отрекся онъ тебя,
И ближній твой не зритъ въ тебѣ уже себя;
Иди тянуть свое дыханіе въ пещеру.
О если бы ты тамъ облобызала Вѣру,
И сладости ея внутрь сердца ощутивъ,
Когда бъ могла познать, сколь духъ ея правдивъ!
Но могутъ ли вмѣстить ея дары священны
Потерянная мысль, разсудокъ помраченный?
Куда же, если смерть себя заставитъ ждать,
Дѣваться дни свои плачевныя скончать?
Безъ мира въ мірѣ жить несносно—скрыться въ кельи.
Тамъ, четки замѣнятъ алмазны ожерельи;
Тамъ, думалъ, посмотрѣвъ я съ жадностью на ту,
Которой славилъ вѣкъ прошедшій красоту:
Вздохнулъ и пороптал. На что жь намъ дарованья,
Художествъ и наукъ полезныя познанья,
Когда не бережетъ натура ни чего?
Тоскуй, сѣдѣй, умри, и вотъ предѣлъ всего!
Разсудокъ мой вздрогнулъ. Чти Вѣчнаго законы,
Паси въ степяхъ овецъ, или садись на троны,
Остеръ будь, или тупъ, силачъ, иль дряхлъ и слабъ—
Ты узникъ естества, титулъ твой—Божій рабъ:
Сынъ персти, крупный червь, мятущійся всечасно,
Въ которомъ и добро не вовся безопасно.
И слѣдуетъ ли намъ оттоль, что давимъ тварь,
Тотчасъ и заключить, что мы надъ нею царь?
Откуда человѣкъ на гордость права хочетъ?
Царь съ скиптромъ, а Парфенъ съ сумой равно хлопочетъ.
Ни что здѣсь не для насъ, мы сами для того,
Чтобъ цѣпь кольцомъ связать творенія всего.

Сегодня ты востокъ и западъ покоряешь,
Сегодня ты моря судами покрываешь,
А завтра какъ ни будь и не спросясь тебя,
Животный механизмъ разстроитъ чуть себя,
То дурь твою всѣхъ царствъ умы не сладятъ справить,
И надобно тебя въ безумный домъ отправить.
По что же ты, какъ кедръ, вздымаешь дерзкій лобъ,
Когда деспотъ и Негръ въ одинъ ложится гробъ?
Когда тотъ и другой, по дѣйствію природы,
Трепещутъ иногда малѣйшей непогоды?
О истинно! тебя все намъ познать велитъ,
И благо лишь тому, кого Господь смиритъ!

ГЛАВА LXXIV.

Академія.

Недалеко отъ Флоровскаго монастыря, на Подолѣ же, мужской монастырь, называемый Братскій, въ которомъ помѣщена Академія; при ней живетъ и Ректоръ. Я не могъ порядочно разсмотрѣть Академію, по тому что всѣ пользовались вакаціями: видѣлъ строеніе, и нашелъ его прекраснымъ; зала собранія велика, т. е., въ сравненіи съ прочими, ей подобными, и со вкусомъ расписана.

Мнѣ полюбились болѣе прочихъ слѣдующіе замыслы живописца: надъ дверьми Философскаго класса изображенъ Фаетонъ, надъ дверьми Богословскаго Аполлонъ; Фаетонъ хотѣлъ перевновать солнцу и взялъ его упряжку, но кони его помчали, и онъ стремглавъ низвергся на землю: живой образъ Философіи, которая ищетъ премудрости, плѣняется ложнымъ умозрѣніемъ и пропадаетъ въ своихъ путлявыхъ системахъ; Аполлонъ, напротивъ, прямые лучи Феба отражаетъ на себѣ, и лира его плѣняетъ всю вселенную: не такъ ли учитъ насъ Богословія, когда она прямо отъ источника Вѣры заимствуетъ свои доказательства и истины?

Далѣе примѣтилъ я нѣчто также замысловатое: написанъ юноша: онъ глядитъ на солнце, силится разсмотрѣть его, но жму-

рится и взоръ его темнѣетъ: такъ глядитъ атеистъ, или язычникъ, на Саваоѳа. Другой рядомъ съ нимъ держитъ трубу, наводитъ на солнце, и видитъ его безъ помѣхи; труба въ рукахъ его — есть Вѣра. Когда она дѣйствуетъ на наши мысленныя очи, мы тогда видимъ и ощущаемъ Божество.

Кромѣ сихъ аллегорическихъ изображеній, зала наполнена портретами благотворителей Академіи, и Самуилъ между ними: какъ забыть его? Надъ ними на хорахъ разставлены грудные списки съ остроумныхъ писателей въ Язычествѣ. Вы найдете Цицерона, Саллюстія, Виргилія и проч. Кто располагалъ эту залу, тотъ не былъ суевѣръ.

Академія считаетъ у себя до 1400 учениковъ; изъ нихъ 400 на казенномъ коштѣ. При ней библіотека хотя не велика, но хороша, составлена изъ книгъ отборныхъ и во вкусѣ лучшей Словесности; много иностранныхъ сочиненій на разныхъ языкахъ, въ томъ числѣ Еврейская Псалтырь, подаренная Потоцкимъ.

Церковь при Академіи только что изрядная, утварь небогата. Храмъ соборный въ обители великолѣпенъ, и такой почти архитектуры, какъ Пустынно-Николаевскій. Встарину всѣ церкви строились на одинъ образецъ до тѣхъ поръ, какъ сыскался одинъ человѣкъ отважный, который дерзнулъ ввести въ обычай новый рисунокъ. Понятія о Божествѣ опредѣляли самый тѣсный и матеріяльный смыслъ, и поставленный разъ на Востокѣ столъ, или дверь, не могли безъ потрясенія совѣсти Православныхъ быть перенесены на Западъ. Чувственность одолѣвала всѣ усилія разума, и онъ сквозь плотяную свою оболочку едва наконецъ могъ пробиться. Слава Богу! Но побережемся другой крайности.

ГЛАВА LXXV.

Гражданскія строенія и заведенія.

Я уже сказалъ нѣчто о Дворцѣ, а теперь войду въ подробность. Онъ строенъ при Елисаветѣ, а исправленъ при Екатеринѣ. Огромное деревянное зданіе, при которомъ обширный садъ до самаго почти Подола, по всей горѣ аллеи; деревьевъ и зелени много. Онъ не совсѣмъ брошенъ, да и не совсѣмъ въ томъ состояніи, въ какомъ желательно видѣть садъ на такомъ превосходномъ мѣстѣ. Утомительно долго гулять по его крутизнамъ. Оранжереи наполнены кадками, но плодовъ уже мы не застали, а видѣли на воротахъ, на черной доскѣ, одну только таксу имъ. Публика тутъ ежедневно гуляетъ: всякой вечеръ въ хорошую погоду можно застать большое собраніе. Музыка и пѣсенники безпрестанно къ услугамъ прогульщиковъ готовы. Для отдохновенія сдѣлана въ саду большая галерея, изъ которой видѣнъ Днѣпръ, съ разными его излучинами, и вездѣ, вездѣ Подолъ довершаетъ прелесть всѣхъ видовъ Кіевскихъ. Но здѣсь картины не такъ восхитительны, по тому что Днѣпръ пересыхаетъ.

Крѣпость въ большомъ содержится порядкѣ: видно, что въ нее смотритъ попечительное око. Внутри ея, кромѣ Лавры, замѣтить можно Арсеналъ. Онъ окруженъ еще и другими строеніями, какъ то: Комендантскимъ домомъ, въ которомъ разведенъ большой садъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ пещерами, и Провіантская Коммисія; но домъ ея не краситъ этой части города.

Посмотримъ прилежнѣе на Арсеналъ: онъ стоитъ нашего вниманія. Зданіе прекрасное выстроено изъ здѣшняго кирпича, который не стыдливъ, и даже отъ огня не краснѣетъ: желтая глина, добываемая въ Кіевской Губерніи, всегда сохраняетъ въ немъ свой цвѣтъ такъ, что стѣны Арсенала кажутся почти похожи на фаянсъ. Онъ не штукатуренъ, только вычищенъ, чтобъ блѣдность желтизны не терялась.

Въ Арсеналѣ для выходовъ сдѣланы спуски довольно пологіе, покойнѣе гораздо господскихъ лѣсницъ; по нимъ катаются

орудія. Бомбъ и ядеръ пропасть: но кто на витязя Русскаго ихъ наготовится? Безпрестанно на волахъ возятъ въ Молдавію: дни два постоятъ вокругъ Арсенала пирамиды, а потомъ и въ походъ. Чалма тянетъ къ себѣ нашъ чугунъ, какъ магнитъ желѣзо.

Разгуливая по пространнымъ заламъ сего огромнаго зданія, я съ любопытствомъ смотрѣлъ на все, и особенно любовался на слѣдующіе предметы: 1-е. Шатеръ кумачный, шитый, завоеванный Румянцевымъ у Визиря—огромный наметъ, вывѣска всей пышности Восточныхъ народовъ! Взглянувши на такой памятникъ Россійскихъ подвиговъ, невольно вздыхаешь о томъ, кто умѣлъ ими себя и всю родину прославить. 2. Мѣдныя орудія, взятыя у Турокъ, хороши! Однако не удержались, перестали стрѣлять и неподвижныя стоятъ въ Кіевѣ. 3. Ихъ же бунчуки—странный знакъ почести: навязать лошадиный хвостъ, два и три на палку, и возить передъ собой, чтобъ узнавалъ народъ чиновника! 4. Гетманскія булавы съ каменьями тутъ же хранятся. Все имѣетъ свое время, подумалъ я; теперь кинь самую богатую изъ нихъ куда хочешь, а въ рукахъ Мазепы, я чаю, не очень близко къ ней подходили. 5. Всякихъ Россійскихъ орудій, ружей, палашей, пистолетовъ запасъ изрядный. Между ими случилось мнѣ видѣть и Французскія, къ употребленію готовыя. На всю четвертую дивизію выписано нужное по стату количество. 6. Въ особомъ ряду выставлены подъ надписью: мѣдныя разноколиберныя пушки, пожертвованныя во время милиціи. А знаменамъ разнороднымъ нѣтъ и счета: иныя завоеваны, другія отобраны отъ полковъ по разнымъ реформамъ. Вся лѣстница ими уставлена съ низу до верху по обѣ стороны, и когда выходишь изъ этого военнаго хранилища подъ сводъ мирнаго неба, то сколько разныхъ уносишь съ собою впечатлѣній и чувствъ, сколько въ одномъ покоѣ сближается вѣковъ, людей и дѣлъ! Нельзя равнодушно смотрѣть на такое зданіе. Но при томъ какъ сравнить Арсеналъ Кіевскій съ Тульскимъ!

Заведенія Приказа Общественнаго Призрѣнія разсѣяны на нѣсколькихъ верстахъ вокругъ города. Я не ѣздилъ ихъ смотрѣть, по тому что они не имѣютъ тамъ большой славы. Равнымъ образомъ не знаю и Гимназіи Кіевской: ни кто меня не зазвалъ въ

нее, и я ни чего объ ней отъ жителей не слыхалъ. Право, я не хололѣю подъ старость къ просвѣщенью, но, видѣвъ нѣсколько училищъ, смѣю спросить: тамъ ли оно, гдѣ по стату есть домъ, Директоръ и учители?

Въ Уѣздѣ не далеко отъ Кіева устроенъ Фаянсовый заводъ: онъ называется, а по немъ и посуда слыветъ Межигорской. Большая часть его до насъ не задолго сгорѣла, и онъ еще былъ не въ полномъ дѣйствіи. Я видѣлъ работы тамошнія: можно ихъ назвать лучшими въ Россіи; конечно, далеко еще фаянсъ нашъ отъ иностраннаго: нечистъ въ отдѣлкѣ и не всегда выдерживаетъ горячую воду.

Одинъ иностранецъ держитъ Пансіонъ для благородныхъ дѣвушекъ; я его не видалъ, и судить достоинства заведенія не могу; а заѣхавши нечаянно въ обѣденную пору, засталъ барышень за столомъ: хозяева, мужъ и жена, вмѣстѣ съ ними обѣдали, и мнѣ показалось содержаніе сего училища по наружности благопристойнымъ.

Я нашелъ тутъ давнишнюю знакомку. Жена этого иностранца жила у Господина Л. въ то время, какъ я въ первый разъ женился. Я видалъ ее тогда въ суетахъ около женинаго приданаго. Старое пріятное знакомство всегда приноситъ удовольствіе, напоминая молодость нашу, счастливыя событія судьбы: оно насъ переноситъ въ прекраснѣйшую полосу жизни, мы забываемъ старость и, естественныхъ ея подругъ, уныніе и скуку, и стараемся схватить бѣглую минуту наслажденія въ воспоминаніяхъ прошедшихъ. Тоже ощущала и жена моя: она живала долго съ первымъ мужемъ своимъ въ Кіевѣ, нашла много знакомыхъ, вспомнила старинку, и мы, раздѣляя между собою чувство прошедшихъ нашихъ радостей, находили въ томъ взаимное и новое для насъ удовольствіе въ настоящемъ; ибо любовь искренняя во всѣ годы и вездѣ умѣетъ дать цѣну всякому ощущенію, и память прошедшаго наслажденія не тревожитъ, когда источникъ его чистъ.

Окрестности Кіева, какъ слышалъ я, и вѣрю безъ труда, прекрасны; жаль, что я не имѣлъ времени ихъ осмотрѣть. Увле-

чемъ будучи въ короткое время пребыванія моего въ городѣ общественными обязанностями, приглашеніями и любопытствомъ на мѣстѣ, я не могъ удаляться отъ него по произволу, и не всегда имѣлъ удобныя средства. Болѣе всего жаль, что не видалъ Китаевой пустыни: мнѣ ее расхвалилъ съ восторгомъ поселившійся въ ней свѣтскій человѣкъ. Кто жъ?—Врачъ Владимірскій, Г. Сланецкій, тотъ самый, который нѣкогда отнялъ ногу у славнаго человѣка, у Принца Ангальта въ Финляндіи. Какъ я ему удивился, когда увидѣлъ его съ длинною сѣдою бородой въ монашеской рясѣ! Онъ бросилъ свѣтъ и шниперъ, * не пишетъ рецептовъ, не мучитъ живыхъ, не рѣжетъ мертвыхъ, поетъ на крылосѣ, читаетъ книги церковныя, и въ уединенной кельѣ готовится къ вѣчности. Не имѣя жены, ни потомства, о чемъ ему жалѣть въ мірѣ? Имѣлъ малое сокровище, нажитое трудами, и то въ монастырѣ похитили; однако жъ философически снесъ свою потерю и не тужитъ объ деньгахъ, радуется своею родиною, наслаждается теплымъ климатомъ, дышетъ свободно, и въ дѣяніяхъ своихъ не даетъ, кромѣ Бога, ни кому отчета. Вотъ жизнь прямо благостынная! Счастливъ, кто умѣетъ ощутить ея прелести и ими себя ограничить, но въ нѣкоторыя лѣта мила еще суета, проклятая суета!

ГЛАВА LXXVI.

Успеньевъ день.

Успеньевъ день въ Кіевѣ есть день величайшаго духовнаго торжества. За сутки переѣхалъ Митрополитъ Серапіонъ въ Лавру и занялъ свой домъ. Всенощная на праздникъ тяжела: начинается въ 7 часовъ, оканчивается въ полночь. Митрополитъ въ обыкновенное время выходилъ съ своей свитой. Народу было множество, почти негдѣ поворотиться. Я со многими уходилъ въ алтарь, и имѣлъ тутъ минуту свиданія съ Преосвященнымъ. Онъ очень на-

* Жилобой, снарядецъ для кровопусканія. О. Б.

боженъ, и, при всей своей слабости, особливо мучимъ будучи глазною болѣзнію, онъ выдерживаетъ столь продолжительную службу почти всю на ногахъ; берегитесь только при немъ табакъ нюхать: онъ этого не любитъ. Пѣніе монаховъ мнѣ не полюбилось: напѣвъ протяжный, но безъ выраженія и красоты.

Въ самый праздникъ Митрополитъ служилъ обѣдню съ Архіереемъ Ѳеофилактомъ, о которомъ говорено выше. Разумѣется, что вся почесть относилась къ старшему, а сей отставной Епископъ едва замѣтнѣе былъ рядоваго Священника. Я удивлялся этому чрезвычайно; мнѣ всегда странно, что въ самые духовные обряды вводятся обычаи свѣта. Епископъ можетъ быть безъ Епархіи, но все онъ Архіерей, и у престола Божія Митрополитъ и онъ равныя имѣютъ преимущества, по тому что Митрополитъ не выше всякаго Епископа въ служеніи: та же власть, тотъ же обрядъ, чинъ и мѣсто. Между Попами старшіе становятся выше прочихъ, такъ точно и Митрополитъ между Епископами; а здѣсь Ѳеофилактъ лишенъ всякаго преимущества, и порабощеніе его предъ Серапіономъ, не дѣлая чести Настоятелю, обращало къ послѣднему сожалѣніе зрителей. Я стоялъ въ алтарѣ, по тому что въ церкви духота и тѣснота выгоняли всѣхъ изъ нея вонъ. Въ служеніи Серапіона нѣтъ ни того великолѣпія, ни той сановитости, какую мы привыкли съ восторгомъ видѣть въ Платонѣ. Пѣвчіе здѣшніе поютъ громко, кричатъ, но безъ всякаго вкуса, а монахи держатся своего напѣва и уши только безпокоютъ. Протодіаконъ одаренъ голосомъ твердымъ, звонкимъ, но не всегда умѣетъ имъ владѣть. Евангеліе превеликое выносили два Діакона и насилу тащили. Викарій и Леванда служили въ этотъ день въ своихъ мѣстахъ. Проповѣдь у праздника говорилъ учитель Философіи * самую монашескую: экстрактъ изъ Акаѳиста! Ни одной черты занимательной, ни одной мысли превосходной. Замѣтить здѣсь кстати, что духовенство черное въ Кіевѣ, почти вообще

* Іоасафъ Моховъ, Іеромонахъ и Префектъ, въ послѣдствіи Архимандритъ и послѣдній Ректоръ старой Академіи (уволенный въ Мартѣ 1817 г., въ Кіево-печерскую Лавру на покой, гдѣ и скончался) передъ ея преобразованіемъ въ 1819 г. О. Б.

говоря, не блистательно; Викарій, проповѣдникъ, Ректоръ, главныя лица въ здѣшнемъ сословіи духовномъ, не привлекаютъ особеннаго вниманія. Викарій, такъ сказать, простонароденъ; Ректоръ * въ служеніи кривляется и вскрикиваетъ на возгласахъ какъ Дьяконъ. Леванда одинъ восхищаетъ всѣхъ пріѣзжающихъ въ Кіевъ словомъ и обращеніемъ. Ужь ли прямая набожность не совмѣстна съ свѣтскою благосклонностію? Ужь ли чинъ Іерея требуетъ удаленія всякой привѣтливости и грубыхъ отношеній ко всѣмъ? Такъ думать значитъ, по мнѣнію моему, унижать сущность Вѣры и Богопочитанія; учтивость и лукавство не суть одно и то же. Пора пастырямъ нашимъ быть довольно просвѣщеннымъ, чтобъ стыдиться мнѣніемъ общимъ ихъ братьи, простыхъ монаховъ, будто тотъ и угоденъ Богу, кто кидаетъ на всѣхъ свирѣпый взглядъ и ни кому добраго слова не хочетъ молвить.

Митрополитъ сему мнѣнію не слѣдуетъ: онъ возращенъ въ Столицѣ, и далъ намъ послѣ обѣдни превеликолѣпный пиръ. Много было знатныхъ чиновниковъ, пріѣзжихъ въ Кіевъ изъ разныхъ сторонъ, и за столъ насъ сѣло человѣкъ до ста. Зала большая и помѣстительная, а обѣдъ продолжался до вечера: изъ за стола встали въ 6 часовъ. Чего не ѣли и не пили? Угощеніе было свѣтское и роскошное; плоды всякаго времени на столѣ стояли. Пѣвчіе пѣли во весь обѣдъ духовныя пѣсни. Разумѣется, что пили разныя здоровья и

По нотѣ много лѣтъ намъ пѣвчіе сулили.

Изъ внутреннихъ покоевъ видъ въ пещеры и на Днѣпръ безподобенъ. Пастырь привѣтливъ, обходителенъ, не тяготится собраніемъ народнымъ, любитъ, кажется, людей и охотно раздѣляетъ съ ними время. Послѣ обѣда онъ водилъ насъ на монастырь

---

* Іакинѳъ Лагоновскій, въ мірѣ Иванъ, сынъ бѣднаго Кіевскаго Дворянина, учился въ Академіи съ 1779 по 1792 годъ, по выходѣ изъ нея былъ учителемъ Грамматики и Греческаго языка въ Переяславской Семинаріи, откуда вызванъ въ Академію на Математику, 1795 монахъ, 1800 Префектъ и Архимандритъ, съ 1804 (Марта 30) Ректоръ; 1813 переведенъ въ Курскій Знаменскій монастырь, гдѣ и умеръ 1817 года. О. Б.

слушать главнаго звона, который плѣнялъ, сказываютъ, Потемкина. На Лаврской колокольнѣ есть колоколъ, прозванный Орелъ; я не упомню, какъ онъ тяжелъ на вѣсъ, * но слышалъ его звукъ, и признаюсь, что онъ меня ни сколько не восхитилъ. Въ одинъ только этотъ день въ его звонятъ, по тому, думаю, что трудно съ нимъ обходиться. ** Его раскачиваютъ разомъ человѣкъ 30, и когда раскачаютъ хорошенько, то пустятъ и языкъ, ударяя изъ стѣны въ стѣну, раздаетъ звонъ отъ себя очень далеко. Многіе (и, конечно, изъ предубѣжденія) увѣряютъ себя и другихъ, будто онъ въ себѣ всѣ тоны содержитъ: дишкантъ, теноръ, альтъ и басъ. Я очень вслушивался въ тоны и, кромѣ шуму, ни чего не слыхалъ, реветъ да и только. Впрочемъ, я до колоколовъ не охотникъ и роскоши въ этомъ вкусѣ не разумѣю. Въ Кіевѣ народъ любитъ звонъ: да гдѣ же не такъ? Чернь почти вездѣ одинакіе имѣетъ вкусы. Здѣсь, какъ и во всей Малороссіи, обычай звонить при смерти каждаго гражданина въ той церкви, гдѣ онъ былъ прихожанинъ; равнымъ образомъ звонятъ во всѣ колокола въ церквахъ, мимо коихъ несутъ мертвеца, какого бы званія онъ ни былъ, о чемъ заранѣе и дается по пути знать: это входитъ въ обрядъ погребенія.

Митрополитъ хорошо живетъ и при Соборѣ; мы тамъ у него были. Кельи его не велики, но для пріема вседневнаго изрядны. Въ день пріѣзда нашего въ городъ онъ прислалъ намъ пять большихъ хлѣбовъ съ солью, и самъ пожаловалъ, посѣтилъ насъ. Благосклонность его ко мнѣ во все время пребыванія нашего тутъ оказывалась постоянно. Прощаясь съ нимъ, я получилъ отъ Его Высокопреосвященства въ подарокъ разныя книжки Кіевской печати и планъ Лавры, вытисненный на атласѣ.***

---

* Въ 500 пудовъ. О. Б.

** Звонятъ въ этотъ день въ колоколъ Успенскій, вылитый въ Москвѣ Моторинымъ, при Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, въ 1000 пудовъ, по тому такъ и называемый. О. Б.

*** Митрополитъ Серапіонъ Александровскій, по городу Александрову Владимирской Губерніи, въ коемъ родился 22-го Іюля, 1747 г., сынъ Священника, учился

Въ Успеньевъ день Кіевъ наполненъ богомольцами; пѣшаго народу пропасть, и изъ самыхъ отдаленныхъ странъ; пріѣзжихъ множество, по совсѣмъ тѣмъ ярмарки нѣтъ, и торгъ самый неважный разными бездѣлушками на базарѣ. И такъ, кто хочетъ молиться въ Кіевѣ, тотъ пріѣзжай сюда къ Успеньеву дню; а кто ищетъ въ немъ забавъ, пусть жалуетъ сюда въ Генварѣ, къ Контрактамъ.

ГЛАВА LXXII.

Общія увеселенія города. Жизнь Кіева при насъ.

Лѣтомъ ни кто не живетъ въ городахъ, и Кіевъ не изъятъ изъ сего правила, тѣмъ болѣе, что около его мѣстоположенія завидны. Однако Успеньевъ день многихъ привлекаетъ въ Лавру, за нѣсколько дней жизнь городская становится живѣе. По особенному какому-то счастію, на которое во все мое путешествіе не было мнѣ причины пожаловаться, изъ разныхъ сторонъ наѣхали въ Кіевъ мои знакомые, какъ-то, на прим.: Графъ Безбородько, изъ Рима очутились Мятлевъ съ женою и семействомъ; переведенный изъ Москвы Губернаторъ Г. Л. * подъѣхалъ къ той же

у Троицы Сергія въ Семинаріи, съ 1750 (съ Марта) до 1770 (Сентября 23) учитель въ ней Латинскаго языка и Географіи, 1771 (Февраля 8) монахъ, 1772 проповѣдникъ въ Московской Академіи и Іеромонахъ по 1775 г., съ 15 Марта Игуменъ Воздвиженскаго монастыря и Членъ Консисторіи, 1776 (Генваря 7) Знаменскій Игуменъ, 1779 (Февраля 17) Архимандритъ Богоявленскій, 1782 на чредѣ въ Петербургѣ, послѣ чего возвратился на свое мѣсто; 1785 Цензоръ духовныхъ книгъ по Іюнь 1788; съ Іюня (11-го) того же года Викарій Московскій, 1799 Епископъ Калужскій (16 Октября), но вскорѣ (21-го) Казанскій Архіепископъ, а Декабря 11-го, 1803, Митрополитъ Кіевскій и Членъ Синода; въ Кіевъ прибылъ Февраля 5-го, 1804, гдѣ 24 Генваря, 1822 г., уволился по прошенію на покой въ Московскій Даниловъ монастырь, но скончался тамъ же 14-го Сентября, 1824, и погребенъ 17-го въ Софійскомъ Соборѣ. При немъ Кіевская Академія, 14-го Августа, 1817 года, по Указу Синода, обращена была въ Семинарію, до преобразованія оной по новому Уставу, которое и послѣдовало 28-го Сентября, 1819 года, а Семинарія основана новая. О. Б.

* Д. С. С. Дмитрій Семеновичъ Ланской? О. Б.

порѣ. И такъ время проводилъ я очень пріятно въ разныхъ обществахъ, у каждаго изъ нихъ. Досуги мои, послѣ любопытныхъ занятій, бывали очень коротки и всегда наполнены пріятной бесѣдой путешествующихъ.

Я часто воображалъ себѣ, что мы въ чужихъ краяхъ, гдѣ соотечественники, собравшись вмѣстѣ, дѣлятъ между собой дни и часы и проводятъ время какъ бы на своей родинѣ. Такъ точно и здѣсь: мы всѣ заѣзжіе люди, не имѣя ни какой особенной связи ни съ кѣмъ въ Кіевѣ, съѣзжались между собой. Кіевляне были для насъ какъ бы чужеземцы, и мы одни проводили вечера во взаимныхъ разсказахъ о томъ, что кто изъ насъ видѣлъ. Натурально, что Г. Мятлевъ, пріѣхавши изъ Рима, первую ролю игралъ въ разговорѣ: его новости были занимательнѣе прочихъ, и я съ жадностію всегда его слушалъ.

Военный Губернаторъ Кіевскій, занимая весь дворецъ, живетъ въ немъ очень роскошно. Кромѣ ежедневныхъ публичныхъ съѣздовъ въ его садъ для того, чтобъ гулять, глазѣть, слушать музыку и пѣсни, онъ далъ огромный праздникъ 10 числа Августа, въ честь Г-жи Мятлевой. У него былъ во дворцѣ прекрасный балъ, залы великолѣпнѣйшимъ образомъ были освѣщены. Богатый ужинъ, огромная музыка, большое число гостей, все способствовало къ общему удовольствію. Мы также приглашены были, и пробыли тутъ часовъ до трехъ утра.

Хозяинъ отмѣнно вѣжливъ и благосклонно всѣхъ принимаетъ: нѣтъ ни чего гордаго, суроваго, несноснаго въ его обращеніи. Онъ веселъ и любитъ, чтобъ у него было весело; не щадя своихъ доходовъ, расточаетъ ихъ безъ всякой бережливости. Вкусъ и роскошь неразрывны были на его балѣ, и я отъ сердца пожелалъ, чтобъ онъ имѣлъ милліоны. Его богатство не ему одному, но многимъ доставило бы отрадныя минуты.

Графъ Безбородько пользуется въ городѣ прекраснѣйшей усадьбой, и выстроилъ не весь домъ еще, какой для него приличенъ, но многія его принадлежности, и отдѣлалъ для себя флигель, въ которомъ при насъ на недѣлю расположился. Онъ его убралъ со

вкусомъ прелести; видъ изъ окошекъ наполненъ: съ правой стороны открывается холмъ съ Михайловскимъ монастыремъ, съ лѣвой Софійской соборъ на своей высотѣ: все вмѣстѣ несравненно и одному Кіеву прилично. Въ этомъ домѣ Графъ разсудилъ позвать Мятлева, Военнаго Губернатора и насъ къ себѣ по Русски на полдникъ—у иностранцевъ тоже самое нынѣ называется un thée, т. е., чай: чего мы тутъ не ѣли и не пили? Лучшіе плоды земнаго шара, изящнѣйшее вино въ природѣ. Сосуды, чаши, подсвѣчники, все соглашалось съ богатствомъ хозяина, вездѣ въ глаза кидались бронза, фарфоръ превосходный, стекло отмѣнное, живопись лучшая. Взглянувши на каждую вещь, трудно было снять съ нея глаза и обратить въ другую сторону, гдѣ новыя прелести также ихъ задерживали. Присоединимъ къ такой роскоши ласковое угощеніе хозяина, остроумныя шутки гостей, бесѣду безпрерывную и ума наполненную, готовность каждаго блеснуть замысловатымъ словцомъ. Все восхищало, и нельзя было довольно возблагодарить Графа за доставленіе такой пріятной вечеринки.

Сестра познакомила насъ съ однимъ родственникомъ мужа ея, Черниговскимъ помѣщикомъ Г. Ми** который два раза насъ угощалъ у себя съ истинной пріязнью; мы у него обѣдали и ужинали: семейство любезное, благосклонное, готовое къ услугамъ. Такое знакомство всегда находка.

На Подолѣ одинъ Кіевлянинъ, нѣкто Могилевскій, отецъ любезнаго молодаго человѣка, который нѣкогда дѣлилъ занятія мои по службѣ, захотѣлъ насъ имѣть у себя въ домѣ и пригласилъ по Малороссійски на борщъ. Мы у него обѣдали и ѣли всякое тамошнее кушанье. Столъ былъ жирный, сытый и лакомый, вино пили доброе, хозяинъ радовался нашимъ посѣщеніемъ, а мы его лаской, и разстались другъ съ другомъ взаимно довольны.

Онъ зналъ свычку мою съ его сыномъ и мое къ нему доброхотство. Признательность его дѣлаетъ честь его чувствамъ, что нужды, что онъ незнатенъ? Лучшая порода—душа и сердце.

---

* Миклашевскимъ? О. Б.

Вообще Кіевляне, сколько я ихъ видѣлъ и изъ посѣщеній у нѣкоторыхъ распознать могъ, гостепріимны и до людей охотники. Имѣя мало публичныхъ увеселеній, какъ и всѣ Губернскіе города, они съѣзжаются между собой, принимаютъ другъ друга, составляютъ частныя общества и ни одинъ гость не уѣдетъ, не выпивъ за здоровье хозяина добраго бокала славнаго Венгерскаго вина.

Между живущими въ Кіевѣ безъ службы и дѣла примѣтенъ особенно Молдавскій бывшій Господарь, Князь Ипсилантій, который, послѣ бывшаго Кіевскаго Коменданта, Вигиля, * купилъ здѣсь прекрасный домъ. Я нигдѣ не имѣлъ случая съ нимъ встрѣтиться.

Чаще всѣхъ и почти всякой день запросто бывали мы у Мятлевыхъ, которые тамъ оказывали намъ большую ласку; всѣ вечера мы у нихъ просиживали, говорили о Римѣ, о руинахъ, о тамошнихъ красотахъ. Возможно ли находить время длиннымъ въ пріятной бесѣдѣ?

Однажды Пр. Ив. угодно было написать нѣсколько лестныхъ строкъ въ моихъ «Сумеркахъ.» ** Тутъ она и мужъ ея оставили почеркъ свой въ память частыхъ нашихъ свиданій въ Кіевѣ. Вотъ мой отвѣтъ:

Давно, весьма давно, призналъ ученый свѣтъ,
Что Римъ есть тронъ наукъ, изящнаго искуства,
Нигдѣ, какъ говорятъ, такихъ диковинъ нѣтъ,
И такъ рѣзецъ и кисть не дѣйствуетъ на чувства.
Я вѣрилъ; но чтобъ быть увѣрену неложно,
Я опыта для глазъ и для души желалъ;
Сомнѣнію сему продлиться не возможно,
Я въ «Сумеркахъ» моихъ нашелъ, чего искалъ:
Искуснаго пера прекрасныя черты,
Какъ солнца яркій лучъ въ листахъ моихъ явились;
Откуда, думалъ я, такія красоты

---

* Филиппъ Лаврентьевичъ 1788—1798, отецъ Филиппа Филипповича Вигиля. О. Б.

** Есть книжка моихъ стиховъ, прозванная «Сумерки моей жизни,» въ которую, какъ въ альбомъ, мои знакомые дарили меня своимъ перомъ.

Волшебнымъ слогомъ вдругъ въ тѣни изобразились?
Желая пошутить, попробовать перо,
Изъ Рима на пути пригожая Московка
Черкнула строчекъ пять и нѣжно и остро,
Нечаянно плѣнять знакома ей уловка.
О! вѣрить я теперь и возгласить готовъ,
Что точно Римъ однимъ изяществомъ владѣетъ;
Нѣтъ, скажемъ, что владѣлъ, благодаря боговъ,
Ужь Мятлеву не Римъ, Москва въ себѣ имѣетъ.

ГЛАВА LXXVIII.

Отъѣздъ изъ Кіева. Козелецъ.

Проживши дней 10 въ Кіевѣ въ безпрестанномъ, такъ сказать, изумленьи, пора было ѣхать домой. Изъ переписки моей съ родными я видѣлъ нетерпѣливость ихъ опять съ нами увидѣться: я ее цѣнилъ въ полной мѣрѣ, и при всемъ томъ удовольствіи, какое доставило мнѣ мое путешествіе, я скучалъ по своимъ домашнимъ. У кого есть дѣти, тому безъ нихъ вездѣ скучно; кто имѣетъ друзей, тотъ всегда ищетъ къ нимъ приближиться.

Мы рѣшились выѣхать отсюда 18 числа. На канунѣ я ходилъ еще разъ взглянуть на Кіевъ съ Андреевской башни или галереи: это было въ вечеру. Солнце, оканчивая бѣгъ свой, скрывалось отъ нашихъ странъ; закатъ его былъ ясенъ, чистъ; небо ни чѣмъ не помрачено, и лазурный сводъ его принималъ на себя отраженіе послѣднихъ солнечныхъ лучей. Въ такое время дня взошелъ я на Андреевскую гору и окинулъ глазами весь Кіевъ еще разъ въ жизни. Нѣтъ ни чего прекраснѣй сего зрѣлища; я отъ него былъ внѣ себя и не вмѣщалъ своихъ восторговъ. На Подолѣ выстроенъ Магистратъ: онъ держится Германическихъ обрядовъ, будучи образецъ тамошнихъ Ратушъ. По обыкновенію того края трубачъ выходитъ на каланчу, трубитъ въ часъ утренней и вечерней зари и въ полдень: музыка заиграла въ эту самую минуту; я ее слышалъ съ горы, и звукъ трубъ раздавался далеко по струямъ Днѣпра. Все способствовало къ потрясенію моихъ

чувствъ; они были живы, пламенны, обнимали вдругъ прошедше и настоящее. Простясь съ солнцемъ, простился съ Кіевомъ и пошелъ домой готовиться къ отъѣзду.

Въ самый день нашего отъѣзда посѣтилъ я въ послѣдній разъ гробъ моей бабки, принесъ ей жертву моего благоговѣнія, оросилъ слезами мертвенное ея покрывало и пожелалъ всѣмъ сердцемъ, чтобы они проникли до безсмертной души ея, и естьли мертвые въ селеньяхъ пренебесныхъ могутъ убѣждаться чувствами земнородныхъ, еще населяющихъ юдоль міра, то пусть великая душа ея приметъ наше поклоненіе съ такимъ же благопріятствомъ и кротостію, съ какимъ Отецъ тварей, изливая на насъ щедроты свои, внемлетъ моленію сыновъ, ищущихъ угождать ему.

Съ трепещущимъ сердцемъ и въ сильномъ волненіи его выѣхали мы изъ Кіева. Сестра провожала насъ: она не плакала, чтобъ насъ не растрогать; но черты лица ея изображали истинное положеніе огорченнаго ея сердца. Проводы ея мужа умножили безпокойство наше внутреннее: намъ жаль было разставаться съ ними; намъ жаль было ихъ—Кіево-домашнихъ, словомъ, всего: хотѣлось ѣхать, хотѣлось остаться. Чувствительный человѣкъ есть самое мятежное существо во вселенной.

Нечаянная встрѣча насъ разсмѣшила на минуту. Одинъ бѣдный Полякъ, издавна знакомый женѣ моей, странствующій въ Кіевѣ безъ пристанища, увидѣвши ее, узналъ и, называя старымъ именемъ: «Ah! Madame Pojarina (сказалъ онъ ей), grand triste et grands pleurs!» Такъ онъ хотѣлъ изъявить сожалѣніе свое о томъ, что ея давно не видалъ; а за два дня передъ тѣмъ видѣлъ ее и спрашивалъ у всѣхъ: кто такая? Прямой Полякъ: и холоденъ и жарокъ въ одну и ту жь минуту; мы всѣ этому посмѣялись.

Екипажи наши дожидались насъ за рѣкой; чтобъ дойти до нея, надобно спуститься съ превысокой и крутой горы, которую стараются всячески сдѣлать отложе, и не безъ успѣха; но работа понынѣ стоитъ казнѣ до 4,000 руб. Многіе критикуютъ эту издержку, и не совсѣмъ безъ основанія разсуждаютъ, говоря: въ VI-мъ вѣкѣ строенъ городъ; въ него и изъ него въ цѣлыя XV столѣтій

выѣзжали по другой сторонѣ, гдѣ путь съ объѣздомъ былъ несравненно легче и отложе: для чего же въ XIX вѣкѣ вздумали проложить на Днѣпръ новый спускъ, который крутъ, опасенъ и дорогъ?

На берегу Днѣпра я простился съ сестрой, съ зятемъ. Минуты разлуки съ людьми любезными несносны: ни что ихъ не краситъ. Я побѣжалъ, не оглядываясь, за мостъ, и, на той сторонѣ остановясь нѣсколько секундъ, взглянулъ на Лавру: какъ видъ ея изъ за рѣки величественъ! Тутъ надобно глядѣть на Кіевъ, и дивиться этому хребту горъ превысокихъ, на которыхъ онъ поставленъ. Отсюда глядя на нихъ, признаться должно, что онѣ много выше Владимірскихъ холмовъ; да и Днѣпръ, при всѣхъ его отмеляхъ, гораздо шире и важнѣе Клязьмы. Чтобъ много похвалитъ Владиміръ, довольно сказать, что онъ—Кіевъ въ маленькомъ видѣ. Какъ всю картину города украшаетъ Подолъ! Ни какому описанію повѣрить нельзя; надобно это видѣть: одинъ собственный взоръ увѣритъ въ превосходствѣ мѣстоположенія. Думаю, что въ цѣлой Россіи нѣтъ ему подобнаго. Долго я не могъ усидѣть въ коляскѣ: сяду—и опять вонъ; оборочусь назадъ—и смотрю на Кіевъ. Чѣмъ больше я отъ него удалялся, тѣмъ плѣнительнѣе представлялась картина его въ отдаленіи. Онъ восхитителенъ, и я только тогда пересталъ закидывать глаза назадъ, какъ взбѣсили меня пески: тутъ я спрятался въ уголъ моей коляски, поднялъ ее и задремалъ. *

До Броварей 18 верстъ только, но онѣ утомительны: песокъ сыпучій, лошади едва тащатъ повозки, насъ пекло до смерти. На силу въ 4 часа времени доѣхали. Во всю дорогу двигались

---

* О Кіевѣ см. прекрасное сочиненіе Н. В. Закревскаго, подъ заглавіемъ: «Описаніе Кіева,» явившееся въ первый разъ въ Ревелѣ 1836: «Очеркъ исторіи города Кіева», стр. 68; вторично въ «Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1848 г.: «Лѣтопись и Описаніе города Кіева,» 256 стр., кн. II, и особо, и въ третій въ 1868 г., въ Москвѣ, отдѣльно, въ 2-хъ большихъ томахъ, съ изображеніями и чертежами: «Описаніе Кіева,» вновь обработанное и значительно умноженное изданіе, но при чтеніи его слѣдуетъ имѣть подъ руками и не менѣе прекрасныя изслѣдованія о Кіевской старинѣ М. А. Максисимовича, въ особенности его: «Объяснительные параграфы о Кіевѣ. Кіевъ, 1869.» О. Б.

шагомъ, и почти третью часть ея шли пѣшкомъ. Какая тоска! Отъ Броварей до другой станціи, Семиполки, 27 верстъ, пески не такъ глубоки, но все еще есть, и мы ѣхали не очень скоро. Это селеніе принадлежитъ Княгинѣ Хованской, которая сама тутъ живетъ. * Карета и повозки отъ насъ отстали, но намъ не хотѣлось терять дня, и мы съ женой одни въ коляскѣ поскакали въ Козелецъ. Тутъ дорога пошла лучше. Мы 24 версты проѣхали въ два часа. Селенія часты, и рощи есть. Вечеръ былъ прекрасный, и послѣ горячихъ песковъ эта станція дала намъ отраду. Мы захватили часа полтора сумерекъ и темноты, но доѣхали въ Козелецъ одни, безъ прислуги и всѣхъ товарищей оставя назади. Козелецъ—Уѣздный городокъ Черниговской Губерніи: она начинается подъ самымъ Кіевомъ, тотчасъ за Днѣпромъ, и мы, вступя въ нее, увидѣли тѣ же распоряженія по дорогѣ, какія въ Полтавѣ. По обѣ стороны деревья, но, проклятыя, не хотятъ ни какъ приниматься. До Козельца прогоны почтовыя платятся по 3 копѣйки на лошадь, по тому что это называется военный Петербургскій трактъ.

Городничій далъ намъ квартиру въ своемъ домѣ. Козелецъ—городъ неважный и можетъ хвалиться только отмѣннымъ множествомъ водяныхъ мельницъ, коихъ до 12 почти рядомъ. Часть ихъ принадлежитъ казнѣ, другая помѣщикамъ, и когда воды для всѣхъ недостаточно, то они мелютъ по очереди, понедѣльно. Гербъ города мнѣ показался забавенъ: серебряный козелъ, и на немъ золотые крестъ и держава. Какъ могли такіе священные аттрибуты соединиться между рогъ самаго неблаговоннаго скота? Вотъ все, что о Козельцѣ сказать можно. * Всѣ наши от-

---

* Какъ Бровари, такъ и Семиполки, прежде принадлежали Кіевопечерской Лаврѣ, теперь же первое—мѣстечко съ 2 церквами, Еврейской молельней, 2 ярмарками и торгами; въ немъ около 300 дворовъ или 2,000 душъ обоего пола, лежитъ при озерѣ Свѣдловищинѣ; другое при ручьяхъ Пилевкѣ и Татаркѣ, надъ болотомъ Сиволожью, съ 163 дворами или почти около 2,000 жителей обоего пола, церковью и тремя заводами. О. Б.

** Козелецъ дѣйствительно можетъ похвалиться своими мельницами, такъ какъ онъ стоитъ надъ рѣкой Остромъ и рѣчкой Карашней. Остеръ течетъ по нему извилисто, окружаетъ его съ 3-хъ сторонъ и впадаетъ въ Десну; мѣстоположеніе

ставшіе спутники пріѣхали очень поздно, и мы, пообѣдавши сегодня на скорую руку въ Броваряхъ, легли спать не ужинавши. Послѣ всѣхъ тѣхъ наслажденій, кои намъ представилъ Кіевъ, одинъ день поста перенести было не трудно. Обыкновенно при выѣздѣ изъ большихъ городовъ, особливо гдѣ нѣсколько дней промѣшкаешь, наши люди не умѣютъ скоро собраться, и пока господа любопытствуютъ, смотрятъ старыхъ, или новыхъ, диковинъ, слуги шатаются по трактирамъ, пробуютъ свойство хмѣля, сравниваютъ чужестранный съ своимъ, наконецъ не стоятъ на ногахъ, и когда надобно сбираться, то или спятъ, или отстали, или чего ни будь въ поклажахъ не сыщутъ. Да здравствуютъ Русскіе холопы!

ГЛАВА LXXIX.

Нѣжинъ.

19 числа выѣхали мы изъ Козельца съ намѣреніемъ поспѣть ночевать въ Нѣжинъ, въ чемъ и успѣли. Поѣхавши въ 9 часовъ утра, пріѣхали въ 5 по полудни. Дорога сюда пещана, а къ Нѣжину гати и недомостки очень безпокоятъ. Обѣдали мы въ Носовкѣ, помѣстьѣ Графа Безбородька, гдѣ у него для пріюту маленькой флигель построенъ. Графъ еще въ Кіевѣ во всѣ свои Малороссійскія деревни далъ намъ приказы, которымъ одолжены мы были большими пріятностями.

равное со многими въ предмѣстьяхъ садами. Въ немъ была когда-то и крѣпость, обнесенная валомъ; въ городѣ теперь церквей 5, изъ коихъ одна построена матерью Графовъ Разумовскихъ, во имя Рождества Богородицы, по плану архитектора Графа Растрели, съ колокольней, похожей на Кіевопечерскую; въ церкви многія иконы Итальянской живописи. Извѣстно, что въ 7 верстахъ отъ Козельца находится село Лемеши—родина реестроваго Козака сего полку, Григорія Розума, отца Разумовскихъ. За городомъ находятся женскій Богоявленскій монастырь, а въ нѣсколькихъ верстахъ мужской Георгіевскій, управляемый Игуменомъ; сверхъ того Еврейскихъ двѣ молельни, Уѣздное и Приходское Училища, Больница, ярмарокъ 5, еженедѣльные торги и нѣсколько заводовъ. Жителей около 450 дворовъ съ 5,000 обоего пола. Отъ Губернскаго города Чернигова

Лишь въѣхали въ Нѣжинъ, какъ встрѣтили любопытное зрѣлище—Жидовскую свадьбу. Одинъ Жидъ шелъ отъ жениха съ дарами къ невѣстѣ, неся по улицѣ на головѣ какой-то не покрытый коленкоръ, который мы скоро, ѣхавши рядомъ, накрыли пылью. За нимъ пѣшешествовали три Жида, изъ которыхъ одинъ игралъ на скрыпкѣ, другой на цымбалѣ, а третій шумѣлъ кастаньетами или гремушками. Гуляки этѣ дошли до дому невѣсты и встрѣчены были у двора ея роднею. Черезъ часъ началась свадьба, и я нарочно пошелъ ее посмотрѣть. Вотъ въ чемъ состоялъ ихъ обрядъ:

Новобрачные выведены были изъ дому на улицу подъ большой наметъ, на четырехъ жердяхъ висящій. Женихъ 16 лѣтъ одѣлся въ шубу и надвинулъ шапку. То же сдѣлала невѣста, совершенная ему ровестница; все лице у нея было закрыто. Около навѣса торчали родственники и наша братья зрители. Жиды, по обыкновенію, кричали во весь голосъ. Тотъ, который бракъ совершалъ, стоялъ подъ общимъ съ ними холстомъ, обручалъ ихъ кольцами, поилъ виномъ, держалъ подъ носомъ у нихъ свѣчи и стаканъ, изъ котораго ихъ поилъ: опорожнивъ, бросилъ на земь, и его въ мелкіе кусочки истопталъ народъ; все это сопровождалъ онъ пѣніемъ и кривляньемъ, безъ котораго у Жидовъ нѣтъ ни какого духовнаго дѣйствія. Послѣ различныхъ своихъ фарсъ, онъ прочелъ имъ брачный договоръ, и тѣмъ все кончилось. Отъ вѣнца повели ихъ подъ руки въ домъ; тѣ же музыканты заиграли плясовыя пѣсни, Жиды и жены пріударили въ ладоши, и самые усердные пріятели новобрачныхъ, идучи впереди, въ присядку плясали. Какая трогательная церемонія!

Я эту чету проводилъ до воротъ, но въ домъ не пошелъ, за тѣснотой; я могъ вообразить, какъ тамъ душно, тѣсно, гадко!

отстоитъ въ 62 верстахъ, а прежде былъ, до открытія Намѣстничествъ, онъ главнымъ городомъ Кіевскаго полка съ своей сотней. Нынѣшней гербъ его взятъ съ печати городской Магистратской, между тѣмъ какъ печать Полковая представляла Кіевскія горы съ крестомъ, водружаемымъ Апостоломъ Андреемъ, который благословляетъ еще свыше десницей. О. Б.

Между Жидовокъ одно только лицо можно замѣтить было по красотѣ его и пригожеству: впрочемъ, въ этомъ разсѣянномъ сбродѣ людей, я мало встрѣчалъ хорошихъ лицъ женскаго пола. Сколько ни старался узнать, отъ чего женихъ и невѣста вѣнчались въ шубахъ и шапкахъ, не могъ ни какъ причины добиться, а жаръ былъ несносный, и ихъ вѣрно солнце пекло, какъ огонь куропатокъ на вертелѣ. Я думаю, что это для того, чтобъ они всегда были жарки другъ къ другу и холодны къ другимъ. Хорошо, естьли имъ это удастся.

Поговоримъ о самомъ городѣ. Онъ неопрятенъ и нехорошъ, но видно, что торговый, и отъ того богатъ. По превосходству числа жителей въ немъ изъ Грековъ, можно назвать его Греческимъ городомъ. Мостовыхъ нѣтъ, и такъ осенью и весной въ большія грязи ни проходу, ни проѣзду. Площадей и регулярныхъ улицъ не увидишь, а пустырей много; рѣчка скверная или, лучше сказать, протечная лужа. Домъ для Присутственныхъ Мѣстъ каменный; Магистратовъ два: одинъ Уѣздный, по общему стату всѣхъ Россійскихъ городовъ, и строеніе его такой же формы, какъ въ Кременчугѣ, только поменьше и не столь великолѣпно; другой учрежденъ собственно для Грековъ, кои пользуются здѣсь разными преимуществами, и изъ нихъ самое важное то, что домы ихъ свободны отъ постоя. * Ряды скверные: обыватели намѣреваются строить новые.

---

* Въ нынѣшнее время Грековъ въ Нѣжинѣ очень мало, не болѣе 365 душъ обоего пола, изъ коихъ многіе, со времени перевода Всеѣдинской ярмарки въ Роменъ, живутъ въ другихъ Русскихъ городахъ, не выписываясь, однако жъ, изъ своего общества и присылая въ своей Магистратъ о себѣ сказки, откуда получаютъ видъ на прожитіе. Они отличаются отъ прочихъ Нѣжинскихъ обитателей только однимъ своимъ типомъ; впрочемъ, между ними было и есть довольно и Булгаръ, говорящихъ по Гречески и выдающихъ себя за Грековъ, чтобы участвовать въ тѣхъ выгодахъ, которыя предоставлены имъ были у насъ еще со времени Гетмана Богдана Хмельницкаго, старавшагося привлечь ихъ въ Малороссію для развитія торговли. Выгоды этѣ въ наше время ограничиваются: свободою отъ податей, постоевъ, подводъ и личной службы, платежа гильдій по всей Черниговской Губерніи, поступленіемъ въ войско на правахъ личныхъ Дворянъ, имѣютъ своей Магистратъ съ Членами его, утверждаемыми Губернскимъ Начальствомъ, и пользуются преимуществами купцовъ 1 и 2-й гильдіи. Кромѣ того,

Въ Нѣжинѣ есть мужской монастырь, построенный Яворскимъ, котораго и портретъ стоитъ въ соборномъ храмѣ. Онъ заложенъ при Петрѣ 1, ровесникъ Полтавской побѣдѣ. Около тѣхъ дней поставленъ тутъ престолъ во имя Благовѣщенія. Отсюда его названіе Назаретъ. * Архимандритъ тутошній, Ректоръ

Нѣжинскіе Греки имѣютъ свое Александровское Училище на правахъ Уѣзнаго. Нѣжинъ раскинутъ на равнинѣ, по обоимъ берегамъ рѣки Остра, протекающей черезъ городъ прорытымъ каналомъ, конченнымъ въ 1812 году, теперь заросшимъ травою, а по тому жители нуждаются въ водѣ, пользуясь ею отчасти изъ колодцевъ. Южная часть города больше сѣверной. Основаніе его теряется въ древности; думаютъ, что онъ встрѣчается уже около XII-го столѣтія (подъ 1147 г. въ Ипатьев. спискѣ упоминаются Нѣжатинъ въ одномъ мѣстѣ, и Унепѣжь въ другомъ, но одно ли и то же этѣ названія, равно какъ и Нѣжатина нива?). Судьба его нераздѣльна съ судьбою прочихъ Малорусскихъ городовъ; въ XVII столѣтіи онъ получилъ Магдебургскія права, нѣкоторыя земли (на 12 верстъ кругомъ себя и нѣкоторыя населенные хутора и села въ своемъ и Борзенскомъ Уѣздахъ) и самый гербъ: Георгій на конѣ, поражающій копьемъ змія: онъ употреблялся въ Магистратѣ до открытія Черниговскаго Намѣстничества; настоящій же гербъ Нѣжина: четвероугольный продолговатый щитъ, коего нижніе углы закруглены, а въ нижнемъ краю на срединѣ острое возвышеніе; щитъ перерѣзанъ съ права на лѣво, на двѣ части, изъ коихъ въ верхней, въ красномъ полѣ, двѣ руки, одна другую держащія, а въ нижней въ синемъ полѣ золотой жезлъ Меркуріевъ. Этотъ гербъ употреблялся Полковой Канцеляріей, и утвержденъ навсегда Государыней въ 1782 году. При Гетьманахъ Нѣжинъ высоко было поднялся: преимущества, полученныя имъ какъ прежде, отъ Польскихъ Королей, такъ и отъ Гетьмановъ своихъ, подтверждались и Русскими Государями. Онъ былъ одинъ изъ 4-хъ увѣрительныхъ Малороссійскихъ городовъ (съ Переяславомъ, Черниговомъ и Полтавой) для Московскаго Государя, и по тому занимался Рускимъ войскомъ съ Комендантомъ. Съ 1782 г. Нѣжинъ сдѣлался Повѣтовымъ городомъ Черниговскаго Намѣстничества, а потомъ Уѣзднымъ Малороссійской, послѣ Черниговской, Губерніи. Нынѣ Нѣжинъ принадлежитъ къ значительнѣйшимъ городамъ своей Губерніи по величинѣ, храмамъ (22 Православныхъ, 1 Католическій и Синагога), учебнымъ заведеніямъ (6-ть: Лицей, Гимназія, Греческое, Уѣздное, Приходское и Еврейское казенное Училища) и другимъ учрежденіямъ (Больница, домъ для Инвалидовъ, Богодѣльня, 2 частныхъ Пансіона), населенію (2,334 дома съ 20,000 жителей обоего пола) и промышленности, производимой особенно Греками и Малороссіянами (папушный табакъ, соленые огурцы и другіе плоды, отправляемые на Покровскую ярмарку въ Кролевецъ, а оттуда развозимые по всей Россіи). Есть свой гостинной дворъ, и т. п., еженедѣльные торги; Полицеймейстеръ съ 4 Квартальными. О. Б.

* Митрополитомъ Рязанскимъ Стефаномъ, какъ въ мѣстѣ, въ которое (городъ

Черниговской Семинаріи, родомъ изъ Болгаръ, и худой, сказываютъ, проповѣдникъ. По случаю вакаціоннаго времени во всѣхъ училищахъ, мы его застали въ своемъ монастырѣ и познакомились съ нимъ. Онъ показался мнѣ человѣкомъ скромнымъ и благодушнымъ, принялъ насъ очень ласково, и самъ посѣтилъ на нашей квартирѣ; водилъ меня по всему монастырю и всѣ его красоты показывалъ. Всѣхъ рѣдкостей выше кровь Іоанна Предтечи, которую онъ самъ мнѣ съ разными частьми мощей показывалъ на престолѣ, въ особомъ ковчегѣ; впрочемъ, ни чего я не нашелъ отмѣннаго. Церковь прекрасна, судя по вкусу—старинной архитектуры. Архимандритъ этой обители имѣетъ права служенія подобнаго Настоятелямъ Ставропигіяльныхъ монастырей, т. е., осѣняетъ свѣчами, принимаетъ дары и пр. и носитъ панагію.

Между новыми строеніями замѣтить можно Греческую церковь. Она похожа на всѣ новѣйшіе соборы, какіе видѣли мы въ Одессѣ и Херсонѣ. Иконостасъ и убранство церкви въ Греческомъ вкусѣ. Мнѣ не понравилось только то, что подъ ней сдѣланы подвалы, изъ которыхъ, думать надобно, отпускаются на продажу бочки съ виномъ. Стыдно, по мнѣнію моему, унижать достоинство домовъ Божіихъ такими економическими, да еще большею частію и къ пользѣ разврата служащими, заведеніями. Колокольня хороша и сквозная. Жаль, что поскупились Греки сдѣлать съ третьимъ уступомъ еще одинъ этажъ. Она бы тогда была образцовой красоты.

По оставимъ эти предметы, какъ входящіе въ рядъ весьма обыкновенныхъ человѣческихъ предпріятій, а обратимся къ совершенно диковинному зданію. Нѣжинъ уже и теперь имъ щеголять можетъ, а со временемъ прославится въ ученомъ свѣтѣ. Графъ Безбородько пожертвовалъ милліономъ рублей на то тольно, чтобъ здѣсь основать огромную Гимназію для Грековъ и Малороссіянъ. Основательные здѣшніе жители до сихъ поръ утверждаютъ, что братъ его, Свѣтлѣйшій Князь, очень привязанъ былъ къ Нѣжину, хотѣлъ тутъ построить для себя домъ, и въ немъ перестать жить, такъ какъ Разумовской скончался въ Батуринѣ; но всѣ предположенія человѣческія суетны: Князь умеръ на Невѣ, а въ Нѣжинѣ, вмѣсто дома для него, подымаетъ братъ его колосальное зданіе для распространенія наукъ и художествъ. Мысль прекрасная, достойная знатнаго расточителя! *

Этотъ домъ строится изъ кирпичу, и длина его будетъ 40 саженъ. Первый этажъ уже выведенъ; года въ три, думать долж-

Нѣжинъ) родители его, избѣгая гоненій отъ Уніятовъ, выселились изъ мѣстечка Явора Волынской Губерніи, въ коемъ онъ родился 1658 года; но храмъ построенъ не въ 1709, а въ 1716 году. Этой обители онъ завѣщалъ и свою многочисленную библіотеку, которая, однако, по просьбѣ Бѣлогородскаго Епископа, Досиѳея, въ 1731 г., перенесена въ Харьковскій Коллегіумъ, но, говорятъ, въ этомъ монастырѣ все таки осталось нѣсколько его рукописей на Латинскомъ языкѣ. О. Б.

* Князь Александръ Андреевичъ былъ сынъ Малороссіискаго Генеральнаго Судьи. Андрея Яковлевича Безбородька, родился въ Глуховѣ 1746 г., учился сперва въ домѣ родительскомъ, а потомъ въ Кіевской Академіи; 1765 Бунчуковый Товарищъ и Правитель Канцеляріи Графа Румянцова-Задунайскаго, Генералъ-Губернатора Малороссіи; 1767 Членъ Генеральнаго Суда, черезъ два года предводитель Нѣжинскаго, Лубенскаго, Миргородскаго и Компанеійскихъ полковъ, участвовалъ въ сраженіяхъ съ Турками при Румянцовѣ, завѣдывая, кромѣ того, его походными дѣлами; 1774 Полковникъ, 1775 у принятія прошеній на Высочайшее имя; 1779 Бригадиръ; 1780 Генаралъ-Маіоръ; 1784 Тайный Совѣтникъ, Вице-Канцлеръ и Графъ Римской Имперіи; 1786 Гофмейстеръ; 1790 Д. Т. Совѣтникъ; 1797 Канцлеръ и Свѣтлѣйшій Князь. Послѣ себя оставилъ брату своему, Ильѣ Андреевичу (см. выше стр. 63, примѣч. 1-е), около 40,000 душъ, которыя перешли потомъ въ домы Графа Г. Г. Кушелева и Князя А. Я. Лобанова-Ростовскаго, женатыхъ на дочеряхъ Графа Илья, изъ коихъ сынъ первой получилъ позволеніе именоваться Графомъ Кушелевымъ-Безбородькомъ, старшій изъ его рода всегда Почетный Попечитель Гимназіи высшихъ наукъ, а нынѣ Нѣжинскаго Лицея. Въ бумагахъ Князя по смерти отыскалось завѣщаніе вносить ежегодно въ теченіе 6 лѣтъ по 10,000 въ пользу Богоугодныхъ заведеній, а потомъ въ продоженіе 8-ми по 20,000. Графъ Илья, присоединивъ отъ себя по 15,000 въ годъ на вѣчныя времена, съ обезпеченіемъ того 3000 душъ, рѣшился основать въ Нѣжинѣ Училище высшихъ наукъ, подарилъ для него мѣсто съ садомъ, что и одобрено Императоромъ 29 Іюля, 1805 г. Постройка зданія стоила 400 т. бум.; открытіе послѣдовало въ 1820 г. Гимназія состояла изъ 9 классовъ, въ коихъ преподавались науки Словесныя, Политическія, Физико-Математическія; отличные изъ воспитанниковъ выпускались съ званіемъ Кандидата и чиномъ 12 класса, а прочіе Дѣйствительнаго Студента и чиномъ 14-го класса. Въ 1832 (по другимъ 1834) Гимназія эта переименована въ Лицей съ 3-хъ курснымъ Физико-

но, что и весь корпусъ кончится. Графъ для пріѣздовъ своихъ имѣетъ и въ Нѣжинѣ деревянный домъ, но ни чего незначущій, хуже деревенскихъ его квартиръ. При немъ старый садъ, разведенный какимъ-то Обыдовскимъ, * отъ котораго усадьба дошла къ Безбородьку и до сихъ поръ называется Обыдовщина. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ сей обширный храмъ наукъ обезсмертитъ имя учредителя и Нѣжинскаго патріота.

Мы въ Нѣжинѣ одну ночь переночевали и стояли въ прекрасной квартирѣ. По сосѣдству Черниговскихъ своихъ помѣстьевъ, зять мой знакомъ съ однимъ зажиточнымъ обывателемъ Нѣжинскимъ, Грекомъ купцомъ, по имени Клица, и далъ къ нему письмо. Онъ насъ принялъ очень ласково, отдалъ намъ весь домъ, который, при выгодномъ расположеніи покоевъ, очень хорошо прибранъ. Садъ его не великъ, но для прогулки довольно просторенъ; въ немъ бесѣдка круглая на изрядномъ мѣстѣ; мы въ ней пили чай на завтра, рано по утру, передъ отъѣздомъ нашимъ и въ удовольствіе хозяина хвалили нѣкоторыя окрестности Нѣжина, кои, впрочемъ, изъ одной учтивости, для привѣтствія, можно назвать хорошими. Хозяинъ добрымъ ужиномъ насъ угостилъ, и мы ему остались очень благодарны. Кто охотникъ до ликеровъ, пусть ѣдетъ сюда: они превосходны; не напрасно хвалится всякими водками Нѣжинъ; правда, что нигдѣ такихъ отличныхъ не дѣлаютъ.

Математическимъ Факультетомъ, а 1840 въ Юридическій Факультетъ; при Лицеѣ учреждена еще особая Гимназія, въ которой приготовлялись бы къ поступленію въ оный. Оба основателя покоятся въ Петербургѣ: первый скончался 6-го Апрѣля, 1799, а второй 3-го Іюня, 1815 г. О. Б.

* Полковникомъ Нѣжинскимъ и племянникомъ по сестрѣ, Александрѣ Степановнѣ, Гетьмана Ивана Степановича Мазепы, бывшей въ замужствѣ за Обидой, Полковникомъ Гетмана Ханенка, котораго въ 1670 г. онъ посылалъ къ Царю въ Москву съ увѣреніемъ въ своей вѣрности и проч. Этотъ племянникъ былъ

ГЛАВА LXXX.

Батуринъ. Гробъ Графа Разумовскаго.

Отъ Нѣжина до Батурина 80 верстъ, и мы туда поспѣли ночевать 20 числа. Дорога ровная, но еще пещана. Во многихъ мѣстахъ разводятъ табакъ. Къ удивленію нашему, яровые хлѣбы еще не поспѣли; гдѣ же? Въ Малоросіи! Чего же у насъ ожидать? Гати и проспекты продолжаются: первыя мучительны въ грязную пору, а послѣднія цѣлыми верстами прерываются и сохнутъ. Обѣдать останавливались мы въ Борзнѣ: городокъ Уѣздный, ни чего не значущій, въ которомъ мы ни кого и ни чего не видали. * На квартирѣ замѣтилъ я, что передъ образомъ положено въ переднемъ углу два пучка ржаныхъ колосьевъ и ступка соли. Хозяйка сказывала намъ, что у нихъ въ обрядѣ первые начатки плодовъ земныхъ приносить къ образамъ, а потомъ они эти зерны смѣшиваютъ съ тѣми, кои у нихъ идутъ на посѣвъ.

Батуринъ—мѣстечко, принадлежащее Разумовскимъ. Само по себѣ оно ни чего не значитъ: строеніе въ немъ бѣдное, положеніе мѣста самое некрасивое. Здѣсь нѣкогда была столица Малороссійскихъ Гетмановъ. Фельдмаршалъ Графъ Кириллъ Григорьевичъ, извѣстный своею роскошью, послѣдніе годы жизни провелъ въ Батуринѣ и въ немъ скончался. Говорятъ, что и здѣсь жилъ очень пышно: такъ думать должно, судя по его домамъ; одинъ изъ нихъ деревянный и похожъ на Дворецъ. Мы не нашли уже въ немъ ни

женатъ на Аннѣ Васильевнѣ Кочубей, дочери извѣстнаго Василія Леонтьевича Кочубея, а сестрѣ Матроны Васильевны, соблазненной Мазепой, хотя и крестницѣ его. О. Б.

* Онъ лежитъ при болотистой рѣчкѣ того же имени, на ровной мѣстности. Около половины XVII столѣтія Борзна является въ Исторіи Сотеннымъ мѣстечкомъ Нѣжинскаго полка, потомъ была Повѣтовымъ, а теперь Уѣзднымъ, городомъ. Вокругъ его множество вѣтряныхъ мельницъ (за сто), такъ какъ обитатели ведутъ большую торговлю хлѣбомъ (особенно рожью), коего сбывается до полумилліона пудовъ въ годъ; кромѣ того занимаются изготовленіемъ сапоговъ (до 10,000 паръ ежегодно), продаваемыхъ въ окрестностяхъ и далѣе. Домовъ за 1200 съ 9,000 жителей, 4 церквами, Еврейской молельней, Уѣзднымъ и Приходскимъ Училищами, Больницей, 3 ярмарками, еженедѣльными торгами. О. Б.

какого убранства; онъ обнаженъ всѣхъ своихъ прелестей, но, по огромности своей и количеству покоевъ, достоинъ и понынѣ примѣчанія. При немъ садъ великъ, но запущенъ; оранжереи наполнены плодами. Другой домъ каменный: въ немъ Графъ и жить не успѣлъ, только что отдѣланъ; онъ поставленъ на лучшемъ мѣстѣ, какое отыскаться могло въ Батуринѣ, на горѣ и надъ рѣкой. Домъ въ три этажа, съ широкимъ балкономъ и колоннадой. Комнатъ большихъ нѣтъ, а отъ того онъ внутри и не очень великолѣпенъ, но снаружи, особливо изъ за рѣки, видъ его довольно пригожъ. Это имѣніе принадлежитъ нынѣ Графу Андрею Кирилловичу * одному, и даетъ ему доходу до 200 т.; за нимъ считается здѣсь 16 тысячъ душъ; управляетъ всѣмъ этимъ добромъ Англичанинъ, родившійся въ Россіи и воспитанный въ Лондонѣ; онъ говоритъ очень чисто по Русски и весьма привѣтливъ, отвелъ намъ покой въ большомъ деревянномъ Графскомъ домѣ, накормилъ насъ, освѣтилъ и запотчивалъ фруктами: яблокъ здѣсь и абрикосовъ пропасть. Повѣрятъ ли, однако, что въ этомъ климатѣ былъ морозъ 10 Іюня, и съ 7 Августа опять начались морозы? Не знаю, такой ли былъ годъ, или это обыкновенно и въ Малороссіи, какъ у насъ около Сѣвера; но узнавши это, я сказалъ про себя: «Славны бубны за горами. Искали тепла—нашли стужу.»

Въ Батуринѣ разныя заведенія. Извѣстно, что здѣсь дѣлаютъ славныя восковыя свѣчи; нынѣ зачали лить коротенькіе огарки нарочно для ночниковъ; свѣтъ ихъ теменъ, но очень полезнѣе и

* Сыну Гетмана Графа Кирилла Григорьевича, р. 22-го Октября, 1752 г.: на 12 году Мичманъ, учился съ 1764 за границей въ Университетахъ по 1769, служилъ въ Англійскомъ флотѣ и вышелъ изъ него Лейтенантомъ, участвовалъ въ походѣ въ Архипелагъ, 1773 Капитанъ-Лейтенантъ и Камеръ-Юнкеръ, 1774 Бригадиръ, 1775 Генералъ-Маіоръ; 1776 Полномочный Министръ въ Венеціи, 1778 въ Неаполѣ по конецъ Ноября 1783, 1784 Дѣйствит. Камергеръ, 1786 Чрезвычайный Посланникъ въ Стокгольмѣ, 1790 помощникъ нашего Посла въ Вѣнѣ (Князя Д. М. Голицына), съ 1792 самъ Посолъ при этомъ Дворѣ; 1797 Д. Т. Совѣтникъ; 1806 уволился, но не выѣхалъ изъ Вѣны; былъ первымъ Полномочнымъ нашимъ на Вѣнскомъ Конгресѣ и возведенъ въ Князья 1815, а вскорѣ за тѣмъ получилъ и титулъ Свѣтлости; 1819 Д. Т. С. 1-го класса; скончался въ Вѣнѣ, 11-го Сентября, 1836 г., на 84 г. отъ рожденія; потомства не оставилъ по себѣ. О. Б.

пріятнѣе всякой лампы ночью; они горятъ часовъ 12; тѣхъ и другихъ мало продаютъ, по тому что Графъ Андрей Кирилловичъ затребовалъ къ себѣ въ Вѣну до 400 пудовъ свѣчъ. Какая пропасть! Жаль, что это не разойдется по насъ въ Россіи и что отъ этого мы съ другихъ фабрикъ скверныя свѣчи будемъ покупать гораздо дороже!

Въ 40 верстахъ отсюда Графъ имѣетъ овчарный заводъ; сказываютъ, что на немъ считается до 1200 настоящихъ Испанскихъ овецъ. Разумѣется, что есть и фабрика суконная; пятьдесятъ становъ въ работѣ; на иныхъ точется солдатское сукно, а на другихъ тонкое. Для храненія ихъ устроенъ особый магазинъ, изъ котораго сукна выпускаются на вольную продажу. *

Всѣмъ вообще управляетъ сказанный Англичанинъ. Я читалъ вѣрющее письмо, которое изъ Вѣны отъ Графа ему прислано. Силою сей довѣренности онъ имѣетъ право на всякое распоряженіе; можетъ даже для изворотовъ хозяйственныхъ продавать и закладывать. Неограниченное полномочіе! Отецъ его поселился здѣсь за 40 лѣтъ назадъ и правилъ имѣніемъ Фельдмаршала. Когда тотъ и другой скончались, сынъ того же иноземца смѣнилъ въ правленіи своего отца и угодилъ Графу Андрею Кирилловичу. Условія его всѣ состоятъ въ томъ, что онъ съ чистаго Графскаго дохода получаетъ десятую долю. Въ прошедшемъ году ему дошло взять тысячъ съ 16, кромѣ того столъ, услуга, погребъ, освѣщеніе, квартира, все Графское и все съ большою роскошью: какое прекрасное состояніе! За 30 тысячъ доходу его нельзя себѣ доставить нигдѣ въ Россіи. Обязанности другой онъ не несетъ, какъ посылать годовой отчетъ въ доходѣ и расходѣ. Отчетъ сей состоитъ безъ всякихъ мелочныхъ подробностей въ показаніи крупныхъ статей сбора и издержекъ. Расходы по дѣламъ въ Присутственныхъ Мѣстахъ совершенно лежатъ на его совѣсти; за тѣмъ чистый барышъ переводится въ Вѣну. Графъ Андрей Кирилловичъ такъ привыкъ ему вѣрить, что онъ ни чего болѣе не требуетъ, а все аппробуетъ. Естьли такая довѣренность дѣлаетъ

* Это была первая суконная фабрика въ нынѣшней Черниговской Губерніи, устроенная 1756 года; нынѣ, говорятъ, находится въ бездѣйствіи. О. Б.

много чести Англичанину, который черезъ 40 лѣтъ ее не употребилъ во зло и всегда больше и больше оной удостоивался, то не меньше, смѣю думать, похвально и для помѣщика-вельможи, что, испытавъ качества повѣреннаго своего, не мучитъ его мелочьми, не дрожитъ изъ копѣйки и не прѣетъ надъ расходными кипами бумагъ.

Въ Батуринѣ 4 церкви: въ лучшей изъ нихъ, каменной, похороненъ Фельдмаршалъ. * Онъ умеръ по философски и самъ назначилъ мѣсто своего погребенія. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ кончиною онъ поручилъ Англичанину, отцу нынѣшняго Управителя, вырыть ему въ церкви могилу. Болѣзнь препятствовала ему долго самому ее осмотрѣть. Онъ спросилъ иностранца: «Зробивъ

* Построена она имъ во имя Воскресенія Христова въ послѣднее время своей жизни. Да и все, что ни было тогда въ Батуринѣ хорошаго, либо создано имъ, либо же улучшено: дворецъ, садъ, паркъ, каменныя лавки, мосты, мельницы, фабрики, церкви и т. д., такъ какъ до назначенія Батурина, въ 1750 г., въ пребываніе ему, какъ Гетману, городъ этотъ лежалъ въ развалинахъ послѣ взятія его Меньшиковымъ въ 1709, коему и подаренъ былъ 1726, а потомъ считался казеннымъ. Извѣстно, что онъ основамъ Польскимъ Королемъ, Стефаномъ Баторіемъ, коего имя и носитъ (Батуринъ вмѣсто Баторинъ), и назначенъ въ пребываніе для Гетмановъ Козацкихъ на самой крайней точкѣ Польскихъ владѣній. Для той же цѣли онъ всѣми мѣрами поощрялъ Козаковъ переходить съ праваго берега Днѣпра на лѣвой и заселять оный. Имѣлось при томъ въ виду Заднѣпровскихъ Козаковъ употребить, въ случаѣ надобности, и оплотомъ противъ Московскаго Государства, начинавшаго уже время отъ времени замѣтно усиливаться, и по тому безпокоить Поляковъ. Но безпокойныя обстоятельства послѣ Баторія долго мѣшали его укрѣпленному городу быть столицей Козацкой, такъ что онъ, вмѣстѣ съ другими Южнорусскими городами, лишился много, даже сталъ частной собственностью (Пана зъ Тенчина Осолинскаго). Лишь при Гетманѣ Многогрѣшномъ Батуринъ ожилъ и сдѣлался его мѣстопребываніемъ (съ 1669 г.). Гетманъ этотъ, при переходѣ въ него, расчитывалъ, конечно, на возможность скораго пособія отъ Воеводъ Московскихъ въ Путивлѣ, Сѣвскѣ, Бѣлгородѣ и другихъ. Преемники этого Гетмана по тому же оставались въ немъ; изъ нихъ Мазепа чрезвычайно пышно зажилъ въ Батуринѣ и на славу укрѣпилъ его. Извѣстно, что Батуринъ упорно сопротивлялся Меньшикову, а по взятіи артиллерія его состояла изъ 315 пушекъ, которыя отправлены были въ Сѣвскъ. Теперь отъ прежняго Батурина немного сохранилось: середи его замѣтны еще остатки стариннаго вала и рвовъ; не въ далекѣ урочище «Городокъ,» въ коемъ былъ дворецъ Мазепы, а въ другомъ урочищѣ «Тепловкѣ»—полуразвалившійся дворецъ Разумовскаго. О. Б.

мнѣ хату?» Графъ любилъ весьма нарѣчіе своей родины и часто въ Батуринѣ мѣшалъ его въ разговоръ свой. Узнавши, что яма готова, самъ ее осмотрѣлъ и одобрилъ. Не всякой вельможа такъ равнодушно спустится въ землю!

Монументъ надъ гробомъ его хорошъ и величественъ своею простотой; сработалъ его извѣстный ваятель Мартосъ изъ мрамора. Надпись безъ всякаго витійства, и нѣтъ регистра его титуловъ; въ средней части памятника бюстъ его и въ подножіи урна подъ покровомъ. Противъ его мавзолея, на лѣвой сторонѣ, на черной доскѣ, изображенъ гербъ Фельдмаршала, со всѣми его доспѣхами. Мраморъ и работа стоили на мѣстѣ въ Петербургѣ 12 тысячъ.

ГЛАВА LXXXI.

Обѣдня въ Бутуринѣ. Дорога до Сѣвска.

Графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій, бывши Посломъ въ Вѣнѣ, имѣлъ своихъ пѣвчихъ, которыхъ, оставя службу, возвратилъ въ Батуринъ. Они учились въ Россіи у Бортнянскаго * и у превосходныхъ мастеровъ въ чужихъ земляхъ. Теперь живутъ здѣсь, и въ праздничные дни поютъ обѣдни у гроба стараго своего господина: ихъ только 12 человѣкъ. Дисканты еще слабы, недавно набраны и требуютъ навыковъ, а прочіе голоса образованы съ найлучшимъ искуствомъ. Я остался на полсутки лишняго въ Батуринѣ, чтобъ ихъ услышать. Они при мнѣ пѣли обѣдню. Подлинно, я давно не слыхалъ такой сладкой гармоніи: какіе нѣжные голоса! Какая музыка! Какое выраженіе въ лицѣ каждаго

* Дмитрія Степановича, род. въ Глуховѣ 1752 года; онъ былъ взятъ въ Придворную пѣвческую, 1768 посланъ Императрицей въ Италію, гдѣ въ Венеціи обучался у Капельмейстера Галупи, сочинилъ двѣ оперы и нѣсколько ораторій, одобренныхъ знатоками, путешествовалъ по извѣстнымъ городамъ Италіи и, возвратясь въ Россію, въ концѣ 1779, сдѣланъ былъ Композиторомъ Придворнаго хора, а Императоромъ Павломъ пожалованъ въ Регенты, послѣ былъ Директоромъ Пѣвческаго Придворнаго хора. Онъ написалъ множество концертовъ и другихъ пѣвческихъ піэсъ; умеръ Д. С. С. въ Петербургѣ 1826 г. О. Б.

изъ нихъ! Всякой не ноту только беретъ и не голосъ возвышаетъ: онъ въ это время чувствуетъ, восхищается, восторгъ одушевляетъ всѣ его черты; словомъ, вспомните время Екатерины, зимній ея Дворецъ, обѣдню тамошняго храма. Я нечувствительно былъ перенесенъ въ тотъ вѣкъ и тронутъ до глубины души.

Церковь очень хорошо отдѣлана, иконостасъ отличной работы. Старичекъ Священникъ служитъ просто и, кажется, забывается, по тому что онъ, растворя Царскія двери во время выхода съ Евангеліемъ, не затворялъ уже ихъ до самаго Причастнаго; или и служба Божія подходитъ подъ общую пословицу: «Всякъ молодецъ на свой образецъ?» Примѣчено, что Графъ Кириллъ Григорьевичъ, гдѣ у себя ни строилъ по волѣ своей церкви, вездѣ посвящалъ или Воскресенію Христову, или Захарію и Елисаветѣ: преданность похвальная къ имени той Владычицы, которая развела родъ ихъ и разсыпала на него свои щедроты! Кто не знаетъ многихъ замысловатыхъ словъ покойнаго Графа? Изъ разныхъ поступковъ его можно было замѣтить, что онъ отъ природы одаренъ возвышенными чувствами благороднаго человѣка.

Послѣ обѣдни мы остались обѣдать у Англичанина: онъ далъ намъ столъ прекрасный. Чужимъ подчивать забавно! На что тутъ мѣра, счетъ и вѣсъ? Во время стола пѣвчіе пѣли разные духовные канты, потомъ Италіянскіе и наконецъ Малороссійскія пѣсни. Симъ послѣднимъ они насъ совершенно обворожили: въ Малороссійскихъ пѣсняхъ я всегда находилъ что-то томное, унылое, что идетъ прямо до души: они запѣли меня до слезъ!

Видѣть у Графа Разумовскаго въ домѣ при немъ самомъ множество людей въ богатой ливреѣ, столъ его въ большомъ убранствѣ, слышать музыку и пѣвчихъ, пить настоящее Шампанское— немудрено; но всѣмъ этѣмъ наслаждаться безъ него, въ его деревнѣ, у прикащика иноземца, надо признаться, что не скоро повѣришь своимъ глазамъ, особливо, когда сравнишь съ изобиліемъ такого иностранца тѣсноту и бѣдность многихъ Россійскихъ Дворянъ, да какихъ?—Изувѣченныхъ! Гдѣ?—На полѣ брани. За кого?— За Отечество!!. Глядя на это, запечалишься и безъ Черкаскихъ романсовъ. Однако, оставя разсужденія, скажемъ спасибо доброму

Англичанину за то, что онъ такое учредилъ здѣсь пріятное гостепріимство.

Запоздавши въ Батуринѣ, * мы не могли далѣе доѣхать Кролевца, 44 версты. Дорога сюда пещана и безпокойна; лошади тощія, къ тому же и холодно стало; воздухъ перемѣнился, какъ будто давалъ намъ чувствовать, что мы приближаемся къ Сѣверу.

Жиды отъ самаго Кіева уже мало попадались. Когда деревья по пути разростутся, то лоскутокъ этой дороги будетъ очень хорошъ; но теперь еще голо и степно; частыя гати, мѣстами очень нехорошія, наносятъ большія непріятности. Перемѣнивъ лошадей въ селеніи, по имени Алтыновка, ** пріѣхали въ Кролевецъ къ закату солнца.

Кролевецъ—Повѣтовый городокъ, очень плохой и квартирами бѣдный. *** На ту пору Городничій былъ въ отпуску, а Ст. Ком.

---

* Батуринъ нынѣ мѣстечко, съ 1855 года съ его волостью взятъ въ казну за долги его владѣльцевъ. Въ немъ теперь до двухъ съ половиною тысячъ жителей обоего пола или 559 дворовъ, 2 годовыхъ значительныхъ ярмарки, 2 церкви, почтовая станція и контора, 3 завода (свѣчновосковый и 2 свѣчносальныхъ). О. Б.

** При колодцахъ, Козачье, въ 18 верстахъ отъ Уѣзднаго города, съ 580 дворами или 2500 душъ обоего пола, 2 церкви, приходское Училище, Волостное Правленіе, ярморокъ 3 и торги. О. Б.

*** При рѣкѣ Свиднѣ, основанъ кѣмъ-то изъ Польскихъ Королей, отъ чего и названіе свое получилъ; имѣлъ Замокъ, Магдебургію, потомъ былъ Сотеннымъ, послѣ Повѣтовымъ, нынѣ Уѣзднымъ; теперь съ 800 слишкомъ домовъ или за 4,000 жителей обоего пола, 6 церквами, Уѣзднымъ и Приходскимъ Училищами, Больницей, 3 ярмарками и еженедѣльными торгами; въ немъ много разныхъ заводовъ. Положеніе его возвышенное и покатое къ р. Свиднѣ. Изъ ярморокъ особенно замѣчательна 14-го Сентября, болѣе 200 лѣтъ существующая и считающаяся въ Малороссіи (послѣ Ильинской и Крещенской и послѣ перевода Ильинской изъ Ромна) значительнѣйшей, годъ отъ году видимо усиливающейся. Будучи послѣдней въ году изъ большихъ ярмарокъ, чрезвычайно цѣнится купцами, которые посылаютъ товары свои на нее уже послѣ Успенскаго поста, а торговля длится почти до конца Сентября (съ 10-го съѣзжаются купцы, а съ 14-го покупатели). О. Б.

Офицеръ едва умѣлъ сыскать для насъ одну какую-то горницу, въ которой мы и помѣстились коекакъ ночевать. Это безпокойство было слѣдствіемъ удовольствій нашихъ въ Батуринѣ: естьли бъ мы рано выѣхали оттуда, мы бы его миновали.

Имѣя въ предметѣ поспѣть въ одинъ день въ Сѣвскъ, 110 верстъ отъ Кролевца, мы 22 числа очень рано собрались въ путь, и никогда еще во всю дорогу я не испытывалъ такихъ безпокойствъ, какъ сегодня. Самъ на станціяхъ выгонялъ лошадей, чтобъ не потерять времени напрасно, а мало успѣвалъ въ желаемомъ. Нигдѣ почти не останавливаясь, мы не путешествовали, а скакали во весь духъ, и совсѣмъ тѣмъ прихватили два часа ночи. По моему разсчету и дорожнику, мнѣ необходимо было поспѣть въ Сѣвскъ, и отъ этой суеты я многихъ мѣстъ по пути хорошихъ не разглядѣлъ порядочно: ночь была темна; подъѣзжая къ городу, или шелъ пѣшкомъ, или ѣхалъ шагомъ.

Обѣдъ насъ на часокъ задержалъ въ Глуховѣ. Я досадовалъ и жалѣлъ вмѣстѣ, что не могъ побыть тутъ нѣсколько подолѣе и высмотрѣть городъ; онъ съ наружнаго виду показался мнѣ хорошъ, домовъ и церквей примѣтилъ я довольно: одна, съ куполомъ и колоннадой, за заставой мнѣ очень полюбилась. Мы лошадей дожидались въ трактирѣ и насилу ихъ добились. * Тѣмъ

* Глуховъ находится при рѣчкахъ Есмани и Березѣ, на скатахъ пологихъ береговъ ихъ; онъ одинъ изъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ городовъ Сѣверы, по крайней мѣрѣ упоминается уже въ половинѣ XII-го столѣтія; во время нашествія Татаръ Глуховъ одинъ только, говорятъ, остался неприкосновеннымъ; въ 1663 г. выдержалъ осаду Поляковъ почти двухмѣсячную; въ 1708 сдѣлался пребываніемъ Гетьмана Скоропадскаго, по смерти коего учреждена въ немъ Малороссійская Коллегія, помѣщавшаяся въ обширномъ въ 3 жилья домѣ съ 250 комнатами: въ 1836 уцѣлѣвшее отъ нея разобрано на постройку Присутственныхъ Мѣстъ; съ 1782 году Уѣздный Новгородъ-Сѣверскаго Намѣстничества, потомъ Черниговской Губерніи. Теперь въ Глуховѣ 11 церквей, Еврейскихъ молеленъ 2, Уѣздное и Приходское Училища, Богадѣльня и Больница, много хорошихъ домовъ и каменныхъ лавокъ; есть улицы, вымощенныя камнемъ; отъ старины остатокъ вала и каменныя крѣпостныя ворота; домовъ больше тысячи почти съ 12 тысячнымъ населеніемъ обоего пола. Онъ весьма промышленный городъ, особенно хлѣбомъ и сахаромъ, и по тому считается по капиталамъ первымъ въ Губерніи; имѣетъ общественный Банкъ, лавокъ за 200, большею частію каменныхъ, ярмарокъ 4, торгъ 2 раза въ недѣлю, фабрикъ и заводовъ много, раздѣляется на 4 квартала. О. Б.

временемъ зашелъ къ намъ одинъ монахъ изъ монастыря, въ 20 верстахъ отъ Глухова находящагося, * слоняется по городу и таскаетъ связку сухихъ грибовъ. Поговоря съ нимъ, я узналъ, къ крайнему моему удивленію, что онъ Владимирскій мужикъ, отпущенный изъ деревни Плесецъ ** въ монашество. Сколько тунеядцевъ по монастырямъ! Что онъ тутъ дѣлаетъ? Не лучше ли бы ему пахать землю, платить подать и окружить себя семействомъ? А въ монастырѣ онъ тянетъ брагу, лѣнится, или въ ясный день сбираетъ березовые грибы въ рощѣ и ходитъ въ Глуховъ и промѣниваетъ ихъ на чарку горѣлки.

Отдаленность монастыря отъ города помѣшала мнѣ видѣться съ однимъ знакомымъ мнѣ Архимандритомъ, отцомъ Филаретомъ, который, будучи здѣшній уроженецъ, избралъ его по отставкѣ въ жилище себѣ. Онъ на родинѣ, ему прекрасно; я чаю, для него Глуховъ лучше всѣхъ столицъ обширнаго міра. Я тамошнему бродягѣ поручилъ отправить ему отъ меня поклонъ; естьли онъ его не исправилъ и естьли путешествіе мое попадется въ руки чернорizца Филарета, то пусть онъ видитъ, что я его не забылъ, и что со мною заочные мои знакомые ни чего не теряютъ.

До Глухова все еще кряжъ земли песчаный, но дорога хороша. Черниговская Губернія вся въ проспектахъ: многія деревья разрослись. Видно, что этотъ предметъ занимаетъ Правительство. Со временемъ, когда ветлы дадутъ тѣнь, похвалятъ и тѣхъ, кои занимались насажденіемъ ихъ, а теперь еще бранятъ и бранить долго будутъ, по тому, что ни кто труда не любитъ, а безъ труда ни чего сдѣлать нельзя полезнаго.

---

* Нынѣ въ 24 верстахъ отъ Глухова, на правомъ возвышенномъ берегу рѣки Клевени, посреди густаго дубоваго лѣса. Обитель во имя Св. Верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, основанная около 1230 г.; съ 1744 Архимандрія вмѣсто Игуменства. Въ 3-хъ верстахъ отъ монастыря скитъ, въ которомъ Св. Димитрій Ростовскій писалъ «Житія Святыхъ.» О. Б.

** Нынѣ погостъ при р. Уводи Ковровскаго Уѣзда, въ 7 верстахъ отъ Коврова, съ 8 дворами, 40 душами обоего пола и церковью. О. Б.

ГЛАВА LXXXII.

Сѣвскъ.

И такъ простились мы съ Малороссіей и въѣхали въ Орловскую Губернію. Появились рощи, а съ ними вмѣстѣ и бѣдное жилье, называемое курни. Далеко позади насъ остались мазанки и бѣлыя хаты, въ коихъ чистота красила убожество; зачалъ подувать и сѣверный вѣтерокъ: полно легко одѣваться. Учтивый Городничій Сѣвскій позволилъ намъ пристать въ своихъ покояхъ. Онъ самъ живетъ въ огромномъ каменномъ корпусѣ Присутственныхъ Мѣстъ, и занимаетъ комнаты большія съ зеркалами, паникадилами и всякими прихотливыми убранствами. Жалованья ему только 300 рублей. Чудеса! На дрова и на свѣчи, конечно, мало. Догадку къ сторонѣ: спасибо доброхотному хозяину! Естьли бъ онъ насъ ввелъ и къ ключнику своему въ избу, я бы и той обрадовался, по тому что ночью нѣтъ для меня ни чего хуже коляски: я изъ нея радъ всюду выскочить.

Сѣвскъ имѣетъ мѣстами хорошіе виды, на пр., съ старой крѣпости, или обрытаго землянаго валу, гдѣ еще бомбы и пушки какія-то разметаны, когда въ одну точку зрѣнія соберешь стеченіе двухъ рѣкъ, Сѣва (по ней и городу имя дано) и Морицы; на нихъ плотина и мельница въ самомъ сельскомъ расположеніи; за ней, въ одну сторону, Архіерейскій домъ, Семинарія и монастырь, съ другой часть города, называемая Замориццкая: когда на это вдругъ взглянешь съ верху, получишь пріятную картину. Впрочемъ, хоть городъ вообще, собравъ всѣ его части, и довольно великъ, но виды его не прекрасны, особливо Морица можетъ справедливѣе названа быть болотомъ, нежели рѣкой. *

Орловскій Архіерей имѣетъ здѣсь свой домъ верстахъ въ двухъ отъ города, и живетъ въ немъ постоянно; тутъ же помѣщается Семинарія въ двухъ деревянныхъ флигеляхъ; для нея строится каменный домъ. Все пусто: ученики гуляютъ, а Богословія пылится въ шкапахъ. Я заходилъ къ Преосвященному съ визитомъ и побесѣдовалъ съ нимъ; я зналъ его прежде. Онъ мнѣ показался человѣкомъ умнымъ, просвѣщеннымъ, любитъ Словесность и много читаетъ; обхожденіе его ни чѣмъ не разнитъ отъ вѣжливости людей свѣтскихъ; онъ монахъ, но монахъ опрятный, вѣжливый, благоразумный. Но поелику я съ одинакой откровенностію сообщаю читателю худое и доброе, по мѣрѣ, какъ что тѣмъ, или другимъ, мнѣ въ пути покажется, то со всей похвалой, какой я обязанъ Епископу Сѣвскому, за его ласку и пріязнь, не могу не признаться, что я удивился построенному трудами его собору въ городѣ.

Храмъ прекрасный, обширный, сообразный лучшимъ рисункамъ новѣйшей Архитектуры; входъ въ него величественъ; первый взглядъ плѣняетъ; нигдѣ нѣтъ пестроты, вездѣ видѣнъ вкусъ, разборчивость; стѣны расписаны подъ мраморъ; иконостасъ окруженъ колоннами; на верхнемъ ярусѣ во всю церковь хоры: они окружаютъ и алтарь; слѣдовательно, безпрепятственно на служеніе пастыря у престола женской полъ глядѣть можетъ, когда хочетъ, обходя хоры кругомъ. Но чего я простить не могу, то живопись алтарную: на всѣхъ стѣнахъ и даже на мѣстныхъ иконахъ внутрь алтаря увидите вы зелень, деревья, сельскіе виды, садовыя картины, словомъ: престолъ жертвы безкровной въ здѣшнемъ Успенскомъ соборѣ поставленъ въ храмѣ натуры—это боскетъ. Можно для вкуса подражать иногда свѣту, вводить его и въ церковныя зданія, но до нѣкоторой степени: все имѣетъ свое приличіе и мѣру; крайности во всякомъ родѣ досаждаютъ. Можетъ быть новость меня поразила: я нигдѣ еще такихъ затѣй въ церквахъ не видалъ. Мнѣ пришли на мысль Дамаскины, Златоусты. Ахъ! естьли бы они увидѣли нашу бѣдную Вѣру и ея богатыя жертвы!

Мы заѣхали въ женской монастырь: * онъ очень также хорошъ и богатъ. Въ немъ все золото и стекло; гдѣ нѣтъ перваго,

* Собственно Сѣвскъ на лѣвомъ высокомъ берегу рѣки Сѣва, при впаденіи въ нее Морицы, отъ чего городъ распался на двѣ части: на Городскую (Сѣвскую) и Заморицкую. Древность Сѣвска не далѣе XVI-го столѣтія. Прежде въ немъ до новѣйшаго времени пребывали Архіереи, называвшіеся Сѣвскими и Брянскими, какъ Викаріи Московской Митрополіи, а съ 1788 Орловскими и Сѣвскими. О. Б.

* Троицкій 3-го класса, на большой Московской дорогѣ, близъ землянаго вала, построенъ въ концѣ XVII-го столѣтія. О. Б.

тамъ окошко, а гдѣ стѣна, тамъ позолота! Храмъ отъ этого очень свѣтелъ и торжественный видъ имѣетъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ спущено до 6-ти паникадилъ хрустальныхъ: солнце отражаетъ въ нихъ свои лучи, камушки даютъ повсюду блескъ, и игра отъ нихъ чрезвычайно веселитъ взоръ. Чистота самая строгая въ церкви, и это болѣе всего домъ Божій украшаетъ. Игуменья, женщина простая, позвала насъ къ себѣ въ келью; мы застали у нея сестру родную Генерала Вязмитинова, Маргариту: она 20-ть лѣтъ тутъ монахиней и еще не очень стара. Портретъ Досиѳея * поставленъ въ церкви надъ мѣстомъ Игуменьи. Такъ и должно: это значитъ, что пастырь всегда въ храмѣ на сестръ своихъ о Христѣ назираетъ и, какъ добрый стражъ, блюдетъ стадо Господне.

Переночевавъ въ Сѣвскѣ и по милости Г. Городничаго отобѣдавши у него, часовъ въ 12 мы поѣхали далѣе, и прибыли 23 числа въ Дмитріевскъ: это 63 версты отъ Сѣвска. Съ нами хорошій былъ запасъ тамошнихъ вишенъ и сливъ. Дорога хороша; ни что не мѣшаетъ ѣхать скоро, разумѣя, когда напередъ заготовлены лошади. Эта предосторожнпость почти вездѣ необходима; безъ того или пойдешь пѣшкомъ, хотя бы кучу имѣлъ подорожныхъ въ карманѣ за всѣми знатѣйшими подписаньями въ Государствѣ, или простоишь на одномъ мѣстѣ до послѣдняго издыханія, а Смотрителя почтоваго ни одного не учтешь, не уговоришь. Деньги, деньги, деньги: вотъ, господа путешествующіе, ключъ во всѣ двери и надежнѣйшая подорожная!

Мы переѣхали сегодня очень длинный просѣкъ, который ведетъ въ имѣніе Князя Н. П. Голицына. Знаменитая вотчина! Здѣсь не во время пошевелились крестьяне. Фельдмаршалъ Князь Р., посѣдѣвшій въ подвигахъ военныхъ, пріѣзжалъ стращать пушками: далъ два, три залпа—мужики стали валиться; увидѣли, что не шутятъ—бѣжать домой; спрятались и покорились. Кого ядра не урезонятъ? Аргументъ превосходный!

* Досиѳей Ильинъ, изъ Викаріевъ Новгородскихъ, 1798 г., Октября 26, переведенъ былъ на каѳедру Орловскую и Сѣвскую. О. Б.

Солнце садилось, какъ мы вышли изъ коляски на ночлегъ: оно вездѣ мило, вездѣ прекрасно, но въ дорогѣ особливо на него глядишь, какъ на Божество, покровительствующее тебѣ: не хочется потерять ни одной искры его лучей.

ГЛАВА LXXXIII.

Дмитріевскъ. Домъ Безбородька. Кромы.

Городъ Уѣздный Дмитріевскъ, въ которомъ мы остановились, не великъ, но довольно хорошо расположенъ. Въ немъ строятся каменный Соборъ и корпусъ Присутственныхъ Мѣстъ. Около города было нѣкогда все имѣніе Кантемира, но казна взяла послѣ него до 13 тысячъ душъ въ свое вѣдомство, и Императоръ Павелъ пожаловалъ ихъ всѣ Свѣтлѣйшему Князю Безбородьку. * Нынѣ они по наслѣдству дошли къ брату его, Графу, а сей изъ Кіева снабдилъ меня приказомъ къ здѣшнему своему Управителю, у котораго я ожидалъ найти квартиру самую простую; но сколько удивленъ я былъ, войдя въ домъ Графской, который стоилъ ему до 100 тысячь!

Онъ расположенъ великолѣпнѣйшимъ образомъ: нижній этажъ каменный, а верхній деревянный; по обѣ стороны колоннада съ крыльцами; на концахъ ея два флигеля: одинъ для гостей, другой для первыхъ надобностей дома, т. е., для поварни; на боковыхъ апоронахъ еще два большіе флигеля, и отъ нихъ, противъ дома, полукружіемъ смыкается заборъ съ красивыми въ срединѣ воротами. Внутри домъ прибранъ просто, но со вкусомъ: всѣ комнаты

* Въ старину городъ этотъ принадлежагъ къ Украйнѣ; въ немъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, было и Управленіе Комарицкихъ Государевыхъ волостей; въ смутное время держалъ сторону Самозванца, и по тому былъ послѣ разоренъ совершенно; въ послѣдствіи, по пожалованіи Петромъ I-мъ его округи бывшему Молдавскому Господарю, Дмитрію Кантемиру, за его Молдавское Господарство (вмѣстѣ съ

расписаны, всѣ окошки убраны самыми лучшими ситцами, эстампы отборные, паникадилы новыхъ рисунковъ, зеркала чистой самой воды и дорогой мѣры; словомъ, домъ такой вездѣ бы былъ прекраснымъ, въ Дмитріевскѣ это Дворецъ.

Садъ великъ, но не убранъ и разбитъ не по Англійски; дороги всѣ правильно проведены и очень узки, а отъ того и темны; между ими въ квадратныхъ густотахъ насажены плодовитыя деревья, около сада обводится каменная высокая ограда, которая станетъ дорого, по тому что садъ занимаетъ 10 десятинъ земли: изрядное поле для хлѣбопашества! Но что можетъ разстроить такое имѣніе, какъ Графское? Для него сотни тысячъ меньше, чѣмъ рубль для многихъ тысячъ Дворянъ, его братьи. Счастье есть что-то такое, что мы никогда не поймемъ и чему завидовать не перестанемъ. Я знаю, что Философы насъ учатъ находить его въ умѣренности. Какъ имъ угодно, но я пристану къ Вольтеру и скажу вмѣстѣ съ нимъ, что для счастья излишество иногда очень необходимо.

Это завело меня въ глубокія размышленія. Въ большой залѣ дома поставленъ на колоннѣ бронзовый бюстъ Павла I. Долго я на него глядѣлъ, ходилъ шибко по комнатѣ, вспомнилъ ту эпоху жизни моей, въ которую, безъ поврежденія ума, могъ я думать, участвуя въ его забавахъ, что со временемъ и у меня, по милости его, будутъ залы. Остановясь на сихъ впечатлѣніяхъ, я далъ свободу мыслямъ своимъ и, забывъ на минуту все преимущество роскоши и богатства, сказалъ неодушевленному кумиру:

Ты дать мнѣ не судилъ ни вотчинъ, ни мильона,
И только лишь одну мнѣ душу подарилъ,
Но душу ту самъ Богъ въ Евгенію вложилъ,
И ею жребій мой возвысилъ выше трона.

другими помѣстьями), это мѣсто было возобновлено Господаремъ, заселено Малороссіянами и Молдаванами и названо по его имени Дмитровкой, а въ 1788 г., съ обращеніемъ въ Уѣздный, Дмитріевскомъ (вмѣсто города Лугани). О. Б.

Вѣрьте, что я ихъ не сочинялъ: душа мгновенно ихъ въ уста мои вложила.

Графскимъ имѣніемъ управляетъ отставной Офицеръ, которому онъ даетъ жалованья три тысячи рублей; разумѣется, что, сверхъ того, онъ пользуется всякимъ домашнимъ довольствомъ. Онъ насъ принялъ отмѣнно вѣжливо, отворилъ намъ весь домъ, далъ намъ ужинъ и унялъ назавтра отобѣдать. Угощеніе было не пышное, но безъ недостатка; мы за столомъ выпили за здоровье Графа Ильи Андреевича хорошимъ Горскимъ виномъ, и съ признательностію оставили Орловскія его помѣстья. Говорятъ, что здѣсь нуждаются очень проѣзжіе лошадьми, иногда сутки двое ждутъ ихъ, протверживаютъ наизустъ свои подорожныя и насилу добьются, что ихъ отпустятъ. Причина очевидна: лошадей на станціи въ городѣ держатъ мало, обывательскихъ нельзя нарядить иныхъ, какъ съ деревень Безбородька. Маломощный Дворянинъ въ другомъ мѣстѣ поспоритъ, пошумитъ, но уймется и пару свою вышлетъ, чтобы избавиться хлопотъ и не прослыть невѣжей; а знатный баринъ, каковъ Графъ, выше всѣхъ обыкновенныхъ принужденій, усилія земской полиціи раздѣляются около его и расходятся, какъ облака подъ скалами высокихъ горъ. И такъ безъ снисходительнаго Графскаго приказа невыгодно ѣздить на Дмитріевскъ по почтѣ.

Отправясь нерано отсюда, проѣхали мы 50 верстъ и почевали въ Кромахъ, городѣ Орловской Губерніи. Дорога нехороша, вся въ клеяхъ и неровная. Въ деревнѣ Чувардинѣ, гдѣ приходится по тракту мѣнять лошадей, нашли мы самаго помѣщика, Г. Шипова. Пріятное пристанище для людей утомленныхъ отъ жару и пыли! Хозяинъ привѣтливъ и держится стариннаго гостепріимства, хотя, по молодости лѣтъ своихъ питомецъ новѣйшаго времени. Онъ встрѣтилъ насъ, пригласилъ къ себѣ, потчивалъ чаемъ, плодами и конфектами. Домъ у него маленькой, но уютенъ и пригожъ: собственные ремесленники украсили его лѣпной работой и снабдили модною мебелью. Онъ, вѣрно, любитъ музыку, по тому что у него я видѣлъ фортепіано и разные струнные инструменты; думать надобно, что онъ отъ заботъ хозяйства сельскаго умѣетъ находить пріятныя отдохновенія, и что онъ не далеко отъ себя

ихъ ищетъ. У него строятся большія 4 связи для суконной фабрики на 15 登становъ.

Мѣстоположеніе дома выгодное и для глазъ пріятно. Домъ поставленъ на высотѣ и обстроенъ весь со вкусомъ. Не знаю, дѣлитъ ли кто съ нимъ уединеніе: мы, кромѣ его, ни кого тутъ не застали и не видали. Ему казалось пріятнымъ наше посѣщеніе; онъ унималъ насъ ночевать у себя, но мы чѣмъ ближе подвигались къ Москвѣ, тѣмъ больше спѣшили до нея доѣхать, а сверхъ того не всякое привѣтствіе можно принимать за чистыя деньги: они въ общежитіи то, что банковыя ассигнаціи въ монетѣ—всегда есть лажъ.

Что сказать о Кромахъ? Городъ Уѣздный, ни чего не значущій. Два каменные корпуса показываютъ въ развалинахъ своихъ Присутственныя Мѣста и составляютъ все великолѣпіе города. * Квартира у насъ была изрядная. Переночевавши, мы отправились въ Орелъ, и доѣхали къ обѣду, не смотря на большую остановку въ лошадяхъ на станціи Кнубри: на силу добились ихъ и почти отъемомъ брали у хозяевъ со дворовъ; счетъ почтовыхъ лошадей здѣсь оченъ ограниченъ: только по десяти на перемѣнѣ, а разгонъ превеликой. Совѣтую всѣмъ путешествующимъ противъ сего неудобства брать всякія мѣры, а въ жаркое время ни что такъ не смягчитъ досады дѣятельнаго вояжера, какъ прогулка въ березовой рощѣ, которая послѣ степей покажется сокровищемъ; подлѣ нея, близъ мельницы, есть родникъ самой свѣжей и прозрачной воды: я ее пилъ, окачивался ею и съ удовольствіемъ вспомнилъ Кандыбинской фонтанъ.

---

* При рѣчкахъ Кромѣ (впадающей въ 10 верстахъ въ Оку) и Неднѣ, сливающейся съ первой въ самомъ городѣ. Упоминается уже въ половинѣ XII столѣтія, а укрѣпленъ въ концѣ XVI или началѣ XVII-го столѣтія. О. Б.

ГЛАВА LXXXIV.

Орелъ и Болховъ. Деревня Княгини Урусовой.

Подъѣзжая къ Орлу, я вспомнилъ услугу здѣшняго Г. Полицеймейстера, по милости котораго мы такой худой ночлегъ имѣли въ Хотѣтовѣ, и сбирался ему попенять. Но его не было въ городѣ, и мы, чаятельно, никогда уже другъ съ другомъ не сойдемся. Остановились мы въ трактирѣ, который зовутъ Итальянскимъ, хотя нѣтъ ни макароновъ, ни шеколаду, ни мороженаго. По чему жъ Итальянской?—Простой Орловской постоялый дворъ; плата вездѣ и за все дорога.

Орелъ—городъ большой, но не отвѣчаетъ пышному своему имени. Онъ мнѣ совсѣмъ не показался хорошимъ: въ немъ множество настроено мучныхъ лавокъ, по причинѣ знатнаго торга хлѣбомъ. Ока здѣсь очень мелка, бѣдна водою и ни чего не значуща. Нигдѣ не было за мной такого присмотра, какъ здѣсь, и не знаю, для чего, но полицейскіе Офицеры меня не покидали; я не могъ приписать этого особливой ихъ вѣжливости, по тому что они, по Русской пословицѣ судя: «Каковъ Попъ, таковъ и приходъ,» были бы въ большой противоположности съ своимъ начальникомъ. Сколько я ни старался съ нимъ ознакомиться, ни какъ не успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Мы обмѣнялись карточками, другъ у друга были, другъ друга не застали. И въ Петербургѣ застаютъ вельможу иногда дома, а въ Орлѣ, гдѣ разсѣяній и забавъ, кажется, меньше, Г-на Губернатора трудно въ глаза увидѣть.

Заведенія здѣшняго Приказа Общественнаго Призрѣнія не заслуживаютъ ни какого вниманія. Они расположены въ старомъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Г. Мацневу, и дѣлятся на общія и обыкновенныя части: безумный домъ, больницу и покои для инвалидовъ. Все это нечисто, тѣсно и неопрятно. Около того же дома садъ для публичныхъ лѣтнихъ гуляньевъ, который также никуда негодится. Естьли бъ онъ опредѣленъ былъ для прогулки хворыхъ, можно бы его назвать хорошимъ; двѣ, три куртины есть, чего для нихъ и больше? Но для собранія цѣлаго общества на него и глядѣть жалко. Алгвазилы,

кои насъ провожали, хвастали, какъ рѣдкостью, колодцемъ, ледникомъ и поварней. Кто въ хорошемъ саду любуется на погребъ, очагъ и колодязь? Тутъ другіе предметы должны привораживать зрѣніе; домикъ для увеселенія при огнѣ, когда вечеръ сгонитъ всѣхъ въ комнату, отвѣчаетъ и наружностью своей и внутреннимъ убранствомъ всему прочему—жалкая храмина: для Орла! Въ степяхъ гулянье пышнѣе и опрятнѣе.

Для сукна поставлено два стана. Приказъ тратитъ деньги, сукно точится сквозное, и отъ этой вѣтви промышленности большихъ плодовъ ожидать трудно. Неволя дерево это посадила, а хозяйственный умъ и разсчетъ скоро его вырвутъ съ корнемъ.

Гимназія бѣдна книгами и машинами, и вообще не заслуживаетъ поставлена быть въ виду путешественника, какъ предметъ примѣчанія достойный. Директоръ ея, человѣкъ очень вѣжливый, посѣтилъ меня: мы долго говорили объ учености, о пользѣ частныхъ заведеній въ городахъ Губернскихъ; онъ очень вступился за свою Гимназію, оправдывалъ жарко ея недостатками, но отъ того она все не лучше.

Нигдѣ нѣтъ такого затрудненія достать лошадей, какъ здѣсь: со всѣми предосторожностями, какія принялъ я къ избѣжанію безпокойства, но нигдѣ такого не вытерпѣлъ несноснаго, какъ въ Орлѣ. Вотще предварилъ Г. Губернатора изъ Кіева еще о моемъ возвратномъ пути: ни какія убѣжденія не сильны; учтивость одна и простая благосклонность къ проѣзжему суть безполезныя средства; надобенъ страхъ и гроза. Такъ какъ я ни того, ни другого не имѣлъ, то я мучительнымъ задержкамъ былъ подверженъ: лошадей вездѣ мало, а снаровки нѣтъ вовся; почтовые Смотрители дѣлаютъ, что хотятъ: жмутъ, тѣснятъ и ни кого не слушаютъ.

Пробывши одни только сутки въ Орлѣ, я бы не сообразилъ съ скукой, естьли бы на помощь мнѣ, къ облегченію ея, не подоспѣли письма изъ Москвы отъ 15, изъ Володиміра отъ 8 числъ. Прочтя ихъ, я успокоился, а перечитывая, находилъ безпримѣрное удовольствіе, а особливо, когда чувствовалъ, что всѣ тѣ, кои ко мнѣ писали, черезъ недѣлю будутъ говорить со мною, и я ихъ услышу. Жаль, что нельзя было привязать крыльевъ, а коляска

на почтовыхъ въ Орловской Губерніи не скорѣе бѣжитъ черепокожной твари.

Товарищъ нашъ, Г. Ш., отлучился въ деревню къ знакомымъ, а мы съ женой, чтобъ не потерять напрасно ни часу времени (ибо у меня и минуты были разочтены), оставили прочихъ товарищей своихъ въ Орлѣ и поѣхали въ Болховъ. Тамъ живетъ сестра моя двоюродная, Княгиня Урусова: ей хотѣлось съ нами видѣться, я не могъ ей въ томъ отказать; и такъ, уговорясь съ нашими, чтобъ они, дождавшись Г. Ш., настигали насъ въ Болховѣ, взяли только 6 лошадей въ коляскѣ, и самъ другъ, 26 числа, ускакали ни мало не жалѣя объ Орлѣ.

Отъ него до Болхова верстъ 50. Къ Орлу дорога вся въ горахъ и тяжела, а сюда ровна, и было бы только на чемъ, а то можно скоро ѣхать. Отъѣхавши 30 верстъ, мы перемѣнили на станціи свою шестерку, предупредили, что на завтра будутъ еще за нами экипажи, и отправились далѣе, но напередъ вспомнили, что съ нами отпущено было коечто поѣсть, и расположились позавтракать въ лѣску, сидя на травѣ, подъ тѣнью густыхъ березъ. На что столъ, приборы и прочія затѣи? Аппетитъ научитъ услужить себѣ безъ большихъ вымысловъ и въ рощѣ.

Болховъ—Уѣздный городъ Орловской Губерніи, обширенъ и хорошо расположенъ; онъ стоитъ на горѣ, и отъ того видъ его издали очень хорошъ, по тому что вдругъ открываются какъ бы въ кучѣ два монастыря и до 20 приходскихъ церквей. * Сестра насъ тутъ уже дожидалась и, посадя въ свою карету, увезла къ себѣ въ деревню верстъ 5 отъ города. Тамъ, съ милой простотой, угостила она насъ совершенно по деревенски; она тутъ живетъ въ строгомъ уединеніи. Я весь день занятъ былъ перепиской моей въ Москву и далѣе, на свѣжія письма отвѣчалъ живыми впечатлѣніями; это меня очень заняло, а, сверхъ того, будучи у

* Онъ былъ когда-то Удѣльнымъ Княжествомъ; лежитъ по лѣвую сторону рѣки Нугры, впадающей за 17 верстъ въ Оку, также при рѣчкахъ Клечетнѣ и Болховкѣ. Изъ монастырей женскій Рожественскій въ городѣ, а мужской Оптинь за городомъ, на берегу Нугры; оба заштатные. О. Б.

родни, съ которой росли въ одно время, много старинки занимательной вспомнилъ, видѣлъ предметы, напоминающіе мою молодость: когда не весело объ ней вспомнить и говорить! Ржевскаго портретъ, отца ея, привелъ мнѣ на мысль старыя наши театральныя игры; то она мнѣ, то я ей разсказывали взаимно давнишнія приключенія и въ запуски смѣялись. Старики наши померли, а мы вступили въ ихъ мѣста и состарѣлись. Но что въ молодости подѣйствовало на душевные органы, то останется навсегда врѣзано въ памяти. Такъ, на примѣръ, я никогда не забуду остроты Ржевскаго и Толстаго; умъ и бесѣда ихъ были свойства превосходнаго, по сравненію со многими ихъ современниками, и сравненію не моему только, но людей, способныхъ судить объ умахъ человѣческихъ и отличить изрядное отъ прекраснаго. Нынче и умъ будто въ широкомъ капотѣ у всякаго; не скоро его отыщешь.

ГЛАВА LXXXV.

Двое сутки у сестры. Пріѣздъ и пребываніе въ Бѣлевѣ.

Въ ожиданіи товарищей нашихъ мы очень спокойно время проводили до вечера; но когда стало темнѣть и по расчету нашему пора приходила имъ съ нами съѣхаться, то мы помаленьку начали приходить въ безпокойство, что ни кто изъ нашихъ не ѣдетъ. Не прежде глухой полночи пріхали повозки съ необходимой услугой. Люди наши сказывали, что каретѣ съ послѣдней станціи тронуться не чѣмъ, по тому что у нихъ праздникъ, народъ пьянъ; передоваго, изъ города, посланнаго съ приказомъ, ни кто не слушаетъ: ни лошадей, ни толку добиться нельзя. Я шумѣлъ, сердился, но досадой ни чему не поможешь. Сестра, будучи меня разсудительнѣе, послала по деревнямъ собирать своихъ лошадей, чтобъ ихъ оттуда выручить, а между тѣмъ мы провели худую и самую безпокойную ночь.

Не думаете ли вы, что, проснувшись по утру, мы ускокоились, собравши нашихъ расточенныхъ товарищей? Совсѣмъ нѣтъ: цѣлый день еще мы ихъ ждали, и въ самомъ жалкомъ положеніи явились они наконецъ къ намъ подъ вечеръ, изнурясь голо-

домъ и холодомъ, по тому что сильный отъ Орла подулъ холодный вѣтеръ и началась осенняя непогода; дождь ведромъ, какъ сквозь сито, изъ темныхъ облаковъ пустился. Отъ этой суматохи мы потеряли цѣлый день въ дорожномъ счетѣ и пріобрѣли опытъ тѣхъ непріятностей, какія на пути встрѣчаться могутъ. Естьли бъ сидя на мѣстѣ всякой зналъ, что они неизбѣжны и не надѣялся ихъ отвратить, то бы ни кто и въ Римъ не поѣхалъ смотрѣть драгоцѣнныхъ рытвинъ городовъ погибшихъ.

Сколько ни былъ я радъ, увидѣвшись съ родней и признателенъ къ ея ласкѣ, но поѣхавши изъ деревни, сказалъ: «Слава Богу!» Нѣтъ, я не могу жить въ уединеніи, природа не приготовила меня къ тихимъ удовольствіямъ пустыни; вѣрю, что онѣ плѣнительны; что лугъ, роща, вода, хозяйство домашнее, все это очень пріятно занимаетъ многихъ, но ощущать самъ того не способенъ. Какъ все ходить за грибами, все ловить пискарей на уду! Все смотрѣть, какъ гонятъ стадо или въ поле, или въ деревню! Все тянуть для забавы круглые хороводы сонныхъ нашихъ крестьянокъ, которыя, часа два на одномъ мѣстѣ стоя, съ ноги на ногу переваливаются! Для меня это походило бы на ссылку. Нѣсколько часовъ въ сутки гдѣ бы то ни было остаться самому съ собою, отдаться въ свободѣ своимъ мечтамъ, творить около себя новый міръ, по своему произволу, это не только весело, даже, смѣю сказать, для поддержанія душевной жизни, необходимо; но всегда быть одному, или, что, по мнѣнію моему, все тоже, съ людьми, которые меня не понимаютъ, не разумѣютъ, не чувствуютъ, и эдакъ жить всегда, всегда: нѣтъ цѣны, за которую бы я согласился кого ни будь этѣмъ потѣшить!

Въ такомъ размышленіи доѣхалъ я до другой деревни, гдѣ жила тетка родная жены моей, Г-жа Бунина. Ей было лѣтъ 80 слишкомъ и, по виду ея судя, нельзя было еще думать, чтобъ ей оставалось меньше года жить послѣ нашего свиданія. Она очень намъ обрадовалась. Съ ней дѣлятъ время двѣ внуки ея, дѣвицы Юшковы, воспитанныя съ большимъ тщаніемъ, знающія иностранные языки, умѣющія рисовать и заниматься музыкой. Словесность имъ пріятна: онѣ читаютъ все, что выходитъ новаго. Я тутъ нашелъ изрядное собраніе книгъ, и мы цѣлые сутки съ

ними провели препріятно, забывая, что мы въ деревнѣ; но только одни сутки: я оговорился, чтобъ меня не укорили въ противорѣчіи съ самимъ собой.

Дорога сюда отъ Болхова лежитъ по горамъ. Въ сторонахъ прекрасные виды, и много помѣщичьихъ селъ съ домами. Деревня тетушкина отъ Бѣлева только двѣ версты. Домъ большой старинный, разумѣется, съ залами, аванзалами. Въ нихъ портреты древнихъ праотцовъ фамильныхъ, въ латахъ и съ доспѣхами, ведутъ мысль за многія столѣтія назадъ. Краски уже стерлись, золото съ рамъ слетѣло, но воображеніе наполнено именами ихъ и славой. Широкой балконъ, почти въ просторную комнату, съ котораго сойти въ хорошую погоду не хочется. Съ него виденъ весь городъ Бѣлевъ; онъ открытъ, какъ на блюдѣ, и стоитъ на горѣ; Ока плещетъ въ него волнами; разбросанныя 20 церквей между хорошими домами придаютъ совершенству картины. *

Въ Августѣ да и въ концѣ ловить надобно ясныя минуты на воздухѣ. Жаль, что погода была холодна, хотя утихъ утренній несносный вѣтеръ, но все еще было свѣжо. Однако, не смотря на то, мы съ барышнями пошли гулять по селу и окрестностямъ: много нашли пригожихъ мѣстоположеній, хорошія высоты, тѣнистыя рощи. Звукъ Бѣлевскихъ колоколовъ доходилъ въ уши наши на зарѣ и пріятную составлялъ вдали гармонію: рѣдки такія прогулки; я заглѣдѣлся на прекрасную долину. Одна изъ молодыхъ хозяекъ, которой она особенно нравится, потребовала тутъ отъ меня стиховъ. Долго ли дѣлать ихъ, когда воображеніе воспламеняется самой природой? Мѣсячная ночь удвоила восторгъ, и онъ произвелъ ихъ въ минуту.

Какъ бы убить осенній вечеръ? Онъ такъ длиненъ. Этотъ вопросъ и въ городѣ часто слышенъ: что жь въ деревнѣ? Право я не видалъ, какъ онъ у нихъ прошелъ. Поминутно читали разные стихи, разсуждали объ нихъ по своему и кто какъ умѣлъ, критиковали, или плѣнялись. Между прочими бумагами попался мнѣ

* Нынѣ Православныхъ 16, Единовѣрческая 1, монастырь. О. Б.

тотъ номеръ «Вѣстника Европы,» въ которомъ выписаны были лучшія мѣста изъ проповѣди Левандовой на кончину Кіевскаго Губернатора, Г. Панкратьева. * Какъ сладко смягчалъ онъ горесть плачущихъ надъ его гробомъ! Какъ убѣдительно увѣщевалъ сѣтующихъ объ немъ! Я не могъ читать его безъ слезъ: онѣ невольно брызнули. Скоро послѣ того поднялся и смѣхъ: всякой изъ насъ читалъ свой отрывокъ: иному нравилось веселое, иному унылое; впечатлѣнія скоропостижно мѣнялись и слѣдовали одно другому безпрерывно. И такъ безъ всякаго шума и трескотни мы провели день весело, и въ заключеніе нашей бесѣды я прочелъ и подарилъ милой А. П. ** слѣдующіе стихи, ею, конечно, ею вдохновенные:

Нѣтъ средства не сказать: прекрасная долина!
Прелестнѣй во сто кратъ, чѣмъ мертвая руина,
Какія сохранилъ отъ Генуезцевъ Крымъ,
Какихъ мы посмотрѣть во весь духъ скачемъ въ Римъ,
Живой натуры тронъ! Дыханіе зефира
Не стонетъ въ заперти подъ сводами порфира;
Въ свободѣ полной мысль—волшебныя мечты
Повсюду вкругъ меня рождаютъ красоты.
Безсонный чародѣй, мое воображенье,
При каждомъ шагѣ духъ приводитъ въ восхищенье.
Здѣсь Солнца западъ зрю; тамъ вижу восходъ Луны
И слышу въ далекѣ Бѣлевскіе звоны.
О родина *** моя! Москва, къ которой таю,
Котору въ жизни я подобилъ часто раю,
Которая по смерть пребудетъ мнѣ мила—
Мнѣ слышатся же твои колокола!
Природа! предъ тобою что наши милліоны?
Люблю твои дары, блажу твои законы.

* Тайный Совѣтникъ Петръ Прокофьевичъ Панкратьевъ 1802—1810 г., а надгробное слово ему помѣщено въ № 16-мъ 1810 года, стр. 316 и слѣд., съ разборомъ его В. Измайлова. О. Б.

** Авдотья Петровна Елагина. О. Б.

*** Кто родину любитъ, тотъ кстати и не кстати всегда найдетъ случай заочно вспомнить ее.

Божественны мѣста: еще побудемъ здѣсь;
Пусть врѣжутся въ умѣ лѣса, рѣка, вся весь!
Дай память вѣчну кисть, рисуйся въ ней картина,
Дай, сердце, имя ей: блаженная долина!

ГЛАВА LXXXVI.

Бѣлевъ. Козельскъ. Дачи Г. Пилисьера.

Бѣлевъ — городъ прекрасный, лучше многихъ Губернскихъ, въ томъ числѣ и Володиміра, но не по мѣстоположенію: онъ на Окѣ; а Уѣздныхъ городовъ такихъ, какъ онъ, конечно, мало. Улицы всѣ правильныя и вымощены дикимъ камнемъ, т. е., булыжникомъ. Домовъ кирпичныхъ множество, * площадь широкая и красивая. Мы его проскакали, не останавливаясь, и за нимъ попали въ пески, которые насъ утомили. Подъ Козельскомъ перѣѣзжается на паромѣ рѣка Жиздра, но ни она, ни городокъ не важны. Онъ также разбросанъ на горѣ, но не великъ и не заманчивъ съ виду. Два корпуса для Присутственныхъ Мѣстъ и каменныя порядочныя лавки: вотъ все, что въ немъ примѣтить можно! **

Въ 7 верстахъ отъ города, который принадлежитъ уже Калужской Губерніи, имѣетъ домъ свой и поселился жить Инспекторъ по лѣсной части, мнѣ очень хорошій знакомый, старикъ Г. Пилисьеръ. Будучи такъ близко, совѣстно казалось не заѣхать.

---

* Въ нынѣшнемъ Бѣлевѣ всѣхъ домовъ считается около 1300 съ 8 тысячнымъ населеніемъ. Въ немъ Уѣздное Училище, публичная Библіотека, Лѣчебница, Больница, Вдовій Домъ, еженедѣльные торги. Какъ извѣстно, въ Бѣлевѣ находится домъ, въ коемъ родился нашъ славный поэтъ, В. А. Жуковскій. О. Б.

** Козельскъ на лѣвомъ берегу Жиздры и по обѣимъ сторонамъ Драгунки или Другусны, съ 1200 душами или 8,000 жителей обоего пола, 8 церквами, 2 Училищами (Уѣзднымъ и Приходскимъ), Больницей, еженедѣльными торгами, т. п. Извѣстенъ съ XII-го столѣтія, а во время нашествія Батыя долго ему сопротивлялся, взятъ, разрушенъ, жители избиты, и прозванъ имъ злымъ городомъ. О. Б.

Мы въ городѣ лошадей не перемѣнили, но дорогою заплатили за упрямство; ибо свѣжія были готовы, а намъ, или лучше сказать, мнѣ одному, не разсудилось выпрягать старыхъ и помѣшкать минутъ пять: отъ этого мы принуждены были ити почти всю дорогу пѣшкомъ: старыя лошади стали. Досада весь день меня искушала и ни что не помогло ее разсѣять. Пришедши къ доброму Швейцаро-Русскому мореходцу, мы нашли, однако, обѣдъ еще не початымъ. И порядочно поѣли: хозяинъ предупрежденъ былъ на счетъ нашего пріѣзда и ждалъ насъ.

Помѣстье его изрядное и чрезвычайно уединенно; тѣмъ-то оно ему и нравится: о вкусахъ спорить не должно. Г. Пилисьеръ родился въ Швейцаріи, служилъ же во флотѣ, попалъ въ лѣса и жмется между горъ, около сосновыхъ рощъ. Естьли кто хочетъ имѣть понятіе о натуральной семейственной жизни, пусть завернетъ къ нему въ гости. Онъ, жена и ребенокъ — вотъ вся семья, весь домъ и вся компанія! Живучи въ самой глуши, они не скучаютъ, и онъ только тужитъ о томъ, что служба отнимаетъ у него много досуговъ. Надобно прямо изъ пріязни къ нимъ пріѣхать, чтобъ не почувствовать не только скуки, даже тоски; кажется, весь міръ отъ нихъ отрѣзанъ. Домикъ маленькой и помѣщеніе не широкое. Я весь вечеръ просидѣлъ у камина и поджигалъ дрова. Въ окошко смотрѣть любя: небо ясно, воздухъ чистъ, солнце ярко, а лишь только на дворъ, холодъ всѣмъ костямъ говоритъ: «Скоро зима! Пора къ огню, въ покои!» Бесѣда наша о чемъ бы ни началась, все сбивалась на лѣса и лѣсныя постановленія. Мы съ хозяиномъ толковали, а жены наши, какъ подъ сказки, дремали.

Для лѣсоводства или лѣсогубства заведенъ Институтъ; онъ вблизи этого помѣстья, окруженъ лѣсами для лучшихъ опытовъ въ натурѣ. Всѣ ученики изъ Дворянъ, живутъ въ казенномъ зданіи и обучаются Форшмейстерской наукѣ. По присвоенной имъ привилегіи, они, изучась въ три года, выпущаются въ Офицерскій классъ, прямо въ Форшмейстеры. Ихъ въ то время обучалось до 60-ти человѣкъ. Имъ преподаютъ Химію и Ботанику лѣсную, сверхъ того еще часть лѣснаго искуства, называемую технически Форстъ-Маненція: что она значитъ и въ чемъ состоитъ, меня

не спрашивайте. Долго слушалъ и ни чего не понялъ; да едва и изъ самыхъ теористовъ кто понимаетъ ли самъ себя, однако учители учатъ, ученики учатся и, подивитесь, выучиваются. О; глубина премудрости!

Домъ и все заведеніе этого Института стало казнѣ въ 40 тысячъ, а содержаніе училища требуетъ до 15 тысячъ. Я очень жалѣлъ, что не могъ удѣлить часа четыре на то, чтобъ посмотрѣть его; но послѣ поздняго нашего обѣда скоро смеркаться стало, а на цѣлый день лишній для этого остаться не позволялъ расчетъ времени, котораго я строго держался.

Для смѣшливыхъ отлучусь на часъ отъ дороги и разскажу нѣчто изъ лѣсной теоріи. Всѣ лѣса имѣютъ свои чувства и навыки. На примѣръ, сосна, она—дерево обходительное и любитъ сообщество себѣ подобныхъ, но не во всякомъ возрастѣ. Молодой соснякъ терпитъ густую зелень около себя: ему еще немного питательныхъ соковъ для жизни потребно; но чрезъ каждыя 5 лѣтъ, естьли хотятъ дать дереву выгодную толстоту, надобно обрыть около его маленькія деревья и вырубить, чтобъ большое доставало прямо изъ земли болѣе влаги и соковъ—это его пучитъ: оно подымается, ростетъ, дородничаетъ; черезъ десять лѣтъ надобно еще уединить его больше, и наконецъ товарищество ему такъ наскучитъ, что около его цѣлыя десятины свалить потребно. Вотъ чему обучаются ученики лѣсоводства! Они выѣзжаютъ въ рощу и примѣчаютъ, около которой сосны пора вырубить лишнюю компанію; узнаютъ, когда настоящая пора уединить ее; тогда, въ пособіе теоріи, практика тотчасъ принимается за топоръ и, оставя на сырой землѣ пеньки, совершаетъ полезный курсъ лѣсоводства. Желалъ бы я, чтобъ это была шутка, но, къ несчастію, дороговизна въ дровахъ и вообще въ лѣсѣ скоро намъ покажетъ, что Форстъ-Маненція не шутитъ.

Возвратимся къ нашему пункту. Ѣздить по деревнямъ—настоящая фантасмагорія: во всякой свой Богъ, свой обрядъ, свое занятіе. Подъ Болховымъ мы убили два вечера за картами; близъ Бѣлева читали, писали и плели стихи, какъ лапти; а около Козельска насмотрѣлись на настоящую картину сельской домашней жизни: ни картъ, ни книгъ; пять, шесть минутъ бесѣды и

часъ задумчивости у камина. Вотъ кстати гдѣ сказать: день слѣдуетъ за днемъ, но всѣ они несходны.

30-е число мнѣ хотѣлось взять въ Калугѣ—не удалось. Выѣхали въ 8-мъ часовъ утра отъ нашего добраго Генерала, который принялъ насъ съ самой доброхотной лаской и угостилъ наилучшимъ образомъ для деревни. Мы съ нимъ распрощались очень дружелюбно; онъ далъ намъ своихъ лошадей до Козельска. Тамъ, не мѣшкавши, взяли почтовыхъ и пустились обѣдать въ Перемышль. Мы эти 34 версты проѣхали отъ 9 часовъ утра до 3-хъ пополудни: нигдѣ желчь моя такъ не кипѣла во всю дорогу. Погода поправилась и стало тепло; дорога хотя песчана, но не чрезвычайно, а лошади совсѣмъ стали, и мы всячески старались возобновить ихъ силы, но природа готовила уже ихъ на живодерню. То, вышедши изъ коляски, ходили по рощамъ, то по селамъ и деревнямъ, у всѣхъ воротъ стучались, чтобъ выпросить свѣжихъ лошадей, и вездѣ отъ насъ запирали ворота на крюкъ. Коекакъ дотащились до Перемышля, гдѣ отъ хлопотъ и досады посѣтила меня моя мигрень, и я, чтобъ не усилить ее, принужденъ былъ поститься. Отъ Козельска до Перемышля дорога усыпана, такъ сказать, господскими мѣстностями и прекрасно отстроеными. Болѣе всѣхъ прочихъ глядѣть хочется на деревню Г. Кашкина. Большой каменный домъ въ три жилья; вокругъ него прекрасный садъ, бесѣдки, павильонъ, искуственные шатры, стогъ сѣна съ мночисленными круглыми окошками (oeils de boeufs) немножко не кстати: въ стогахъ окошекъ не бываетъ; но простимъ роскоши нѣкоторыя отступленія отъ натуры; впрочемъ, мнѣ не до видовъ было: я бѣсился на почтаря, на лошадей, на всѣхъ, на все; и это примѣчаніе, можетъ быть, съ сердцемъ вылетало тогда у меня на бумагу.

Перемышль—городокъ пустой, но вездѣ есть какой ни будь Засѣдатель, какъ котъ въ избѣ. Появился къ намъ тотъ, который, правилъ городомъ и очень учтиво съ нами обошелся, доставя всякія средства какъ можно скорѣе съ собою распрощаться, чего мы и добивались, чтобъ дотянуть до Калуги. Подъ Перемышлемъ переправа черезъ Оку: она тутъ не широка. * Въ сторо-

---

* Перемышль на берегу ручья, составляющаго 3 озера: Силаевское, Глубокое и

нѣ отъ Перемышля—монастырь или пустыня, такъ называемая Лютикова. ** Послѣднюю къ Калугѣ отсюда станцію мы проскакали очень шибко: путь ровный и безъ горъ; лошади попались рѣзвыя, но совсѣмъ тѣмъ отъ утренней мѣшкоты мы при лунномъ свѣтѣ въѣхали въ Губернскій городъ. Гора до моста и гора за мостомъ чрезвычайно круты, спускъ и подъемъ экипажей труденъ. Мы шли пѣшкомъ, и остановились въ домѣ стараго знакомца жены моей, члена Врачебной Управы, Г. Баумгартена. У кого лучше найти прибѣжище больному, какъ не у медика? Я тотчасъ далъ головѣ моей покой, приложилъ ее къ подушкамъ, протянулся на софѣ и благополучно уснулъ. «Извольте понѣжиться,» говаривалъ старый мой панглосъ, Кливеръ, когда я съ молоду бывало пожалуюсь нездоровьемъ: «Превосходнее лѣкарство!» Въ самомъ дѣлѣ, простой совѣтъ понѣжиться иногда дѣйствительнѣе премудренаго рецепта.

Подгорное, близъ рѣки Оки, по косогорамъ; построенъ Великимъ Княземъ Юріемъ Долгорукимъ и названъ въ память Южно-Русскаго Перемышля. Въ немъ теперь за 300 домовъ съ 3 тысячами жителей обоего пола, 6 церквей, 3 Училища (Уѣздное, Приходское и женское первоначальное), Больница, Богадѣльня, 3 ярмарки, еженедѣльные торги. О. Б.

** Во имя Св. Троицы 3-го класса мужская обитель, на правомъ берегу Оки, въ 7 верстахъ отъ Перемышля. Построенъ, по преданію, Князьями Воротынскими, а названіе дано яко бы по имени бывшаго при строеніи Надзирателемъ нѣкоего Лютика. До 1663 правили имъ Игумены, а съ того времени Архимандриты съ правомъ служить на коврѣ; въ 1704 опять Игумены, а съ 1807 Архимандриты. О. Б.

ГЛАВА LXXXVII.

Калуга.

Губернскій городъ Калуга можетъ назваться прекраснымъ. Онъ великъ и выстроенъ правильно, домовъ каменныхъ много, церквей довольно. * Соборъ строится огромный, куполъ его почитается по величинѣ своей рѣдкостью; подлѣ него отдѣлывается Архіерейской домъ и для Семинаріи пространное зданіе. Между старыми строеніями видны большіе разные домы. Для Присутственныхъ Мѣстъ длинныя стѣны безъ всякой красоты въ фасадахъ; Гостинный дворъ съ лавками Готической архитектуры, и Губернаторскій домъ, выстроенный по общему образцу, недавно аппробованному: вотъ тѣ казенныя строенія, кои стоютъ имѣть мѣсто въ описаніяхъ города; большая часть приводитъ на память вѣкъ Кречетникова. ** Подъ самымъ городомъ отведена дача для кладбища. Я рѣдко видалъ такое обширное пепелище. Видно, что Калужскіе жители, или въ тѣсной связи съ парками и часто садятся въ Харонову шлюбку, или въ самой землѣ хотятъ истлѣвать въ широкихъ гнѣздахъ: и въ этомъ есть своя роскошь у предубѣжденія.

Генералъ-Губернаторъ человѣкъ весьма уединенный, почти нелюдимъ, но уменъ и благоразуменъ (на моемъ языкѣ эти два качества разныя), дѣятеленъ, честенъ, пріятенъ въ бесѣдѣ и любитъ острую шутку. Онъ насъ очень обласкалъ, посѣтилъ въ

---

* Всѣхъ 33, Единовѣрческая 1, монастырей 2 (мужской и женской), Раскольническая молельня, за 4,000 домовъ съ 40,000 почти населеніемъ обоего пола, учебныхъ заведеній 12: мужская и женская Гимназіи, Семинарія, Уѣздныя Училища, духовное и свѣтское, 7 Приходскихъ (3 муж. и 4 жен.), разныя благотворительныя заведенія, пристань на Окѣ для судовъ и плотовъ, торги всякую недѣлю и проч. О. Б.

** Михайла Никитича, открывшаго, въ Генварѣ 1777 года, Калужское Намѣстничество и бывшаго Генералъ-Губернаторомъ 3-хъ Намѣстничествъ, Калужскаго, Тульскаго и Рязанскаго, тоже имъ открытыхъ, по 1791 годъ. О. Б.

нашей квартирѣ и доставилъ всѣ средства, какъ прожить тутъ два дни съ самымъ тихимъ удовольствіемъ, такъ и на пути нигдѣ не терпѣть остановокъ; самъ возилъ меня съ собою по городу и казалъ всѣ заведенія Приказа. Обращеніе его со мною было очень обязательно, и я былъ бы невѣжда, естьли бъ не остался ему весьма признательнымъ.

Узнавши его, естьли можно жалѣть о чемъ, такъ о томъ, что онъ не любитъ общества. Извѣстно, что болѣе или менѣе свойства перваго человѣка въ городѣ отливаются въ обществѣ. И такъ публичная жизнь въ Калугѣ скучна и единообразна; веселостей нѣтъ, ни какого даже нѣтъ редута, безъ котораго всякій Губернскій городъ и сиръ и пустъ. Гдѣ ихъ нѣтъ? Театръ былъ когда-то деревянный, но заросъ травою: онъ вдовствуетъ. Актеровъ нѣтъ, играть на немъ некому, и скоро, говорили, пойдетъ совсѣмъ въ ломку.

Богоугодныя заведенія здѣсь особенную честь приносятъ начальнику. Онъ все придумалъ, обстроилъ и поставилъ на ногу совершеннаго порядка. Они состоятъ въ слѣдующемъ: 1-е, Инвалиды, и 2-е, Безумные помѣщаются въ большомъ каменномъ зданіи. Нѣкто Хлюстинъ пожертвовалъ онымъ. Во всѣхъ покояхъ видна особенная попечительность и большое раченіе. Мало пользы растянуть огромное строеніе, поставить вездѣ колонны и щеголять фасадой, межъ тѣмъ какъ не рѣдко бѣдный старикъ, или несчастный сумасбродъ, страждутъ въ прекрасныхъ стѣнахъ безъ призора. Здѣсь совсѣмъ противное: нехороши стѣны снаружи, но прямо, въ полномъ смыслѣ слова, Богоугодное содержаніе въ нихъ. Сколько настроено дворцовъ, кои носятъ на себѣ вывѣску не призрѣнія, но презрѣнія общественнаго! При томъ Инвалидномъ домѣ маленькая церковъ внизу, въ которой много новаго вкуса. 3-е, Лазаретъ расположенъ въ старинномъ двуэтажномъ домѣ, не такъ достаточенъ во всемъ, какъ прежнія два заведенія, но, по возможности, строенія содержатся найлучшимъ образомъ, Довольно для доказательства примѣра, не изъ теоріи, а изъ опыта взятаго: въ 6 мѣсяцевъ изъ 200 больныхъ умерло только два человѣка. Я душевно пожелалъ другого Хлюстина, чтобъ и Больница въ строеніи своемъ сравнялась съ Инвалиднымъ. Хоро-

шо привлекать и пожертвованія гражданъ туда, гдѣ они такъ полезно употребляются. 4-е Сиротскій Домъ, внутри города въ маленькомъ деревянномъ домѣ; дѣтей въ немъ немного; взрослыя отсылаются въ Московскій Воспитательный Домъ, а грудные младенцы раздаются вольнымъ кормилицамъ изъ платы отъ Приказа.

Сверхъ всѣхъ сихъ заведеній найдете вы въ Калугѣ небольшой Кадетскій Корпусъ. Онъ содержится прекрасно. Въ немъ до 100 человѣкъ Калужскихъ Дворянъ воспитываются и обучаются, на казенный коштъ пользуются пищей и одеждой. Нельзя не похвалить такой основательной заботы о благѣ человѣчества. Я видѣлъ этѣхъ мальчиковъ въ собраніи, въ лѣтнемъ ихъ домѣ: они ходятъ въ мундирахъ, занимаются полевыми упражненіями, по барабану движутся и маршируютъ, какъ добрые солдаты; въ нихъ есть уже воинской духъ; на зарѣ жизни своей они прилѣпляются уже къ славѣ и достигать ея стремятся. Когда исполнится юношѣ 16 лѣтъ, его отсылаютъ въ С.-Петербургской Кадетскій Корпусъ: недавно туда отправлено 20 человѣкъ воспитанниковъ здѣшнихъ. Такое благодѣтельное училище содержится изъ капитала, въ пользу его собраннаго, разумѣется, добровольно съ Дворянъ; Государь изволилъ пожаловать 5 тыс. Каждый пансіонеръ или кадетъ стоитъ содержаніемъ своимъ до 100. Очень дешево! Но замѣтьте, что обученіе ихъ наукамъ не требуетъ ни какихъ издержекъ: они ходятъ въ классы въ общую Губернскую Гимназію.

Около этого лѣтняго дома, гдѣ лагеремъ стоятъ Кадеты, но безъ палатокъ, я видѣлъ рѣдкое мѣстоположеніе въ натурѣ: чрезвычайность его самая необыкновенная. Я съ умыслу это говорю, по тому что въ нынѣшнихъ сравненіяхъ естественныхъ видовъ такъ много чрезвычайнаго въ путешествіяхъ, что и въ нихъ надобно настоящей чрезвычайности сдѣлать изъятіе. Представьте домъ, окруженный водою, за ней роща, какъ стѣна; она выходитъ дугой около этого мѣста; въ полукружіи ея есть выемки, кои по краямъ рощи видъ дѣлаютъ завѣсовъ съ нарядными борами и подзорами; а что всего для глазъ чудеснѣе—съ конца до другого всѣ деревья, какъ будто фрунтъ солдатъ по ранжиру, вытянуты натурой по мѣрѣ своего роста. Картина, наполненная пріятности! Дай Богъ, чтобъ Козельскіе лѣсоводы не приходили сюда прак-

тиковаться въ своей Форстъ-Маненціи, а то—прощай лѣсной строй, ранжиръ вѣтвистыхъ березъ! Молодцы все повалятъ.

Прогуливаясь по городу, я завернулъ въ одинъ переулокъ, не чая ни чего найти особеннаго. Ошибся: часто нечаянность наведетъ на прекрасное. Въ углу небольшой деревянный домъ несетъ громкую надпись: «Домъ Старичковыхъ.» Кто не помнитъ этого витязя храбрыхъ Россійскихъ воевъ? * Мало ли было шуму объ немъ въ газетахъ? Патріоты, т. е., тѣ, кои гортанью это имя заработали, уцѣпились за него, какъ за штандартъ Магометовъ, прославляли его во всѣхъ листахъ и сочиненіяхъ; помнится, и на театрѣ видѣли мы Старичковыхъ. Здѣсь они: вотъ и домъ ихъ! Сюда, сюда, господа энтузіасты Старичковыхъ! О! какъ я счастливъ! Я видѣлъ въ жизни своей Одессу, Черное море, Очаковъ, Херсонъ, Николаевъ и домъ Старичковыхъ!

ГЛАВА LXXXVIII.

Еще нѣчто о Калугѣ. Малоярославецъ. Боровскъ.

Чтобъ видѣть Калугу, и не только взглянуть на нее, но и осмотрѣть совершенно, довольно одного дня. Пріязнь заставила меня провесть здѣсь день лишній противъ моего предположенія. Издавна друженъ будучи съ здѣшнимъ Архіереемъ, я не могъ ни ему, ни себѣ, отказать въ продолженіи моего пребыванія: я цѣлый день гостилъ у него и съ нимъ. Сказавши, что онъ мнѣ другъ, я отнялъ у себя средство воздать ему должную похвалу;

* Старичковъ былъ Унтеръ-Офицеръ Азовскаго пѣхотнаго полка, который во время Аустерлицкаго сраженія умѣлъ спрятать свое знамя подъ одежду, былъ отведенъ въ плѣнъ и умеръ, передавъ его, бывшему съ нимъ въ неволѣ, рядовому Бутырскаго пѣхотнаго полка Чайкѣ, для возвращенія въ полкъ, что тотъ и исполнилъ. Знамя это хранится теперь въ Петербургскомъ Арсеналѣ. Императоръ Николай I подарилъ (15 Генваря, 1848 г.) въ Чесменскую Богадѣльню картину, представляющую подвигъ Старичкова. О. Б.

можетъ быть, ее отнесутъ къ пристрастію, но не лишу себя удовольствія поговорить объ немъ.

Онъ для насъ служилъ обѣдню Сентября 1-го числа. Я увидѣлъ въ немъ образъ юнаго Платона: та же осанка, видъ, произношеніе! Онъ не тянетъ голоса на возгласахъ, онъ выговариваетъ ихъ. Лѣта его еще не глубоки, но болѣзни даютъ ему видъ старости; подагра лишаетъ его свободы порядочно ступать: онъ ходитъ съ принужденіемъ; при всемъ томъ пріятно видѣть его во храмѣ: настоящій пастырь! Онъ любимъ многими въ городѣ, и церковь, гдѣ онъ служитъ, всегда полна народу.

Не имѣя еще дому въ городѣ, Евлампій * живетъ въ Лаврентьевскомъ монастырѣ ** версты двѣ отъ города; тамъ у него храмъ не великолѣпенъ, но ризница богата; нѣсколько въ ней изрядныхъ саккосовъ, а митра есть одна съ алмазами и жемчугомъ; какъ рѣдкость, замѣтить должно панагію изумрудную съ бриліянтами, въ которую вставленъ одинъ большой камень, но не очень чистой воды. Исторія этой панагіи говоритъ, что она предмѣстникомъ его *** сдѣлана изъ ефеса, пожалованнаго Екатериною II

* Введенскій, въ мірѣ Евѳимій, сынъ Дьячка Юрьевскаго Введенскаго дѣвичьяго монастыря; воспитывался въ Троицкой Семинаріи въ 1771 г., гдѣ въ послѣдствіи былъ 1781 Учителемъ Синтаксическаго класса, 1786 Риторики и Поэзіи въ Перервинской Семинаріи, съ 1787 монахъ и тогда же возвращенъ въ Троицкую Семинарію, 1789 Пррфектъ ея, 1792 и Ректоръ, за тѣмъ съ 1795 г. Ректоръ Московской Духовной Академіи, 1801 Епископъ Архангельскій, 1809 Калужскій; умеръ 1813 года. О. Б.

** Монастырь этотъ 3-го класса, на гористомъ мѣстѣ лѣваго берега, далеко окруженный рощами. О. Б.

*** Ѳеофилактомъ Русановымъ, р. 1765 г. въ Архангельской Губерніи, учился въ Олонецкой Семинаріи и Александро-Невской Академіи, изъ коихъ въ послѣдней былъ Учителемъ Поэзіи и Реторики, 1794 монахъ и законоучитель Кадетскаго Корпуса, въ Мартѣ 1795 Архимандритъ Зеленецкаго, потомъ 1796 Сергіевой пустыни, 1798 Новогородскаго Антоніева монастыря и Членъ Синода, а съ Октября 1799 Иверскаго монастыря, въ Септябрѣ Епископъ Калужскій, 1807 на чредѣ въ Синодѣ, 1808 г., Декабря 25, Архіепископъ, 1809 Рязанскій (Марта 5), 1813 уволенъ въ свою Епархію (11 Ноября), 1817 (Мая 14) Екзархъ Грузіи, 1819 (1-го Февраля) Митрополитъ; скончался 19-го Іюня, 1821 г. и погребенъ въ Сигнахскомъ Георгіевскомъ Соборѣ. Былъ вліятельнымъ Членомъ Коммисіи Духовныхъ Училищъ; кавалеръ Св. Анны, Владимира и Александра Невскаго 1-й степени. О. Б.

въ 1774 году Генералъ-Маіору Князю П. В. Репнину. Я не распрашивалъ, какъ она сюда попала; конечно, смерть героя вселила его въ церковную ризницу: общая участь многихъ сокровищъ, кровію, или алчностію, нажитыхъ!

Архіерей живетъ хорошо и прилично своему сану. Мы у него обѣдали: онъ кормитъ сытно и поитъ умѣренно. Покои его просты, но приборны и вездѣ чисто. Пѣвчіе поютъ согласно, хоть не чрезвычайно хорошо; басъ много выражаетъ: онъ отъ души поетъ, а не по наряду, и отъ того невольно его замѣтишь. Я съ Преосвященнымъ до вечера просидѣлъ у него, а вечеръ онъ пробылъ у меня; и такъ мы съ нимъ не разставались цѣлыя сутки: бесѣда наполнила все это время. Это лучшая пища для сердца, Я не изъ тѣхъ людей, кои въ самомъ разговорѣ съ другимъ помрачаются, когда порода собесѣдника ихъ не равна ихъ происхожденію. Для меня все равно, изъ какого бы саду ни принесли, изъ богатой ли оранжереи вельможи, или изъ крестьянскаго огорода, благовонный цвѣтокъ всегда пріятенъ; цѣна его въ немъ, а не во внѣшностяхъ его: такъ и умъ, гдѣ бы онъ ни былъ природой насажденъ, а обстоятельствами образованъ, въ героѣ, или рабѣ, въ отшельникѣ, иль Царедворцѣ, почерпать отъ него познанія всегда драгоцѣнное занятіе. И такъ мы, угождая собственному своему вкусу и понятію, промѣшкали сутки въ Калугѣ: но что день для дружбы? Одна минута!

2-го Сентября въ Калугѣ великое празднество, всѣ колокола въ городѣ шумятъ; всѣ Попы съ иконами приходятъ къ Собору, и тамъ торжественное воздается Богу благодареніе за избавленіе Калуги отъ чумы; однако, въ такой близости отъ Столицы ни что не сильно было насъ еще удержать на пути, и мы рано выѣхали.

Лошади намъ попались прекрасныя, и мы прибыли очень скоро въ Малой Ярославецъ, Уѣздный городъ Калужской Губерніи, въ 60 верстахъ отъ Губернскаго. Дорога сюда славная, горъ немного, лошадей перемѣняли только одинъ разъ, въ Салѣйкинѣ. Малоярославецъ ни чего не значитъ, хотя натура снабдила его хорошимъ мѣстоположеніемъ. Отъ него до самой рѣки Лужи тянется гора со многими переломами и очень украшаетъ городъ.* Здѣсь мы обѣдали, и пріѣхали довольно рано въ Боровскъ, городъ Калужской же Губерніи; погода во весь день была теплая.

На дорогѣ замѣтить можно только деревню и въ ней большой домъ Г. Болтина. Въ Боровскѣ** мы остановились у зажиточнаго купца Большукова. Каменный большой домъ, строенъ 50 лѣтъ назадъ и въ старинномъ вкусѣ, лучшій въ городѣ и славенъ по тому, что Гг. Губернаторы всегда въ немъ останавливаются.

Подъ городомъ монастырь мужской, въ которомъ почиваютъ мощи подъ спудомъ Пафнутія, Боровскаго Чудотворца.*** Поздно было ити туда пѣшкомъ, а когда всѣ наши повозки собрались, то еще позднѣе было собираться ѣхать далѣе; и такъ мы остались тутъ ночевать. Городъ для Уѣзднаго довольно великъ, но писать объ немъ совершенно нечего, хотя онъ и не изъ новыхъ; развѣ сказать, что въ немъ для Присутственныхъ Мѣстъ выстроенъ новый корпусъ по образцу, изданному для всѣхъ, ему подобныхъ, по Уѣзднымъ городамъ въ Россіи.

---

* На правомъ берегу рѣки Лужи, при впаденіи въ нее рѣчки Ярославки, почти съ 400 домовъ и 3,000 обитателей обоего пола, 4 церквами, мужскимъ монастыремъ, 3 Училищами (Уѣзднымъ, Приходскимъ и первоначальнымъ женскимъ), Больницей, 5 ярмарками, еженедѣльными торгами и проч. т. п. При немъ и въ немъ происходило славное сраженіе 12 и 13 Октября, 1812 года, послѣ котораго Наполеонъ принужденъ былъ потянуться на разоренную уже имъ Смоленскую дорогу во время двоженія въ Москву, и сдѣсь положенъ былъ предѣлъ его завоеваніямъ и начало спасенію Россіи. О. Б.

** Расположенъ по обѣимъ берегамъ рѣки Протвы и при впаденіи въ нее рѣчки Тикижи, съ 900 домовъ и 9 тысячнымъ населеніемъ обоего пола, 8 церквами, 1 Единовѣрческой, 2 Училищами (Уѣзднымъ и Приходскимъ), Больницей, 4 ярмарками, еженедѣльными торгами. Извѣстно, что Боровскъ былъ нѣкогда удѣльнымъ Княженіемъ меньшихъ дѣтей Московскаго Великаго Князя. По нему Калужскій Епископъ пишется и Боровскимъ. О. Б.

*** Первокласный, на устьѣ рѣчки Истремы, впадающей въ Протву, въ 3-хъ верстахъ отъ города; основанъ въ 1444 г. Пафнутіемъ, скончавшимся въ 1479; съ начала правили имъ Игумены, а со времени Св. Синода—Архимандриты. Въ немъ погребенны многіе изъ Князей Оболенскихъ, Щербатовыхъ, Лыковыхъ и Репниныхъ. О. Б.

ГЛАВА LXXXIX.

Послѣдняя.

По разстоянію мѣста для добрыхъ коней, для нетерпѣливыхъ ѣздоковъ, отъ Боровска до Москвы—нѣсколько часовъ ѣзды. Карета наша съ своими сѣдоками взяла у насъ полсутокъ переду, отправясь въ ночи, но, не смотря на всѣ предварительныя средства, принятыя къ тому нами, чтобъ вездѣ имѣть лошадей и летѣть въ Москву во весь духъ, убили мы цѣлый день до вечера въ дорогѣ. Чѣмъ ближе къ Москвѣ подъѣзжаешь, тѣмъ болѣе готовишься къ терпѣнію разныхъ искушеній и досадъ. Почта окружила столицу затрудненіями для поспѣшающихъ въ ея каменныя ограды. Начинаются на каждой станціи натяжки, сдѣлки, насилія и разныя безпокойства: ямщикъ знаетъ, что всякому хочется скорѣе доѣхать, и прижимаетъ изъ всѣхъ силъ проѣзжихъ; почталіонъ, или Смотритель на станціи, тотъ же Воевода въ городѣ, дѣлаетъ, что хочетъ: даетъ лошадей, или не даетъ, впрягаетъ и выпрягаетъ по своему произволу, и на него нѣтъ ни суда, ни аппеляціи. Отъ такихъ хлопотъ однѣ деньги оборонить могутъ: зазвени кошелькомъ—и всѣ ямщики становятся услужливы. Принужденъ былъ и я, за двѣ станціи отъ Москвы, сорить послѣдніи свои пѣнязи, лишь бы поскорѣй ѣхать и увидѣть небо моей родины.

Не знаю, можно ли что ни будь примѣтить по пути отъ Боровска въ Москву и сохранить въ запискахъ дорожныхъ. Я такъ былъ занятъ Москвою и моимъ возвращеніемъ домой, что ни чего около себя не видалъ такого, чтобъ отъ нея отвлекло мое вниманіе на минуту. Съ Калужской дороги своротили мы на Можайскую, чтобъ въѣхать въ городъ ближайшей заставой къ нашему дому подъ Дѣвичьимъ, и передъ вечеромъ проѣхали мы село Волынское, принадлежавшее нѣкогда отцу моему: * отсюда видна уже Москва. Я выскочилъ изъ коляски, и всею дачею Во-

* Село владѣльческое, при рѣчкѣ Сетуни, въ $9^1/_2$ верстахъ отъ Москвы, съ 22 дворами и 35 душами обоего пола и церковью. О. Б.

лынскаго прошелъ пѣшкомъ. Тутъ же пришли мнѣ на мысль живѣе, чѣмъ гдѣ ни будь, ребяческіе мои годы; увидѣлъ, спустясь съ горы, въ правую сторону, старую аллею, усаженную липами, въ которой такъ часто съ мамой своей я хаживалъ гулять и въ перелѣскахъ грибы бралъ. Цѣлъ еще тотъ храмъ, въ которомъ мы приносили Богу по праздникамъ дѣтскія наши молитвы. Не тотъ уже ветхій домъ, которой былъ при насъ: гораздо огромнѣе и великолѣпнѣе выстроенъ новый съ колоннами; но та же подъ нимъ гора, тѣ же уступы, съ которыхъ мы падали нерѣдко и приносили на лбу живые знаки нашей рѣзвости. Въ лѣвой сторонѣ Давыдково, * деревня, гдѣ живали наши кормилицы и заманивали насъ въ избы свои поѣсть ягодъ съ молокомъ въ ясную погоду. Вотъ и мостъ, съ котораго я удочкой ловить любилъ рыбу и гдѣ осторожный дядька назиралъ всякое мое движеніе, чтобъ я не упалъ въ воду! Вотъ и Сетунь—рѣка, воспоившая меня въ первые годы моей жизни. Она также свѣтла, быстра, прозрачна, но она уже не моя, струи ея принадлежатъ другому, а мнѣ въ удѣлъ досталось только то, чего ни чьи предки продать не могутъ—пріятное воображеніе о прошедшемъ и пристрастіе къ мѣсту: оно тутъ, тутъ, въ глубинѣ моего сердца, и ни кто его у меня по купчей никогда не отниметъ. За рѣкой была при насъ прекрасная роща, называемая Борокъ. Когда мы пріѣзжали изъ Москвы въ Волынское на все лѣто и появлялись въ немъ наши кареты и линѣйки, залпы пушечныхъ выстрѣловъ изъ села во всю рощу раздавали свои отголоски. То было тогда, но теперь я шелъ между пеньковъ: они свидѣтельствуютъ одни, что тутъ нѣкогда была роща, которую нынѣшніе владѣльцы изъ прибытка вырубили совершенно.

На сихъ развалинахъ я позволилъ себѣ быть на минуту малодушнымъ: взглянулъ назадъ на село, окинулъ взоромъ весь свой горизонтъ, собралъ всѣ напоминанія въ одну точку, точно такъ, какъ въ зажигательное стекло собираются всѣ лучи солнца; они жгутъ подверженный предметъ огнемъ физическимъ; такъ

* Деревня владѣльческая при рѣкѣ же Сетуни, въ 9 верстахъ отъ Москвы, съ 36 дворами и 250 душами обоего пола. О. Б.

и душа моя загорѣлась своимъ пламенемъ, и на зеркалѣ ея потекли слезы. Такъ, я не стыжусь признаться, что я заплакалъ; я дерзну сказать болѣе: съ этѣмъ лоскуткомъ земли бѣдный, но всегда честный, родитель мой терялъ послѣднюю свою собственность и домъ, который нѣкогда считалъ за собою тысячи душъ, отъ воли котораго зависѣло, не весьма давно, пріобрѣтать безчисленное въ Россіи, приведенъ былъ не виною, но бѣдствіями, лишиться послѣдняго своего имущества. О patria, patria! И твой ли дымъ мнѣ будетъ сладокъ? Осуждайте суету мою, философы, но да избавитъ васъ Богъ отъ пагубной необходимости думать и чувствовать по моему въ настоящемъ случаѣ! Чувствительный человѣкъ извинитъ мой жаръ и пожалѣетъ обо мнѣ.

Сѣвши въ коляску, я не помню почти, какъ я доѣхалъ до Поклонной Горы, и еще терялся въ глубокомъ размышленіи, какъ милая жена моя, дѣлившая во все это время мою грусть со мною, чтобъ разсѣять ее, закричала: «Другъ мой! Москва!» Я проснулся, какъ отъ сна, взвидѣлъ Ивановскую колокольню и, по чувству непостижимой любви къ родинѣ, сердце мое затрепетало. «Москва! Москва!» вскричалъ я съ нею и, не смигая съ нея, до Заставы ѣхалъ стоя. Ужь солнце кидало послѣдніе лучи свои на нашу земли поверхность. Дѣти наши ожидали насъ въ Дорогомиловой слободѣ: они бросились къ намъ на шею, и мы, отлучавшіеся отъ нихъ не надолго, но далеко, прижимали ихъ къ нашему сердцу. Ахъ! какъ оно бьется, когда оно довольно! Тутъ же получилъ я письмо изъ Володиміра, и одно чувство радости ощущая внезапно за другимъ, я вдругъ очутился на прагѣ родительскаго дома, въ дрожащихъ объятіяхъ престарѣлой моей матери. Тутъ, воздавъ хвалу Богу, совершающему всѣ начинанія наши, я нашелъ въ эту блаженую минуту невидимый рай въ видимомъ мирѣ.

Все, Боже, отъ тебя,
И все по благости твоей!

ДОПОЛНЕНІЕ.

Къ стр. 274—277, примѣч. Говоря тутъ, въ примѣчаніи (стр. 276), о надворотной иконѣ Смоленской Божіей Матери, я сообщилъ свѣдѣнія о ней по тѣмъ источникамъ, которые были у меня подъ рукою, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратился за ними и къ извѣстному нашему военному писателю, И. П. Липранди, какъ участнику въ нашемъ славномъ прошедшемъ 12-го и слѣдующихъ годовъ. Но свѣдѣнія его не поспѣли, по краткости времени, къ отпечатанію упомянутаго примѣчанія, и я ихъ, по ихъ важности, сообщаю при семъ. На вопросъ мой: «Присягали ль Русскіе, какъ ходятъ слухи, передъ Смоленской иконой Божіей Матери на канунѣ Бородинскаго побоища?» И. П. отвѣчаетъ:

«Ни какихъ присягъ предъ иконой Смоленской Божіей Матери, на канунѣ Бородинской битвы, дѣлаемо не было. Князь Кутузовъ приказалъ поднять ее и обойти полки. Для приданія болѣе торжественности, собраны были полковые Священники съ хоругвями и другими принадлежностями. * Князь, окруженный Штабомъ, въ числѣ котораго находились тутъ: Принцъ Александръ Виртембергскій, Бенигсенъ, Графъ И. И. Марковъ, а равно и нѣкоторые начальники отдѣльныхъ частей: Платовъ, Милорадовичъ и

---

* Св. икона на Смоленскомъ предмѣстьѣ поставлена была на запасной лафетъ батарейной роты (№ 1) Полковника Глухова, корпуса Н. А. Тучкова 1-го, и такъ совершила весь походъ; здѣсь было и два Священника съ причтомъ, сопровождавшихъ ее. Можетъ быть, когда-либо кто изъ усердія и служилъ ей на походѣ молебны, не знаю; ибо я былъ въ корпусѣ Дохтурова; но знаю навѣрное, что А. П. Ермоловъ первый подалъ мысль поставить ее на лафетъ, для сопутствованія арміи.

др., были ли они призваны, или случились при Князѣ, не знаю. Главнокомандующіе же 1-й и 2-й арміями, корпусные, дивизіонные и другіе начальники, встрѣчали Св. икону при своихъ частяхъ и присоединялись къ процессіи, нѣкоторые слѣдовали и далѣе расположенія своихъ частей, увеличивая такимъ образомъ кортежъ.

Фельдмаршалъ прослѣдовалъ около половины всего протяженія, само собою разумѣется, съ открытыми головами. Каждый полкъ преклонялъ колѣна, когда Св. икона приближалась къ оному. Въ промежуткахъ двухъ полковъ процессія останавливалась и совершала краткія молебствія, какъ это бываетъ во всѣхъ крестныхъ ходахъ. Особенность была только въ томъ, что обстоятельства выходили изъ круга обыкновенныхъ случаевъ. Здѣсь каждый мыслено стоялъ на своей могилѣ.»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Предисловіе		I.
ГЛАВА I.	Выѣздъ изъ Москвы	1
II.	Серпуховъ	4
III.	Тула. Оружейный заводъ	6
IV.	Разныя заведенія въ Тулѣ	11
V.	Ночлегъ на дорогѣ. Мценскъ	16
VI.	Выѣздъ изъ Мценска. Проѣздъ чрезъ Орелъ. Ночлегъ того дня	20
VII.	Поворотъ на ярмарку. Ночлегъ въ каретѣ	24
VIII.	Ярмарка	27
IX.	Курскъ	33
X.	Бѣлгородъ	38
XI.	Харьковъ	45
XII.	Продолженіе	48
XIII.	Выѣздъ изъ Харькова. Валки	56
XIV.	Окрестности Полтавы. Земляное строеніе	59
XV.	Полтава	62
XVI.	Монументъ	68
XVII.	Полтавское торжество	71
XVIII.	Богоугодныя заведенія	80
XIX.	Забавы и увеселія	85
XX.	Путь до Кременчуга. Балъ въ клубѣ	88
XXI.	Описаніе Кременчуга	93
XXII.	Дворцовый садъ. Театръ	95
XXIII.	Путь до Елисаветы	98
XXIV.	Елисаветградъ	102

		Стр.
XXV.	Николаевская степь. Громоклея	105
XXVI.	Пріѣздъ въ Николаевъ	108
XXVII.	Николаевъ	111
XXVIII.	Верфь. Депо. Штурманская школа	114
XXIX.	Кладбище Спаское	118
XXX.	Имѣніе Графа Безбородька	121
XXXI.	Очаковъ	125
XXXII.	Пріѣздъ въ Одессу	129
XXXIII.	Одесса. Пріѣздъ въ нее. Положеніе мѣста	133
XXXIV.	Городъ вообще. Строеніе. Улицы	136
XXXV.	Торговля. Гавань. Магазины. Лавки	140
XXXVI.	Храмы Греческіе и Иновѣрные	144
XXXVII.	Правительства военное и гражданское	147
XXXVIII.	Богоугодныя и полезныя заведенія	150
XXXIX.	Общественныя увеселенія	152
XL.	Колоніи	155
XLI.	Мои знакомства	160
XLII.	Публичная жизнь въ Одессѣ	163
XLIII.	Прогулка на морѣ въ шлюбкѣ	166
XLIV.	Нечаянное безпокойство	171
XLV.	Отъѣздъ изъ Одессы	173
XLVI.	Ночлегъ въ Анчекракѣ	176
XLVII.	Балъ на берегахъ Буга	180
XLVIII.	Описаніе Богоявленскаго	185
XLIX.	Потемкинъ	189
L.	Херсонъ	194
LI.	Отъѣздъ изъ Николаева	199
LII.	Ночлегъ у Госпожи Лореновой. Путь до Новоміргорода и пріѣздъ туда	203
LIII.	Новоміргородъ и Златополь	206
LIV.	Путь до Звенигородки	209
LV.	Дорога до Умани	213
LVI.	Умань и разные въ ней предметы	215
LVII.	О Жидахъ вообще, ихъ промыслѣ и Богослуженіи	217
LVIII.	О семействѣ нашего хозяина	221
LIX.	Предисловіе къ описанію Софіевки	224
LX.	Отъѣздъ изъ Умани. Продолженіе пути	234

LXI.	Пріѣздъ и пребываніе мое у зятя	237
LXII.	Мѣстоположеніе. Сосѣдство. Здѣшнее хозяйство	241
LXIII.	Каневъ. Монастырь	243
LXIV.	Балъ у зятя, прощанье и отъѣздъ	247
LXV.	Пиръ у Казаринова. Отъѣздъ и путь до Кіева	250
LXVI.	О Княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой	254
LXVII.	Общій взглядъ на Кіевъ	259
LXVIII.	Кіево-Печерская Лавра	263
LXIX.	Пещеры	268
LXX.	Михайловскій монастырь. Софійской соборъ. Леванда	273
LXXI.	Разные духовные предметы	281
LXXII.	Фроловскій монастырь	285
LXXIII.	Интересная сумасбродка	287
LXXIV.	Академія	289
LXXV.	Гражданскія строенія и зданія	291
LXXVI.	Успеньевъ день	294
LXXVII.	Общія увеселенія города. Жизнь Кіева при насъ	298
LXXVIII.	Отъѣздъ изъ Кіева. Козелецъ	302
LXXIX.	Нѣжинъ	306
LXXX.	Батуринъ. Гробъ Графа Разумовскаго	313
LXXXI.	Обѣдня въ Батуринѣ. Дорога до Сѣвска	317
LXXXII.	Сѣвскъ	322
LXXXIII.	Дмитріевскъ. Домъ Безбородька. Кромы	325
LXXXIV.	Орелъ и Болховъ. Деревня Княгини Урусовой	329
LXXXV.	Двое сутки у сестры. Пріѣздъ и пребываніе въ Бѣлевѣ	332
LXXXVI.	Бѣлевъ. Козельскъ. Дачи Г. Пилксьера	336
LXXXVII.	Калуга	341
LXXXVIII.	Еще нѣчто о Калугѣ. Малоярославецъ. Боровскъ	344
LXXXIX.	Послѣдняя	349